Исторический архив

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

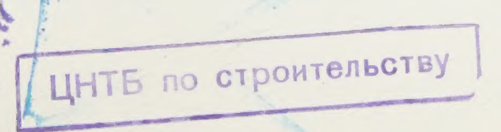

МАЙ — ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1956

Издается с участием

ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС
и
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОЧИН ТАМБОВСКИХ КОЛХОЗНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(1942—1943 гг.)

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии всколыхнула все народы СССР и подняла их на борьбу против гитлеровских захватчиков. «Все для фронта, все для победы!» — стало в те дни лозунгом советского народа, тесно сплотившегося вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Колхозное крестьянство, как и все трудящиеся СССР, оказывало всемерную помощь Красной Армии в ее героической борьбе с захватчиками. На колхозы и совхозы легла ответственнейшая задача обеспечить продовольствием население и Красную Армию.

Основная тяжесть работ в сельском хозяйстве выпала на долю женщин-колхозниц, которым пришлось заменить ушедших на фронт мужчин и овладеть мужскими профессиями. Показывая замечательные образцы работы, женщины-колхозницы в два-три раза перевыполняли нормы выработки. Проявляли исключительную самоотверженность в труде молодежь и старики. Под руководством Коммунистической партии по всей стране широко развернулось социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение производственных планов. Публикуемые документы помогают осветить историю возникновения и развития патриотического движения тамбовских колхозников, превратившегося во всенародное движение по сбору средств на вооружение Красной Армии.

Тамбовские колхозники приняли на себя социалистические обязательства по расширению посевных площадей, повышению урожайности и увеличению продукции животноводства и выполнили их с честью. Несмотря на трудности войны, они сдали государству осенью 1942 г. сельскохозяйственную продукцию с большим превышением плана. В этом же году тамбовские колхозники отправили на фронт героическим защитникам Родины более 100 вагонов продовольственных подарков.

7 ноября 1942 г. на общем собрании членов сельхозартели «Красный доброволец» Избердеевского района, посвященном 25-й годовщине Октября, возникла патриотическая мысль организовать сбор средств из личных сбережений на постройку танковой колонны «Тамбовский колхозник». Тут же на собрании колхозники постановили внести 40 тыс. руб. (см. док. № 1). Эта ценная инициатива была поддержана членами 125 колхозов Избердеевского района, и от их лица было принято обращение ко всем кол-

хозникам и колхозницам Тамбовской области о сборе средств на танковую колонну [1].

Патриотический почин избердеевцев был дружно подхвачен во всех районах области. Прямо на собраниях проходил сбор средств по подписным листам и тут же вносились наличные деньги. По Токаревскому району сумма подписки уже 12 ноября достигла 1 800 тыс. руб., из них 1 500 тыс. руб. были внесены наличными; по Бондарскому району на 17 ноября поступило наличными 3 млн. руб., по Избердеевскому району на 30 ноября — свыше 3 млн. руб. и т. д. [2] Все районы области широко развернули подписку по сбору средств на постройку танковой колонны «Тамбовский колхозник» и подписались на 43 млн. руб. В короткий срок, к 9 декабря 1942 г., в отделения Госбанка области поступило уже 40 млн. руб. [3].

Фронтовики живо откликнулись на благородный почин тамбовских колхозников. Группы бойцов, командиров и целые воинские части присылали письма из действующей армии в колхоз «Красный доброволец», колхозникам Избердеевского района и всем колхозникам Тамбовской области, писали корреспонденции в редакции районных газет и областной газеты «Тамбовская правда». Много писем поступало от фронтовиков-тамбовчан и особенно от танкистов. Бойцы и командиры писали, что почин тамбовских колхозников воодушевляет их на новые ратные подвиги и придает им еще больше сил и энергии для разгрома фашистских захватчиков (см. док. №№ 6—8, 12, 13).

15 декабря 1942 г. делегация колхозников и колхозниц Тамбовской области передала в Н-скую часть мощную колонну танков «Тамбовский колхозник». Встреча делегации с танкистами вылилась в яркую демонстрацию монолитного единства советского тыла и фронта, народа и армии. В обращении к танкистам делегаты заявляли: «Боевые машины, которые поступают к вам на вооружение, созданы нашей любовью к Родине, нашей ненавистью к врагу, нашей волей к победе» [4].

В этот знаменательный день у членов делегации зародилось новое патриотическое начинание — собрать из личных запасов колхозников в фонд Красной Армии 300 тыс. пуд. зерна и внести к 25-й годовщине Красной Армии средства на строительство 25 авиаэскадрилий «Тамбовский колхозник». В обращении делегатов ко всем тамбовским колхозникам и колхозницам говорилось: «Пусть боевые эскадрильи самолетов „Тамбовский колхозник" прикрывают в боях за Родину с воздуха нашу танковую колонну „Тамбовский колхозник" и несут смерть немецким захватчикам!» [5].

Тамбовские колхозники широко откликнулись на этот призыв. К 1 января 1943 г. они собрали на строительство боевых самолетов 41 500 тыс. руб. и в фонд Красной Армии 214 тыс. пуд. хлеба, а также картофель, овощи, мясо, овчины и шерсть. Трудящиеся городов области собрали более миллиона рублей на строительство бронепоездов «Тамбовец», а медицинские работники — более миллиона рублей на санитарные самолеты.

27 февраля 1943 г. делегация колхозников прибыла на фронт для передачи в Н-скую часть построенных на личные средства колхозников авиаэскадрилий и вручения доблестным летчикам колхозных подарков. В обращении колхозников к экипажам самолетов говорилось: «Помните, что с вами весь советский народ! Пусть горячая всенародная любовь умножает ваши силы, окрыляет вас на боевые подвиги!» [6] Командир части майор

[1] См. «Тамбовская правда», № 267, 12 ноября 1942 г.
[2] См. там же, №№ 268 и 272, 13 и 18 ноября 1942 г.; ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 33.
[3] См. там же, № 290, 10 декабря 1942 г.
[4] Там же, № 295, 16 декабря 1942 г.
[5] Там же.
[6] Там же, № 49, 28 февраля 1943 г.

Кравцов на этом митинге от всего личного состава приветствовал в лице делегатов всех тамбовских колхозников и колхозниц и заверил их в том, что летчики в боях за Родину не пожалеют ни своей крови, ни жизни.

Получив танки, а затем и самолеты «Тамбовский колхозник» и громя этой грозной техникой фашистских захватчиков, группы бойцов и командиров, а также командование воинских частей писали с фронта колхозникам Тамбовской области о своих боевых делах.

Военный совет Н-ской гвардейской армии в своем письме тамбовским колхозникам, выражая сердечную благодарность за их благородный почин, писал: «Мы рады сообщить вам, что танки с огненно-красными словами „Тамбовский колхозник" на башнях уже успели внести в золотой фонд наших побед немалую долю воинской доблести и отваги, ломая отчаянное сопротивление врага, истребляя его живую силу и технику» [1].

Тамбовские колхозники получали письма и от летчиков, разивших врага на боевых самолетах, построенных на личные средства сельских патриотов. Летчики писали, что наказ колхозников беспощадно громить гитлеровцев они выполняют с честью, что краснокрылые самолеты «Тамбовский колхозник» построены прочно, надежны в воздухе и находятся в крепких и умелых руках летчиков-гвардейцев.

В публикацию включены записи рассказов колхозников — инициаторов патриотического движения об их личном участии в сборе средств на оснащение Красной Армии боевой техникой (см. док. №№ 14—20). Эти документы написаны по просьбе работников Госархива Тамбовской области в связи с подготовкой ими в 1943 г. сборника документов «Патриотический почин тамбовских колхозников» [2]. Это большей частью волнующие рассказы отцов и матерей, пославших на защиту Отечества своих сынов. Родители славных фронтовиков, патриоты своего социалистического Отечества, они самоотверженно трудились на колхозных полях, несмотря на преклонный возраст, и отдавали все силы для общего дела, для скорейшего разгрома ненавистного врага. Благородный почин тамбовских колхозников был подхвачен всеми советскими людьми; трудящиеся СССР внесли в фонд Красной Армии из своих личных сбережений более 16 миллиардов рублей [3], много продовольствия и ценностей.

Публикуемые документы хранятся в фондах Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) и публикуются впервые.

Н. Н. Сахаров

№ 1

Постановление общего собрания членов колхоза «Красный доброволец», Крутовского сельсовета, Избердеевского района о сборе средств на постройку танковой колонны

7 ноября 1942 г.

Заслушав и прорабатывая доклад товарища Сталина на торжественном заседании 6 ноября и приказ 7 ноября 1942 года, для скорейшего разгрома и победы над врагом — гитлеровским фашизмом мы, колхозники колхоза «Красный доброволец», вносим на построение танковой колонны «Тамбов-

---

[1] «Тамбовская правда», № 55, 9 марта 1943 г.

[2] Сборник до настоящего времени не издан.

[3] См. Е. И. Солдатенко. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Госполитиздат, 1954, стр. 190.

ский колхозник» 40 000 рублей. Сбор средств произвести в течение трех дней. С призывом о построении танковой колонны и сборе средств обратиться к колхозникам и колхозницам Избердеевского района.

Председатель собрания В. Мананников
Члены президиума: Тетерева, Мананникова Е.
Секретарь Яковлев

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 1.— Подлинник.

№ 2

Протокол общего собрания членов колхоза имени Кирова, Бондарского района

9 ноября 1942 г.

Повестка дня: 1. О построении танковой колонны «Тамбовский колхозник».

Слушали: Выступления колхозников Дудина Якова Зиновьевича, который сказал: «Мой сын громит на фронте немецкий фашизм. Я вношу 4000 рублей денег на построение танковой колонны „Тамбовский колхозник", и, если потребуется, несмотря на мои преклонные лета, пойду вместе громить немецкий фашизм и призываю всех колхозников следовать моему примеру».

Тоже выступил старик-колхозник Денисов Андрей Иванович, 70 лет, который тоже вносит свои средства на построение танковой колонны 2000 рублей и на эскадрильи самолетов — 350.

Ануфриева Мария Алексеевна вносит на танковую колонну 2000 рублей и на эскадрильи самолетов — 350 рублей.

Постановили: Выступления товарищей о построении танковой колонны одобрить.

Наряду с этим мы, колхозники, обязуемся следовать примеру по выступлениям Дудина Я. З., Денисова А. И. и Ануфриевой М. А. и вносим каждый не менее чем по 2000 руб. с каждого колхозного двора, тем самым будем участниками в разгроме немецкой орды и будем ждать скорейшей победы над врагом.

ГАТО, Коллекция, д. 1, л. 2.— Подлинник.

№ 3

Постановление общего собрания членов колхоза «Путь», Уметского района

10 ноября 1942 г.

Чтобы еще более укрепить мощь Красной Армии танками, самолетами, пушками и пулеметами, собрать на построение танков и самолетов денежные средства путем подписки на это дело среди колхозников нашего колхоза и чтобы каждый из нас подписался не менее 1000 рублей.

Для проведения подписки избрать комиссию из трех человек, следующих лиц: Шинкевича Ильи Платоновича, Бабочкина Глеба Никифоровича и Ильменова Ивана Яковлевича. Работу начать сейчас же, с настоящего собрания.

ГАТО, Колекция, д. 14, л. 1.— Копия.

№ 4

Протокол общего собрания членов колхоза имени Калинина, Жердевского района

18 ноября 1942 г.

Повестка дня: Обращение колхозников Избердеевского района о сборе денег на построение танковой колонны «Тамбовский колхозник».

В прениях выступил председатель колхоза Тимошенков М. В., который указал, что «у меня на фронте находится четыре сына, которые защищают Родину, Советскую страну, а я, отец четырех сыновей, которые находятся в рядах Красной Армии, буду в тылу своим упорным трудом и трудовым рублем помогать Красной Армии громить врага. На построение танковой колонны вношу пять тысяч рублей».

Примеру председателя колхоза последовали и остальные колхозники: Коротков Ив. Мих., тоже имеет четырех сыновей в Красной Армии, подписался на 2000 рублей; Кузнецов Ив. Пав. имеет двух сыновей и дочку в Красной Армии, подписался на 2000 рублей; Кузнецов Ник. Ив. как инвалид Отечественной войны подписался на 3000 рублей; бригадир колхоза Быков Никита Павл. подписался на 2000 рублей, который имеет от роду 61 год; Ненашев Н. А. имеет преклонный возраст, подписался на 2000 рублей, и ряд других колхозников последовали примеру т. Тимошенкова М. В.

Всего подписались на этом собрании на 33 000 рублей.

Постановили: Обращение колхозников Избердеевского района о внесении средств на построение танковой колонны одобрить.

На данном собрании изъявили желание о внесении средств на построение танковой колонны в сумме 33 000 рублей принять к сведению и последовать примеру остальным товарищам. Для подписки дальнейшей избрать комиссию из трех человек: Быкова И. П., Смирнову А. Н. и Жабину П. Е.

Председатель Быков
Члены президиума Смирнова, Жабина

ГАТО, Коллекция, д. 2, лл. 11—12.— Копия.

№ 5

Протокол общего собрания членов колхоза «Красный пахарь», Бондарского района

20 ноября 1942 г.

Повестка дня: 1. О построении танковой колонны «Тамбовский колхозник».

Слушали: По первому вопросу председателя сельсовета т. Павлова, который призвал колхозников к построению танковой колонны «Тамбовский колхозник», который отметил о роли танков на фронте в дни Отечественной войны.

После выступления Павлова выступил член колхоза т. Говердовский Антон Иванович. Он сказал, что тыл должен помогать фронту. «Я первый вношу (несмотря на преклонные лета, на своем иждивении имею трех сирот), даю на построение танковой колонны 1500 рублей и вызываю на соцсоревнование Эктова Василия Гавриловича»,— который вызов принял и внес 1500 рублей. Итак подпиской были охвачены 100%.

ГАТО, Коллекция, д. 1, л. 7.— Подлинник.

№ 6

Из письма бойцов и командиров части № 772 колхозникам и колхозницам Избердеевского района

13 декабря 1942 г.

Фронтовой привет, дорогие земляки!

Прочитав сообщение о взносе денег на постройку танковой колонны «Тамбовский колхозник», инициаторами чего являетесь вы, мои земляки-избердеевцы, мы, бойцы и командиры части 772, воодушевленные этим замечательным движением, от всей души приветствуем вас и шлем вам свой боевой фронтовой привет.

Ваш вклад в дело укрепления мощи нашей армии продемонстрировал всему миру крепкую, нерушимую связь тыла с фронтом, заботу нашего тыла о своей Красной Армии.

...По поручению собрания бойцов и командиров части 772

капитан Андросов

1709 полевая почта.

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 68.— Подлинник.

№ 7

Письмо танкистов, принявших боевые машины «Тамбовский колхозник», колхозникам и колхозницам Тамбовской области

16 декабря 1942 г.

Дорогие товарищи колхозники и колхозницы!

Получая танки, построенные на собранные вами средства, мы, танкисты части командиров товарищей генерал-майора танковых войск Попова и гвардии полковника Бубнова, выражаем свое боевое красноармейское спасибо и заверяем, что будем, не зная страха, биться с ненавистным и лютым врагом до полного его уничтожения.

Ваш патриотический почин, товарищи тамбовцы, найдет живой отзвук в сердцах многомиллионного колхозного крестьянства Советского Союза.

Создавая танковые колонны, построенные на средства колхозников, мы приближаем желанный час нашей победы над дикими ордами гитлеровских разбойников.

Да здравствует советский патриотизм!

Смерть немецким оккупантам!

Начальник Сталинградского учебного авто-броне-танкового центра
генерал-майор танковых войск Федленко
Заместитель начальника по политчасти полковой комиссар Рудаков

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 20.— Подлинник.

Делегаты колхозников и колхозниц Тамбовской области вручают подарки личному составу Н-ской авиационной части в день передачи ей авиаэскадрилий «Тамбовский колхозник». 27 февраля 1943 г.

Госархив Тамбовской области.

Авиаэскадрильи «Тамбовский колхозник», подготовленные к передаче Красной Армии. Февраль 1943 г.

Госархив Тамбовской области.

№ 8

Письмо бойцов и командиров части № 357 членам колхоза «Красный доброволец», Крутовского сельсовета, Избердеевского района

16 декабря 1942 г.

Дорогие колхозники и колхозницы колхоза «Красный доброволец»!

Бойцы и командиры нашей части шлют вам пламенный привет и наше искреннее красноармейское спасибо за ваш патриотический почин по сбору средств на постройку танковой колонны «Тамбовский колхозник».

Ваш героический труд в тылу неразрывно связан с борьбой Красной Армии с немецко-фашистскими бандитами за свободу наших людей, за счастье и светлое будущее нашей Родины. Своим сбором средств на танковую колонну «Тамбовский колхозник» вы укрепляете мощь армии, вы воодушевляете наших воинов на самоотверженную борьбу с проклятым врагом человечества.

Бойцы нашей части гордятся вами, дорогие товарищи, и верят, что наш тыл сделает все необходимое для скорейшей победы над врагом.

Ваша танковая колонна «Тамбовский колхозник» явится в руках наших доблестных танкистов грозным оружием в борьбе с врагом.

О вашем благородном, патриотическом почине с радостью и гордостью узнает вся наша страна. Приветствие и благодарность вам от товарища Сталина вызывает чувство патриотической инициативы среди всех колхозников нашей страны. Эта инициатива является ярким свидетельством боевого единства тыла и фронта в Отечественной войне.

Дорогие товарищи, мы гордимся вами и со своей стороны заверяем вас, что сделаем все, чтобы приблизить победу над заклятым врагом, изгнать его из нашей священной земли и дать возможность нашему народу жить зажиточно и радостно в нашей свободной стране.

С красноармейским приветом, по поручению бойцов:

Подполковник Кудряшов, майор Горьков, капитан Бабанов
Красноармейцы Кочкин, Гаврилов, Симонов, Мукаев

127 полевая почта.

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 67.— Подлинник.

№ 9

Протокол общего собрания членов колхоза «Красный пахарь», Кирсановского района

19 декабря 1942 г.

Повестка дня:

1. Обсуждение обращения делегатов Тамбовской области по вручению Красной Армии танковой колонны «Тамбовский колхозник».

2. Разное.

Слушали: Обращение делегатов тамбовских колхозников и колхозниц.

Докладчик т. Павленко в своем выступлении указал на огромную политическую роль колхозного крестьянства нашей области в деле обороноспособности и сбора средств на постройку танковой колонны «Тамбовский колхозник». Наши колхозники и колхозницы должны еще больше усилить свою работу в тылу, а также усилить сбор средств для Красной

Армии, усилить сдачу хлеба из личных средств колхозников, для быстрейшего разгрома врага. Колхозники и колхозницы [колхоза] «Красный пахарь» должны с честью выполнить свои обязательства, поддержав обращение делегатов Тамбовской области по сдаче хлеба и денежных средств из личного пользования в фонд Красной Армии.

Вопросов [к] т. Павленко нет.

Выступает по обращению и докладу товарища Павленко товарищ Насонов и предлагает поддержать обращение и отчислить в фонд Красной Армии по 200 гр. муки и по 1 рублю с трудодня. «Я вношу 12 пудов муки и 5 тысяч рублей и призываю вас последовать [моему] примеру».

Выступает товарищ Ермаков и заявляет, что он отчисляет 9 пудов муки и 2000 рублей и просит последовать [его] примеру.

Товарищ Алпатов выступает и предлагает обсудить вопрос об отчислении средств и хлеба в фонд Красной Армии.

Выступает товарищ Дмитров и поддерживает обращение делегатов; он вносит в фонд Красной Армии 5 пудов муки и 1000 рублей денег.

Выступает товарищ Р. Т. Худякова и говорит, что все мы, как один, стремимся к скорейшему разгрому ненавистного врага, который издевается над нашими братьями и сестрами. Мы должны все, как один, сдать по 200 гр. муки и по 1 рублю с трудодня.

Постановили единогласно: Сдать по 200 гр. муки и по 1 рублю денег с трудодня.

Мы горячо приветствуем обращение делегатов Тамбовской области по передаче танковой колонны «Тамбовский колхозник». Одновременно мы, колхозники и колхозницы колхоза «Красный пахарь», обращаемся ко всем колхозникам и колхозницам Кирсановского района, с опубликованием в районной газете.

Председатель собрания Алпатов
Секретарь Дмитров

ГАТО, Коллекция, д. 4, л. 18.— Копия.

№ 10

Протокол общего собрания членов колхоза «Красный доброволец», Избердеевского района

20 декабря 1942 г.

Слушали: Доклад секретаря парторганизации, товарища Дольской, которая сказала: «Наши колхозники и колхозницы с большим подъемом и патриотизмом вносили свои трудовые деньги на построение танковой колонны „Тамбовский колхозник" и вызвали своим благородным почином всех колхозников нашей области и всей страны.

Прочитав обращение делегатов по сдаче танковой колонны „Тамбовский колхозник", которые обратились к колхозникам с призывом о сборе средств на построение воздушной эскадрильи, наши колхозники также отнесутся с полным одобрением на обращение делегатов на постройку воздушной эскадрильи и также патриотически внесут свои средства на построение воздушной эскадрильи — для скорейшего разгрома врага и полной победы над немецкими бандитами».

Выступил председатель колхоза Мананников В. Т., который сказал: «Наши колхозники зажгли пламя сбора средств на построение танковой колонны, они также внесут свои средства на построение воздушной эскадрильи 60 000 рублей и хлеба в фонд Красной Армии 17 центнеров».

Выступили колхозники: Тетерев М. И., Глотов Я. И., Мананников И. Е., также сказали, что «мы будем крепить нашу оборону и отдадим все свои средства на построение боевых машин для разгрома немецкой нечисти и скорейшего очищения советской земли и наших людей от немецкой тирании». Тут же вносят наличными: 1. Мананников В. Т.— 4000 руб., 2. Глотов Я. И.— 1500 руб., 3. Тетерев М. И.— 2000 руб., 4. Яковлев И. М.— 2000 руб.

Постановили: Мы, колхозники колхоза «Красный доброволец», с большой радостью встретили обращение делегатов о построении воздушных эскадрилий самолетов и внесении в фонд Красной Армии хлеба.

Мы отдадим все свои сбережения и сумму 60 000 рублей выполним, также и выполним в фонд Красной Армии хлеба 17 центнеров в трехдневный срок.

Председатель собрания В. Мананников
Секретарь Яковлев

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 23.— Подлинник.

№ 11

Протокол общего собрания членов колхоза «13-й Октябрь», Бондарского района о сборе средств на постройку авиаэскадрилий

20 декабря 1942 г.

Повестка дня:

О сборе средств на построение авиаэскадрилий.

В прениях выступили: председатель колхоза Исаев А. А., который сказал, что для разгрома врага он вносит наличными 3000 рублей и 5,5 пуда зерна.

Леонов А. С. — 2000 рублей и 2,4 пуда зерна,
Пронькин И. В. — 2000 рублей и 3,5 пуда хлеба,
Анферов П. Т. — 2000 рублей и 3,5 пуда хлеба,
Рассказова А. Ф.— 1500 рублей и 1,5 пуда хлеба,
Абрамова М. И. — 1000 рублей и 2 пуда хлеба,
Белякова В. В. — 1000 рублей и 2 пуда хлеба.

Решили:

1. Всем, как одному, быть участниками сбора средств на построение авиационной эскадрильи.
2. Отчислить от каждого трудодня по 50 гр. зерна, а всего 103 ц.

Председатель собрания Исаев
Секретарь Оськин

ГАТО, Коллекция, д. 1, л. 10.— Копия.

№ 12

Письмо фронтовика М. В. Горбунова члену колхоза «Великий перелом» Полетаевского района Е. В. Горбунову

10 февраля 1943 г.

Здравствуй дорогой брат Егор Васильевич!

Шлю я вам свой братский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Еще шлю привет вашей женке А. С. и дочке Вале. Вам я всем желаю только хорошего.

Дорогой брат Е. В., сейчас я вам сообщу, как я живу и где нахожусь. Живу я хорошо, жив, здоров. Работаю на машине. Выполняю задачи такие, которые прикажут. Да вам это известно, так как вы это хорошо сами знаете. Нахожусь я на .... фронте, в той же области, ну, к холоду ближе. Сейчас ко всему привык, все не страшно, а мне в особенности хватает смелости на такую жизнь.

Я себя чувствую очень хорошо. Иногда бывает скучновато. А когда вспомнишь, что все мои братья на фронтах, так что и меня «домой» не тянет. За все это время своей службы я переехал в пятое направление. Но все же пока все в порядке, а что было, это прошло.

Вот, дорогой брат Егор Васильевич, я вас прошу, напиши письмо и сообщи, как живете, как переживали, когда приближались к вам вражеские полчища и чем беспокоили? И еще сообщи, как вы помогали фронту в 42-м году. Хотя я знаю, что наша область — это как показатель, но все же хочется знать, чем помог колхоз, вы лично, мои — отец, жена и так далее. Это все интересно. Еще сообщаю, что письмо получил, которое я долго ждал от брата Григория, второе от своей жены, а еще хочется получить от тебя, получить все новости, что у вас в селе. А кроме этого, пропиши, почему ты — дома, меня особенно удивляет.

Ну, пока все, остаюсь ваш брат Михаил

Возможно, покажется, что плохо написано,— за это простите. Вы знаете, что — война, сейчас некогда, и, кроме этого,— не на чем. Плохо вот из-за бумаги. И до свиданья. Жду ответа.

Горбунов

ГАТО, Коллекция, д. 7, л. 1.— Подлинник.

№ 13

Письмо командира Н-ской части землякам—колхозникам и колхозницам Семеновского сельсовета, Избердеевского района

8 марта 1943 г.

Товарищи колхозники и колхозницы!

Прошло уже полтора года с тех пор, как коварный враг нарушил мирную жизнь. Воровски, из-за угла напала на нас стая диких зверей, головорезов. Мы их стали бить и гнать, гнать и бить со скрежетом в зубах. Я — тут, вы — там.

Хотя я от вас и далеко, но я слышу, как вы бьете оголтелого врага. Я знаю вашу танковую колонну «Тамбовский колхозник», да и не только я, а все воины наши знают, весь народ наш о ней знает.

Приятно и радостно знать, что инициаторами этого благородного дела были именно вы, товарищи колхозники и колхозницы. За вашу инициативу в благородном деле помощи нашей Красной Армии колхозникам и колхозницам мое командирское спасибо, товарищи!

Уверяю вас, товарищи колхозники и колхозницы, не пожалею своей силы для уничтожения разбойников с большой дороги. И всю боевую технику, которую вы нам доверяете, мы полностью обрушим на головы зарвавшегося врага.

Бывший директор вашей школы, сейчас командир Н-ской части
старший лейтенант Каширский

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 46.— Подлинник.

№ 14

Собственноручная запись члена колхоза имени Крупской, Сампурского района, А. М. Иванова о его помощи Красной Армии

15 октября 1943 г.

С начала войны я послал трех сыновей на защиту Родины, а сам, несмотря на свою старость, стал работать в колхозе, не покладая рук; выполнял работы больше, чем на меня возлагалось, несмотря на то, что отроду уже имею 70 лет.

Сборы для Красной Армии я старался внести больше. Когда объявили сбор на танки и самолеты, я внес на танки 2000 рублей, на самолеты — тоже 2000 рублей, два пуда ржи, 50 кг картофеля.

Когда поступили наши средства для танков, я был назначен от области делегатом для сдачи танков Красной Армии. На те средства, собранные колхозниками Тамбовской области, приобретены 96 танков.

Кроме того, с 15 января 1943 года наши танки, купленные на наши средства, как грозные машины, вступили в бой; в течение двух с половиной месяцев прошли 900 километров боевого пути.

Я еще имел счастье — был вызван генералом, командиром корпуса танкового подразделения товарищем Поповым к XXV годовщине Красной Армии на фронт для того, чтобы показать нам, тамбовским колхозникам, результаты наших доблестных красноармейцев на наших танках.

Я имею две невестки и одну дочь, у которых имеется по трое малых детей. Жена моя, старушка, имеет 70 лет, берет у них всех детей под свой надзор, а они все трое работают в колхозе.

Член колхоза Иванов

ГАТО, Коллекция, д. 9, л. 21.— Подлинник.

№ 15

Собственноручная запись члена колхоза «Красный доброволец», Избердеевского района, В. В. Хорошилова о его помощи Красной Армии

13 ноября 1943 г.

Когда на нашу Родину напал подлый враг, я со всей энергией и охотою пошел на колхозные поля помогать колхозу, хотя и был еще подросток (родился в 1928 году). Выработал в 1942 году 250 трудодней при хороших качествах работы.

В ноябре 1942 года наши колхозники сделали патриотический призыв построить танковую колонну «Тамбовский колхозник». Я внес 1500 рублей деньгами на ее построение и 1000 рублей на построение боевых эскадрилий.

В 1943 году за хорошие показатели и качество пахоты весной получил барана и сдал его в фонд Красной Армии для питания бойцов Красной Армии. Осенью участвовал в первых рядах вспашки зяби. Всего заработано мною в 1943 году 350 трудодней.

Я обязуюсь работать еще лучше, не покладая рук, для Родины, для победы над врагом.

В. Хорошилов

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 65.— Подлинник.

№ 16

Запись рассказа члена колхоза «Красный доброволец», Избердеевского района, М. И. Тетерева о его помощи Красной Армии

13 ноября 1943 г.

Я сам бил немцев в 1915—1916 годах на Западном фронте. Они и тогда были большими охотниками на чужое добро. Теперь я старик, на фронт меня не берут, а помочь чем-нибудь нашей Красной Армии бить немецко-фашистских бандитов, напавших на Советский Союз, мне очень хочется.

Сын и дочь мои ушли на фронт, ну а я стал своим трудом в колхозе помогать фронтовикам. В 1942 году я выработал 750 трудодней, а в 1943 году — 520 трудодней.

В хорошем начинании нашего колхоза, в сборе средств на танки, я увидел возможность еще дополнительно оказать помощь Красной Армии и поэтому я с великой радостью внес на строительство танков и самолетов 3000 рублей и, кроме этого, сдал 22 пуда хлеба на продовольствие Красной Армии.

Так и дальше буду стараться чем можно помочь Красной Армии окончательно добить немецкую армию.

М. Тетерев

ГАТО. Коллекция, д. 3, л. 51.— Подлинник.

№ 17

Запись рассказа члена колхоза «Красный доброволец», Избердеевского района, В. М. Припадчего о его помощи Красной Армии

16 ноября 1943 г.

Мне 63 года. До нападения Гитлера на нашу страну я имел большую и дружную семью — жену, четырех сыновей и дочь. Вся моя семья работала в колхозе и ежегодно вырабатывала больше 2000 трудодней. Жили хорошо.

Когда началась война с немецкими фашистами, 3 моих сына ушли на фронт защищать наше Отечество. Сам я своей работой в колхозе стремился оказать как можно больше помощи нашей Красной Армии в разгроме ненавистного врага. В 1942 году я один выработал около 700 трудодней, выполняя одновременно работу колхозного сторожа и свинаря, а во время уборки — и косаря.

7 ноября 1942 года на колхозном собрании я слушал доклад товарища Сталина о 25-ой годовщине Октябрьской революции, и мы все на собрании решили в ответ на призыв любимого вождя об усилении помощи фронту начать сбор средств на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» и обратиться с призывом ко всем колхозникам Тамбовской области последовать нашему примеру. Здесь же, на собрании, я внес 1000 рублей.

Потом я, в числе делегатов тамбовских колхозников, ездил сдавать наши танки одной из гвардейских частей. Я осмотрел танки. В одном из танков я даже немного проехал и увидел, что машины хорошие и будут крепко давить и бить гитлеровскую армию.

Когда мы сдали танки, мы, все делегаты, поговорили, посоветовались между собою и решили начать сбор средств еще на строительство самолетов, чтобы они помогли сверху нашим танкам бить фашистов; я внес на это дело 2000 рублей.

Хотя я старик, но я и дальше буду всеми своими силами и трудом помогать Красной Армии бить фашистских мерзавцев.

Хочу добавить, что я сам в первую мировую войну три года воевал с немцами и знаю ихние звериные повадки.

ГАТО, Коллекция, д. 3, лл. 60—61.— Подлинник.

№ 18

Собственноручная запись члена колхоза имени Фрунзе, Инжавинского района, В. И. Иванниковой о ее помощи Красной Армии

16 ноября 1943 г.

С начала войны, я, сознавая такое тяжелое время для нашей Родины, работаю не покладая рук в своем колхозе. Стараюсь принимать самое активное участие в сборе подарков, построении танковой колонны.

В 1942 году заработала 880 трудодней, отчислила на танковую колонну 7000 рублей и на эскадрилью 2000 руб. и 40 кг ржи.

И еще я дала нашей Родине самый дорогой подарок — своего сына. Воспитала его в советском духе. Дала я ему наказ бить беспощадно ненавистного врага. Вся моя семья работает дружно и своим трудом крепит тыл Красной Армии.

Я со своей семьей все свои силы отдам за Родину для скорейшего разгрома врага.

В. Иванникова

ГАТО, Коллекция, д. 3, л. 64.— Подлинник.

№ 19

Собственноручная запись бригадира колхоза «Трудовик», Уметского района, К. П. Арбузова о его помощи Красной Армии

16 ноября 1943 г.

Я внес на построение танковой колонны и самолетов 3000 рублей.

Мне 70 лет. Воевал я с японцами и в русско-германскую войну крепко бил немчуру. Теперь же я работаю в колхозе и упорным трудом помогаю Красной Армии гнать немцев с нашей земли. Трех сыновей послал на фронт, один из них убит.

Если надо будет нашей Родине, то я, несмотря на свои годы, смогу еще бить врага. Ничего не пожалеет крестьянство для Красной Армии, для победы.

Смерть немецко-фашистским захватчикам!

Арбузов

ГАТО, Коллекция, д. 14, л. 4.— Подлинник.

№ 20

Собственноручная запись члена колхоза «Трудовик», Ужетского района, Галактионовой о ее помощи Красной Армии

16 ноября 1943 г.

На постройку танковой колонны и самолетов для быстрейшего разгрома немцев я внесла 5000 рублей.

Красная Армия отомстит за смерть моих родных сынков Николая и Константина, отдавших свою жизнь за счастье рабочих и крестьян. Тяжело мне, но знаю, что они погибли, защищая всех нас.

Проклятый немец хотел сделать нас рабами своими; не вышло и никогда не выйдет! Крестьяне ничего не пожалеют для Красной Армии и если надо будет, то с радостью отдадут силы и средства.

Галактионова

ГАТО, Коллекция, д. 14, л. 7.— Подлинник.

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВЫХ КОММУН ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ

(1918 г.)

Публикуемые документы посвящены истории организации первых переселенческих земледельческих коммун петроградских рабочих, созданных в 1918 г. Образование пролетарских коммун явилось одним из проявлений творческой революционной инициативы масс, пробужденной социалистической революцией. Передовые рабочие, поддерживая политику Коммунистической партии, шли в деревню, чтобы помочь бедноте и повести трудовое крестьянство на борьбу за упрочение Советской власти.

Еще накануне Октябрьской революции в Петрограде возникли рабочие землячества, проводившие политическую агитацию за Советскую власть; был организован «Союз рабочих и крестьян по производству и снабжению сельскохозяйственными материалами и орудиями». В Кронштадте были организованы мастерские сельскохозяйственных орудий «Землероб».

Среди рабочих возникла идея создания переселенческих земледельческих коммун. Этому в известной мере способствовало то, что промышленность страны в конце 1917 — начале 1918 гг. находилась в тяжелом положении. Многие заводы Петрограда и других городов стояли. Голод терзал рабочих, некоторые из них покидали города и уезжали в деревню.

В самом конце 1917 г. или начале 1918 г. рабочие Обуховского завода в Петрограде организовали «1-е Российское общество землеробов-коммунистов» для совместной разработки земель и лесов в районе Сибири или нынешнего Казахстана. Такое же общество, под названием «2-е Российское общество землеробов-коммунистов», вскоре было организовано рабочими Семянниковского завода. Кооперативное общество для переселения возникло на Охтенских пороховых заводах под названием «Солнечная».

В. И. Ленин поддержал инициативу обуховских рабочих, советовал им устроиться где-нибудь поближе (под Лугой, например), но не стал настаивать на этом и просил Наркомзем оказать рабочим всяческое содействие (см. док. № 1).

Он обратился в Петроградский Совет с просьбой послать на собрание обуховских рабочих, образовавших общество землеробов-коммунистов, опытного организатора, который помог бы им своими указаниями и советом [1].

По распоряжению Ленина коммунары получили палатки, военные кухни, хлебопекарню, а также винтовки и патроны для защиты от кулац-

[1] См. Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 5300.

ких элементов; рабочим были также предоставлены вагоны до Семипалатинска [1].

Среди публикуемых документов интересны уставы первых коммун (см. док. №№ 2, 3 и 6), которые в отдельных вопросах предвосхитили в известной мере основные положения нынешнего Примерного устава сельскохозяйственной артели. Так, устав колонии «Солнечная» предусматривал распределение доходов по труду, для чего вводились так называемые «рабочие деньги»; каждая семья могла получить приусадебный участок в личное пользование и т. д. (см. док. № 3).

Составленные рабочими-коммунарами уставы требовали от всех членов коммун соблюдения строгой революционной дисциплины, заботы об общественной собственности, о воспитании детей и т. п. Конечно, первые уставы были далеко не совершенны, в них было много наивного, например: «Общество просит правительство отдать полуостров Камчатку для охоты» (док. № 2); иногда сказывалось левоэсеровское влияние. Тем не менее уставы первых коммун представляют несомненную ценность для изучения организации и внутренней жизни коммун.

Коммунары бережно хранили пролетарские традиции, несли с собой в деревню заводскую дисциплину, заводские порядки и обычаи. Они ехали в деревню, чтобы организовать не только сельское хозяйство, но и построить на новом месте мастерские, в которых можно было бы ремонтировать крестьянам инвентарь, а если удастся, то и изготовлять новые земледельческие машины и орудия (см. док. №№ 14 и 19). Коммунары везли с собой много железа, различные инструменты, станки [2].

Питерцы сплачивали вокруг себя деревенскую бедноту, укрепляли в Прииртышье молодую Советскую власть. Посланцы революционного Питера столкнулись на Иртыше со многими трудностями. В Семипалатинске саботажники, засевшие в земельных органах, затянули формальное закрепление земельного участка за обуховцами. Не хватало сельскохозяйственных орудий, лошадей, семян. Первые десятины приходилось вскапывать лопатами; нередко коммунары сами впрягались в плуг.

С первых же дней кулачье и казачья верхушка стали травить коммунаров, они старались поставить коммунаров в невыносимые условия и угрожали им расправой. В мае — июне 1918 г. вооруженные казачьи отряды неоднократно нападали на них и всячески терроризировали новых землеробов. А после контрреволюционного переворота в Омске летом 1918 г. коммуны были зверски разгромлены белоказаками.

15 сентября 1919 г. белоказаки, узнав о готовящемся на Иртыше восстании против ненавистного народу колчаковского ига, напали на коммунаров и захватили 28 человек, в том числе председателя Обуховской коммуны Василия Грибакина и председателя Семянниковской коммуны Александра Петрова. Все 28 коммунаров были зверски убиты.

Оставшиеся в живых обуховцы и семянниковцы участвовали в граж-

---

[1] 1-е Российское общество землеробов-коммунистов (Обуховская коммуна) обосновалось на Коркиной заимке (левый берег р. Бухтармы), против деревни Кондратьево. Оно состояло из 200 семей, около 1000 чел. 2-е Российское общество землеробов-коммунистов (Семянниковская коммуна) расположилось тоже на Бухтарме, на левом же берегу, верстах в 25 выше обуховцев, возле села Осиновки. В его состав входило 50 семей, около 400 чел. Коммуна «Солнечная» поселилась в труднодоступном горном урочище Коке (Ереминский) на левом, малонаселенном берегу Иртыша; она состояла из 23 семей, примерно 100—110 чел.

По нынешнему административному делению все эти пункты относятся к Бухтарминскому району Восточно-Казахстанской области.

[2] Еще и в настоящее время в мастерских Бухтарминской МТС, образовавшейся в районе, где в 1918 г. находились коммуны петроградских рабочих, сохранились и используются инструменты, привезенные в 1918 г. коммунарами.

данской войне против колчаковских и других белогвардейских банд; петроградские коммунары были организаторами и вожаками партизанских отрядов; они немало сделали для победы Советской власти на востоке Казахстана.

По окончании гражданской войны сотни петроградских рабочих остались жить и работать в Казахстане; многие из них стали председателями местных Советов и организаторами первых колхозов. По инициативе обуховцев возникли колхозы в Пихтовом Ключе, Тургусуне, Кондратьеве, Снегиреве.

* * *

Часть публикуемых документов была обнаружена осенью 1955 г. в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Казахской ССР (ЦГАОР КазССР), в фонде Семипалатинского областного Совета рабочих, солдатских, крестьянских, киргизских и казачьих депутатов (ф. 1416). Сначала было найдено несколько заявлений коммунаров Семипалатинскому областному исполкому и земельному отделу, постановления исполкома и т. п. (см. док. №№ 13—18). Эти документы находились в связке «Кожевенная комиссия», содержащей переписку кожевенной комиссии Семипалатинского Совета за 1918 г. Научные сотрудники архива, а также историки не раз искали документы о первых коммунах Казахстана, однако никогда прежде не раскрывали материалов кожевенной комиссии, не имевшей никакого отношения к этим коммунам. Найденные в Казахстане документы позволили уточнить названия первых коммун, фамилии их руководителей, даты. После этого в ЦГАОР СССР, в фонде Переселенческого управления Наркомзема (ф. 2077) удалось выявить еще около 70 документов, в том числе уставы коммун и списки коммунаров.

В настоящей публикации архивные источники (напечатанные впервые) дополнены материалами из газет (см. док. №№ 10—12 и 22). Записка В. И. Ленина (док. № 1) печатается по Ленинскому сборнику XXXV. Документы №№ 2 и 13 частично опубликованы в «Комсомольской правде» (№№ 248 и 252, 19 и 23 октября 1955 г.).

В подготовке публикации принимал участие М. И. Рыбинский.

С. С. Голубятников, Е. А. Мозгунова, Д. П. Новоплянский

№ 1

Записка В. И. Ленина Наркому земледелия

30 января (12 февраля) 1918 г.

Помогите, пожалуйста, подателям советом и указаниями (1-ое Росс. общество землеробов-коммунистов) насчет того, как и *где* достать земли. Почин прекрасный, поддержите его всячески.

Ленин

Ленинский сборник XXXV, стр. 16.

№ 2

Устав 1-го Российского общества землеробов-коммунистов[1]

Январь 1918 г.

1. В Обществе чтобы не было пьяниц и никто не изготовлял бы спиртных напитков, а азартные игры строго воспрещены навсегда.

2. В Обществе чтобы не было никаких сект.

3. Полное подчинение правительству Российского государства.

4. В Обществе должен быть свой комиссариат из своих же выборных.

5. В Обществе должны работать все за одного и один за всех; ни от каких работ не должен никто отказываться.

6. Все приобретенное Обществом на коммунистических началах считается достоянием Общества.

7. До вступления в Общество коммунистов приобретенное имущество и как-то: платье и другие вещи и деньги считаются собственностью владельца всегда.

8. За смертью общинника его имущество собственное по решению Общества выдается ближайшему его родственнику, а имущество, приобретенное Обществом, остается собственностью Общества, и оно само усматривает, кому таковое отдать.

9. На общественной раде имеют право принимать участие и женщины, но не моложе 20 лет, а мужчины не моложе 18.

10. За пьянство на первый раз виновные подлежат общественному выговору, а второй раз общественному бойкоту: с ним никто не здоровается и на собрании его не слушать; а что ему нужно от Общества, как-то: продукты и прочее, все выдавать, а в третий раз исключается из Общества.

11. За кражу и мошенничество исключается из Общества и отдается правительственному суду, а имущество остается полностью в пользу Общества.

12. После смерти общинника семья его должна быть обеспечена Обществом.

13. В Обществе должны быть свои руководители, избираемые Обществом.

14. Похороны и другие семейные нужды должны быть общественными.

15. Наемный труд в Обществе применять в крайности.

16. Если общинник будет оставлять коммуну, то ему долг труда выдается за проработанные годы только по решению общего собрания коммуны.

17. Обучать детей обоего пола во всех учебных заведениях обязательно.

18. Покупка земледельческих орудий должна производиться только по совету рады, а также и закупка лошадей и рогатого скота. Обо всех закупках должно знать все Общество.

19. Общество задалось целью обрабатывать землю, заниматься скотоводством, коннозаводством, овцеводством, птицеводством, пчеловодством, садоводством, огородничеством, обрабатывать лес и привести его в хозяйственный порядок, прорубить просеки-визирки, но правительство должно послать своего таксатора-инженера за счет государства, а рабочие руки даст Общество. Обо всей своей работе обязывается дать сведения государству.

20. Общество будет обрабатывать лесные материалы, как-то: [на] отопление и строительные материалы, которыми Россия до крайности

---

[1] Заголовок документа.

нуждается, и об этом давать знать государству и продавать только на рынке России, дабы всякому гражданину было бы возможно приобрести недорого как строительные материалы, так и отопление по цене, доступной бедному.

21. Общество просит правительство отдать полуостров Камчатку для охоты с его охотничьей добычей. Добытый мех продавать только на рынке России и давать знать Министерству земледелия, какое количество добыто.

22. Производить правильные рыбные ловли, дабы не приносить ущерба государству и о добытом продукте давать знать правительству.

23. По усмотрению Общества устав может быть изменен во всякое время.

24. За суммы, взятые из Государственного казначейства, Общество отвечает круговой порукой.

Председатель П. С. Гуриненко
И. Иванов
А. Александров
К. Иванов
А. Журавский
Секретарь М. Шварц

Адрес правления: д. Мурзинка, Тупой переулок, д. № 5, кв. 11.

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 91, лл. 17—18.— Подлинник.

№ 3

Из устава кооперативного общества трудовой колонии «Солнечная»[1]

Не позднее 16 февраля 1918 г.

Цели, права и обязанности Общества

1) Общество колонии «Солнечная» учреждается с целью добывания средств существования и самоудовлетворения потребностей личным трудом, без различия пола, профессии и таланта, в общественном хозяйстве, производствах и всякой другой культурной общественной деятельности.

2) Для этого Общество организует: интенсивное[2] сельское хозяйство с расчетом получения наивысшего % продуктов потребления человека и хозяйства, выгодные, по местным условиям и способностям своих членов, всевозможные необходимые производства,— пользуясь всеми техническими усовершенствованиями труда,— соединяя в одно целое добывающие производства с обрабатывающими, применяя все научные методы.

3) Общество содействует самостоятельному развитию производительных и творческих сил, познанию, просвещению, всевозможной взаимопомощи, предоставляет воспитание, образование и вообще стремится удовлетворить все духовные, научные, художественные, музыкальные, эстетические и физические потребности.

Примечание: При невозможности дать то или другое образование Общество предоставляет своим членам материальную помощь для получения такового в правительственных или частных учебных заведениях.

---

[1] Ввиду большого объема устава, текст его печатается в извлечениях; опущены разделы: «Средства Общества» (пп. 10—12) и «Отчетность по делам Общества» (пп. 73—78).

[2] В тексте ошибочно — «экстенсивное».

4) Общество приобретает недостающие предметы потребления и домашнего обихода за счет избытков продуктов от своих производств. Причем таковые операции Общество производит по возможности непосредственно с производителями, потребителями и общественными организациями, устраняя посредников в производстве и товарообмене. Вообще Общество стремится к освобождению материальной, духовной и общественной жизни от посредников-капиталистов.

5) Сообразно вышеуказанных статей Обществу предоставляется: а) иметь необходимое количество земли; б) устраивать для изготовления, хранения, распределения и продажи всевозможных предметов потребления и домашнего обихода, а также для всех культурно-просветительных и других потребностей, собственные заведения, склады и другие потребные сооружения и арендовать таковые; в) вступать в договоры и обязательства с посторонними лицами и учреждениями о поставке ими для Общества предметов потребления и средств производства, а равно относительно денежных средств, нужных для оборотов Общества; г) приобретать в собственность на общих основаниях недвижимые имущества, необходимые для целей Общества; д) входить во все другие, соответствующие целям Общества предприятия.

6) Наемный труд в колонии допускается лишь для выполнения работ, требующих особых знаний, не имеющихся у членов Общества, и временно, когда работа, ввиду срочности, не может быть выполнена силами членов Общества. Вообще наемный труд допускается в случаях крайних и исключительных.

7) Избыток продуктов производства Общества может быть продаваем на местах, базарах и ярмарках, а также и в городах, в устраиваемых для этого местах, складах, с соблюдением существующих законоположений.

8) Общество, его заведения, конторы и агенты подчиняются, относительно платежа повинностей, пошлин, таможенных, гербовых и других общих и местных сборов, всем правилам и постановлениям, как общим так и относительно предприятий Общества, ныне в Российской Республике действующим, равно и тем, какие впредь будут на сей предмет изданы.

9) Общество имеет свою печать с изображением своего наименования...

Состав Общества, права и обязанности членов его

21. Членами Общества могут быть лица обоего пола, всех возрастов, одинокие и целыми семьями, изъявившие желание подчиниться настоящему уставу и утвержденным общим собранием членов инструкциям.

Примечание: а) число членов Общества ограничивается общим собранием членов; б) в состав Общества не принимаются лица, подвергшиеся ограничению прав по суду.

22) Вступающие в члены Общества: а) взрослые старше 20 лет дают подписку о точном и неуклонном соблюдении всех правил внутреннего распорядка Общества, вносят вступную плату в размере 10 руб. и пай 500 руб.; б) за детей и несовершеннолетних вступной платы не вносится, а паевые вносят родители или за сирот Общество отчисляет от своих доходов, за каждый год возраста по 25 руб. и дополняют ежегодно до полного пая в той же мере.

23) Пай могут быть внесены разом или часть его, определяемую общим собранием членов, и в дальнейшем уже должен пополниться непосредственно использованием части своего труда в Обществе.

24) Каждая семья или группа членов получает в ничем не ограничиваемое пользование участок земли, установленной общим собранием меры, удобной для усадьбы и не входящей в границы общей хозяйственной эксплуатации, каковым участком лица пользуются лишь до тех пор, пока они состоят членами Общества.

25) На отведенной усадебной земле семья или группа членов Общества может построить для себя жилой дом и другие потребные сооружения по своему усмотрению и за собственный счет. Общество никаких обязательств по постройке и благоустройству усадьбы на себя не берет, но и не отказывается от добровольного в каждом отдельном случае соглашения.

26) Каждый член Общества имеет право присутствовать в общем собрании и участвовать в обсуждении предлагаемых собранию вопросов и возбуждать таковые лично, а право решающего голоса принадлежит только членам совершеннолетним и имеющим полный пай в Обществе.

27) Каждому члену Общества выдается Центральным советом Общества экземпляр настоящего устава и расчетная книжка, в которой записываются сделанные членом денежные взносы и причитающиеся на его долю доходы, а также все выдачи из кассы Общества.

28) Порядок участия членов Общества в его производствах, всех хозяйственных и культурных работах и распределении результатов труда соразмерно с участием каждого члена в работе определяется инструкциями, утвержденными общим собранием.

29) Все продукты сельского хозяйства и производств поступают в склады и магазины Общества и отпускаются из них как предметы потребления в обмен на установленные для колонии «рабочие деньги» (марки), выдаваемые Центральным советом Общества за произведенный Обществом труд.

30) Всеобщая физическая трудовая повинность, как производящая продукты, так и не производящая, но необходимая для Общества по обслуживанию обмена производств, обязательна для всех трудоспособных членов Общества. Также обязательны равноправие и равноценность труда.

31) Труд членов Общества, производящий продукты, оплачивается «рабочими деньгами» (марками). Труд, не производящий продуктов, бесплатно производится всеми членами по инструкции, утвержденной общим собранием членов Общества.

Примечание: Из выдач «рабочих денег» членам, имеющим не полный пай или другие материальные обязательства, удерживается на пополнение таковых,— но не более 10%.

32) Для обмена труда на продукты потребления в колонии общее собрание устанавливает особые знаки «рабочие деньги», измеряемые рабочим временем, оплачивает ими труд и принимает в уплату за отпускаемые продукты из своих складов и магазинов. С вне колонии: обмен, и все расчеты, а также годовые расчеты с членами Общества и при выбытии членов из Общества производится общегосударственными денежными знаками.

Примечание: Ценность «рабочих денег» (марок) по отношению к общегосударственным денежным знакам определяется общим собранием членов Общества ежегодно.

33) Члены Общества могут пользоваться отпуском по согласию общего собрания, а в экстренных случаях и Центрального совета Общества.

34) Члены Общества, в случае убытков Общества, ответствуют только принадлежащим им в кассе и имуществе Общества паевым капиталом и

сверх того ни личной собственностью и никакому дополнительному платежу по делам Общества подвергаемы быть не могут.

35) Все споры, недоразумения между членами и дурные поступки членов разбираются особо избранной конфликтной комиссией и окончательно решаются общим собранием членов Общества.

36) Члены Общества могут быть удалены по постановлению общего собрания при следующих обстоятельствах: а) за предосудительное поведение, б) за упорное нарушение устава или инструкций и вред, причиняемый интересам Общества, в) за небрежение к работе и обязанностям.

37) Исключение и удаление членов Общества может последовать по приговору $^{4}/_{5}$ голосов наличных полноправных членов общего собрания (§ 52), которое, по желанию исключаемого, обязано предварительно выслушать все приводимые им в свое оправдание объяснения.

38) Членам, как исключаемым, так и добровольно выбывающим из Общества, паи, все взносы вспомогательного капитала и вся стоимость неиспользованного труда в Обществе, возвращаются Центральным советом Общества при следующих условиях: 1) по утверждении общим собранием отчета за текущий операционный год, 2) по окончании всех расчетов с Обществом, по уплате могущих пасть на выбывающих убытков Общества и убытков, лично нанесенных им Обществу, 3) по ликвидации личной недвижимой собственности в колонии. Срок выдачи определяется общим собранием, но не далее 3-х месяцев со дня утверждения отчета.

Примечание: Вступная плата членам Общества ни в каком случае не возвращается.

39) Членам, получившим воспитание или образование за общественный счет и выходящим из состава Общества ранее трехлетнего участия в нем, при совершеннолетии пай не возвращается. Сиротам, за которых пай отчисляло Общество из своих доходов, паи выдаются не ранее пятилетнего участия в Обществе по совершеннолетии.

40) Паи не могут быть передаваемы другому лицу.

41) По добровольному соглашению с выбывающим членом Общества, Общество может приобрести его недвижимое имущество и уступить за плату также вновь вступающему члену.

42) В случае смерти члена Общества принадлежавший ему пай, добровольные взносы и вся стоимость неиспользованного труда в Обществе выдаются его наследникам на тех же основаниях как и добровольно выбывающим членам. Обязательные же вспомогательные удержания (§ 17 а) не выдаются, а поступают в фонд неспособных к труду членов.

43) По достижении членом Общества преклонных лет или потери трудоспособности, по свидетельству врачей, общее собрание освобождает его от работ и назначает пенсию по ранее установленной инструкции из вспомогательного капитала (§ 19), причем добровольные взносы остаются в его полном распоряжении. Назначенная пенсия отменяема быть не может.

Примечание: Пенсии могут назначаться не ранее пятилетнего существования Общества, а до того времени всякая материальная помощь в каждом случае решается общим собранием членов Общества.

44) Пенсионер, состоявший членом Общества не менее пяти лет, не лишается права голоса на общих собраниях и пользуется всеми правами членов.

45) В случае немощи пенсионера Общество производит на его усадьбе все работы по благоустройству безвозмездно за счет сумм хозяйства и всемерно заботится о мирном его дожитии.

Управление делами Общества

46) Делами Общества управляют: Центральный совет, профессиональные советы и общее собрание членов Общества.

Общее собрание

47) Общему собранию предоставляется, если оно признает необходимым, избрать наряду с Центральным и профессиональными советами, особый контрольный орган (наблюдательный комитет), порядок действий которого определяется инструкциями, утверждаемыми общим собранием членов Общества.

48) Общие собрания бывают обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные общие собрания созываются Центральным советом четыре раза в год, через три месяца. Чрезвычайные общие собрания созываются Центральным советом Общества по собственному его усмотрению или по требованию ревизионной комиссии или $^1/_3$ всех членов Общества, таковые требования приводятся в исполнение Центральным советом Общества не позже одной недели по заявлении оного.

49) Для правильного хода дела в общем собрании, члены Общества избирают из своей среды председательствующего, а для составления протокола секретаря. До избрания председательствующего его замещает председатель Центрального совета.

50) Ведению и решению общих собраний подлежат: 1) рассмотрение и утверждение сметы и отчетов; 2) определение ценности «рабочих денег» по отношению к общегосударственным денежным знакам; 3) определение направления деятельности и утверждение и изменение инструкций; 4) избрание членов Центрального совета (§ 55), ревизионной и конфликтной комиссий (§§ 74 и 35) и кандидатов к ним; 5) удаление должностных лиц до срока, на который они избраны; 6) о приобретении недвижимого имущества; 7) о продаже, отдаче в аренду и залог таких имуществ; 8) о расширении и введении новых предприятий; 9) о найме необходимых лиц специальных знаний; 10) утверждение расценки труда и продуктов; 11) о приеме новых членов и удалении порочных и вредных; 12) освобождение от работ неспособных к труду членов и назначение им пенсий; 13) выговоры, замечания неисправным членам и разбор споров и недоразумений между членами по представлению конфликтной комиссии; 14) об отпуске средств на воспитание и образование своих членов; 15) о приеме сирот и не имеющих средств в члены Общества; 16) все дела, превышающие власть Центрального совета и предлагаемые Центральному совету ревизионной и конфликтной комиссиями и отдельными членами Общества.

Примечание: Никто из членов Общества не вправе без особо уважительных причин отказываться от исполнения возлагаемых на него обязанностей.

51) Общее собрание считается состоявшимся, если на оное прибудет $^2/_3$ всех наличных полноправных членов. В случае, если общее собрание в назначенный срок почему-либо не состоится, то таковое назначается через неделю и считается законно состоявшимся, а решение его окончательным, невзирая на число членов, присутствовавших на собрании, о чем Центральный совет обязан предварять членов в самом приглашении на собрание. В таковом вторичном собрании могут быть рассматриваемы лишь те дела, которые подлежали обсуждению в первом общем собрании.

52) Все дела в общем собрании решаются $^2/_3$ голосов присутствующих на собрании полноправных членов; для решения же вопросов о дополнении или изменении устава, об исключении из Общества членов, удалении

должностных лиц до окончания срока их службы, о заключении займов, о продаже или покупке недвижимости, о расходовании запасного капитала, о ликвидации дел Общества,— требуется участие в общем собрании не менее $^{4}/_{5}$ всех наличных полноправных членов Общества.

Примечание: Все выборы в общем собрании (§ 50) и все дела, обозначенные в § 52, решаются закрытою баллотировкою; во всех остальных случаях способ подачи голосов определяется самими общими собраниями.

53) Дела, подлежащие рассмотрению общего собрания, поступают через посредство Центрального совета Общества, почему члены, желающие сделать какое-либо предложение, должны письменно обратиться с оным в Центральный совет Общества не позже как за пять дней до общего собрания. Центральный совет таковые должен представить собранию со своим заключением.

54) Постановления общих собраний удостоверяются протоколами, прочитываемыми вслух по окончании заседаний, и подписываются председательствовавшими в собрании секретарем и всеми наличными в собрании членами Центрального совета и по крайней мере тремя присутствовавшими членами Общества.

Примечание: Члены, непосредственно заинтересованные в каком-либо вопросе,— при его решении не участвуют.

Центральный совет Общества, права и обязанности его

55) Непосредственное заведывание делами Общества принадлежит Центральному совету, состоящему из не менее трех членов, избираемых общим собранием из среды своей на два года.

Примечание: Число членов Центрального совета определяется общим собранием в зависимости от потребности, причем для руководства каждою отдельною отраслью может быть избран особый член.

56) Кроме членов избираемых, в Центральный совет входят еще три члена Общества, вступающие по очереди, в алфавитном порядке, сроком на три месяца, меняясь ежемесячно по одному члену.

57) Очередные члены в Центральном совете имеют голос лишь совещательный.

58) Для замещения кого-либо из членов ЦС на время продолжительной отлучки, болезни, устранения до срока или смерти выбираются общим собранием на тех же основаниях, как и члены ЦС, кандидаты в соответственном числе, которые за время занятия должности члена ЦС пользуются всеми правами, сей должности присвоенными.

59) По прошествии одного года от первоначального избрания членов Центрального совета и кандидатов к ним, определенное общим собранием число тех и других ежегодно выбывает сначала по жребию, а потом по старшинству вступления, и на место выбывающих избираются новые члены ЦС и кандидаты.

Примечание: Выбывшие члены ЦС и кандидаты могут быть избираемы вновь, если изъявят на это согласие.

60) Члены Центрального совета ежегодно, после годичного общего собрания, избирают из своей среды председателя и заступающего его место, также казначея и секретаря и распределяют между собою руководительство всеми производствами и операциями Общества.

61) Члены Центрального совета освобождаются от очередного неоплатного труда, а отвлечение делами по руководству и заведыванию производств и всякой другой службы по должности от производительного труда оплачивается по инструкции, утвержденной общим собранием.

62) Центральный совет распоряжается всеми делами, капиталами и всем имуществом Общества. К обязанностям его относятся: а) прием, выдача, хранение сумм и производство расходов определенным общим собранием порядком; б) ведение счетоводства и отчетности, а также составление отчета, смет и плана действия; в) выдача и принятие к платежу векселей и других срочных обязательств в пределах установленных общим собранием; г) совершение законных актов на приобретение и отчуждение недвижимой собственности; д) выдача пенсий, возвратных и безвозвратных ссуд по инструкции, утвержденной общим собранием; е) сооружение, оборудование и ремонт помещений, потребных для Общества, по планам и сметам, утвержденным общим собранием; ж) организация производств, приобретение необходимого инвентаря и средств производства, попечение о их целости, исправности и своевременном ремонте; з) руководство в производствах и всех работах колонии, учет труда и оплата его распределением предметов потребления; и) определение количества и качества подлежащих выработке и заготовке продуктов и способа приобретения их; к) сбыт излишков предметов производств и приобретение недостающих предметов потребления, домашнего и общественного обихода; л) расценка всех предметов потребления, добываемых, приобретаемых и отпускаемых для потребностей членов Общества на «рабочие деньги» и наблюдение за доброкачественностью продуктов; м) наблюдение за исполнением членами Общества инструкций и установленных правил, а также за добросовестным выполнением работ и обязанностей; н) наложение взысканий на неисправных членов по правилам, определенным общим собранием; о) наблюдение за развитием, обучением и воспитанием несовершеннолетних членов; п) приглашение необходимых специалистов и рабочей силы по постановлению общих собраний; р) предоставление удовлетворения нравственных духовных потребностей членов; с) попечение санитарного, противопожарного, дорожного и др. благоустройства; т) созвание общих собраний членов Общества и вообще заведывание и распоряжение всеми без исключения делами, до Общества относящимися, в пределах, установленных общим собранием. Ближайший порядок действий, пределы прав и обязанностей Центрального совета определяются инструкцией, утверждаемой и изменяемой общим собранием членов Общества.

63) Переписка по делам Общества производится от имени Центрального совета за подписью председателя или одного из членов ЦС и секретаря.

64) Векселя, доверенности, договоры, условия, купчие крепости и другие акты, равно требования на обратное получение сумм Общества из кредитных учреждений, должны быть подписываемы не иначе как половиною общего числа членов Центрального совета. Для получения с почты денежных сумм, посылок и документов достаточно подписи одного члена Центрального совета и секретаря, с приложением печати Общества.

65) Центральный совет Общества собирается еженедельно и по мере надобности в дни, назначаемые самим ЦС, о чем члены Общества поставляются в известность. В заседания ЦС, кроме членов оного, могут быть допускаемы и члены Общества, и специалисты не члены, но без права решающего голоса. Для действительности решений Центрального совета, необходимо присутствие большинства членов ЦС с правом решающего голоса.

66) Заседаниям Центрального совета ведутся протоколы в шнуровой книге, которые подписываются всеми присутствовавшими членами и прочитываются на ближайшем общем собрании членов Общества.

67) Решения Центрального совета постановляются по большинству голосов, а когда не состоится большинства, то спорный вопрос переносится на решение общего собрания, которому представляются также все те вопросы, по коим Центральный совет или ревизионная комиссия признают необходимым действовать с общего согласия членов Общества или кои, на основании устава и утвержденной общим собранием инструкции, не подлежат разрешению Центрального совета.

Примечание: Если член, не согласившийся с постановлением Центрального совета, потребует занесения своего несогласия в протокол, то с него слагается ответственность за состоявшееся постановление.

68) Члены Центрального совета исполняют свои обязанности на основании общих законов и постановлений, в сем уставе заключающихся, и в случае распоряжений законопротивных, превышения пределов власти, бездействия и нарушения, как сего устава, так и постановлений общих собраний членов Общества, подлежат ответственности на общем основании законов.

Примечание: Члены Центрального совета могут быть сменяемы по определению общего собрания членов Общества и до окончания срока их службы.

Профессиональные советы Общества

69) Профессиональные советы Общества образовываются в каждом отдельном производстве или части общей деятельности Общества из не менее двух членов Общества по приглашению члена Центрального совета, руководящего данным производством или частью, и наемного специалиста, если таковой служит в производстве или части.

70) Профессиональные советы ведают все дела своей профессии, руководят и изыскивают средства улучшения, составляют сметы, проекты, ведут счетоводство и представляют таковые в Центральный совет.

71) Члены профессиональных советов не могут быть устранены от обязанностей таковых пригласившим их членом Центрального совета, а только по решению всего Центрального совета и общего собрания членов Общества.

72) Члены профессионального совета не освобождаются от очередного неоплачиваемого труда, но могут быть вознаграждаемы общим собранием членов за особо проявленную энергию...

Члены учредители: Д. Александров
М. Яковлев
В. Васильев
А. Михайлов
В. Мей

Адрес: Петроград, Пороховые, 4-я линия, № 13 (до приискания места поселения).

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 123, лл. 8—15.— Подлинник.

№ 4

Заявление кооперативного общества колонии «Солнечная» во ВЦИК с просьбой об оказании помощи в переселении на новое место

16 февраля 1918 г.

Адрес совета Общества до приискания постоянного места водворения: близ Петрограда, селение Пороховые, по 4-й линии, д. № 13.

Имея потребность в образовании Общества согласно целям и задачам,

выраженным в прилагаемом при сем печатном уставе[1], мы, нижепоименованные участники, просим Центральный Комитет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов: 1) признания Общества как юридического лица и утверждения устава; 2) права получения в пользование необходимого Обществу количества свободной земли в Семипалатинской области и распоряжений, способствующих занятию таковой; 3) бесплатного и удобного переселения с имуществом членов Общества на место постоянного водворения; 4) материальной помощи и льгот на приобретение инвентаря, всех материалов и предметов, потребных образованию хозяйства Общества; 5) ввиду местных условий отдаленности от населенных центров и обилия зверей,— о снабжении колонии необходимым огнестрельным оружием.

Общество предполагает число членов довести до 50 семей или 250 душ, преимущественно из мастеровых и рабочих, ранее стремившихся к сельскохозяйственному труду и ныне побуждаемых тем же стремлением и безвыходным положением за остановкою заводов и имеющих денежные средства в среднем по 500 руб. на взрослого члена.

До настоящего времени зарегистрированы семьи следующих членов, внесших вступную плату: 1) Александров Дмитрий Арсеньев, работал в Охтенском заводе взрывчатых веществ; 2) Мей Валентин Владимирович — техник того же завода; 3) Яковлев Михаил Яковлевич — слесарь, работавший в Охтенском пороховом заводе; 4) Войцеховский Александр Константинович — водопроводчик Охтенского порохового завода; 5) Керт Карл Петрович — сельский хозяин, садовник того же завода; 6) Виноградов Иван Егорович — слесарь Охтенского завода взрывчатых веществ; 7) Юрьев Илья Филиппович — маляр Охтенского порохового завода; 8) Перцов Георгий Алексеевич — слесарь того же завода; 9) Егоров Федор Егорович — сельский хозяин, рабочий Охтенского завода взрывчатых веществ; 10) Ворошилов Петр Константинович — сборщик Ревельского судостроительного завода; 11) Дорофеев Кузьма Дорофеевич — слесарь Охтенского порохового завода; 12) Мохов Аким Назарович — котельщик Охтенского завода взрывчатых веществ; 13) Афанасьев Алексей Михайлович — монтер-электрик Охтенского порохового завода; 14) Зорин Владимир Мартынович — сельский хозяин и маслодел; 15) Геймберг Николай Готфардович — швейцарец-сыровар; 16) Васильев Василий Васильевич — слесарь Охтенского завода взрывчатых веществ; 17) Гаврилов Трофим Гаврилович — наборщик; 18 и 19) Синицкие Михаил Федорович и Николай Семенович — конторщики Охтенского порохового завода; 20) Цыпленков Павел Матвеевич — учитель и сельский хозяин — счетовод Охтенского порохового завода; 21) Барилка-Барилкевич Владимир Францевич — медицинский фельдшер лазарета Охтенского порохового завода; 22) Опалько Николай Антонович — сельский хозяин.

Приложение: 2 экземпляра устава колонии «Солнечная»[1]

Председатель совета Общества В. Васильев
Секретарь Д. Александров

16(3) февраля 1918 г.

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 123, л. 5 и об.— Подлинник.

---

[1] См. док. № 3.

№ 5

Письмо Исполкома Пороховского районного Совета во ВЦИК с поддержкой ходатайства представителей колонии «Солнечная» об оказании помощи в устройстве на новом месте

16 февраля 1918 г.

Представляемую Универсальной колонией «Солнечная» просьбу [1], Исполнительный комитет Пороховского районного Совета рабочих и солдатских депутатов просит Центральный Исполнительный Комитет удовлетворить и тем самым воплотить в жизнь выраженную уставом колонии идею, которую грудью отстаивает революционный народ Российской республики. С своей стороны Пороховской исполнительный комитет также окажет колонии всяческое содействие.

Тов. председателя Петров
Секретарь Н. Иванов

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 123, л. 7.— Подлинник.

№ 6

Проект устава 2-го Российского общества земледелов-коммунистов [2]

27 февраля 1918 г.

1) Общество задалось целью обрабатывать землю, заниматься скотоводством, коневодством, овцеводством, птицеводством, пчеловодством, садоводством, обрабатывать лес и приводить его в хозяйственный порядок, прорубить просеки-визирки.

Примечание: Но правительство должно послать своего таксатора-инженера за счет государства, а рабочие руки дает Общество.

2) Общество будет обрабатывать лесные материалы, как-то: [на] отопление и строительные материалы, которыми Россия до крайности нуждается и об этом давать знать государству и продавать только на рынке России, дабы всякому гражданину было возможно приобрести недорого как строительные материалы, так и на отопление, по цене, доступной бедному.

3) В Обществе должны работать все за одного и один за всех, ни от каких работ не должен никто отказываться.

4) В Обществе должны быть свои руководители, избираемые Обществом.

5) За суммы, взятые из Государственного казначейства, Общество отвечает круговой порукой.

6) Все, приобретенное Обществом на коммунистических началах, считается достоянием Общества.

7) До вступления в Общество коммунистов приобретенное имущество, как-то: платья и другие вещи, и деньги считаются собственностью его владельца всегда.

8) За смертью общинника его имущество собственное по решению Общества выдается ближайшему его родственнику, а имущество, приобретенное Обществом, остается собственностью Общества, и оно само усматривает кому таковое отдать.

---

[1] См. док. № 4.

[2] Заголовок документа.

9) Если общинник будет оставлять коммуну, то ему долг труда выдается за проработанные годы только по решению общего собрания коммуны.

10) После смерти общинника семья его должна быть обеспечена Обществом.

11) Похороны и другие семейные нужды должны быть общественными.

12) Образование детей обязательно.

13) На общественной раде обсуждение имеют право принимать и женщины не моложе 20 лет, а мужчины не моложе 18 лет.

14) Пьянство Обществом не допускается.

15) За кражу и мошенничество исключаются из Общества.

16) Наемный труд в Обществе принимается в крайности с разрешения Общества.

17) Приобретение инвентаря живого и мертвого производится только по совету Общества.

18) Производить рыбную ловлю и охоту.

19) По усмотрению Общества устав может быть изменен во всякое время.

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 91, л. 9 и об.— Копия.

№ 7

Отношение представителей 2-го Российского общества землеробов-коммунистов наркому земледелия с просьбой о наделении землей

27 февраля 1918 г.

2-е Российское общество землеробов-коммунистов обращается к Вам с просьбой не отказать в Вашем содействии о наделении Общества площадью земли из 1500 десятин, которую Общество использует для сельского хозяйства на коммунистических началах. Желательно, чтобы земля была дана в Томской губернии около города Барнаула[1], смежно с 1-м обществом обуховской организации.

Ввиду того, что в скором времени наступит весна, что очень важно для переселенцев, Общество просит дать Ваше заключение, дабы мы могли использовать теплое время, ибо самая малая оттяжка может повлечь за собой целый год бездеятельности и даже распад организации, что было бы очень нежелательно.

Председатель Общества Ал. Петров
Секретарь Ал. Богданов

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 91, л. 8.— Подлинник.

№ 8

Отношение заместителя наркома земледелия начальнику Алтайского переселенческого округа с предложением оказать содействие 2-му Российскому обществу землеробов-коммунистов по приисканию участка земли

1 марта 1918 г.

2-е Российское общество землеробов-коммунистов обратилось в Комиссариат земледелия с просьбой оказать содействие в предоставлении этому Обществу участка земли до 1 500 десятин для сельского хозяйства на ком-

мунистических началах. Отвод земли 2-му обществу желательно получить смежно с участком, который намечен для 1-го такого же общества. По имеющимся сведениям и по объяснениям представителей 1-го общества, участок земли для него намечается в пределах Убинского лесничества[2], из принадлежавших Кабинету оброчных статей. Ввиду этого Комиссариат земледелия поручает Вам оказать содействие представителям 2-го общества по приисканию участка земли по возможности в тех же местах и по отводу его 2-му обществу на тех же основаниях, на каких земля будет предоставлена 1-му обществу.

По исполнении этого уведомите о последующем Комиссариат земледелия.

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 91, л. 14.— Отпуск.

№ 9

Телеграмма начальника переселенческого управления Наркомзема в Екатеринбург о выезде партии переселенцев 2-го общества землеробов-коммунистов

23 марта 1918 г.

[Из] Петрограда [в] Семипалатинск выехала партия переселенцев Общества землеробов коммунистов, 400 человек. Окажите содействие. [В] случае просьбы организуйте питание [за] наличный расчет. Закажите [по] телеграфу последующие пункты.

Чиркин

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 77, л. 2.— Телеграфный бланк.

№ 10

Постановление Семипалатинского областного Объединенного съезда крестьянских, рабочих, солдатских, киргизских[1] и казачьих депутатов об отводе участка земли 1-му Российскому обществу землеробов-коммунистов

2 апреля 1918 г.[2]

Областной объединенный съезд крестьянских, рабочих, солдатских и представителей киргизских и казачьих депутатов, заслушав ходатайство 1-го петроградского общества землеробов-коммунистов, сорганизованного из рабочих петроградских заводов, о колонизации 200 семейств в пределы Семипалатинской области и отводе участка земли на коммунистических началах, постановил: как исключение, допустить переселение названной коммуны в числе 200 семейств, поручив земельному и переселенческому отделам соответствующую разработку.

Газета «Трудовое знамя» (гор. Семипалатинск) № 4, 5 апреля 1918 г.

---

[1] Так до 1925 г. принято было называть казахов.

[2] Дата заседания съезда.

№ 11

Газетная заметка о 1-ом Российском обществе землеробов-коммунистов

5 апреля 1918 г.[1]

У КОММУНИСТОВ

Возвратясь домой с пленарного заседания 2-го апреля в 2 часа ночи, мы с товарищами были приглашены на собрание Общества коммунистов, прибывших из г. Петрограда, которых часть квартирует в доме окружного суда. Нас приветствовали аплодисментами как членов Областного исполнительного комитета и просили нас оказывать им помощь, в чем будет нужда.

Я от души рад за их сплоченность, судя по тому, что мне пришлось видеть своими глазами, как члены Общества положили на общую пользу все свои драгоценности и деньги, которых, я думаю, будет не менее 20 000 рублей, если не больше. Это только часть еще того Общества; остальные же живут в помещении семинарии. И мы просим всех граждан города обратить [внимание] на эту социально-коммунистическую организацию, образованную нашим дорогим учителем и защитником рабочего, крестьянского класса товарищем Лениным, который напутствовал при отправлении дорогих ему помощников в деле свержения монархического и коалиционного правительства и благословил их оружием, которое они отдали на хранение в местный Совдеп до выезда из города в назначенное место. Но они целиком всей своей коммуной встают на защиту Советской власти и, если понадобится помощь в работе по организации, все они готовы идти навстречу пролетариату.

Давайте, товарищи, поможем молодой нашей организации, чтобы она не заглохла, ей нужна реальная помощь и эту реальную помощь только может дать сам пролетариат. И если мы, товарищи, сидящие у власти, не дадим поддержку этой партии коммунистов, то нам нет на сей земле места. Мы обязаны это сделать, это наш долг и святая обязанность.

Да здравствует социально-коммунистическое общество!

Да здравствует наша партия коммунистов (большевиков)!

Да здравствует Совет Народных Комиссаров и товарищ Ленин!

Член Исполнительного комитета
Совета рабочих и солдатских, крестьянских, киргизских,
казачьих депутатов

Калинин

«Трудовое знамя» № 4, 5 апреля 1918 г.

№ 12

Газетная заметка о собрании членов 1-го Российского общества землеробов-коммунистов

6 апреля 1918 г.[1]

ПЕТРОГРАДСКАЯ КОММУНА ХЛЕБОРОБОВ

В помещениях учительской семинарии и окружного суда с 30 марта с. г. поместились 175 семей петроградских рабочих, едущих на участок в Зыряновскую волость для организации сельского хозяйства на коммунистических началах. Коммуна довольно хорошо организована; состоит

[1] Дата публикации.

из 749 душ обоего пола с детьми. Кроме рабочих, есть интеллигенция, как-то: фельдшер, акушерка, учителя, бухгалтеры и др. 3 апреля в 2 ч. дня в здании учительской семинарии было общее собрание этой коммуны.

Открывая собрание, председатель В. С. Грибакин в красиво построенной речи приветствовал общее собрание. Затем была прочитана повестка дня, предложенная правлением, которая целиком принята. В порядке дня выступают ораторы с докладами о поездке ходоков на участок, о переезде членов коммуны из Петрограда в Семипалатинск. После этого представитель ревизионной комиссии доложил о результатах ревизии правления. Доклады принимаются собранием к сведению. Наконец, приступают к чтению по пунктам устава коммуны. На каждый пункт дает подробное объяснение организатор коммуны И. С. Гуриненко.

В зале образцовый порядок: ораторы, прежде чем выступить, записываются; говорят просто, но очень толково и по существу. Зачитывается пункт устава о регистрации предметов домашнего потребления, приобретенных членами до вступления в коммуну.

Одна из гражданок заявляет, что она ни под каким видом не отдаст в коммуну приобретенных ею ранее вещей. Следующий оратор, упрекая ее в узком эгоизме, говорит, что в коммуне собственности такой, как она понимает, быть не должно.

Гуриненко в горячей речи говорит, что когда уж полдела сделано, что когда они выехали из Петрограда так далеко, в Сибирь, то теперь не может быть места эгоизму. «Все, как один, должны сознать все те великие задачи, всю ту пользу, какую преследует наша коммуна хлеборобов и поэтому должны всеми силами души стараться способствовать осуществлению этих столь высоких задач петроградских рабочих, вырвавшихся из цепких лап капитала, убежавших от холодной и голодной смерти. Я еще с ученической скамьи лелею это дорогое для меня детище — коммуну. И вдруг на склоне моих дней, когда мне минуло 60 лет, я вижу его перед собой, я не верю своим глазам!!»

Далее оратор от сильного волнения говорить не мог. Его речь воодушевила и растрогала всю аудиторию; послышались рыдания и возгласы: «Нет, мы все, что есть у нас лучшего, дорогого принесем и положим для строительства коммуны, а если надо будет [1], то и умрем!!»... Раздались бурные аплодисменты и посыпались пожертвования. Отдавались все трудовые сбережения в кассу коммуны. Женщины снимали золотые украшения и клали на стол. Даже дети приносили свои копилки и отдавали на общее дело.

После этого выступил воспитанник местной семинарии с приветствием коммуне от группы своих товарищей. Ему устроили шумную овацию. В 8 ч. вечера собрание закрылось.

«Трудовое знамя» № 5, 6 апреля 1918 г.

№ 13

Заявление 1-го Российского общества землеробов-коммунистов в Семипалатинский Совет об оказании им помощи

9 апреля 1918 г.

Правление Общества землеробов-коммунистов доводит до вашего сведения, что 31 марта (н. ст.) сего года в г. Семипалатинск прибыл из Петрограда эшелон переселенцев — членов вышеупомянутого Общества, имеющий целью проследовать на юг, в район Зыряновского лесничества

[1] В тексте — «не будем».

для поселения на укрепленный через посредство ходоков участок земли. Общее количество семейств членов Общества около двухсот.

Членами Общества состоят в большинстве рабочие г. Петрограда и незначительное число лиц интеллигентных профессий. Задача Общества состоит в организации коллективного сельского и промышленного (ремонт машин, изготовление новых и т. п.) хозяйства и создании условий, благоприятных общественному воспитанию и образованию детей.

Средства Общества составляются из паевых взносов от каждого семейства в размере пятисот рублей и 67 рублей взносов на организационные расходы.

Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сочувственно откликнулся на идею организации нашего Общества и оказал значительную материальную помощь; при его посредстве нами получены походные кухни, телеги, упряжь и некоторое количество палаток.

Обществу предстоит произвести в ближайшее время значительные расходы на покупку сельскохозяйственных орудий, лошадей и рогатого скота. До сбора хлеба с собственных полей Обществу предстоит прокормить своих членов в количестве до 800 человек. Существующая дороговизна на все предметы поставит Общество в затруднительное положение. Правление Общества, предвидя это, обращается к вам с просьбой оказать нам в настоящий момент возможную помощь содействием в приобретении машин, семян и необходимого скота на льготных условиях и, если возможно, [в] денежной поддержке, которая будет возвращена нами с благодарностью как только Общество достаточно окрепнет.

Общество нуждается в одежде, обуви, оружии и сельскохозяйственном инвентаре. Если Совет найдет какую-либо возможность оказать Обществу помощь, то Общество примет таковую с величайшей благодарностью.

Общество помещается в здании семинарии (правление) и в здании окружного суда.

Председатель А. Климкевич
Секретарь Б. Леонтьев

9 апреля (н. ст.), 1918 г.
г. Семипалатинск.

ЦГАОР КазССР, ф. 1416, оп. 1, д. 31, л. 6.— Подлинник.

№ 14

Отношение 1-го Российского общества землеробов-коммунистов земельному отделу Семипалатинского областного исполкома об отводе Обществу земельного участка

19 апреля 1918 г.

Постановлением Областного объединенного съезда Советов [рабочих], крестьянских, солдатских и представителей киргизских и казачьих депутатов от 20 марта 1918 года [1], после заслушания возбужденного Обществом ходатайства об отводе участка земли для поселения, решено, как исключение, допустить переселение нашей коммуны в числе 200 семейств, поручив земельному и переселенческому отделам соответствующую разработку.

[1] Датировано по старому стилю.

Со времени приведенного постановления наша коммуна в полном составе проживает в г. Семипалатинске в ожидании назначения подходящего участка земли вблизи путей сообщения, чтобы коммуна, имея в виду заняться ремонтом земледельческих машин и при возможности к тому — изготовлять новые, могла бы быть полезной местному населению.

Обществу известно, что имеются два участка земли, отвечающие вышеуказанным условиям: первый под названием «Урочище Свинчатка» Нарымской и Уркорской волостей Усть-Каменогорского уезда при реках Иртыше и Нарыме; второй участок под названием «Маймыр» на р. Нарыме выше урочища Свинчатки [3)].

Чтобы положить конец бесцельному проживанию Общества в г. Семипалатинске, Общество просит вашего содействия об отводе одного из названных участков и принять меры к формальному его закреплению за Обществом. Одновременно Общество просит вас содействовать бесплатному перевозу Общества с имуществом до ближайшей к участку пристани на пароходе.

Приложение: Копия постановления областного съезда депутатов от 20 марта 1918 года [1].

Председатель А. Климкевич
Секретарь Курбанов

ЦГАОР КазССР, ф. 1416, оп. 1, д. 31, л. 5.— Подлинник.

№ 15

Постановление Семипалатинского областного Совета по ходатайству 1-го Российского общества землеробов-коммунистов

19 апреля 1918 г.

Слушали:... 7. Ходатайство коммунистов об отводе одного из следующих участков: «Урочище Свинчатка» Нарымской и Уркорской волостей Усть-Каменогорского уезда или «Маймыр» на р. Нарыме, выше Свинчатки, а также о содействии [2] бесплатному перевозу Общества с имуществом до ближайшей пристани и об отпуске денежной ссуды на обзаведение.

Постановили:... 7. a) Разрешение вопроса об отводе одного из вышеозначенных участков передать земельному отделу; b) войти в сношение с конторой народного пароходства о предоставлении коммуне льготного проезда; c) принципиально высказаться за оказание денежной помощи коммуне по получении средств из центра.

Что касается материальной помощи в виде семян и др., то поручить оказать таковую по мере возможности продовольственному отделу.

Председатель Областного Совета [*подпись*]
Секретарь [*подпись*]

ЦГАОР КазССР, ф. 1416, оп. 1, д. 18, л. 30.— Копия.

---

[1] См. док. № 10.
[2] В тексте — «содействовать».

№ 16

Телеграмма председателя Бухтарминского Совнаркома Семипалатинскому областному Совету об установлении Советской власти в Бухтарминском уезде

14 мая 1918 г.

Народным съездом представителей Бухтарминского района признана Советская власть. Образован новый Бухтарминский уезд [с] присоединением [к] Семипалатинску. Выбран уездный Совет народных комиссаров [из] пяти лиц. Приступлено [к] организации уездного города [в] Свинчатке. Предоставлено право пионерства 1-му Российскому обществу землеробов-коммунистов [4].

Председатель Бухтарминского Совнаркома
Козьмодемьянский

ЦГАОР КазССР, ф. 1416, оп. 1, д. 16, лл. 71—72.— Телеграфный бланк.

№ 17

Заявление трудовой колонии «Солнечная» Семипалатинскому исполкому и земельному отделу о выделении земли для колонии

16 мая 1918 г.

Трудовая колония «Солнечная», образовавшаяся из петроградских рабочих, следуя на переселенческий участок «Коке»[5] Усть-Каменогорского уезда, принуждена остановиться на Гусиной пристани, по невозможности добраться до него с семьями и имуществом по имеющимся только вьючным путям, а, главным образом, к посевному времени, которое уже началось. С другой же стороны, участок «Коке» оказался согласно документам областного переселенческого управления для земледелия совершенно непригодным по климатическим условиям, не допускающим вызревания хлебов.

Вследствие вышеизложенного, Общество колонии «Солнечная» вынуждено искать спасения от полного обнищания и голодной смерти в неотложном посеве хлебов где бы то ни было на свободной земле. Таковой свободной земли несколько тысяч десятин оказалось имеющейся при селении Гусиная пристань, принадлежащей казачьей станице Бухтарма, к каковой общество «Солнечная» обратилось с просьбой позволения запашки и поселения на ее землях, совершенно пустующих или отдаваемых в хищническую аренду киргизам.

Но Бухтарминское казачье общество на собрании 7 мая с. г., выслушав неприязненную и несправедливую речь и предложение своего члена Щербакова, в просьбе общества «Солнечная» отказало и не дало слова представителям его для истинного освещения данного вопроса.

Ввиду вышеизложенного безвыходного положения наше Общество не могло подчиниться постановлению Бухтарминского казачьего общества и приступило к распашке и обсеменению свободной земли, но казачество Бухтармы словесно и документально угрожает нам кровавой расправой.

Доводя до сведения Исполнительного комитета [Совета] рабочих, крестьянских, солдатских, киргизских и казачьих депутатов о всем вышеизложенном, Общество трудовой колонии «Солнечная» просит всемерной защиты права членов Общества на существование и содействие развитию общественного труда по основам закона о социализации земли.

Председатель совета Общества Д. Александров
Секретарь В. Романов

ЦГАОР КазССР, ф. 1416, оп. 1, д. 31, л. 172 и об.— Подлинник.

№ 18

Из протокола заседания Семипалатинского губисполкома[6] о предоставлении трудовой колонии «Солнечная» земельного участка

24 мая 1918 г.

Слушали: § 1. Ходатайство трудовой колонии «Солнечная» о предоставлении ей права засеять в текущем году свободные земли, принадлежащие Бухтарминскому казачьему обществу, к распашке и обсеменению которых, несмотря на отказ означенной станицы, колония уже приступила.

Заслушав личное объяснение представителя колонии «Солнечная» о том бедственном положении, в каком очутится колония в случае отказа в запашке земли, площадью в двадцать десятин, и принимая во внимание, что казачьи земли не входят в круг ведения губернского земельного отдела,

Постановили: § 1. Ввиду того, что здесь имеется дело не о предоставлении земли, а [о] запашке без соответствующего разрешения, данный вопрос должен быть разрешен комиссией, которая и должна выехать на место.

В комиссию должен войти один представитель от Усть-Каменогорского земельного отдела и по одному представителю от Бухтарминского станичного земельного комитета соседней волости и от каждой заинтересованной в этом деле стороны.

Принципиально Исполнительный комитет губернского Совета высказывает[ся] за необходимое предоставление колонии площади в двадцать десятин из свободных земель Бухтарминской станицы для производства посева в текущем году, необходимого в смысле обеспечения членов колонии хлебом до следующего посевного периода.

Председатель Комаров
Секретарь Гавриленко

ЦГАОР КазССР, ф. 1416, оп. 1, д. 18, л. 53.— Подлинник.

№ 19

Из сводки о деятельности Петроградского справочного бюро по переселению в Сибирь

Июль 1918 г.

...Переселенческие коммуны явление новое, исключительно любопытное в бытовом отношении, крайне полезное для развития народного хо-

зяйства в Сибири. По собственной инициативе подбираются артели стойких, выносливых, предприимчивых людей, спаянных общностью идей, с высоко развитым творческим чувством, осторожно, сознательно относящихся к трудному делу переселения. В коммуне нет места случайным, бесполезным элементам. Здесь все роли распределены, всякий человек на учете, приняты в расчет интеллектуальные силы каждого.

В коммуне имеются собственные кузнецы, монтеры, литейщики, токаря, шорники,— словом артель в любой обстановке, без чужой помощи сумеет бороться с препятствиями при устройстве на новых местах. Помимо того, коммуны отправляются за Урал, запасшись всеми нужными сведениями, картами, хозяйственным инвентарем, с достаточным паевым капиталом (пай от 300 руб. и выше). Им не страшны тернии переселения, они быстро окрепнут на сибирской почве.

С помощью Бюро отправлены следующие коммуны: 1-е Российское общество землеробов-коммунистов, составленное обуховскими рабочими из 200 семей; 2-е общество землеробов из рабочих Александро-Невского района; коммуна «Сеятель» из рабочих Пороховского и Металлического заводов, решившая основать на месте водворения слесарно-механическую мастерскую для нужд окрестного населения; коммуна рабочих-электриков довольно слабая по организованности; коммуна кронштадтских рабочих. Вплоть до перерыва сношений с Сибирью Бюро получало от коммунистов бодрые, исполненные веры письма, проникнутые восхищением перед девственной природой Сибири, с благодарным упоминанием, что все указания Бюро блестяще оправдались.

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 38, лл. 46—47.— Подлинник.

№ 20

Из обзора деятельности Петроградского справочного бюро по переселению в Сибирь

Июль 1918 г.

...Из коммун, ушедших при содействии Бюро в Сибирь, назовем следующие, наиболее крупные и хорошо подготовленные: 1-е Российское общество коммунистов-землеробов, организованное обуховскими рабочими; 2-ое Российское общество коммунистов-землеробов, сформировавшееся из рабочих Александро-Невского района; коммуна «Солнечная», составленная рабочими Пороховского района; коммуна «Сеятель», в которую вошли, главным образом, рабочие Металлического завода; большая сельскохозяйственная коммуна кронштадтских рабочих; довольно многочисленная, хотя и слабее других оборудованная, коммуна рабочих-электриков, в состав которой вошли рабочие разных заводов, районов, цехов.

Главной целью всех таких коммун было земледелие и вообще сельское хозяйство на новых местах. Но все они — одни в большей степени, другие в меньшей — готовы и к технической работе на нужды хозяйства местного населения. В цели, например, коммуны «Сеятель» входило, кроме своего хозяйства, также и устройство мастерской для производства и починки сельскохозяйственных орудий и всяких предметов домашнего и трудового обихода местного населения. Увезли с собою инструменты и запас металла землеробы 1-го и 2-го Российских обществ.

Политические осложнения в Сибири приостановили, к сожалению, сведения об устройстве и работе коммун на местах водворения. Но до осложнений некоторые сведения получались сначала от организаторов, которые уехали вперед, а затем и от коммун, уже приехавших на свои новые земли. По полученным сведениям, ехали оживленно, бодро, — «весело». С мест сообщали, что природные свойства местности их поразили: свежесть природы, свобода, видимые удобства земли для хозяйства, — все это оказалось в натуре лучше, чем ожидалось найти.

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 38, лл. 26—27.— Подлинник.

№ 21

Из обзора деятельности Московского осведомительного бюро переселенческого управления Наркомзема

Июль-август 1918 г.

...Крестьяне, как и раньше, намеревались устроиться в Сибири отдельными семьями. Изредка они заявляли, что отправляются на новые места коммуной, показывали свой товарищеский договор или устав коммуны.

Но в большинстве случаев коммуны эти были малочисленны (15—20 человек с детьми) и по составу ненадежны. Рабочие наоборот — стремились организовать большие прочные коммуны. В этих коммунах принимали участие лица интеллигентных профессий (врачи, агрономы) и были убежденными идеологами такого именно переселения. Устав коммуны вырабатывался обстоятельно, продуманно. Члены-участники принимались с разбором. (Между прочим, из Петрограда при содействии переселенческого управления было отправлено в Сибирь 1-е Российское общество коммунистов-земледельцев, организованное рабочими Обуховского завода в составе 200 семей). На каждое семейство обычно устанавливался взнос в определенной сумме (300 рублей и больше). Получался целый капитал. В коммунах имелись свои плотники, кузнецы, слесаря, столяры,— свои земледельцы, хозяйничавшие раньше в деревне. С собой они брали инструменты, иногда запасы стали и железа.

Между прочим, к содействию Бюро обращались представители и уполномоченные следующих коммун: Орлов — представитель коммуны Московской губернии, состав коммуны 300 человек; Николаев — той же губернии, состав 50 человек, коммуна направилась в Тобольскую губернию; Титов — Владимирской губернии, представитель коммуны «Артель возрождения» (сто человек), коммуна направлялась в Кузнецкий уезд Томской губернии на зачисленную ходокам землю; Любомудров (гор. Москва), представитель Московской с.-х. коммуны в составе 640 человек,— коммуна направлялась в Алтайскую губернию; Щеляев — Московской губернии, представитель коммуны в 600 человек, коммуна направлялась в Акмолинскую область, и др.

ЦГАОР СССР, ф. 2077, оп. 2, д. 38, л. 34 и об.— Подлинник.

№ 22

Статья Н. К. Крупской «Как питерские рабочие по совету Ильича поехали в далекий Казахстан»[1]

7 ноября 1936 г.

За девятнадцать прошедших лет страна наша из темной, отсталой страны, затоптанной помещиками и капиталистами, превратилась в страну богатую, мощную. Культура страны Советов растет чрезвычайно быстро. Крепнет дружба народов. Не на словах, а на деле СССР стал социалистическим, стал показом для трудящихся всего мира. Ленин говорил не раз, что победа рабочего класса может быть осуществлена, закреплена лишь в неустанной борьбе и важно чрезвычайно осветить как можно полнее борьбу пролетариата нашей страны Советов. Над этим надо работать.

Отвечая десять дней спустя после взятия власти, на заседании ВЦИК, левым эсерам, Ленин сказал: «Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм: социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс» (т. XXII, стр. 45) 7).

Инициативе масс уделял Ленин огромное внимание. Он считал, что партия большевиков, партия коммунистов, этот передовой отряд борющегося пролетариата, должна будить эту инициативу, помогать ей вливаться в определенное русло. 27 апреля 1917 года на Петроградской общегородской партийной конференции Ленин говорил: «С национализацией земли буржуазия может помириться, если крестьяне возьмут землю. Мы, как пролетарская партия, должны сказать, что одна земля еще не накормит. Для обработки ее нужно будет, следовательно, устроить коммуну. Мы должны быть централистами, но есть моменты, когда эта задача передвигается на места, мы должны допускать максимум инициативы на местах. Кадеты уже действуют, как чиновники. Говорят крестьянству: „Жди Учредительного собрания". Только наша партия дает лозунги, действительно двигающие революцию вперед. Советы рабочих депутатов вполне могут на местах установить коммуны. Вопрос, хватит ли у пролетариата организованности, но этого нельзя заранее подсчитать, надо на деле учиться» (т. XX, стр. 182) 8).

Слова эти глубоко запали в сердца рабочих Шлиссельбургского тракта — обуховцев, семянниковцев. Они задумали организовать коммуну. Кое-кто из них был в ссылке в Сибири, знал как богата там земля, сколько там неподнятой целины и задумали они организовать пролетарскую коммуну — землеробов российской земли на далеком Алтае[2].

В январе 1918 года пошла к Ильичу группа рабочих — обуховцев и семянниковцев в Смольный поговорить о своем плане организовать коммуну. Ильич внимательно слушал. Решил поддержать эту инициативу передовых рабочих. Спрашивал их — почему они не устроятся где-либо поблизости Петрограда, около Луги, например; но рабочие говорили, что время голодное, сейчас надо устроиться там, где земля плодородна, хлеб хорошо родится. Не стал спорить Ленин. Обещал помочь. Во главе делегации был партиец рабочий Кришкевич[3]. Ильич дал распоряжение выдать коммунарам 200 военных палаток, 6 военных кухонь, хлебопекарню.

---

[1] Под этим заголовком в газете «Казахстанская правда» от 7 ноября 1936 г. был опубликован ряд материалов о первых коммунах в Казахстане.

[2] «Об Алтайской коммуне имеется материал в сборнике истории заводов „16 заводов". Ленинградская областная редакция истории заводов готовит еще более подробную главу об „Алтайской коммуне", которая войдет в историю Обуховского завода».— *Примечание документа.*

[3] В документах — «Климкевич».

Тов. Быкова вспоминает, как вместе с комендантом Смольного тов. Мальковым они отбирали в бельевых Смольного простыни, белье для коммунаров. Коммунары просили оружие. Ильич знал, что нужно им будет оружие для защиты от кулачья. Дал 50 винтовок, патронов, обеспечил перевозку, распорядился дать поезд. Фарфоровый завод дал посуду, Обуховский завод — два кузнечных набора, станки. Запасли аптеку, материал для издания газеты. Не удалось закупить семян. Сельскохозяйственные орудия собирались закупить на месте.

5 марта 1918 года выехали в Семипалатинск 145 семей [9]. Подавляющее большинство были обуховские рабочие, но были среди них рабочие и других заводов — ижевцы, семянниковцы, невские ткачи, были интеллигенты из-за Невской заставы. Дело коммуны было задумано очень широко. Собирались больницу устроить, школу, клуб, разнообразные мастерские. Среди ехавших было много токарей, слесарей, кузнецов, были шорники, плотники, садовники, огородники, рабочие — недавние крестьяне. Были чертежники, конторщики, техники, агрономы, врачи, педагоги.

Л. А. Грибакина [10] приводит сложенную тогда обуховцами песню:

«В Петрограде, за Невской заставой,
От аптеки версты полторы,
Собирались в обуховской школе
Коммунары Российской земли.

Собирались они не случайно,
Но объяты идеей одной,
Чтобы жить трудовою коммуной,
Вместе жить пролетарской семьей.

Сам Ильич одобрял начинанье
Скоро скоро вагоны он дал...»

Дальше она не помнит. Поезд ехал до Алтая 12 суток. В Семипалатинск прибыли 17 марта. Городской Совет встретил коммунаров радушно, разместил в зданиях окружного суда и бывшей семинарии. Отпустил продовольствие, помог закупить семян, сельскохозяйственных орудий, лошадей. Участок земли, который наметили приезжие занять под коммуну, так называемый «Калмыцкий брод», находился от Семипалатинска верстах в пятистах. Ехать до него надо было на пароходе вверх по Иртышу и на лошадях.

Когда обуховские рабочие в марте приехали в Семипалатинск, там стояла еще суровая зима. Иртыш еще не тронулся, пришлось чуть не месяц ждать. Потом суток пять ехали на пароходе. Доехали до пристани Гусиной. Там надо было на лошадях еще ехать верст сто. Намеченный участок оказался непригодным, пришлось искать другой. Увидя трудности, часть семей отсеялась, кто остался в Семипалатинске, кто на Гусиной.

Первая пролетарская коммуна петроградских рабочих поселилась в лесу, среди алтайских гор. Потом около обуховской коммуны возникли еще две такие же коммуны. Вторая коммуна состояла из семянниковских рабочих, третья коммуна — «Солнце» [11] также из петроградских рабочих.

История обуховской и семянниковской коммун — одна из ярчайших страниц героической борьбы пролетариата за новый уклад. Обработка земли была трудна. Главное — не хватало тягловой силы. Было только 18 лошадей. Коммунары впрягались другой раз сами, даже женщины, которые особо горячо взялись за организацию коммун. Несколько десятин пришлось вскапывать лопатами. Семена были плохие. Навыки сельскохозяйственного труда были очень у немногих. Крестьяне с удивле-

нием смотрели на приехавших петроградцев, их поражали их вид, палатки, городская одежда. Богатые крестьяне стали их сразу же травить, утверждать, что они приехали грабить крестьянство и т. д. и т. п. Бедняки почувствовали, что кулачье врет, помогли немного коммунарам в деле вспашки.

Коммунары сразу занялись пропагандой, но слишком одиноки они были. Кулачье находило крепкую поддержку со стороны казачества, сплошь жившего по одну сторону Иртыша. 1918—1919 годы были годами острой гражданской войны. Коммунары подвергались постоянным погромам и нападениям. Наконец 15 сентября 1919 года колчаковцы захватили 28 коммунаров, в том числе Василия Грибакина (председателя обуховской коммуны) и Петрова (председателя коммуны семянниковцев). Увезли их, потом изрубили в куски.

Разгоревшаяся гражданская война не дала возможности развернуться почину петроградских рабочих, но начатое обуховскими и семянниковскими рабочими дело не погибло, колхозы победили в нашей стране Советов. Оставшиеся в живых обуховцы и семянниковцы приняли активное участие в гражданской войне, сделали немало для победы Советской власти.

«Казахстанская правда», № 257, 7 ноября 1936 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В дальнейшем было решено обосноваться в Семипалатинской области.— 32.
2) Убинское лесничество в Семипалатинской области, Усть-Каменогорском уезде на реке Убинке. Участок, выбранный там представителями 1-го общества, оказался непригодным.— 33.
3) Ныне оба урочища, Свинчатка и Маймыр, входят в Бухтарминский район, Восточно-Казахстанской области.— 37.
4) Народный съезд представителей трудового крестьянства и казачества Бухтарминского района был созван по инициативе новоселов, петроградских коммунаров; они помогли установлению Советской власти также и в Свинчатке, небольшом рудничном селении.— 38.
5) Ныне участок Коке (Коко) входит в Самарский район, Восточно-Казахстанской области.— 38.
6) В мае 1918 г. Семипалатинская область была преобразована в губернию.— 39.
7) В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 255.— 42.
8) В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 123.— 42.
9) Здесь допущена неточность; выехало 200 семей.— 43.
10) Л. А. Грибакина — жена одного из организаторов первой коммуны — Василия Грибакина.— 43.
11) Речь идет о коммуне «Солнечная». —43.

РЕВКОМЫ БЕЛОРУССИИ В БОРЬБЕ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ И УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1920 г.

В борьбе рабочих и крестьян нашей страны за установление и упрочение Советской власти, в борьбе против внутренних и внешних врагов Советского государства в период гражданской войны и иностранной интервенции выдающуюся роль сыграли военно-революционные комитеты. В период Октябрьского вооруженного восстания военно-революционные комитеты, созданные при Советах, руководили революционными вооруженными силами, поднимали и организовывали массы на борьбу против контрреволюции, устанавливали революционный порядок, проводили мероприятия по упрочению Советской власти. Позже ревкомы создавались как временные чрезвычайные органы государственной власти в местностях, освобожденных от неприятеля, в прифронтовой полосе и в тылу в связи с вооруженной борьбой против интервентов и белогвардейцев, против контрреволюционных мятежей, бандитизма и т. д.

Публикуемые документы относятся к истории ревкомов, возникших в связи с освобождением оккупированных районов Белоруссии от белопольских захватчиков; документы помогают раскрыть роль ревкомов в деле восстановления и упрочения Советской власти в Республике, помощи Красной Армии, в организации хозяйственного и культурного строительства.

После того как в июле 1920 г. Красная Армия перешла в решительное наступление на Западном фронте и в течение нескольких недель освободила оккупированную территорию Белоруссии, там стала восстанавливаться Советская власть. При участии большевистских подпольных организаций, возглавлявших партизанскую войну в тылу врага, реввоенсоветы армий и политические отделы дивизий организовали революционные комитеты на местах. В некоторых населенных пунктах ревкомы создавались еще до прихода частей Красной армии по инициативе подпольных большевистских организаций. Они развернули большую работу по организации своих отделов, судебных и государственных органов, ликвидировали порядки и учреждения, созданные оккупантами (см. док. №№ 4, 9, 10, 13, 16). В отличие от уездных и волостных центров, где создавались ревкомы, в деревнях под руководством волостных ревкомов организовывались сельские Советы.

11 июля, в день освобождения столицы Белоруссии г. Минска, приступил к исполнению своих обязанностей созданный Реввоенсоветом Западного фронта Минский губернский военно-революционный комитет (см. док. № 1), к которому перешла вся полнота власти в губернии.

31 июля 1920 г. политическими и профессиональными организациями Белоруссии от имени рабочих и крестьян республики была принята «Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии»[1]. Политическое значение этого документа состояло в том, что в нем объявлялось о воссоздании Белорусской Советской Социалистической Республики, провозглашенной еще 1 января 1919 г. в манифесте Временного Рабоче-Крестьянского Правительства БССР, а также излагались принципы ее общественного устройства и основы взаимоотношений с братской Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой.

Согласно Декларации, вся полнота власти в Республике до съезда Советов передавалась Военно-революционному Комитету БССР, выполнявшему функции правительства. Военно-революционный Комитет БССР определял направление деятельности всей системы местных ревкомов, созданных на территории Республики.

Выражая миролюбивые устремления белорусского народа, Военно-революционный Комитет БССР, как и правительство РСФСР, обратился с призывами дружбы и сотрудничества к польскому народу, втянутому империалистами США, Англии и Франции с помощью польских помещиков и капиталистов в захватническую войну против Советской власти.

«Рабоче-крестьянский народ Белоруссии не хочет войны,— говорилось в обращении Ревкома БССР к трудящимся Польши в день его образования 31 июля 1920 г. — Он желает жить в мире и согласии со всеми своими соседями. Он призывает вас к совместной дружной борьбе против всякого гнета и притеснения... Берите власть в свои собственные руки, и между нами и вами установится вечный мир и согласие» (док. № 8).

Важнейшими задачами, стоявшими перед ревкомами были: установление и поддержание твердого революционного порядка, решительная борьба с контрреволюционными элементами, шпионами, бандитами, дезертирами, спекулянтами (см. док. №№ 1—3, 7, 16, 25, 26); всемерное содействие Красной Армии в проведении военно-оборонительных работ; мобилизации и расквартировании воинских частей, в поставке продовольствия и т. д.

Ревкомы Белоруссии проделали громадную работу по оказанию помощи фронту, обеспечению Красной Армии продовольствием и организации «подводной» повинности для удовлетворения ее транспортных нужд (см. док. №№ 16, 21, 23, 24).

Наряду с организацией государственного аппарата, всемерной помощью Красной Армии и подавлением сопротивления контрреволюционных элементов, ревкомы проводили большую организационную работу в области хозяйственного и социально-культурного строительства, организовывали массы на преодоление хозяйственных трудностей и разрухи. Они взяли на учет и организовали охрану народного достояния — фабрик, заводов, складов, народных имений, организовали управление национализированными предприятиями и народными имениями. Опираясь на помощь РСФСР, они восстанавливали предприятия и прежде всего те, продукция которых была необходима фронту. Коммунистические ячейки и ревкомы были организаторами субботников, получивших широкое распространение в освобожденной от оккупации Белоруссии (см. док. №№ 4—7, 13, 16, 19, 20, 28).

12 ноября 1920 г. в целях быстрейшего урегулирования земельных отношений в деревне и практического разрешения аграрного вопроса,

---

[1] См. «Образование СССР. Сборник документов. 1917—1924». М.—Л., 1949, стр. 153—155.

что имело первостепенное значение для укрепления союза рабочего класса и крестьянства, Комиссариат земледелия Ревкома БССР создал Центральную землеустроительную комиссию, которая должна была развернуть работу по распределению бывших помещичьих земель среди безземельных и малоземельных крестьян (см. док. № 27).

Ревкомы проводили большую работу и по оказанию материальной помощи пострадавшим от оккупации семьям красноармейцев, по организации школ, изб-читален, по ликвидации неграмотности и т. д. (см. док. №№ 10, 13, 15—18, 22, 29).

После подписания 12 октября 1920 г. между РСФСР и Советской Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, «Договора о перемирии и прелиминарных условиях мира» [1], разгрома второго ставленника Антанты — Врангеля и ликвидации в ноябре банд Балаховича создались условия к замене на всей территории Советской Белоруссии ревкомов избранными органами власти — Советами.

В конце ноября и начале декабря 1920 г. состоялись выборы Советов в уездах, составлявших после прекращения военных действий территорию БССР [2], за исключением Слуцкого уезда и нейтральной зоны вдоль демаркационной линии, созданной согласно условиям о перемирии.

13 декабря собрался II съезд Советов БССР. Избирательная кампания, а затем сельские, волостные, уездные и республиканский съезды Советов по выборам органов власти проходили под лозунгами перехода к мирному строительству и борьбы с экономической разрухой, укрепления союза рабочего класса и крестьянства, тесного братского хозяйственного сотрудничества и взаимопомощи БССР и РСФСР.

Публикуемые документы выявлены в архивах Белоруссии: в Партархиве ЦК КПБ, ЦГАОР БССР, Гомельском и Витебском областных государственных архивах. В отдельных случаях из-за отсутствия документальных источников привлекался фактический материал из газет.

Публикуемые документы относятся территориально к уездам, входившим в состав БССР в 1920 г., а также и к уездам, вошедшим в состав БССР позднее.

Документы №№ 6, 10, 15, 16, 27, 28 даны в извлечениях. Опущены второстепенные детали и текст, не относящийся к теме публикации.

В. А. Круталевич, В. А. Ильичева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

волкомтруд — волостной комитет по всеобщей трудовой повинности
губтекстиль — губернский текстильный отдел
губтрамот — губернский транспортно-материальный отдел
губстромотдел — губернский отдел строительных материалов
губхимотдел — губернский химический отдел
губотюст — губернский отдел юстиции
губсовнархоз, ГСНХ — губернский совет народного хозяйства
губкомтруд — губернский комитет по всеобщей трудовой повинности
губсобес — губернский отдел социального обеспечения
ЕПО — единое потребительское общество
комтруд — комитет по всеобщей трудовой повинности
Опродкомдив — Особая комиссия по снабжению продовольствием и предметами первой необходимости дивизии

---

[1] Договор вступил в силу 18 октября 1920 г.

[2] Территория БССР состояла из шести уездов: Минского, Борисовского, Слуцкого, Игуменского и Мозырского.

Опродкомбриг — Особая комиссия по снабжению продовольствием и предметами первой необходимости бригады
Опродком — Особая комиссия по снабжению Красной Армии продовольствием и предметами первой необходимости
рабочком — рабочий комитет
упрофбюро — уездное профсоюзное бюро
укомпарт — уездный комитет партии
упродсовещание — уездное продовольственное совещание
фольв — фольварк
чрезинспектор — чрезвычайный инспектор
ЧУСО — Чрезвычайный уполномоченный по снабжению Красной Армии.

№ 1

Приказ № 1 Минского губернского ревкома о восстановлении Советской власти на территории Минской губернии и необходимости поддерживать революционный порядок

11 июля 1920 г

Рабоче-крестьянская Красная Армия очистила г. Минск от польской шляхты и ее защитников — белогвардейских банд. На всей освобожденной из-под гнета территории Минской губ. с сего числа устанавливается власть рабочих и крестьян — власть Советов. На основании постановления Революционного военного совета Западного фронта [1] высшая гражданская и военная власть в губернии до созыва съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов передается Минскому губернскому военно-революционному комитету.

Минский губернский военно-революционный комитет, вступив в исполнение своих обязанностей, приказывает:

1. Соблюдать в городе и губернии образцовый порядок. Грабежи, расхищения оставшегося от белогвардейцев имущества, всякие самочинные обыски, аресты, конфискации без ордеров губревкома, пьянство, продажа спиртных напитков и т. д. будут преследоваться по законам военного времени.

2. Всем общественным и частным учреждениям, заведениям и предприятиям работу производить нормальным порядком.

3. Торговлю в городе производить обычным порядком по ценам, установившимся на сегодняшнее число на рынке. Все граждане, уличенные в умышленном закрывании имеющихся у них предприятий и торговых заведений или во взвинчивании цен, будут преследоваться, как неисполняющие распоряжений революционной власти.

4. Всем учреждениям и гражданам советские деньги принимать наравне с керенками и николаевскими.

5. Заготовление печатей, штампов, печатание материалов в типографиях г. Минска производить только с разрешения Ревкома.

6. Военно-революционный комитет помещается в гостинице «Париж». Прием представителей общественных организаций и граждан председателем и членами губревкома производится с 12 до 14 час. дня. Занятия в губревкоме с 10 до 16 час.;

ЦГАОР БССР, ф. 46, д. 23, л. 2.— Типографский оттиск.

№ 2

Приказ № 1 Слуцкого временного уездного ревкома о восстановлении Советской власти в городе и уезде и установлении революционного порядка

15 июля 1920 г.

С 15 сего июля вся власть в г. Слуцке и Слуцком уезде принадлежит уездному временному военно-революционному комитету, выдвинутому подпольной организацией коммунистов, совместно с представителем оперирующих в районе г. Слуцка воинских частей.

Граждане города и уезда подчиняются распоряжениям военно-революционного комитета. Всем гражданам вменяется в обязанность оказывать содействие проходящим воинским частям, соблюдая полное спокойствие, поддерживать революционный порядок.

За разъяснениями, справками и с жалобами обращаться в военревком, гостиница «Бристоль», верхний этаж.

ЦГАОР БССР, ф. 8, д. 34, л. 37.— Копия.

№ 3

Приказ № 1 Несвижского городского ревкома о роспуске магистрата и отмене распоряжений оккупационных властей

Не позднее 16 июля 1920 г.

Революционный комитет г. Несвижа приказал:

1. Магистрат распустить.

2. Все распоряжения магистрата, а также гражданских и военных польских властей отменить.

3. Все распоряжения и постановления ревкома входят в силу с 16 июля текущего года.

4. Всякое неподчинение и неповиновение распоряжениям ревкома будет караться по всем строгостям военно-революционного времени.

ЦГАОР БССР, ф. 35, д. 44, л. 2.— Типографский оттиск.

№ 4

Приказ № 1 Минского губсовнархоза об образовании уездных советов народного хозяйства и их задачах

17 июля 1920 г.

1. Предлагается уездревкомам немедленно, по получении сего приказа, организовать на местах уездные советы народного хозяйства, о чем надлежит немедленно сообщить губсовнархозу (угол Магазинной и Карла Маркса) и связаться с ним.

2. Уездным отделам совета народного хозяйства предлагается немедленно принять следующие срочные меры:

а. Зарегистрировать все фабрики, заводы, заводские склады и другие промышленные предприятия в уездах, подробно указав название, местонахождение предприятия и работает ли предприятие; если предприятие

не работает, то указать причину. Копии этих описей представить в губсовнархоз немедленно.

б. Издать соответствующий приказ и строго наблюдать за безостановочной работой всех фабрик, заводов, мастерских и предприятий в уездах.

в. Принять срочные меры к сохранению в неприкосновенном виде всех фабрик, заводов, складов и предприятий, в каком бы состоянии они ни находились к моменту издания сего приказа.

г. Произвести немедленно подробный технический и коммерческий учет всех предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности, а также всех складов изделий этих предприятий, как находящихся при предприятии, так и вне их.

д. Выяснить все срочные и насущные потребности добывающей и обрабатывающей промышленности и принять срочные меры к возможно полному удовлетворению указанных потребностей.

3. Усовнархозам вменяется в обязанность неусыпное наблюдение за промышленностью в уездах, руководствуясь в своей деятельности постановлениями ВСНХ и распоряжениями и инструкциями Минского губсовнархоза.

ЦГАОР БССР, ф. 63, д. 3, л. 6.— Типографский оттиск.

№ 5

Приказ № 2 Минского уездного ревкома о взятии на учет национализированных имений и организации управления ими

17 июля 1920 г.

§ 1. Оставшееся от бежавшей буржуазии и помещиков имущество как-то: земли бывшего помещичьего землевладения вместе со всеми постройками, машинами, орудиями, живым и мертвым инвентарем, материалами, запасами фуража, хлебов, картофеля, овощей, внутренней обстановкой городских домов и других жилых помещений и вообще со всем, что находится и принадлежало хозяйству или бывшим его владельцам, волревкомам взять немедленно на учет и считать общенародным достоянием.

§ 2. Всякого рода расхищения или уничтожения построек, заборов, имущества, самовольный захват лугов, потравы или другое уничтожение посевов и лугов будет рассматриваться как порча и уничтожение народного достояния, и замеченные в нарушении сего будут привлечены к ответственности по всем строгостям законов военно-революционного времени.

Никто не имеет права без разрешения уездземотдела ничего брать из бывших помещичьих хозяйств, продавать, обменивать и т. п.

§ 3. Временное управление бывшим помещичьим хозяйством и надзор за целостью и сохранностью хозяйств и всего имущества возлагается на рабочкомы под личную ответственность их председателя.

§ 4. В тех имениях или фольварках, где нет рабочкомов, все имущество берется на учет ближайшими председателями сельских Советов, которые являются ответственными за целость и сохранность народного достояния.

§ 5. Ни в коем случае не допустить потрав и расхищения со стороны кого бы то ни было. Во всех случаях преступных действий в отношении расхи-

щения, уничтожения и потрав виновных задерживать, составлять протоколы и сообщать в соответствующие волревкомы, коим надлежит в срочном порядке донести в уездревком или его соответствующим отделам для привлечения виновных к ответственности по всем строгостям законов военно-революционного времени.

Виновные в неисполнении сего караются по законам военно-революционного времени.

ЦГАОР БССР, ф. 596, оп. 1, д. 2, л. 18.— Типографский оттиск.

№ 6

Из протокола № 3 Минского губревкома о национализации крупных заводов и предприятий

19 июля 1920 г.

Слушали: 1. О национализации крупных заводов и предприятий.

Постановили: 1. Предложить губсовнархозу приступить к подготовке национализации крупных заводов. Немедленно нужно взять на учет заводы, ввести оплату труда, улучшить положение рабочих, образовать фабрично-заводские комитеты и проч...

ЦГАОР БССР, ф. 8, д. 23, л. 16.— Копия.

№ 7

Приказ № 1 Минского губревкома об учете и охране имущества народных имений

Не позднее 26 июля 1920 г.

Всем уездревкомам и волревкомам

В губревком поступают с мест многочисленные заявления рабочкомов быв. помещичьих, а ныне — народных имений о дезорганизации означенных имений путем самовольных захватов и расхищений урожая текущего года, инвентаря и имущества гражданами соседних селений.

Губревком дает знать, что разрешение аграрного вопроса в Белоруссии будет осуществлено в ближайшее время планомерно, на точном основании положений, принятых на заседании ЦК КПЛ и Б[2], путем регулирования земельных отношений и удовлетворения нужд широких кругов трудового крестьянства правильным разрешением вопроса о быв. помещичьем землевладении. Всякого рода самовольные действия в данном случае недопустимы и будут караться по всей строгости революционного закона. Волостные ревкомы обязуются оказывать всемерное содействие рабочкомам при принятии на учет и охране имущества народных имений. Все самовольно захваченное до сего времени должно быть немедленно возвращено народным имениям под страхом строжайшей ответственности в случае сокрытия захваченного. Рабочкомы обязуются немедленно принять на учет посевы, инвентарь и все вообще имущество в народных имениях, 1 экземпляр описи хранить у себя, а 3 представить в уездземотдел.

Ответственность за точные и неуклонные исполнения настоящего распоряжения в народных имениях всецело возлагается на председателей рабочкомов, на председателей же волревкомов возлагается ответственность

за немедленное широкое оповещение населения волости о настоящем распоряжении и наблюдение за точным его выполнением как всеми гражданами волости, так и рабочкомами.

О всех своих действиях и распоряжениях волревкомы обязуются доносить безотлагательно уездземотделам.

ЦГАОР БССР, ф. 8, д. 10, л. 31.— Типографский оттиск.

№ 8

Обращение Коммунистической партии Ревкома и профессиональных союзов БССР к трудящимся Польши в день провозглашения независимости БССР

31 июля 1920 г.

Братья, польские рабочие и крестьяне!

Рабочие и крестьяне Белоруссии в течение многих веков вместе с вами страдали под игом ясновельможных панов, кровопийцев-купцов и помещиков. Вместе с вами рабочие и крестьяне Белоруссии стонали от пыток, истязаний и побоев, которые им наносили ясновельможные паны Радзивиллы, Сапеги и им подобные. Вместе с вами мы с раннего утра до позднего вечера отдавали все свои силы для того, чтобы помещики, капиталисты могли бы жить в счастьи и довольствии.

Измученной и настрадавшейся Белоруссии не хватало сил, чтобы самой, собственными силами, освободиться от гнета своих поработителей. Белорусские рабочие и крестьяне в течение долгих месяцев обращали свои взоры на Советскую Россию, ибо только Советская Россия, где рабоче-крестьянский народ, мощной рукой свергший гнет капитала, стоит у власти, может помочь стонущим под гнетом капитала народам.

Рабоче-крестьянская Белоруссия после тяжелой борьбы стала вольной и свободной страной. Сегодня она провозглашает свою независимость и приветствует свою освободительницу Красную Армию.

Но в этот торжественный день, когда мы празднуем свою победу, рабоче-крестьянский народ Белоруссии обращается к вам, все еще стонущим под гнетом шляхетских панов, помещиков и капиталистов.

Братья, польские рабочие и крестьяне!

К вашим границам подошли славные полки Красной Армии. Наступило время, когда вы можете смело поднять знамя восстания, ибо вы имеете за собой твердую опору рабоче-крестьянских штыков. Дерзайте, идите смелее в бой нога в ногу с нами против своих вековечных врагов — помещиков и капиталистов.

Братья, польские рабочие и крестьяне!

Ваша буржуазия и помещики толкнули вас на кровавое дело войны с трудовым народом России, Белоруссии и Украины. Много кровавых жертв понесено вами в этой войне во имя интересов международного капитала и англо-французских разбойников.

Рабоче-крестьянский народ Белоруссии не хочет войны. Он желает жить в мире и согласии со всеми своими соседями. Он призывает вас к совместной дружной борьбе против всякого гнета и притеснения.

Братья, польские рабочие и крестьяне!

Ценой [1] той крови, которая легла между нами, являются ваши паны

---

[1] Так в тексте.

и помещики. Свергайте их. Берите власть в свои собственные руки, и между нами и вами установится вечный мир и согласие.

Нам не нужны завоевания, нам нужна свобода жить и работать.

Нам не нужны чужие земли, нам нужна свобода самим определить свою судьбу.

И сегодня, провозглашая свою независимость, Социалистическая Советская Республика Белоруссия обращается к вам, братья, польские рабочие и крестьяне.

Только Советская Республика даст полную свободу.

Только Красная Армия несет освобождение.

Только диктатура пролетариата устанавливает мир и справедливость во всем мире.

Следуйте нашему примеру, следуйте примеру славного русского пролетариата.

Да здравствует единение трудящихся Белоруссии и Польши!

Да здравствует братская солидарность польского и белорусского пролетариата!

Да здравствует советская Польша!

Да здравствует единение советской Польши с советской Белоруссией и советскими республиками всего мира!

Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 1, д. 38, л. 40.— Копия.

№ 9

Приказ № 1 Ревкома БССР об отделении церкви от государства, школы — от церкви и о создании судебно-следственного аппарата в Республике

1 августа 1920 г.

1. Церковь отделяется от государства и школа — от церкви. Отныне каждый гражданин Республики может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

2. Все судебно-следственные установления, функционировавшие во время польской оккупации, с момента объявления сего упраздняются и заменяются народными судами типа народного суда РСФСР.

Примечание. Народные суды решают дела именем ССРБ.

3. Течение всех сроков приостанавливается с 11 сего июля, впредь до особого по сему предмету распоряжения.

4. Отныне институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно присяжной и частной адвокатуры упраздняются и заменяются следственными и осуществляющими надзор и правозаступничество установлениями типа, выработанного практикой революции, о чем последует особое распоряжение.

5. Лицам, стоявшим во главе упомянутых в п. 2 установлений, и ответственным сотрудникам таковых предписывается немедленно представить точную и подробную опись находящихся у них дел, книг, канцелярского имущества, вещей арестованных, вещественных доказательств и всяких прочих ценностей и денег по делам в губотюст, а в уездах — в соответствующие ревкомы.

6. Начальникам милиции — губернским, уездным, городским и уголовному розыску предписывается все имеющиеся у них вещественные доказательства, вещи, деньги и ценности по делам, отосланным в соответствующие учреждения либо судебно-следственные установления, немедленно представить в Губотюст, а в уездах — в соответствующие ревкомы

при точной описи, за подписью ответственных руководителей учреждений.

Примечание. 1. Впредь до организации нового судебно-следственного аппарата дознания и следственное производство, не отосланные в соответственные установления, хранить на месте.

2. О порядке дальнейшего направления неоконченных дел и движения будет особое распоряжение.

3. Ценности и пр., поступившие в уездревкомы в порядке пп. 4 и 5, должны быть передаваемы в уездные органы юстиции по мере их организации.

7. С момента объявления сего категорически воспрещается всякого рода купля и продажа и вообще сделки с недвижимостью и землями, под каким бы видом таковые сделки ни были совершены.

8. Лица и учреждения, ведавшие упомянутыми в п. 7 сделками, с момента объявления сего должны таковые прекратить, а все подобные сделки, имевшие место с момента объявления Советской власти на территории Белоруссии, т. е. с 11 июля, считаются недействительными и аннулируются.

9. Всем лицам с юридическим образованием, практикам в области суда и следствия, а равно и всем вообще бывшим ответственным деятелям советской юстиции предписывается немедленно явиться в губотюст для регистрации, а на местах — в уездбюро юстиции.

10. Виновные в неисполнении сего приказа или в уклонении от правильного и точного его исполнения будут преданы суду Революционного трибунала.

ЦГАОР БССР, ф. 361, д. 1, л. 39.— Типографский оттиск.

№ 10

Из приказа № 3 Минского уездного ревкома о создании уездной, волостных и сельских комиссий по оказанию сельскохозяйственной помощи семьям красноармейцев

1 августа 1920 г.

...Зная, что самой существенной помощью семьям красноармейцев является сбор урожая и обсеменение полей, Минский уездревком приказывает:

§ 1. Для помощи семьям красноармейцев при сельскохозяйственном подотделе уземотдела выделить и создать комиссию по оказанию сельскохозяйственной помощи семьям красноармейцев, которая и приступит немедленно к работе.

§ 2. Волостным и сельским комиссиям, созданным согласно приказу уездревкома № 3, § 3, немедленно приступить к работе, руководствуясь инструкциями и указаниями уездной комиссии по оказанию помощи семьям красноармейцев.

§ 3. Всем волревкомам представить по первому требованию волостных и сельских комиссий по оказанию помощи семьям красноармейцев в их распоряжение рабочие руки, орудия и лошадей, мобилизованных через посредство волкомтрудов.

§ 4. За неисполнение сего или халатное отношение к исполнению виновных предавать суду Революционного трибунала.

ЦГАОР БССР, ф. 101, д. 31, л. 2.— Типографский оттиск.

№ 11

Приказ № 4 Ревкома БССР о проведении «Недели продовольствия»

4 августа 1920 г.

Продовольственное положение городов и промышленных центров края, разоренного белогвардейскими панскими бандитами, крайне тяжелое. Железные дороги разрушены. Сельское хозяйство разорено. Лошади и инвентарь из многих хозяйств увезены. Заготовляемый на местах хлеб не может быть доставлен своевременно в города вследствие недостатков и разрушения транспортных средств. Тяжесть положения усугубляется благодаря преступным действиям мародеров тыла и несознательных элементов населения, которые спекулируют на голоде рабочих и трудящихся, повышают цены, расхищают народные ресурсы предметов потребления первой необходимости, долженствующие поступать целиком в распоряжение государственных продовольственных органов для равномерного распределения среди трудящихся.

Такое положение вещей дольше продолжаться не может. Трудящиеся массы городов и деревень должны напрячь все силы для восстановления хозяйства, для мобилизации продуктов продовольствия, нужных для снабжения геройской Красной Армии, освободительницы края от ига помещиков, а также для снабжения рабочего населения городов.

Урожай хлебов в имениях, покинутых помещиками, должен быть убран, обмолочен и доставлен в город в самом срочном порядке. Крестьянство должно немедленно придти на помощь, предоставляя в распоряжение продовольственных органов свои рабочие руки и транспортные средства, необходимые для выполнения указанных работ, а также сдавая хлеб по требованию продовольственных органов.

Для достижения означенных целей Революционный комитет ССРБ, Комиссариат продовольствия, Земельный отдел и Комиссариат труда постановили:

Объявить по всей территории Белоруссии «Неделю продовольствия».

I. Уездным ревкомам, продкомам и комиссариатам труда предписывается в порядке боевого приказа в сроки, которые будут установлены для каждого уезда, мобилизовать на местах партийных и продовольственных работников, рабочую силу, сельскохозяйственные орудия и транспортные средства, необходимые для сбора и доставки хлебов и мяса в срочном порядке в город.

II. Комиссариатом продовольствия и Земельным отделом будут даны наряды на каждый уезд для выполнения их в течение определенного для каждого уезда срока.

Хлеб, назначенный для изъятия в пределах уезда из советских хозяйств, должен быть разверстан отдельным хозяйствам уездпродкомами совместно с уездземотделами.

Количество хлеба и скота, назначенного для изъятия в пределах уезда из крестьянских хозяйств в счет будущего наряда, должно быть разверстано уездпродкомом между отдельными волостями.

Волревкомы совместно с уполномоченными уездпродкомов обязаны в порядке срочности разверстать наряд, данный на волость, между отдельными селениями.

При разверстке сельскими Советами нарядов между отдельными хозяйствами обложению должны быть подвергнуты преимущественно нап-

более зажиточные сельские хозяйства. Мелкие и безземельные хозяйства от обложения освобождаются.

III. Требования лиц, уполномоченных на проведение «Продовольственной недели», по мобилизации необходимых партийно-агитационных, технических, транспортных и вооруженных сил и средств должны выполняться местными властями и населением беспрекословно и незамедлительно. Всякая халатность, небрежность и затяжка, которая будет проявлена во время проведения «Продовольственной недели», является преступной, а посему административные лица, коими не будет проявлено должной энергии и распорядительности, понесут тяжелое наказание по законам военно-революционного времени; отдельные граждане, которые будут противодействовать проведению «Продовольственной недели», будут немедленно арестовываться, имущество их будет конфисковано.

IV. Вся ответственность за выполнение заданий «Продовольственной недели» падает на председателей уездревкомов и волревкомов, а в селениях — на председателей сельских Советов.

Установление сроков и порядка «Продовольственной недели» по каждому уезду возлагается на Комиссариат продовольствия.

ЦГАОР БССР, ф. 101, д. 12, л. 10.— Типографский оттиск.

№ 12

Постановление Ревкома БССР о создании единого кооперативного органа — Центросоюза Белоруссии

4 августа 1920 г.

Чрезвычайная трудность продовольственного положения Белоруссии требует экстренных мер для правильной организации продуктораспределительного аппарата. В основу единого распределительного аппарата Ревком Белоруссии признает необходимым положить существующую в крае кооперацию, организуя ее на началах декрета 20 марта 1919 г.

Принимая во внимание: 1) что кооперация Белоруссии развита весьма слабо, 2) что кооперативы во многих местах объединяют лишь наиболее зажиточные слои населения, 3) что за время польской оккупации руководящие центры оказались совершенно оторванными от масс и 4) что рабочая кооперация не имеет в настоящем достаточно сильного организационного и хозяйственного аппарата, чтобы обеспечить за трудящимися массами достаточное влияние в кооперативном движении края,

Ревком Белоруссии постановил:

1. Создать единый кооперативный орган, который должен стать организационным и хозяйственным центром единого распределительного аппарата края — Центросоюз Белоруссии.

2. Организовать временное правление Центросоюза Белоруссии в составе:

а) представителей существующих объединений сельской и гражданской кооперации;

б) представителей рабочей кооперации;

в) представителей Компрода Белоруссии.

3. Поручить проведение в жизнь настоящего постановления Компроду Белоруссии.

ЦГАОР БССР, ф. 331, оп. 1, д. 493, л. 47.— Копия.

№ 13

Сводка информационно-инструкторского подотдела Ревкома БССР о работе Новогрудского уездревкома

14 августа 1920 г.

В информационно-инструкторский подотдел Отдела управления ССР Белоруссии поступили сведения о работе Новогрудского уездного ревкома до 8 августа.

Из этих сведений работа рисуется в следующем виде: агрономическим подотделом земельного отдела приступлено к учету урожая. Для этой цели в уезд командировано 12 инструкторов. Сделано распоряжение о мобилизации всех лошадей для запашки и посева полей озимыми хлебами и об учете посевной площади граждан-[владельцев] мелких владений.

Лесным подотделом издан приказ об охране лесов, и производившееся ранее хищение леса уменьшилось до отдельных редких случаев. Организована надежная лесная стража.

Производственным отделом Совета Народного Хозяйства собираются сведения о фабриках и заводах уезда.

Производится учет изразцово-черепичной фабрики в Новогрудке, кирпичного завода Неймана в Чемеровке, кирпичного завода Козадки в Семкове, смолокуренных заводов — в Володове, Озерках, Каменке-Кмито и Верловке Студенец. Организована образцовая кузница и оканчивается оборудованием слесарно-токарная мастерская в гор. Новогрудке.

Строительным отделом Совнархоза устроен кипятильник с навесом для снабжения города кипятком. Производится капитальный ремонт 3 мостов на р. Сервечи, сожженных поляками. Производится ремонт городской бани. Ремонтируется узкоколейная железная дорога на ст. Новоельно. Выполняются разного рода заказы и производится отпуск материалов для нужд советских учреждений.

Жилищным отделом производится учет помещений и мебели, оставленных бежавшей буржуазией.

Производится учет всех частных квартир в городе с целью более планомерного их [распределения] между учреждениями, советскими служащими и местными гражданами.

Отделом городского хозяйства взято на учет имущество города. Отделом приняты электрическая станция, баня и депо пожарного общества со всем их имуществом. Производится ремонт машин электрической станции.

Отделом топлива производится учет топлива и разного лесного материала. Взято на учет: дров — 2643 куб. саж., 10 000 шт. досок, 572 шт. балок, 894 шт. колод и 43 лавы-плиты колод (394 шт. колод).

Ведется энергичная работа всеми подотделами Отдела управления.

Организована уездная милиция, коей приняты срочные меры к изолированию из населения уезда всех вредных элементов — остатков разнузданной шляхты, кои арестовываются и препровождаются в тюрьму до производства следствия.

Подотделом записи актов гражданского состояния изъяты книги и архивы от духовных лиц и ведомств гор. Новогрудка.

Отделом народного образования также ведется усиленная работа. Так, школьным подотделом разосланы анкеты во все волревкомы для заполнения сведениями: о наличии школ, учащих и учащихся, о местах, где

ощущается необходимость открытия новых школ. Сделано распоряжение об охране оставленных книг и школьных пособий в имениях.

Дошкольным подотделом обследованы детские приюты города и уезда. Выяснено имущество их и наличие продуктов. Ведется работа по выработке плана работ в детских домах. Внешкольным подотделом открыт Народный дом в городе, вечерние курсы и библиотека; организуется музыкально-драматический кружок и пр.

Отделом социального обеспечения затребованы от волревкомов сведения и списки семейств красноармейцев, лиц, возвратившихся из старой армии, инвалидов, пострадавших от контрреволюции, списки детей до 6-летнего возраста, последние на предмет организации очагов.

Отделом труда производится учет канцелярских работников и безработных рабочих. Всего отослано по рекомендации профсоюзов для канцелярских работ 142 сотрудника.

Заготовительным отделом райкомпрода производится уборка урожая в советских имениях; сделана разверстка хлеба по волостям для доставки в уезд; установлен контроль на мельницах.

Лечебной секцией отдела здравоохранения организовано 2 госпиталя, число кроватей 100 для каждого; фармацевтической секцией производится учет медикаментов и перевязочных средств.

Для восстановления почтово-телеграфной связи с центром и волостями сделано все необходимое. В настоящее время производятся почтовые операции в уезде и восстановление телеграфной связи с гор. Минском.

В воскресенье, 3 августа, по инициативе Новогрудской уездной организации РКП был проведен в жизнь 1 воскресник, в котором участвовали все товарищи-коммунисты, служащие ревкома и отделов и члены профсоюза. На воскреснике было обращено внимание на антисанитарное состояние города. С этой целью были очищены дворы больниц. Воскресником была приведена в надлежащий вид могила 14 расстрелянных и братские могилы умерших от ран красноармейцев. Взгляд обывателей на субботники, раньше иронически относившихся к ним, благодаря энергичной работе коммунистов и служащих проясняется, и есть уверенность, что в недалеком будущем все население примет в них самое горячее участие.

ЦГАОР БССР, ф. 8, д. 17, л. 22.— Подлинник.

№ 14

Сообщение о работе Борисовской уездной комиссии по оказанию помощи семьям красноармейцев

19 августа 1920 г.

Борисовской уездной комиссией по оказанию помощи семьям красноармейцев до настоящего времени передано в пользование семьям красноармейцев рогатого скота 142, лошадей 23, овец 43, свиней 27, картофеля 50 пуд., семенного овса на период посева 2 вагона и др. Скот и продукты переданы в волревкомы для распределения между крайне нуждающимися семьями красноармейцев.

«Звезда» № 10, 19 августа 1920 г.

№ 15

Из доклада Слуцкого уездревкома о работе отдела социального обеспечения

20 августа 1920 г.

...Социальное обеспечение

Подотдел помощи жертвам контрреволюции обследовал через своих агентов, посланных на места, 10 волостей; обследование остальных 5 волостей уезда подходит к концу.

Приняты энергичные меры по оказанию помощи пострадавшим. Местными властями и населением спешно оказывается помощь пострадавшим путем трудовой повинности, заготовляется и вывозится отпущенный пострадавшим лес на постройку домов, убирается их урожай, запахивается земля и т. д. Ощущается острая нужда в живом и мертвом инвентаре. Для оказания первоначальной помощи необходимо спешно приобрести: 750 лошадей, 720 плугов, 1500 телег. Составлена смета на 154 000 000 руб., включая сюда 11 700 000 руб. для оказания помощи пострадавшим гор. Слуцка.

Бедствия и разрушения по Слуцку выражаются в следующих цифрах: сгорели — вокзал, коммерческое училище, деревянное здание при бывшей мужской гимназии, 2 дома с постройками бывшего земства, Георгиевская церковь, общественная баня, 2 моста через р. Случь и частные строения: каменных домов — 11, деревянных — 39, сараев и амбаров — 18, расхищено движимое имущество у 43 владельцев.

Пострадавшие как в Слуцке, так и в уезде размещаются по частным домам зажиточных. Тем не менее проектируется постройка бараков для пострадавших от пожаров, каковая к осени будет закончена. 458 пострадавших крайне нуждаются в обуви, белье и одежде.

Собираются сведения о нуждающихся семьях красноармейцев, как находившихся во время польской оккупации в рядах Красной Армии, так и мобилизованных в настоящее время. Полученные списки, доставляемые агентами собеса, спешно рассматриваются на предмет назначения денежного пайка. От губсобеса получено аванса для раздачи пайка 3 000 000 руб. За отчетный период выдано проезжающим беженцам 2466 фунтов хлеба. Для детей бедноты Слуцка отпускается ежедневно продуктов питания на 600 человек.

ЦГАОР БССР, ф. 8, д. 17, лл. 31—33.— Копия.

№ 16

Из протокола съезда председателей волревкомов Вилейского уезда

22—23 августа 1920 г.

...Доклады с мест.

По Вязынской вол. ...Организованы отделы: управления, земельный и народного образования. Уборка урожая окончена; производится посев озимых полей. Лошадей много угнано поляками, и многие еще не вернулись из красноармейских обозов. Население относится к советской власти сочувственно и выполняет все распоряжения. Было много митингов, собраний и лекций.

По Речковской вол. ...Волревком организован 15 июля. Часть членов его приглашена для работы в уезд. Работа идет успешно за исключением земельного отдела. В районе волости — одно имение, засеянное крестьянами. Лошадей насчитывается 685, но из них 567 были забраны в обоз. Учителей нет.

По Княгининской вол. ...Волревком организован 10 июля. Отделы: управления, военный, земельный, народного образования и с комиссиями: санитарной, культурно-просветительной, оказания помощи семьям красноармейцев и по определению возраста бездокументных. Население взято на учет. Подвод дано 1050 для нужд железной дороги и 250 — для нужд армии; рабочих для железной дороги — до 1000 человек и для уборки урожая в имениях — до 1500 человек. Взята на учет посевная площадь; предполагается увеличить ее вдвое. Мобилизация проходит удовлетворительно. Дезертиров — человек 15 отправлено в Вилейку. Школы не функционируют. Было школ 7. Учителей есть 8. Необходимо увеличение числа школ и присылки школьных работников. Санитарная помощь слаба за недостатком медикаментов. Семьям красноармейцев оказана помощь в 365 случаях. Комячейка состоит из 8 человек.

По Парафиановской вол. ...Волревком организован 11 июля в составе отделов: общего управления, земельного, народного образования, соцобеспечения и военного. Ощущается сильный недостаток в школьных работниках. Обследование семейств красноармейцев производится; часть актов направлена в уезд. Милиция состоит из 5 человек. Комячейка организована при содействии железнодорожников. В волости 1748 семейств. Лошадей — 1562, из них 798 в обозах Красной Армии и 249 угнано белополяками. Отмечается тяжелое продовольственное положение рабочих на железной дороге.

По Порплищской вол. ...Организованы все отделы; предварительная работа велась по инструкции. Производится уборка урожая у граждан и в имениях. Лошадей и перевозочных средств мало, и это затрудняет работу по обсеменению полей к будущему году. Мобилизация проходит успешно, дезертиров мало, но и они вылавливаются. Устраивались беседы и чтения; есть несколько изб-читален. Акты обследования пострадавших от войны и пожаров составляются и представляются в уезд. Необходима скорейшая денежная помощь и помощь отпуском леса.

По Маньковичской вол. ...Имеются отделы: общий, военный, земельный и народного образования. Учет урожая сделан. Обследование убытков произведено, и акты посланы по принадлежности. Лошадей имеется 523, телег около 150. Около 250 лошадей не вернулось из обозов. Зарыть окопы и убрать проволоку сейчас невозможно; для этого нужны специальные приспособления, т. к. окопы цементные и тянутся на протяжении 20 верст. Скот болеет ящуром. Школьных работников не хватает; помещения требуют ремонта. Мобилизация проходит успешно, но мешают белолитовцы... [1]

ЦГАОР БССР, ф. 8, д. 29, лл. 28—34.— Копия.

---

[1] Опущена аналогичная информация по другим волостям уезда.

№ 17

Телеграмма Наркомата путей сообщения РСФСР Александровской железной дороге о внеочередной отправке Отделу народного образования Ревкома БССР

23 августа 1920 г.

Отправьте в порядке внеочередности, установленной для экстренных грузов, сверх объявленных норм, при трех сопровождающих со ст. Москва 720 пуд. книг, домашних вещей, учебных пособий и бумаги назначением ст. Минск, в адрес Отдела народного образования.

ЦГАОР БССР, ф. 221, оп. 1, д. 2, л. 36.— Копия.

№ 18

Телеграмма Игуменского уездного ревкома Ревкому БССР о помощи населению, пострадавшему от интервенции

3 сентября 1920 г.

Все селения, пострадавшие от контрреволюции, обследованы. Составлены сметы на лесной материал. Лес отпущен. Организовывается «Неделя помощи рубки и возки леса». На строительные материалы, мануфактуру, обувь сметы составляются. В ближайшее время с докладом в Минск со сметами будет командирован нарочный.

ЦГАОР БССР, ф. 8, д. 31, л. 55.— Подлинник.

№ 19

Приказ Ревкома БССР о принятии мер к засеву всей площади народных имений

6 сентября 1920 г.

Срок обсеменения озимых полей близится к концу. Между тем значительной части полей этих в народных имениях грозит опасность остаться необсемененными ввиду острого недостатка рабочего скота и лошадей, угнанных бежавшими вместе с польскими белогвардейскими бандами помещиками. Обстоятельство это грозит неисчислимыми бедствиями всему государству, имея в виду особенно близость фронта, необходимость удовлетворения в первую очередь продовольственных потребностей действующей Красной Армии.

Все сознательные элементы Белорусской Республики должны напрячь все силы для борьбы с грозным явлением недосева озимых полей; все местное население должно быть привлечено к нетерпящим отлагательства полевым работам, в порядке трудовой повинности (Кодекс законов о труде, раздел I, Собр. узак. и расп. раб. и крест. прав., 10 декабря 1918 г., № 87—88, ст. 905).

Руководствуясь изложенным, Военревком приказывает:

Всем уездревкомам и волревкомам совместно с земотделами принять экстренно все меры к засеву полностью площади озимых полей в имениях,

привлекая по мере надобности местное население к обязательной трудовой повинности с оплатой труда по возможности натурой, как-то: лесным материалом из народных имений, соломой или иными выгодами, по соглашению с управлением народными имениями. Подробная инструкция о нормах и порядке оплаты труда по обсеменению озимых полей будет разослана безотлагательно.

Военревком напоминает всем земельным отделам, рабочкомам, управляющим имениями, инструкторам, агрономам, и вообще всем лицам, причастным к заведованию народными имениями, о лежащей на них ответственности в этом деле величайшей государственной важности.

ЦГАОР БССР, ф. 48, д. 423, л. 267.
Опубликовано в газ. «Известия Военно-Революционного Комитета ССРБ» № 2, 11 сентября 1920 г.

№ 20

Постановление объединенного заседания Витебского губернского ревкома, губернского совета народного хозяйства и губернского совета профсоюзов о принятии мер по поднятию производительности труда на предприятиях

20 сентября 1920 г.

В целях поднятия производительности в предприятиях вообще, в особенности в предприятиях, изготовляющих предметы снаряжения и обмундирования для Красной Армии, объединенное заседание постановляет:

1. Губсовету профсоюзов выработать для предприятий действительную рабочую норму производительности, выработку коей признать для каждого рабочего обязательной.

2. Предложить соответствующим профсоюзам пересмотреть расценку в отношении групп рабочих, оплата труда коим почему-либо ниже по сравнению к другим группам рабочих той же специальности.

3. Чрезвычайному инспектору по снабжению Красной Армии образовать продовольственный фонд для компенсирования рабочих, которые выработали рабочую норму.

4. Выдачу премий служащим производственных предприятий производить только от количества выработанного продукта данным предприятием.

5. Предложить губсовету профсоюзов усилить контроль за выдачей.

6. Поставить в равные условия рабочих, занятых в предприятиях, изготовляющих предметы обмундирования и снаряжения для Красной Армии по специальностям.

7. Профессиональные и партийные мобилизации производить после обсуждения с заведующими соответствующих производственных отделов губсовнархоза.

8. Сделать соответствующие распоряжения уревкомам об оказании содействия экономотделам по изъятию во временное пользование швейных машин, где это окажется необходимым, для расширения мастерских, производящих пошив для Красной Армии.

9. Увеличить, где это будет необходимым, рабочий день на 2—3 часа.

10. Губсовету профсоюзов проревизовать все кустарные мастерские и мастерские губсоюза, кооперативов в ЕПО и др. на предмет определения возможности использования их для Красной Армии.

11. Созывать при ЧУСО не менее 2-х раз в месяц совещание по вопросу о снабжении Красной Армии.

12. Наблюдение за выполнением вышеизложенного возложить на чрезинспектора.

ГА Витебской обл., ф. 2268, оп. 1, д. 15, л. 160.— Подлинник.

№ 21

Циркулярное распоряжение Речицкого уездного ревкома волостным революционным комитетам о проведении сбора обмундирования для Красной Армии

23 сентября 1920 г.

На основании телеграммы губвоенкома о постановлении Президиума губисполкома о сборе 400 полушубков, 400 шинелей, 1500 гимнастерок, 1500 шаровар и 1500 пар портянок и другого теплого обмундирования, заменяющего вышеозначенное обмундирование, уездревком в своем заседании от 23 сего сентября постановил: «произвести разверстку в уезде следующим образом: каждая деревня дает одну шинель или 7 аршин сукна, по 3 пары портянок. Каждое местечко уезда дает гимнастерок и шаровар: Брагин — 40 шт. комплектов (гимнастерка и шаровары), Горваль — по 20 шт., Лоев — по 20 шт., Хойники — по 30 шт., Холмечь — по 30 шт., Комарин — по 30 шт., Калинковичи — по 40 шт., Юревичи — по 40 шт., Наровль — по 40 шт.». «Предлагается принять все меры к выполнению разверстки и оказывать всяческое содействие уполномоченным. За неисполнение сего будете преданы суду.

ГА Гомельской обл., ф. 1495, оп. 1, д. 7, л. 8.— Подлинник.

№ 22

Сообщение о культурно-просветительной работе в Минском уезде

26 сентября 1920 г.

В Минском уезде, после освобождения его от белополяков, организовано 14 народных домов, 6 библиотек и 80 изб читален. В Столбцах находящимися там войсковыми частями устроен кинотеатр для красноармейцев и местного населения. За последнюю неделю в уезде было организовано 19 собеседований по всем вопросам текущего момента. Население с охотой посещает все культурно-просветительные центры как в деревнях и селах, так и в волостях. Ведется подготовительная работа для ликвидации безграмотности, которая начнется с началом занятий в школах.

«Звезда» № 43, 26 сентября 1920 г.

№ 23

Сообщение о результатах проведения «Недели продовольствия» в Игуменском уезде

28 сентября 1920 г.

В начале августа было приступлено к заготовке и поставке некоторых продуктов: хлеба, картофеля, мяса и т. д. Проведенная «Продовольственная неделя» дала блестящие результаты: до 50 000 пуд. хлеба (вместо назначенных 25 000 пуд.) и до 500 голов скота, что объясняется хорошей организацией заготовительного аппарата.

В имениях имеется обмолоченного хлеба до 45 000 пуд., не доставленных на ссыпные пункты из-за отсутствия транспорта.

Государственная разверстка по деревням закончена, и поступление предполагается успешное. Есть основания полагать, что государственный наряд будет выполнен, за исключением рогатого скота, ввиду свирепствующей в уезде чумы. Крестьяне сдают свои излишки довольно охотно, и особенно напрягать усилия не приходится. Иначе дело обстоит в советских хозяйствах, где усилия продорганов не имеют результатов и где засевшие управляющие и панские приспешники всячески препятствуют изъятию излишков.

Реализация урожая фруктов тоже проходит довольно успешно, и фрукты частью пересушиваются на 4 сушилках и частью перерабатываются на мармелад.

«Звезда» № 44, [28 сентября 1920 г.

№ 24

Циркулярное письмо Бобруйского уездного ревкома волостным ревкомам уезда об укреплении тыла и оказании помощи фронту

2 октября 1920 г.

Шляхетская Польша и барон Врангель, натравливаемые мировым капиталом в лице Антанты, все еще не могут отказаться от мысли удушения рабочих и крестьян России. Белогвардейская Польша все время старается увильнуть от прямых и искренних мирных предложений Советской России. Мы, рабочие и крестьяне Белоруссии, испытавшие всю тяжесть и гнет польской оккупации, должны [отдать] все силы на укрепление тыла, так как укрепление тыла даст возможность нашей доблестной Красной Армии победить белошляхетскую Польшу и барона Врангеля, мешающих начать новую жизнь на трудовых началах.

Рабочие и крестьяне, а в особенности их боевые органы на местах — ревкомы, должны твердо об этом помнить. Ни одна минута труда не должна тратиться бесплодно, ни одно распоряжение высшего органа не должно оставаться не исполненным или исполненным не во время и неточно. Все, что делается для фронта, делается для трудящихся. А посему отдел управления Бобруйского уездревкома предписывает всем волревкомам:

1. Точно и неуклонно, безоговорочно исполнять все распоряжения о заготовке хлеба, фуража, обуви и скота.

2. Оказывать самое широкое содействие всем сотрудникам, деятельность которых связана с работой для фронта, а в особенности по укреплению тыла.

«Коммунист»[3]) № 62, 2 октября 1920 г.

№ 25

Приказ Витебского губернского продовольственного совещания о борьбе со спекуляцией

17 октября 1920 г.

Витебское губпродсовещание приказывает: губпродкому, упродкомам, Губчека, начальникам заградительных отрядов, председателям волостных и сельских ревкомов и всем органам и лицам, ведущим борьбу со спекуляцией:

Ввиду того, что в пределах Витебской губ., особенно в городах, местечках и на станциях железных дорог, вопреки существующим декретам Советской власти, запрещающим под страхом суровой ответственности спекуляцию нормированными продуктами, таковая процветает в широком размахе, губпродсовещание приказывает вам немедленно принять самые энергичные меры и суровые кары к лицам, спекулирующим нормированными продуктами.

Лица, занимающиеся открытой или скрытой торговлей запрещенных декретами Советской власти продуктов, будут ли то крестьяне или профессиональные спекулянты, будут преследоваться на основании законов военного времени полной конфискацией имущества, а в некоторых случаях и с применением высшей меры наказания. Дела спекулянтов будут разбираться в первую очередь, и наказание последует в самый кратчайший срок после поимки таковых. К лицам, ведущим борьбу со спекуляцией и не выполняющим таковую, применяется тот же порядок наказания.

Данный приказ входит в силу со дня его распубликования.

ГА Витебской обл., ф. 1663, оп. 1, д. 7, л. 36.— Типографский оттиск.

№ 26

Инструкция Борисовского уездного комитета Коммунистической партии уполномоченным уездкомпарта, уездревкома, направляемым в волости для налаживания партийной и советской работы

Октябрь 1920 г.

1. Для постановки партийной работы в деревне на должную высоту Борисовским укомпартом рассылаются по волостям Борисовского уезда ответственные товарищи по одному на каждую волость, которые одновременно являются уполномоченными Борисовского уездревкома.

2. На означенных товарищей возлагается председательствование в волостных комячейках и падает вся ответственность по ведению работы в них.

В целях вовлечения в наши ряды широких масс беднейшего крестьянства и батрачества товарищи должны стремиться к развитию сети комячеек, для чего в первую очередь заняться проведением митингов и собеседований по всем вопросам программы и текущей жизни.

3. Серьезность положения Советской Белоруссии требует напряженной работы всего советского аппарата, снизу доверху. Для борьбы с расхлябанностью и всеми видами трудового упадка товарищи должны возможно чаще созывать совещания председателей и членов сельских Сове-

тов, привлекая на эти совещания представителей местных трудовых организаций и профессиональных союзов (батраков, работников просвещения и пр.), призывая к напряжению и труду.

4. Ничто не является более сильным средством антисоветской пропаганды со стороны элементов, враждебных рабоче-крестьянской власти, чем безнаказанность должностных лиц при злоупотреблении с их стороны; поэтому товарищи должны иметь постоянный надзор за действиями всех волостных властей, пресекая в корне произвол и стремясь к быстрому и безусловному исполнению всех распоряжений уездной власти.

5. Рост дезертирства и бандитизма требует организованной борьбы, извлечения спрятанного населением оружия и постоянного надзора за польской шляхтой (помещики, арендаторы, лесники и пр.). Все подозрительные лица должны арестовываться и передаваться в уездное политбюро[4], в частности, должны проверяться документы всех проходящих через волость посторонних лиц.

6. Происходящие по волостям незаконные реквизиции и конфискации, производимые некоторыми частями Красной Армии, требуют принятия решительных мер, с одной стороны, по ликвидации незаконных, недопустимых действий, а с другой — по удовлетворению нужд красноармейцев, толкающих их на незаконности, и по разъяснению недопустимости подобных действий в организованном пролетарском государстве.

7. Все указанное должно проводиться в жизнь с помощью комячеек, волостных властей и милиции.

8. Связь с укомпартом и уездревкомом устанавливается посредством регулярных донесений и присылки нарочными всех распоряжений и постановлений, причем из волостей, отстоящих от Борисова в 100 и выше верстах, донесения отправляются 1 раз в неделю, от 100 до 50 верст — 2 раза в неделю, а остальные не менее 3 раз.

Примечание. Волревкомы обязаны установить регулярную связь также между собой по мере соприкосновения.

9. В донесениях обязательно должны быть сведения об оперирующих в районе волости бандах, местах хранения оружия и военного имущества, настроении крестьянства, а также о всех оперирующих польских легионерах, застрявших в лесах и укрывающихся у шляхты.

10. Настоящая инструкция должна быть исполнена без уклонения под страхом личной ответственности представителя укомпарта и уездревкома.

Упартком

Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 1, д. 80, л. 78.— Типографский оттиск.

№ 27

Из протокола № 2 заседания коллегии Комиссариата земледелия Ревкома БССР о создании Центральной землеустроительной комиссии по проведению землеустроительных работ

12 ноября 1920 г.

...Слушали: 2. Доклад временно заведующего землемерно-техническим отделом о землеустройстве.

Постановили: 1. Центральную землеустроительную комиссию открыть в составе отделов: а) общего, б) землемерно-землеустроительного,

причем общий отдел образуется из предусмотренных положением Центральной землеустроительной комиссии, § 2, отделов: землемерно-подготовительного, судебно-земельного и управления делами.

2. Наличный состав землемеров раскомандировать по районам для приступления к работам по распределению земель нетрудового пользования среди безземельного и малоземельного трудового земледельческого населения.

3. При производстве работ в районах предоставить право землемерам привлекать местные способные силы к учету земель и населения, для чего отпускать на имя председателя уездной землеустроительной комиссии необходимые на этот предмет авансы.

4. Предоставить право землемеру при составлении проекта наделения и его исполнения руководствоваться требованиями заинтересованного трудового земледельческого населения, принимая в основу положение о Центральной землеустроительной комиссии и инструкцию, которую выработать немедленно.

5. При приступе к работам иметь в виду важность и точность подготовительных работ, без коих немыслимо вести успешно планомерное землеустройство, для чего принять меры привлечения в состав Центральной землеустроительной комиссии специалистов: землемеров, агрономов, землеустроителей и лиц с землеустроительным стажем.

6. Имея в виду незначительный землемерный состав, начать работы в Минском уезде, в ближайших частях Слуцкого и Игуменского; в уезды же Бобруйский, Борисовский и Мозырский командировать по одному для организации землеустроительных работ...

ЦГАОР БССР, ф. 63, д. 16, л. 9.— Копия.

№ 28

Из политсводки Гомельского уездного ревкома Реввоенсовету XVI Армии о восстановлении промышленности в уезде

1 декабря 1920 г.

...В области восстановления промышленности в Гомельском уезде сделано следующее: находящиеся в Гомельском уезде винзаводы: Уваровичский, Носовичский, Новобелицкий, ректификационный заводы вполне отремонтированы, пущены в действие и функционируют в полной исправности.

Из предприятий химической промышленности имеются: Добрушская писчебумажная фабрика, спичечная фабрика «Везувий» в Новобелице, химический завод «Негель» в Новобелице, мыловаренный завод ГСНХ «Коммуна» в Гомеле, лаковый завод Вильнера в Новобелице, завод колесной мази в Гомеле и техно-химическая мастерская ГСНХ.

Первые 2 фабрики, т. е. Добрушская писчебумажная и спичечная фабрика «Везувий», находятся в ведении главков: Добрушская — непосредственно в ведении Главбума, спичечная фабрика «Везувий» — районного управления спичечной промышленности «Райспичка»; химический завод «Негель», имеющий отделения каустической соды, сернистого натра, химически чистого мела, глауберовой соли, находится в ведении губхимотдела. Завод работает частично, некоторые отделения не могут быть пу-

щены за отсутствием нужного количества рабочих, другие же за отсутствием сырья. Под ведомством губстромотдела в Гомельском уезде имеются Брилевские кирпичные заводы. В течение сезона 1920 г. ремонтировались части машины и пресса, дальнейший ремонт и постройка новых сараев приостановлены ввиду отсутствия лесных и других необходимых для ремонта материалов.

Под ведомством губтекстиля в Гомельском уезде имеются: Гомельская ткацкая мастерская (23 машины, 28 рабочих, 2-недельная выработка 6621 аршин); Гомельская прядильная (7 рабочих, 2 колеса, 2-недельная выработка 58 пудов); Ветковский канатно-веревочный завод (количество рабочих 28, 4 колеса, 2-недельная выработка 558 пудов 25 фунтов).

Под ведомством губодежды за отчетный период в Гомельском уезде сделано: открыта мастерская, изготовляющая полушубки для нужд Красной Армии, в которой работает до 25 рабочих; в городе открыт раздаточный пункт, который раздает работу гражданам на дом; в пункте зарегистрировано 600 граждан, периодически получающих и сдающих работу.

Согласно постановлению коллегии отдела полиграфического производства, в сентябре сего года было приступлено к объединению имеющихся в Гомеле 6 советских типографий. Помещение, отведенное для объединенной типографии, соответственно отремонтировано; работа по окончании ремонта значительно задерживалась ввиду отсутствия достаточного количества рабочих рук и непредставления губтрамотом своевременно достаточного количества подвод для перевозки машин и инвентаря объединяемых типографий.

За отчетный период оборудован утилизационный завод примитивного характера при 14 человек рабочих, работающий по утилизации разных продуктов; оборудована кузница из 5 рабочих, изготовляющих хозяйственные предметы широкого потребления.

ГА Гомельской обл., ф. 428, оп. 1, д. 40, л. 50.— Копия

№ 29

Сообщение о работе Комиссариата социального обеспечения Белоруссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от интервенции

12 декабря 1920 г.

Работа по оказанию помощи крестьянству и жертвам контрреволюции идет быстрыми темпами. Полученные ранее из Смоленска и Рославля 3 вагона мануфактуры распределяются среди бедноты и красноармейцев.

Между уездами мануфактура распределена следующим образом:

Бобруйский уезд	30 000 арш.
Борисовский »	20 000 »
Минский »	25 000 »
Игуменский »	20 000 »
Мозырский »	20 000 »
Слуцкий »	20 000 »

Для крестьян-погорельцев из Смоленска выписываются соль, замки, ведра и обувь.

Комиссариат социального обеспечения выдал 8 000 000 руб. крестьянам села Гатово, Минского уезда, на постройку жилищ.

«Савецкая Беларусь», № 84, 12 декабря 1920 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Согласно приказу Реввоенсовета Западного фронта об организации Минского губревкома от 9 июля 1920 г. губревком учреждался в составе четырех человек.— 48.

2) Имеются в виду тезисы по аграрному вопросу, принятые на заседании ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии 24 мая 1920 г., накануне освобождения Республики от белопольской оккупации. Тезисы предусматривали немедленную (после изгнания интервентов) безвозмездную передачу коллективным хозяйствам, безземельным и малоземельным крестьянам земель бывшего нетрудового землепользования. Предусматривалось также, что часть бывших помещичьих имений (не более 1/3 от общего числа) с рациональным ведением хозяйства, с развитым технически промышленным делом, имеющим учебное, показательное и культурно-просветительное значение, должны были быть превращены в советские хозяйства. В дополнение к тезисам 2 июня 1920 г. ЦК КПЛиБ была принята «Инструкция по передаче национализированных земель бывшего нетрудового землепользования коллективным и единоличным пользователям».— 51.

3) Газета «Коммунист» — орган Бобруйского уездного ревкома.— 64.

4) Политбюро — местный (уездный) орган Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.— 66.

КРОВАВЫЕ СОБЫТИЯ ВО ЛЬВОВЕ В АПРЕЛЕ 1936 г.

Публикуемые документы освещают одно из наиболее крупных выступлений пролетариата буржуазно-помещичьей Польши против господствовавшего в стране режима гнета и насилия — антифашистские демонстрации трудящихся Львова, происшедшие 20 лет тому назад, в апреле 1936 г. Многие обстоятельства, связанные с этими выступлениями, все еще мало известны, и настоящая публикация вносит ряд новых данных в историю этих событий.

На оккупированных польским фашизмом землях Западной Украины классовая борьба пролетариата приняла исключительно острые формы. Здесь капиталистическая эксплуатация была особенно бесчеловечной; в деревне господствовали полукрепостнические отношения; все усиливалось национальное угнетение. Кровавый полицейский террор, зверские карательные экспедиции стали методом правления польских наместников на колонизированных землях. Прямым помощником польских панов выступала украинская националистическая буржуазия.

Польская социалистическая партия (ППС), Бунд, Украинская социал-демократическая партия (УСДП) и другие националистические организации — польские, украинские и еврейские — проводили политику разобщения пролетариата разных национальностей и разжигания взаимной борьбы его различных групп с целью ослабления их натиска на фашистское правительство. В то же время Коммунистическая партия Польши и входящая в ее состав Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ) вели большую работу по сплочению рабочих всех национальностей и всех трудящихся на борьбу против польского фашистского режима, против подготовки нападения на СССР. Центром этой революционной борьбы в Западной Украине был г. Львов.

Выражая стремление широких масс трудящихся к единству действий в борьбе против фашизма, Центральный Комитет Коммунистической партии Западной Украины обратился к руководству Польской социалистической партии, Бунда и Украинской социал-демократической партии и к львовским организациям этих партий с предложением создать единый фронт рабочих для борьбы против дальнейшей фашизации общественной жизни, против готовившегося в 1935 г. нового антидемократического положения о выборах, которое лишало трудящиеся массы элементарных политических прав (см. док. № 1). Наряду с этим, учитывая противодействие единому фронту со стороны правых лидеров этих партий, ЦК КПЗУ обратился непосредственно к рабочим и к их наиболее стра-

дающей части — безработным [1], призывая к решительным выступлениям совместно с работающими против фашистского правительства. Коммунисты проводили большую организационную работу, направленную на подготовку уличных демонстраций и забастовок (см. док. №№ 2—4).

Большое волнение среди рабочих Львова вызвало сообщение о кровавой расправе, учиненной полицией в марте 1936 г. в Кракове и Ченстохове, где были зверски расстреляны мирные демонстрации бастующих рабочих и безработных. В ответ на это рабочие Западной Украины, в том числе рабочие Львова, организовали забастовки протеста и уличные демонстрации.

По призыву Компартии Западной Украины 2 апреля 1936 г. во Львове состоялась всеобщая забастовка протеста против белого террора, проводимого польским фашистским правительством. В листовке Компартии указывалось, что борьба против правительства — это вместе с тем борьба против оккупации Западной Украины и пацификации Волыни, против подготовки военного нападения на СССР (см. док. № 3). Во время этой забастовки в течение всего дня массы народа заполняли улицы; в разных пунктах города дело доходило до столкновений между рабочими и полицией [2]. В революционной борьбе принимали участие и безработные.

14 апреля 1936 г. во Львове происходила демонстрация безработных: часть из них направилась в центр города с лозунгами: «Требуем работы и хлеба!». Прибывший на место отряд конной полиции открыл огонь по демонстрантам, в результате чего был убит на месте безработный Владислав Козак и тяжело ранен — Николай Середа.

Похороны жертвы полицейского террора В. Козака 16 апреля вылились в массовую демонстрацию [3]. Полицейские органы решили направить похоронное шествие кратчайшим путем — на Лычаковское кладбище. Однако по требованию тысяч трудящихся, собравшихся 16 апреля в 3 часа дня у морга Медицинского института, похоронная процессия во главе с коммунистами двинулась к центру города, чтобы следовать на более отдаленное Яновское кладбище. Внезапно полиция открыла огонь из пулеметов, винтовок и пистолетов по безоружным людям.

В ответ демонстранты начали строить баррикады, забрасывая оттуда полицию камнями. С боем продвигалась процессия с гробом Козака к кладбищу, устилая путь убитыми и ранеными. Коммунисты подавали личный пример своим мужественным поведением (см. док. №№ 7 и 8). Согласно официальному полицейскому списку, было убито 14 рабочих, на деле их было значительно больше. Число раненых достигло нескольких сот.

По призыву Коммунистической партии в борьбе против полиции приняли участие и многие рядовые члены польских националистических союзов.

Коммунисты вели успешную агитацию и в воинских частях. Солдаты львовского гарнизона открыто проявляли симпатии к борющимся рабочим, ввиду чего командование не решилось вывести войска на улицу против демонстрантов (см. док. № 9). В публикацию включены обращения ЦК КПЗУ к солдатам и к членам союза комбатантов с призывом к совместной с рабочими борьбе за антифашистскую Польшу (см. док. №№ 6 и 8).

---

[1] Во Львове, по данным на 1936 г., насчитывалось около 30 тыс. безработных.

[2] См. ЛОГА, ф. 75, оп. 2, д. 236, лл. 2, 5—6.

[3] События 16 апреля 1936 г. подробно описаны в полицейском донесении начальнику следственного управления львовской полиции (см. ЛОГА, ф. 75, оп. 1, д. 154, лл. 15—19).

Революционные выступления львовского пролетариата в апреле 1936 г. под руководством львовской организации Компартии Западной Украины явились яркой демонстрацией совместной борьбы украинских, польских и еврейских рабочих против ненавистного фашистского режима пилсудчиков. Это движение носило как антифашистский, так и национально-освободительный характер. Оно вызвало широкую волну солидарности, охватившую всю Польшу, и привлекло внимание мировой общественности.

При поддержке украинских буржуазных националистов перепуганный польский фашизм пытался путем террора и дальнейшей фашизации общественной и политической жизни предотвратить рост революционного движения, но безуспешно.

Под руководством коммунистов, призывавших трудящихся к дальнейшему усилению борьбы за хлеб и свободу, революционные выступления продолжались и в дальнейшем.

Публикуемые документы хранятся в Государственном архиве Львовской области (ЛОГА). Большинство из них представляет собой нелегально издававшиеся подпольной Коммунистической партией Западной Украины листовки, обращения и др.; документы №№ 4 и 5 — донесения полицейских органов.

Все документы, за исключением № 2, переведены с польского языка и публикуются впервые (кроме док. № 9).

Б. Я. Рот

№ 1

Обращение ЦК КПЗУ к рабочим организациям г. Львова с предложением создать единый фронт для борьбы против фашистского положения о выборах в сейм[1]

Май 1935 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Окружному рабочему комитету ППС, Львовскому комитету Бунда, Центральному комитету УСДП

Товарищи!

Демонстрация и митинг 1 мая текущего года во Львове прошли под знаком единого фронта. Совместно с нами, коммунистами, в этой демонстрации участвовали все рабочие партии. Уже многие годы львовские рабочие не видели такой мощной демонстрации, такого большого энтузиазма, как в этом году.

Рабочие массы, независимо от их партийной принадлежности, стремятся к действиям единым фронтом; они совершенно правильно чувствуют, что единство действий рабочего класса никогда еще не было столь необходимым, как сейчас. Это стремление рабочих масс, активных рабочих деятелей, независимо от их партийной принадлежности, нашло свое выражение в резолюции, принятой многотысячным митингом рабочих на площади Госевского, в которой говорится: «Никогда не удастся сорвать совместную борьбу рабочих города Львова».

В настоящий момент единый фронт всех партий, действующих среди рабочих, является особенно необходимым. Фашистское правительство

Славека [2] разработало новое положение о выборах, которое лишает рабочие массы всех избирательных прав. Если новое положение о выборах войдет в силу, если оно не встретит массового, сплоченного, мощного протеста самых широких масс рабочих и крестьян, то рабочие массы будут лишены остатков элементарных политических прав. В будущем сейме, который возникнет на основании такого положения, не будет ни одного депутата от рабочих, некому будет поднять голос протеста против кровавых палачей из фашистских банд, против наступления капитала, подготовки к войне и возможной войны против отчизны международного пролетариата — СССР.

Старшее поколение львовских рабочих помнит еще, какой длительной и упорной, многими жертвами оплаченной, борьбой удалось им вырвать у кровавой австрийской оккупации всеобщее избирательное право. Они помнят еще всеобщую забастовку 1905 г. во всей Австрии, кровавую борьбу против избирательных подлогов Потоцких и Бадених. Сегодня те же магнаты — Радзивиллы и Потоцкие из союза землевладельцев, господа крупные капиталисты, вся эта фашистская свора отнимает у нас кровью завоеванные права.

Мы, коммунисты, отдаем себе отчет в том, что буржуазная демократия и всеобщее избирательное право в условиях существования капитализма, эксплуатации, классового неравенства, дает буржуазии возможность господствовать, угнетать и грабить самые широкие массы трудящихся.

Мы прекрасно помним, что ни первый, ни второй сеймы [3], возникшие на основе всеобщих выборов, не дали рабочим хлеба и работы, а крестьянам — земли без выкупа. Мы помним избирательные чудеса 1928 и 1930 годов [4].

Мы отдаем себе отчет в том, что только диктатура рабочего класса, рабоче-крестьянское правительство, завоеванное в революционном восстании, может принести социальное и национальное освобождение, дать самым широким массам действительную свободу, настоящую демократию для масс. Однако мы против того, чтобы у рабочих грабительски отбирались их элементарные права, мы готовы бороться за каждое рабочее право.

Мы считаем необходимым сплочение всех сил рабочего класса для борьбы против подготавливаемого нового гнусного положения о выборах. Мы отдаем себе отчет в том, что новое положение о выборах — это одно из звеньев лишения рабочего класса его прав, что ближайшим последствием этого положения будет «унификация» профсоюзов по гитлеровскому образцу.

В связи с вышеизложенным вносим предложение — в день созыва сейма провести совместные собрания в профессиональных союзах, массовый митинг протеста и демонстрацию, получасовую забастовку во Львове. Мы готовы согласовать с вами формы совместных действий. Однако считаем необходимым получить от вас как можно скорее ответ, так как вопрос очень важный и не терпит отлагательства. Помните, что только совместными усилиями трудящихся масс, а не закулисными махинациями мы можем дать отпор этому новому наглому покушению польского фашизма.

С пролетарским приветом

Центральный Комитет Коммунистической партии
Западной Украины

Львов, май 1935 г.

ЛОГА, ф. 75, оп. 2, д. 84, л. 41.— Текст типографский.

№ 2

Листовка ЦК КПЗУ с призывом к борьбе за улучшение тяжелого положения безработных

Декабрь 1935 г.

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

КОМУНІСТИЧНА ПАРТІЯ ПОЛЬЩІ
СЕКЦІЯ КОМУНІСТИЧНОГО ІНТЕРНАЦІОНАЛУ
КОМУНІСТИЧНА ПАРТІЯ ЗАХІДНОЇ УКРАЇНИ

До безробітних, до цілого робітничого класу!
До всіх працюючих Західної України!

Товариші!

Надійшла зима! А зима в фашистівській Польщі це нові сотні тисяч викинених на брук, це збільшення новими сотнями тисяч величезної міліонової армії безробітних, це відібрання новим сотням тисяч навіть цих нужденних заробітків, які нині може мати працюючий робітник.

Фабриканти вже заповідають масові редукції [1]. Перепроваджуючи новий рабунок [2] платень, опорним грозять викиненням з праці.

Мізерну обнижку картелевих цін капіталісти намагаються відбити собі на плечах робітників, обнижують платні, зменшують кількість працюючих. Нафтові барони вже заповідають ліквідацію малих та середніх підприємств та перейняття їх продукції великими підприємствами. А це означає редукцію кількох тисяч нафтових робітників з малих та середніх підприємств, при рівночаснім посиленні визиску і утиску робітників великих підприємств. Замерла будівельна промисловість, кінчаться всі і так нечислені роботи. Завмерає деревельна промисловість. Сотні тисяч робітників, їх жінки та діти остаються без хліба, опалу, помешкань та одягу.

Чи дав їм якусь допомогу фашистівський уряд Косцялковського[5)] — Квятковського[6)]? Цей уряд, який для рятування бюджету сягнув до кишені робітників, урядовців та працівників? Ні! Гроші робітників, урядовців, селян та бідноти не є призначені на допомогу для безробітних, на зорганізування великих прилюдних робіт, на яких найшли б працю маси безробітних! Ці гроші йдуть на військо, на гармати, на танки, воєнні пароплави та літаки, на підготовку світової війни, на підготовку спільно з Гітлером явного нападу на Радянський Союз, на одиноку робітничо-селянську державу. І ще на щось йдуть гроші працюючих мас! На поліцію, шпіцлів, в'язниці і суди для робітників та селян, які не хотять покірно дати себе гнобити та поневолювати, які зриваються до боротьби проти системи голоду, нужди, безробіття, війни й терору! Тому ліквідується допомога для безробітних, тому не дається їм праці, тому засуджується їх на голодову смерть!

Фашистівський уряд для безробітних, що демонструють та боряться за право до життя, має лише одное—поліційні кулі та закратовані келії. «Коли, панове, вмираєте з голоду, то прошу дуже, лише тихо, бо як будете кричати, то маю поліцію і скоростріли». В цих словах одного з фашистівських старостів проявляється вся політика фашистівського уряду супроти безробітних.

Виступити проти цієї політики мусять солідарно всі безробітні.

---

[1] редукції — увольнения.
[2] Так в тексте.

Ця боротьба не може звертатися проти працюючих робітників, як би цього хотіли різні фашистівські агітатори. Робітник безробітний і працюючий, це класові брати. Голод безробітних, виснаження від надмірної праці і нужда працюючих — це дві сторони цієї ж самої справи — робітничої нужди в умовинах капіталізму. Не вільно безробітним давати вживати себе як страйколомів проти працюючих робітників. Не боротьба між безробітним і працюючим, а братерська єдність їх в боротьбі за краще життя одних і других — ось шлях до перемоги!

Боротьба безробітних не може піти в напрямку антисемітизму, як цього хотіли б ендецькі[7] агітатори, що орудують серед безробітних. Не євреї відбирають нам працю, а капіталізм. Серед єврейських робітників безробіття шаліє не менш, як серед робітників польських чи українських. Безробіття в професіях, в яких є мало, або зовсім нема робітників-євреїв (будівельні, гірники), шаліє так само як і в інших, хотя й нема там «єврейського заливу», яким хотять нас дурити ендеки. Не боротьба між робітником чи безробітним польським і єврейським, а солідарність їх обох за поліпшення спільного побуту, ось шлях до перемоги!

Одноцілий фронт працюючих робітників та безробітних, одноцілий фронт робітників всіх націй, тісний союз робітників та селян, протифашистівський народний фронт, ось одинокий вихід для мас безробітних!

Робітники та селяне Радянського Союзу в солідарній боротьбі скинули капіталізм, раз на завжди знесли безробіття, розпочали будівництво безкласового соціалістичного суспільства. І ми в солідарній боротьбі скинем фашистівський уряд, що грабує допомоги для безробітних, що збільшує безробіття, підтримує капіталістів та обшарників!

Товариші й товаришки!

Згуртуйте свої ряди в боротьбі за допомогу, в височині попередніх заробітків, для всіх безробітних! За знесення відробіткової панщини! За одноразову новорічну допомогу 50 злотих на родину, на вугілля і теплий одяг на зиму! За зорганізування великих прилюдних робіт, впровадження 6-годинного робочого дня праці, з утриманням дотеперішніх заробітків!

Відбувайте віча й наради, ухвалюйте на них резолюції з цими жаданнями!

Висилайте делегації до старіств та воєвідств!

Ідіть масовими демонстраціями під ці установи поперти Ваші жадання!

Для організації вашої боротьби вибирайте комітети безробітних при профспілках Центральної комісії! [8]

Геть з фашистівським урядом голоду і безробіття!

Хай живе солідарна боротьба безробітних!

Хай живе солідарність безробітних і працюючих робітників!

Хай живе протифашистівський народний фронт!

Центральний Комітет Комуністичної партії
Західної України

Львів, грудень 1935.

ЛОГА, ф. 285-с, оп. 1-с, д. 2157, л. 38. — Текст типографский.

№ 3

Листовка ЦК КПЗУ с призывом к всеобщей забастовке протеста против расстрела полицией рабочих в Кракове и Ченстохове 9)

Март 1936 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ПОЛЬШИ
СЕКЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

Да здравствует всеобщая забастовка 2 апреля!
Все к протесту, к выступлениям, все на демонстрацию!
Никто не должен отсутствовать!
Широким народным фронтом к борьбе против фашизма и войны!

Товарищи!

Зверское убийство фашистской полицией ряда героически демонстрировавших рабочих Кракова вызвало по всей стране волну возмущения и протеста против кровавых палачей трудового народа, усилило жажду борьбы, веру в победу.

Немедленными выступлениями протеста, короткими забастовками, боевыми демонстрациями ответил пролетариат на зверства фашизма. Час бастовали рабочие-нефтяники. Бросили работу сотрудники коммунальных предприятий и весь пролетариат Львова. Боевую демонстрацию с развернутым красным знаменем вел отряд работников ПАСТ [1]. По всей Польше прокатилась волна забастовок и демонстраций. Похороны жертв фашизма превратились в мощную 50-тысячную манифестацию единства рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции против фашистского террора.

Слетела, наконец, маска с «либерального» правительства Косцялковского. Рассеялись последние иллюзии. Обнаружилось настоящее, фашистское, антинародное лицо санационной клики 10). Винтовочные залпы, штык и тюремные камеры — вот, чего могут ожидать трудящиеся!

Уже через два дня после краковских событий снова полилась рабочая кровь на улицах Ченстоховы. И опять пали жертвою раненые и убитые безработные, борющиеся за хлеб, за право на жизнь.

А рабочих Львова, демонстрирующих свою солидарность с краковским пролетариатом, калечит, бьет, разгоняет темносиняя банда 11).

В течение трех дней тюремные камеры заполнились новыми сотнями, тысячами политических заключенных.

Товарищи!

Фашистское правительство чувствует надвигающуюся грозу, которая сметет его с поверхности! Отсюда его бешенство и страх, отсюда усиленный террор и преследования!

Краковские события открывают новый этап в антифашистской борьбе. В настоящий момент, более чем когда-либо, жгучей становится необходимость сплочения всех антифашистских сил для совместной борьбы. Ибо борьба не должна прекратиться, не должна ослабеть. Напротив! Именно

---

[1] ПАСТ — Польское акционерное телефонное общество.

сейчас она должна вспыхнуть и с удвоенной силой разгореться новым, мощным пламенем!

Нельзя допустить, чтобы зверства фашизма оставались безнаказанными. Нельзя допустить, чтобы вся страна превратилась, наподобие Волыни, в территорию, на которой проводится пацификация [12)]!

Только массовый, боевой натиск масс, объединенных в народный фронт, заставит банду угнетателей и поджигателей войны отступить перед гневом народа.

Товарищи!

Центральная комиссия профессиональных союзов провозгласила на 2 апреля по всей стране часовую всеобщую забастовку в знак протеста против фашистских убийц, в знак солидарности с краковским пролетариатом.

Эта забастовка должна быть действительно всеобщей! Она должна охватить все отряды пролетарской армии! Нельзя из нее заранее исключить такую важную рабочую группу, как железнодорожники [13)]!

Всеобщая забастовка 2 апреля должна превратиться в мощное классовое сражение! Покажем в нем нашу силу! Проявим свою волю к борьбе! Осуществим наше единство!

Товарищи! Забастовка 2 апреля — это дело не только рабочих! Лозунг народного фронта, лозунг единства всех трудящихся города и села должен в этот день объединить весь трудовой народ. Когда смолкнут фабричные гудки, ни одна крестьянская подвода не выедет на базар, ни один сельскохозяйственный рабочий не выйдет в поле! Когда рабочие массы зальют площади и улицы, когда грянет рабочая песня, в рядах демонстрации будут и крестьяне!

Организуйте совместные рабоче-крестьянские митинги, массовки и демонстрации!

Борясь против фашистского правительства, мы боремся против оккупации Западной Украины, против пацификации мученической Волыни, против поджигателей войны, против нападения на Советский Союз!

К забастовке! К демонстрации! На улицу!

Коммунисты, пепеэсовцы, людовцы [14)], радикалы,— все люди труда в общие ряды, в народный фронт!

ЦК КПЗУ

Львов, март 1936 г.

ЛОГА, ф. 285, оп. 1, д. 2158, л. 69.— Текст типографский.

№ 4

Запись в картотеке следственного отдела полиции г. Львова о подготовке коммунистами уличных демонстраций с участием безработных

31 марта 1936 г.

По имеющимся сведениям, члены КПЗУ собираются организовать уличные демонстрации, связанные с выступлениями против полиции. Компартия старается вывести на уличные демонстрации безработных.

ЛОГА, ф. 75, оп. 2, д. 235, л. 4.— Копия.

№ 5

Донесение следственного отдела полиции г. Львова вице-прокурору IX района Львовского окружного суда о мерах подавления полицией демонстрации безработных

15 апреля 1936 г.

Сообщаю, что 14.IV с. г., около 10 часов, собрались перед ПУПП [1] по Свентокшиской ул. около 500 безработных, которым начальник конторы заявил, что пока никакой работы нет. Безработные, коротко посовещавшись, направились по тротуарам к воеводскому трудовому управлению по ул. Вишневецких и там послали делегатов к начальнику управления доктору Гаевскому.

Через полчаса делегаты вышли и заявили ожидающим безработным, что доктор Гаевский обещал с 16.IV 1936 г. дать работу около 200 безработным в районе, отдаленном от Львова на 10—15 км. Заявление доктора Гаевского не удовлетворило безработных, которые решили обратиться по этому вопросу в воеводское управление.

Около 11 часов безработные направились к площади Рынок, где были остановлены полицией, а после того как не послушались призыва разойтись, были рассеяны полицией. Демонстранты снова стали сосредотачиваться вблизи здания Шпрехера, и там был брошен призыв идти на Академическую улицу [15)] с лозунгами: «Требуем работы и хлеба!».

По направлению к Академической улице двинулись около 150 безработных, выкрикивая по пути: «Требуем работы и хлеба!». Достигнув Академической площади, безработные остановились около рабочих, занятых на строительстве канализации.

Около 12 часов на место прибыл подкомиссар Войцеховский во главе конного полицейского патруля. Полицейский патруль остановился неподалеку, а подкомиссар Войцеховский подъехал ближе к безработным, которые находились за насыпью из земли и камня, сооруженной вдоль прорытого на Академической площади канала, и трижды призвал их разойтись. В ответ на это безработные стали кричать: «Долой полицию!», в связи с чем подкомиссар Войцеховский приказал конным полицейским разогнать демонстрантов.

В тот момент, когда полицейские подъехали ближе к демонстрантам, те, пользуясь выгодной позицией за земляным валом и прорытым каналом, осыпали полицейских градом камней.

В это время старший пшодовник [16] Фольта один приблизился сбоку к демонстрантам, со стороны кафе «Шкоцкая», и здесь был атакован безработными градом камней. Старший пшодовник Фольта с целью самозащиты достал служебный револьвер и произвел по атакующим его демонстрантам шесть выстрелов. Первые три выстрела произведены были в воздух для острастки, и только последующие три старший пшодовник Фольта произвел непосредственно в направлении атакующего его противника.

Были ранены: Козак Владислав, рабочий, проживающий по Клепаровской улице, № 10, и Середа Николай, рабочий, проживающий в Кривчицах Великих. Доставленный в городскую больницу Владислав Козак умер, а Середа Николай, тоже доставленный в городскую больницу, про-

---

[1] ПУПП — Государственное управление трудового посредничества.

должает там находиться на излечении. Врачом установлено у него ранение правой ноги.

Часть безработных разбила стекла в расположенных поблизости магазинах.

После того, как безработные были разогнаны, в 12 ч. 30 м. было восстановлено полное спокойствие.

Задержаны и водворены в полицейскую тюрьму как подозреваемые в участии в демонстрации и кидании камней...[1]

Кроме того, во второй половине дня были арестованы в разных местах города, преимущественно в районе Гетманских валов, как подозреваемые в коммунистической деятельности среди безработных...[1]

Ведется расследование.

[подпись][2]

ЛОГА, ф. 75, оп. 2, д. 241, л. 35.— Копия.

№ 6

Обращение ЦК КПЗУ к солдатам в связи с расстрелом рабочей демонстрации во Львове

Не ранее 16 апреля 1936 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ПОЛЬШИ
СЕКЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

Да здравствует рабоче-крестьянский и солдатский союз!
Солдаты,— в народный фронт, на борьбу с фашизмом!
Братайтесь с борющимся пролетариатом!

Товарищи солдаты!

Вторично на протяжении одной недели улицы Львова были обагрены рабочей кровью. Более десяти убитых, несколько десятков раненых — вот ответ на требование голодающих «хлеба и работы». Требовали хлеба, а получили пули.

Рабочие Львова хотели похоронить одну из жертв темносиних казаков, хотели отдать почести одному из своих погибших братьев, и за это им устроили кровавую баню. Путь следования похоронной процессии был устлан трупами рабочих и тяжело ранеными, умирающими теперь в больницах.

Фашистское правительство выставило против них пулеметы, стянуло отовсюду банду ненавистных полицейских, и, несмотря на все это, не удалось остановить рабочей демонстрации. Рабочие защищались, строили баррикады, отбивали атаки ненавистных полицейских каналий.

---

[1] Далее следуют фамилии арестованных.
[2] Подпись неразборчива.

Товарищи солдаты!

Поляки, украинцы, евреи!

Вы — сыновья крестьян и рабочих, которым хорошо известна рабочая нужда, крестьянская нужда; вас хотят использовать против нас, против ваших отцов, матерей и братьев. Дадите ли вы использовать себя для такой гнусной работы тем, грязные лапы которых обагрены кровью убитых рабочих Кракова, Львова, Волыни и Ченстоховы? Вас выводят на улицы против рабочих, приказывают вам защищать государственные здания, фашистские гнезда, комиссариаты ненавистной полиции. Вы должны подставлять свою грудь в защиту этого трусливого сброда, который отважен только тогда, когда стреляет из пулеметов по беззащитным женщинам, но который, увидев протянутые рабочие кулаки, прячется за ваши спины.

Товарищи! Братайтесь с рабочими, братайтесь с демонстрантами, ибо их борьба — это ваша борьба, их победа будет вашей победой. Мы боремся за свержение санационного правительства, правительства массовых убийств, правительства голода и нужды, национального угнетения и террора, правительства, готовящего вместе с Гитлером войну против Советского Союза, Чехословакии и Франции.

Мы хотим свободы, хотим демократических прав, хотим школ и обучения детей, вместо расходования взимаемых с трудового народа налогов на войну. Хотим лучших условий для вас, лучшего обращения с вами в казармах. Требуем укрощения произвола фашистских офицеров, помещичьих и фабрикантских сынков. Хотим, чтобы вы имели право на свободу, чтобы вы добились большей свободы, чтобы каждый из вас имел право сам решать о себе, о своих условиях в казармах, а не служил только пушечным мясом.

Поэтому призываем вас к совместной борьбе против фашизма, к борьбе за демократию, за демократизацию солдатской жизни. Враг у нас один, совместной должна быть наша борьба. Следуйте примеру солдат, которые в 1923 году в Кракове во время уличных боев перешли на сторону рабочих [17].

Помните, что враг у нас общий!

Не против нас, а с нами идите!

Не тратьте пуль против рабочих, они вам пригодятся против фашистов!

Да здравствует рабоче-крестьянская и солдатская солидарность!

Да погибнут фашистское правительство, фашистские офицеры, фашистские сановники!

Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!

Да здравствует единый и народный фронт!

Все солдаты в народный фронт, в антифашистский фронт!

Слава героям, павшим в борьбе против фашизма!

Центральный Комитет
Коммунистической партии Западной Украины

Львов, апрель 1936 г.

ЛОГА, ф. 75, оп. 2, д. 231, л. 22.— Текст типографский.

№ 7

Информация ЦК КПЗУ, направленная редакциям львовских газет, о демонстрациях во Львове 14 и 16 апреля 1936 г.

18 апреля 1936 г.

Методы фашистской цензуры по отношению к независимой печати известны. Известна обществу и цена информационным сообщениям ПАТ или «Искры»[18]. Они совпадают с интересами правящей ныне ненавистной санации. Они руководствуются ненавистью к борющимся рабочим и крестьянам, ненавистью к широким массам борющегося и стремящегося к демократии населения.

Это известный нам голос господ рачкевичей[19], косцялковских, которые объявили беспощадную борьбу объединяющемуся пролетариату, возникающему народному фронту.

Сообщения о событиях на улицах Львова составлялись за теми же письменными столами, теми же господами, которые за несколько часов до этого распорядились стрелять в безоружных.

И, несмотря на то, что часть независимой печати дала втянуть себя в эту грязную работу санации, общественное мнение Львова знает, что кровавые события четверга были преднамеренно подготовлены господами из воеводского управления.

Вот факты:

1. 14 апреля безработные демонстрировали по Академической ул. с криками: «Хлеба и работы!»; демонстранты вели себя совершенно спокойно и не давали никакого повода для стрельбы в них. Однако шподовник полиции Фольта (№ 189), скрывшись за угол кафе «Шкоцкая», восемь раз выстрелил в толпу, убив безработного Владислава Козака и тяжело ранив Николая Середу, который спустя два дня умер[20]. Защищаясь, рабочие бросали камни.

2. «Официальные органы» для «поддержания порядка и спокойствия» запретили рабочим хоронить Владислава Козака на Яновском кладбище, а для поддержания этого «порядка» приготовили пулеметы, оцепили путь следования похоронной процессии полицейскими отрядами; сконцентрированная по улице Жулинского полиция встретила спокойно и серьезно шествующих рабочих дубинками и стрельбой залпами.

Стреляли на площадях Бернардинской, Галицкой, Голуховских, на Казимировской улице, около костела св. Анны, на Яновской; стреляли в безработных на протяжении всего пути, стреляли из-за углов, с крыш. Весь путь к Яновскому кладбищу был усеян трупами и ранеными; не пощадили и тех, кто нес гроб, стреляли в женщин и в молодежь.

Ответом на зверства полиции были самооборона демонстрантов, сооружение баррикад. Ответом на нищету и голод были разбитые витрины крупных магазинов. Рабочие защищались и будут защищаться все успешнее, ибо с них уже хватит нищеты и голода, угнетения и террора. Они должны покончить с системой массовых убийств рабочих и крестьян (Львов, Краков, Волынь и Ченстохова). А члены коммунистической партии будут в первых рядах борющегося пролетариата и крестьянства.

Фашистская печать хочет очернить рабочий класс Львова, обвиняя демонстрантов в том, что они якобы грабили, били стекла в витринах мелких лавок. Об этом кое-что могла бы сказать полиция и темные лично-

сти, являющиеся ее орудием для дискредитации революционного движения. Рабочие Львова не имеют с этим ничего общего.

Сказки о выстрелах из толпы рабочих, о защищавшейся полиции, обливание грязью и очернение рабочих-демонстрантов враждебной им печатью не дают результатов. Симпатии населения Львова, без различия национальности, на стороне трудящихся.

Кровавая расправа с рабочими происходила на глазах многотысячных масс населения. От зверств полиции стыла кровь в жилах каждого честного гражданина. Поэтому реакция всех мастей, всех национальностей и поднимает шум, обдавая грязью всех и все, что не является фашистским, что стремится к свободе и прогрессу.

Коммунистическая партия будет стремиться покончить с массовыми убийствами безработных рабочих и крестьян; будет стремиться к свержению правительства санации, правительства рачкевичей, косцялковских, беков [21] будет добиваться и мобилизовать все демократические силы вокруг требования предания суду виновных в кровавых событиях во Львове, Кракове, на Волыни, в Ченстохове рачкевичей, свитальских [22], белина-пражмовских [23], всех более мелких исполнителей кровавых массовых убийств.

Центральный Комитет Коммунистической партии
Западной Украины

Львов, 18 апреля 1936 г.

ЛОГА, ф. 374, оп. 1, д. 1893, лл. 2—3.— Копия.

№ 8

Обращение ЦК КПЗУ к членам союзов комбатантов с призывом к борьбе за свержение фашистского правительства Польши

21 апреля 1936 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ПОЛЬШИ
СЕКЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

К борьбе против фашистского правительства — правительства голода, террора и подготовки войны, правительства массовых убийств рабочих и крестьян!

К борьбе за свободную, независимую, рабоче-крестьянскую Польшу!

К борьбе за антифашистскую Польшу!

Товарищи! Граждане!

Революционные бои, происходившие на улицах Львова, поколебали фашистское здание, вызвали панику в лагере ненавистных славков, рачкевичей, беков, радзивиллов.

После упразднения остатков демократических прав в Польше, после того, как было ликвидировано пятизначное избирательное право и навязана новая, фашистская конституция, этим господам казалось, что все

остальное пойдет гладко, что удастся еще больше душить рабочего, безработного держать голодным, крестьян на селе сдерживать угрозами, а бедного служащего обирать без конца. Они думали, что польское население будет молча смотреть, как они торгуют безопасностью границ Польши, как договариваются с Гитлером, что трудящиеся массы Польши пропустят через свою территорию немецкую фашистскую армию против Советского Союза, а пацификация Западной Украины даст им возможность править ею безнаказанно и бесконечно!

И вдруг безработные стали требовать хлеба и работы. Рабочие на фабриках начали бастовать, волна забастовок залила всю страну. А во Львове, в столице Западной Украины, безработные совместно с работающими, поляки, украинцы и евреи посмели требовать работы, посмели хоронить павшего от фашистской пули товарища не так, как этого пожелали господа воевода и староста! Они посмели защищаться, когда в них стреляли из пулеметов, и даже,— о ужас! — воздвигали баррикады!

Трудящиеся массы Львова перешли в контрнаступление. Фашистская банда чувствует это и бьет тревогу, мобилизует все свои силы. И о диво! Помирились эндеки с санацией, явились ундовско-оуновские [24] националисты, и еврейская реакция пошла на зов. Правления всех союзов комбатантов [25] и эндецкие боевые дружины, какова идиллия! Все на выручку фашизма, все против сражающихся рабочих и крестьян!

Все ли, однако? Должны ли встать на защиту фашизма все эти комбатанты, легионеры или же защитники Львова [26], с которых на протяжении стольких лет никто не думал, которые издыхали и издыхают с голоду? Десятки из них уже в кровавый четверг [27] почувствовали пули родных фашистов в собственной груди. Сотни, а может, и тысячи из них шагали в рядах голодающих, в рядах антифашистов.

Товарищи! Граждане! Неужели вы все, члены комбатантских союзов, позволите своему руководству втянуть вас в борьбу против широких масс трудящихся? Вы же сами часто вынуждены с трудом зарабатывать на хлеб. Вы часто страдаете от голода, но тогда вас господа фашисты не знают; когда же пролетариат протягивает руки к их горлу, тогда они зовут вас на помощь, ибо независимость Польши под угрозой. Спасайте их яснопанскую Польшу! — помещичье-капиталистическую Польшу, ту, за которую вы кровь проливали и которую они обезоруживают перед лицом наступления гитлеровской армии немецкого национализма и фашизма.

Подстрекают вас не только против коммунистов, подстрекают против всего украинского населения, хотят вам привить яд антисемитизма. Ибо господа вельможи хотят ваше огорчение и недовольство и свою вину за ваш голод и нужду переключить на рельсы шовинизма и борьбы внутри рабочего класса.

Дрожь охватывает этих господ при мысли о том, что вы можете встать в ряды объединяющегося пролетариата, в ряды крепнущего народного фронта.

Товарищи, граждане! Единый народный фронт становится в Польше фактом. В кровавый четверг вместе проливали кровь рабочие и служащие коммунисты, социалисты, члены ЗЗЗ [28], все те, для которых уже довольно фашизма, все те, которые борются за хлеб и работу, свободу и мир, все те, которые не хотят, чтобы их топтали господа вельможи, которые не хотят танцевать под дудку господ полковников, те, с которых уже довольно помещичье-капиталистической реакции. Пора порвать вам с фашистской заразой, пора последовать примеру многих ваших товарищей и стать в ряды трудящихся, борющихся за антифашистскую Польшу, за свободную, независимую, демократическую, рабоче-крестьянскую Польшу, за свободную, народную, автономную Западную Украину. Мы не должны

забывать, что не может быть свободным народ, который угнетает другие народы. Общий у нас враг, общей должна быть и борьба.

Долой фашистское правительство, правительство голода, нужды, террора и войны!

Долой правительство декретов[29], голодной зарплаты для служащих, голодных пенсий для инвалидов!

Под суд виновных в кровавых убийствах рабочих и крестьян Львова, Кракова, Волыни, Ченстоховы!

Да здравствует единый и народный фронт!

Все комбатанты в народный фронт, на борьбу с фашизмом!

Центральный Комитет Коммунистической партии
Западной Украины

Львов, 21. IV 1936 г.

ЛОГА, ф. 374, оп. 1, д. 1957, л. 4.— Текст типографский.

№ 9

Статья «Кровавый четверг во львовских казармах» в подпольном органе ЦК КПЗУ «Walka mas»

Июнь 1936 г.

Об убийстве Козака и его похоронах знали все. Вестовые и другие солдаты, возвращающиеся из города, рассказывали, что собираются огромные толпы; многие из них разговаривали с рабочими.

В два часа нас выстроили с тем, чтобы, как обычно, выйти на занятия в поле, однако выход откладывали, ожидая, очевидно, какого-то приказа. Наконец, в три часа одной части выдали боевые патроны и каски. Винтовки расставили в козлы во дворе, а солдаты ушли в помещения. Товарищи поняли, что положение серьезное, и начали договариваться, чтобы не дать провести себя и чтобы не стрелять. Настроение было вначале подавленным, неуверенным; однако, когда в 5 часов всех выстроили, после чего из строя вызвали нескольких революционно-настроенных солдат и отправили их в сопровождении нескольких унтер-офицеров в казарму, настроение изменилось. К вызванным из строя солдатам другие солдаты обращались со словами: «Не беспокойтесь, мы тоже не будем стрелять в рабочих».

К оставшимся солдатам обратился с речью полковник, который лично принял командование караулом. Из речи полковника приведу те места, которые мне передали почти буквально: «Солдаты! Наш полк называется полком защитников Львова. Десять с лишним лет назад на долю ваших братьев выпала миссия защиты Львова, сегодня пришла ваша, молодого поколения, очередь. Бунтовщики поднялись и хотят уничтожить наш Львов. Однако дело идет не только о Львове, но и о всей Польше. Поэтому мы должны любой ценой сохранить Львов. Знаю, что среди бунтовщиков могут быть наши отцы, матери или братья. Однако, когда воинский долг и отчизна требуют от вас, чтобы вы спасли ее честь, не смотрите ни на что и стреляйте, колите, когда получите такой приказ!»

Сразу после речи полковника были розданы пулеметы, каски и по сорок боевых патронов каждому. Во дворе поставили крупнокалиберные пулеметы. Настроение среди солдат было уже одно; все были такого мне-

ния, чтобы не стрелять. Во время речи полковника солдаты улыбались и толкали друг друга многозначительно. Когда их отпустили из строя, они стали собираться небольшими группами и договариваться, как себя вести.

Солдаты считали, что если они выйдут на улицу, то не более 50 процентов вернутся невредимыми, ибо они присоединятся к рабочим и на этой почве завяжется перестрелка с теми, которые станут на противоположную сторону. Дошло до того, что наметили офицеров, которых при первой оказии следует перестрелять. Из большинства винтовок солдаты удалили бойки, чтобы таким образом сделать невозможной стрельбу. Офицеры, разобравшись в настроении солдат, обращались с ними исключительно хорошо. Все они были сильно напуганы и нервничали.

Из команд крупнокалиберных пулеметов убрали всех солдат срочной службы и заменили их унтер-офицерами сверхсрочниками. Вечером начали посылать в город патрули. Солдаты в большинстве шли охотно, пользуясь возможностью непосредственной встречи с рабочими. Однако унтер-офицеры трусили и не хотели идти. В одной роте солдаты отказались выйти в патруль, за что несколько из них были арестованы. Около восьми часов одна рота была выслана в главное управление полиции на ул. Сапеги. Солдаты все время повторяли: «Не стрелять». Среди солдат вертелось много шпиков, которые подслушивали их разговоры.

Около 9 часов, когда на ул. Сапеги полиция не могла справиться с толпой, собирались уже вывести на улицу войско, построенное по четыре. Однако предварительно опросили солдат, будут ли они стрелять; солдаты отвечали, что не будут. Характерно, что солдат опрашивал не офицер, а шпик, во избежание того, чтобы офицер получил отрицательный ответ.

Затем, когда офицеры убедились, что солдаты стрелять не хотят, среди них возникло замешательство, и солдат в последнюю минуту отвели из полиции и отправили в казармы.

Солдаты впоследствии сожалели о том, что сказали о своем намерении не стрелять; они заявили, что если бы вышли на улицу, то присоединились бы к рабочим и рассчитались с кем следует.

Больше недели солдат держали в состоянии боевой готовности и запрещали выходить из казармы, что касалось также и офицеров.

О настроении среди офицеров и унтер-офицеров пока ничего написать не могу, за исключением того, что их охватила паника. Было ли какое-либо различие среди них, пока не знаю. В этом направлении постараюсь теперь информировать побольше. Как бы то ни было, хорошо то, что наши товарищи сумели отличить худших офицеров и унтер-офицеров от менее злых и решили при удобном случае рассчитаться с первыми. Вообще думаю, что товарищи были на высоте задания и отдавали себе отчет в серьезности положения. Они держали связь со всем полком, не исключая новобранцев.

Серьезным недостатком было, на мой взгляд, то, что товарищи не назначили руководства, которое бы на случай выхода на улицу руководило отдельными отрядами. Правда, до этого не дошло, но немногого не хватало, чтобы войско вышло на улицу, и тогда отсутствие организованного руководства было бы серьезным недостатком. Назначение руководства из солдатских масс было бы важным шагом вперед.

В 40 пехотном полку с двух часов была объявлена боевая тревога, так как ожидали, что похоронное шествие пойдет по Лычаковской ул., то есть вблизи казармы. Солдаты были информированы о краковских событиях, о которых много говорили. Был также организован сбор денег в пользу пострадавших в Кракове. Почти все выражали свое сочувствие краковским рабочим.

В день похорон Козака солдаты узнавали о происходившем от возвра-

щающихся из города и от караульных. Когда выдали каски и боевые патроны, воцарилось подавленное настроение.

Многие солдаты (особенно жители Львова) открыто заявляли, что стрелять не будут. За все время никто из офицеров не заговорил с солдатами. Только в восемь часов один из отрядов должен был выйти в город. Солдаты были этим очень недовольны, о чем свидетельствует тот факт, что дежурный офицер вынужден был обратиться к солдатам, заверяя их, что войско не будет вмешиваться в уличные бои, что поэтому нет причины падать духом и т. д. В восемь часов отряд отправился к войсковой хлебопекарне «Меркурий». На всем пути солдаты имели возможность осмотреть те места, по которым проходила демонстрация, что произвело огромное впечатление. Солдаты часто останавливали проходящих рабочих, расспрашивали их о ходе событий и выражали свою солидарность. Унтер-офицер, ведущий их, ничего не мог сделать. Характерно, что когда отряд встретил роту 19 пехотного полка, солдаты обоих подразделений на ходу громко перебрасывались словами: «Не стрелять». Даже находясь в карауле, часовые останавливали рабочих, расспрашивая о событиях и заверяя их, что в случае, если бы им пришлось вмешаться в уличные бои, они отдали бы оружие рабочим и перешли на их сторону. Проводится сбор денег в пользу пострадавших, и солдаты охотно дают.

В 5 полку легкой артиллерии во время событий среди солдат начался спор о том, стрелять или нет. Спор иногда принимал столь острый характер, что дело доходило до драк. Большинство высказывалось в пользу борющихся рабочих. Интересный случай произошел у караульного помещения. Когда рабочие, возвращаясь с пивоваренного завода, проходили мимо казармы, офицер поднял тревогу и, отдав команду: «В ружье!», приказал изготовиться к стрельбе. Но когда рабочие остановились и стали переговариваться с солдатами, офицер скрылся в казарму, оставив капрала. Однако рабочие втянули в разговор и капрала. Капрал изворачивался и, наконец, скрылся в караульном помещении, оставив часовых, беседующих с рабочими.

ЛОГА, ф. 285, оп. 1, д. 2273, лл. 13—14,— Текст типографский.

Газета «Walka mas» № 4(5), июнь 1936 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Новое положение о выборах, разработанное польским фашистским правительством в 1935 г., ликвидировало право избирателей на выдвижение кандидатов в депутаты, повышало возрастной ценз избирателей с 21 года до 24 лет и вносило в избирательное право ряд других антидемократических изменений.— 72.

2) Славек Валеры — пилсудчик, бывший правый деятель ППС; дважды был премьером в буржуазно-помещичьей Польше.— 73.

3) Подразумеваются сеймы, избранные в 1922 и 1929 гг.— 73.

4) Имеется в виду массовая фальсификация польским фашистским правительством результатов выборов в сейм в 1928 и 1930 гг.— 73.

5) Косцялковский-Зындрам Мариан — пилсудчик; в польском фашистском правительстве был министром внутренних дел, премьером и министром социального обеспечения.— 74.

6) Квятковский Евгений — министр промышленности и торговли, министр финансов и вице-премьер польского фашистского правительства.— 74.

7) Эндеки (национал-демократы, стронництво народове) — реакционная, шовинистическая партия, выражавшая интересы крупной польской буржуазии и помещиков.— 75.

8) Речь идет о Центральной комиссии профсоюзов, руководство которой было в руках правого крыла ППС.— 75.

9) Имеется в виду зверский расстрел полицией демонстраций бастующих рабочих и безработных в Кракове и Ченстохове в марте 1936 г.— 76.

10) Санационная клика (от польского слова «санация» — оздоровление) — главари реакционного антинародного режима, установленного Пилсудским в Польше после фашистского переворота в 1926 г.— 76.

11) «Темносиняя банда» — так презрительно называли рабочие полицейских, одетых в форму темносинего цвета.— 76.

12) Пацификация — официальное название кровавых карательных экспедиций польского фашистского правительства на Волыни с целью подавления революционных выступлений трудящихся.— 77.

13) Центральная комиссия профсоюзов, руководимая правыми лидерами ППС, под давлением трудящихся вынуждена была объявить забастовку протеста против кровавого террора фашистского правительства в Кракове и Ченстохове. В то же время, с целью ослабления этого выступления пролетариата, правое руководство ППС не согласилось на участие в забастовке железнодорожников.— 77.

14) Людовцы (от польского слова «люд» — народ, крестьянство) — общепринятое название членов ряда польских крестьянских организаций. В буржуазно-помещичьей Польше широкие круги людовцев, вопреки позиции своего руководства (в основном кулацкого), принимали участие в борьбе, возглавлявшейся коммунистами, против фашистского режима «санации».— 77.

15) На Академической улице, расположенной в центре Львова, находились фешенебельные кафе — излюбленные места времяпровождения буржуазии.— 78.

16) Пшодовник — польский полицейский чин, соответствующий старшине.— 78.

17) Речь идет о восстании рабочих Кракова в ноябре 1923 г. в ответ на попытку властей расправиться с бастовавшими рабочими. Многие солдаты отказались тогда стрелять в забастовщиков и передали им оружие. Вооруженные рабочие разоружили остальных солдат и овладели частью города, но лидерам ППС удалось обманным путем добиться разоружения восставших.— 80.

18) ПАТ (Польское телеграфное агентство) и «Искра» — информационные агентства в Польше, шедшие на поводу у фашистского правительства.— 81.

19) Рачкевич Владислав — министр внутренних дел в польском фашистском правительстве; в своем выступлении в сейме угрожал репрессиями в отношении народного фронта и разгромом рабочих организаций.— 81.

20) В документе допущена ошибка, Николай Середа выздоровел и ныне работает во Львове.— 81.

21) Бек Юзеф — министр иностранных дел польского фашистского правительства; выступал против сотрудничества Польши с Советским Союзом.— 82.

22) Свитальский Казимир — краковский воевода, палач краковских рабочих.— 82.

23) Белина-Пражмовский Владислав — львовский воевода, палач львовских рабочих.— 82.

24) УНДО (Українське національно-демократичне об'єднання) — основная партия западно-украинской буржуазии, созданная в 1925 г.; открытая агентура польского фашизма среди западно-украинского населения. ОУН (Организация украинских националистов) — партия украинских фашистов, созданная в 1929 г. в Вене; находилась на службе гитлеровской и других империалистических разведок и проводила подрывную работу против СССР и революционного движения в Западной Украине.— 83.

25) Союзы комбатантов — союзы бывших польских легионеров, фашистского толка, созданные пилсудчиками.— 83.

26) «Защитники Львова» — так называли польские националисты участников польских военных формирований, захвативших Львов в ноябре 1918 г.— 83.

27) Кровавый четверг — кровавые события во Львове 16 апреля 1936 г.— 83.

28) ЗЗЗ (Звёнзек звёнзкув заводовых) — фашистская организация, созданная в 1931 г. во главе с Морачевским; действовала среди польских рабочих.— 83.

29) «Правительство декретов» — имеется в виду польское фашистское правительство, которое в обход законодательного органа — сейма издавало в форме декретов президента законы, направленные на фашизацию общественной и государственной жизни.— 84.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

(1904—1907 гг.)

Публикуемая записка председателя правления Государственного банка С. И. Тимашева написана незадолго до созыва 2-й Государственной думы. Повидимому, она должна была создать у правительства такое впечатление, что катастрофическое положение с денежным обращением, сложившееся к концу 1905 г., изжито, что удалось преодолеть те явления, которые угрожали опрокинуть финансовый фундамент царизма — золотую валюту, и что экономическая жизнь страны входит в норму. Хотя в записке основное внимание уделяется денежному обращению и политике Государственного банка, она содержит много фактического материала, который имеет большое историко-экономическое значение и глубоко вскрывает слабость царизма, которому удалось избежать катастрофы, лишь благодаря финансовой помощи западноевропейского империализма.

Далеко не все вопросы денежного обращения рассмотрены в данном документе. Автор умело затушевал некоторые неприятные стороны — рост внешней и внутренней задолженности [1], усиление фискальной политики царизма. Вопросы бюджета как по доходной части, так и по расходам автор не рассматривает. И тем не менее документ имеет для историка существенное значение, ибо показывает, насколько глубокие изменения в денежном обращении произвели война и революция. Эти изменения отнюдь не усиливали царизм, а ослабляли его. Он все более запутывался в тенетах задолженности иностранному капиталу [2].

---

[1] За 1904—1906 гг. сумма государственного долга увеличилась почти на 2 млрд. руб. На 1 января 1904 г. она составляла 6 636 млн. руб., а на 1 января 1907 г. уже 8 625,6 млн. руб. (см. «Ежегодник Министерства финансов за 1909 г.», стр. 241). Чрезвычайные расходы за 1906 г. составляли около одной трети бюджета. Только от 5% займа 1906 г. и реализации краткосрочных обязательств казны правительство выручило 1040,9 млн. руб. Изыскивая средства на покрытие дефицита, правительство соглашалось на огромные вознаграждения заимодавцам. Так краткосрочных обязательств было выпущено на 444,9 млн. руб., а выручено реальных денег только 336,4 млн. руб., т. е. потери составляли 108,5 млн. руб. Другими словами, за каждый рубль было выручено только 75 коп. 5% заграничный заем 1906 г. для подавления революции был реализован на 843 750 000 руб., а фактически реализовано от него было 704,5 млн. руб., т. е. потери составили огромную сумму в 139,25 млн. руб. (см. «Ежегодник Министерства финансов за 1907—1908 гг.», стр. 61 и за 1909 г., стр. 238).

[2] Государственная роспись 1906 г. была сведена с дефицитом в 783 млн. руб. Следовательно, огромный заем 1906 г. не дал правительству всех необходимых средств, чтобы покрыть образовавшийся дефицит. Огромные средства тратились на расходы, вызванные русско-японской войной и ее последствиями. По данным Государственной росписи они составляли свыше 2,1 млрд. руб. На 1906 г. было запроектировано израсходовать 405,4 млн. руб., но фактически израсходовано на 62,3 млн. руб. больше (см. «Ежегодник Министерства финансов за 1907—1908 гг.», стр. 58—59).

Фактически автор записки начинает изложение с момента введения золотой валюты в России. Он показывает, что золотое покрытие в этот момент составляло 1 руб. 14 коп. золотом на кредитный рубль, и изображает дело таким образом, будто задача правительства в это время заключалась в том, чтобы приучить население к звонкой монете, т. е. золоту.

Однако действительность выглядела несколько иначе. Уже первое политическое осложнение начала XX века — «Китайская война» — повело к ограничению выдачи золота для войсковых частей, выступающих за пределы империи. В дальнейшие годы количество золота и серебра в обращении увеличивалось, росла и обеспеченность кредитного рубля золотым запасом. Накануне русско-японской войны она поднялась до 1 руб. 56 коп. Однако Тимашев сознательно обходит вопрос о том, насколько возросла задолженность царской казны за эти годы, т. е. какой ценой было куплено увеличение золотого обеспечения в Государственном банке.

Как только началась русско-японская война, правительство приняло экстренные меры к охране золота, ограничению его выдачи и усиленной выдаче кредитных билетов, особенно в Сибири.

Каким же образом правительство покрывало военные расходы? Очень глухо и коротко говорится, что финансирование войны путем выпуска бумажных денег Комитет финансов «находил опасным» (стр. 97), поэтому решено было встать на путь заключения как внутренних, так и внешних займов.

Автор записки подробно рассматривает, какое влияние на экономику страны оказывают внешние займы и займы внутренние. Он не приводит данных о количестве внутренних займов и считает, что финансирование при помощи внешних займов — предпочтительнее. Без внешних займов правительство на деле не могло бы вести войну. За 1904—1906 гг. внешних займов было реализовано на 1092,5 млн. руб. (см. стр. 101). Автор всячески старается убедить своих читателей в том, что вести войну за счет займов лучше, чем за счет выпуска бумажных денег (стр. 102—103), так как это не ведет к расстройству валюты.

Однако действительность была не такой радужной, как пишет Тимашев, ибо, несмотря на огромные суммы, полученные по займам, в страну было привезено золота только на 16 млн. руб., а вывоз его достиг 126,8 млн. руб., т. е. количество реального золота в стране сократилось, так как займы пошли в основном на покрытие огромных платежей за границей.

Далее автор записки превозносит политику мудрой осторожности, проводимой Государственным банком в части активных операций. Тимашев пытался доказать, что не война оказала разрушающее влияние на денежное обращение, а «внутренняя смута», т. е. революция, которая «сопровождалась беспримерными потрясениями» (стр. 105).

Автор пытается все свалить на агитацию революционных партий, якобы под влиянием которой отлив денежных вкладов за последние три месяца 1905 г. составил около 150 млн. руб. Однако он забывает сказать о буржуазии, которая в панике переводила свои капиталы за границу, и что такие переводы составили очень значительную сумму — около 250 млн. руб. В эти революционные месяцы, потрясшие самодержавие и сократившие заграничные кредиты банкам в России, Государственный банк щедро пришел на помощь последним, идя на расширение денежного обращения.

Следует также учесть, что в то время, когда Тимашев написал записку (12 февраля 1907 г.), правительство еще не имело утвержденного Государственной думой бюджета. Все эти обстоятельства, повидимому, и заставили Тимашева подать записку, которая должна была несколько успокоить правительство накануне созыва 2-й Государственной думы (20 февраля 1907 г.).

Спасая коммерческие банки от банкротства, царизм спасал и самого себя. Вместе с тем, именно здесь Тимашев, говоря об учетной политике, вынужден был признать, что нельзя было применить резкое повышение учетного процента, так как это не могло бы остановить отлива капиталов за границу. Доверие капиталистов, как русских, так и иностранных,— к правительству появилось только в начале 1906 г. В первой половине 1906 г. задолженность частных банков Государственному банку сократилась на 338 млн. рублей (стр. 108), усилился приток вкладов в сберегательные кассы и частные банки, возобновились прекращенные иностранные кредиты.

Таким образом, переломным моментом в денежном обращении и развитии активных операций Банка явился конец 1905 г. Царское правительство сделало все усилия и по линии военной и финансовой, чтобы покончить с вооруженным восстанием и использовать аппарат Государственного банка и частных банков для преодоления финансового кризиса.

Правительство не останавливалось ни перед чем — оно нарушило закон о денежном обращении, взяв в Государственном банке для нужд казны около 100 млн. рублей, оно провело огромный заем у международных империалистов, в счет которого в декабре 1905 г.— январе 1906 г. авансом было получено около 100 млн. рублей, щедро субсидировало частные банки и попрежнему продолжало выдавать «ссуды на особых основаниях», т. е. с отступлением от обычной установленной законом практики Банка. Количество таких ссуд, несмотря на тяжелое финансовое положение в стране, не сократилось, а в марте 1906 г. были выданы две новые ссуды на сумму 2373 тыс. руб. Следовательно, общая сумма ссуд на особых основаниях превышала 74 млн. руб. (стр. 109).

За годы революции было значительно подорвано доверие к государственным ценным бумагам. В частности, это выразилось в том, что в портфеле Банка значительно увеличилось количество серий государственного казначейства — с 14 млн. руб. (1 января 1905 г.) до 50 млн. руб. (январь 1907 г.). Тимашев справедливо видел в этом «явление ненормальное», так как в сущности оно предоставляло авансы казне «из банковых ресурсов». За исключением государственных серий, денежное обращение за счет операций с ценными бумагами не расширялось.

Особое внимание автор записки уделяет анализу результатов кассовой политики Банка и рассмотрению «особых мер», которые правительство и Банк проводили в конце 1905 г. В результате этих мер удалось сохранить золотое обращение и добиться мобилизации золота в Банке. За 1906 г. было стянуто из внутреннего обращения в Петербург 230 млн. руб.: из них 70 млн. руб. пошло на покрытие ранее высланного в конторы золота. Автор детально рассматривает выпуск кредитных билетов (помесячно). Эти выпуски особенно усилились с августа 1905 г. и до конца года составили 200 млн. руб., а в декабре равнялись 100 млн. руб. Здесь автор фактически впервые, хотя и мимоходом, говорит о крупном дефиците бюджета, покрытом «главным образом заграничным займом» (стр. 116), но не приводит никаких данных о сумме дефицита и росте заграничной задолженности. Наоборот, автор открыто стремится создать впечатление благополучия, в связи с ростом золотой наличности Банка, которая за три года увеличилась на 280,5 млн. руб. (стр. 116). Однако, как мы уже видели, рост золотого запаса был не результатом улучшения экономического положения страны, а следствием выкачивания золота из обращения и передачи Банку части золота, полученного правительством по иностранным займам. Таким образом, хотя золотое покрытие к 1 января 1907 г. и составляло почти рубль на рубль (99 коп. вместо 1 руб. 56 коп. к началу войны с Японией), а эмиссионное право Государственного банка

не было использовано почти на 300 млн. руб., это было куплено дорогой ценой — прежде всего ценой огромного увеличения задолженности правительства иностранным банкам, сумму которой Тимашев предпочитает не называть.

Конечные выводы автора записки с оценкой денежного обращения, как бы он их ни прикрашивал (стр. 119—120), таковы, что он вынужден признать известный избыток денежных знаков в обращении, хотя последний «не может почитаться значительным». Говоря о мерах к сохранению денежного обращения, автор, естественно, останавливается и на выпуске внутреннего займа, который помог бы изъять излишки кредитных билетов. Но, учитывая реальные возможности выпуска такого займа, он приходит к далеко неутешительным выводам: «размещение нового займа внутри империи представляется крайне трудным, если не невозможным» (стр. 121). Автор отказывается рассматривать вопросы бюджета подробно, так как это «выходит за пределы настоящей записки», но он не ожидает серьезного улучшения денежного обращения в ближайшем будущем, так как нельзя сказать, насколько возможно усилить статьи доходов и сжать статьи расходов [1]. Не будем излагать других проектируемых мер к укреплению денежного обращения; все они не были связаны с общей программой экономической политики, рассчитанной на серьезный подъем производительных сил и рост благосостояния народа.

Рассмотрение вопроса о расчетном балансе также не внушало автору записки больших надежд. Отрицая взгляды пессимистов и заявляя, что их взгляд «неправилен», он все же признает, что «следует считаться с существенным ухудшением расчетного баланса за последние годы, ибо вновь заключенные заграничные займы и другие платежи за границей должны увеличить отлив золота из страны, по скромному расчету, не менее чем на 80 млн. руб. в год; а между тем экономическая жизнь страны нарушена переживаемой смутой (т. е. революцией.— *А. С.*) и поднятие ее производительных сил в ближайшее время крайне затруднительно. Выводы эти крайне неутешительны» — пишет автор записки (стр. 123).

Таким образом, в феврале 1907 г. Тимашев не видит в экономике страны никаких гарантий устойчивости денежного обращения в будущем. Больше того, он крайне опасается повторения событий конца 1905 г. Если бы эти события повторились, «валюта подверглась бы новому тяжкому испытанию, и неизвестно, как она вышла бы из него» (стр. 123). Поэтому укрепление денежного обращения он видит не в сфере финансовой, а в сфере политической и связывает его прежде всего с «умиротворением» страны, т. е. с окончательным подавлением сил революции, укреплением режима царской монархии, завоеванием доверия среди империалистов Европы, что открыло бы «золотой поток» в страну.

Следовательно, записка Тимашева, представленная накануне созыва второй Государственной думы, вдохновляла весь правительственный лагерь контрреволюции на необходимость скорее и всеми силами покончить с революционным движением в стране и революционными силами в Государственной думе. Несмотря на всемерное желание представить правительству положение финансов в наилучшем виде, Тимашев не может это сделать безоговорочно, ибо революция произвела крупную ломку и в политике, и в финансах. Только обязательное укрепление режима контрре-

[1] По проекту Государственной росписи обыкновенных доходов в 1907 г. проектировалось получить на 100 млн. руб. менее, чем в 1906 г. Учитывая чрезвычайные расходы, Министерство финансов планировало покрыть их посредством «кредитной операции», т. е. нового займа в сумме 185,6 млн. руб. Платежи по государственным займам в 1907 г. увеличивались более чем на 45,6 млн. руб. и были запроектированы в сумме 380,7 млн. руб. против 335 млн. руб. в 1906 г. (см. «Ежегодник Министерства финансов за 1907—1908 г.», стр. 125).

волюции создавало,— и то в будущем, по мнению Тимашева,— обстановку для укрепления валюты.

Так связывались и переплетались вопросы экономики и политики.

Записка Тимашева, хранящаяся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), публикуется впервые.

А. Л. Сидоров

Записка председателя правления Государственного банка С. И. Тимашева о денежном обращении в России в 1904—1907 гг.

12 февраля 1907 г.

Исключительное положение, созданное войной и внутренней смутой, отразившись на разных сторонах экономической жизни страны, не могло не оказать влияния и на денежное ее обращение. Прежде чем рассматривать состояние денежного обращения за три истекших года, необходимо остановиться на данных, относящихся до предыдущего периода.

I. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ДО 1904 г.

Денежной реформе, завершенной высочайшим указом 29 августа 1897 г. предшествовало, как известно, постепенное водворение в обращение звонкой монеты, принимавшейся в платежи по твердо установленному, публикуемому во всеобщее сведение курсу. В начале 1896 г. денежное обращение было исключительно кредитным и сумма выпущенных кредитных билетов составляла к 1 января названного года 1055,3 млн. руб. [1] В течение года выпущено было некоторое количество звонкой монеты, коей к началу 1897 г. находилось в обращении: золотой 36,0 млн. руб. и банкового серебра 29,9 млн. руб.; одновременно сумма кредитных билетов несколько понизилась — до 981,6 млн. руб., и общий итог денежного обращения к 1 января 1897 г. составлял 1047,5 млн. руб.

К моменту завершения денежной реформы состав денежного обращения был нижеследующий:

Золото	64,9 млн. руб.
Серебро	48,3 » »
Кредитные билеты	1003,4 » »
Всего	1116,6 млн. руб.

На то же время золотые запасы, введенные в баланс Государственного банка, выражались в цифре 1144,9 млн. руб., что при кредитном обращении 1003,4 млн. руб. составляло обеспечение на 1 руб. кредитных 1 руб. 14 коп. золотом.

[1] Числилось по балансу выпущенными в обращение 1121,3 млн. руб.; из них в кассах Банка 66,0 млн. руб. На 1 января и осенью (обычный максимум обращения трех предыдущих лет) находилось в обращении:

	1895 г.	1894 г.	1893 г.
1 января	1047,7 млн. руб.	1071,9 млн. руб.	1074,1 млн. руб.
Осенью	1102,7 » »	1072,1 » »	1112,1 » ».

— *Примечание документа.*

Дальнейшая политика по отношению к денежному обращению заключалась в том, чтобы водворить в обращение звонкую монету, от которой население совершенно отвыкло. Для этой цели первоначально приходилось принимать искусственные меры, заключавшиеся в обязательной выдаче по всем операциям и оборотам Государственного банка известной части металлом. Но мера эта оказалась мало действительной, так как при непривычке к монете, она возвращалась в кассы Банка, и насильственные выдачи вызывали постоянные пререкания между публикой и кассовым персоналом. Для удержания золота и серебра в обращении пришлось прибегнуть к другой мере — сокращению и совершенному прекращению выпуска кредитных билетов мелких купюр 1, 5 и 10 руб., при крайне сдержанном выпуске 3-рублевых билетов. Мера эта имела и другую цель: облегчить на случай войны и прекращения размена водворение в обращение кредитных билетов.

Предполагалось, что при наступлении таких чрезвычайных обстоятельств находящееся в обращении золото, так сказать, автоматически поддерживает курс кредитных билетов, направляясь за границу для покрытия там наших платежей. Но, отливая за границу, золото очищает место для билетов мелких купюр, и их не только не приходится навязывать, но на них является прямое требование.

Благодаря упомянутой выше мере, развитие металлического обращения шло настолько успешно, что уже в 1899 г. оказалось возможным отменить принудительные меры по выдаче золота, и кассовому персоналу вменено в обязанность кредитные билеты крупных купюр до 25 руб. выдавать по собственной инициативе, когда это не вызывает возражений со стороны клиентов. Билеты 1 руб., 5 руб. и 10 руб. попрежнему не выдавались, выдача 3-рублевых билетов продолжалась с большою сдержанностью, так как опыт показал, что всякое послабление в их выдаче влечет за собою быстрый прилив в кассы банкового серебра. Указанные основания выдач денежных знаков действовали до 1904 г., причем лишь в осенние месяцы, на время сильного стеснения кредитной кассы и в предупреждении временных выпусков билетов, восстановлялись прежние правила о более усиленной выдаче золота, каковое распоряжение ежегодно отменялось по окончании хлебной кампании.

Мероприятия во время Китайской войны [1]

Особые меры по денежному обращению на Дальнем Востоке приняты были в 1900 г., во время Китайской войны, когда было постановлено нижеследующее: а) войсковые части, выступающие за пределы империи, снабжаются только кредитными билетами (преимущественно мелких купюр), золото выдается им не иначе, как с особого разрешения министра финансов; б) выдачи для военных надобностей производятся кредитными билетами (допущены купюры 1 руб., 5 руб. и 10 руб.), золото допускается только по прямым требованиям начальства; в) по всем операциям в учреждениях, ближайших к театру военных действий, предписано всемерно сдерживать выдачу золота и даже разрешено отказывать в размене крупных партий; г) войска, мобилизируемые в Европейской России, могут быть снабжаемы золотом только для расходов в пределах империи.

Статистические данные

Результат применения вышеозначенной политики приведен в нижеследующей таблице, в которой сопоставлены данные на 1 января, ежегодный минимум и максимум обращения:

---

[1] Имеется в виду интервенция царизма в Китай в 1900—1901 гг.

	Золото	Серебро	Кредитные билеты[1]	Итого
1898 г., январь	147,8 млн. руб.	78,9 млн. руб.	901,0 млн. руб.	1127,7 млн. руб.
февраль	158,8 » »	82,5 » »	875,7 » »	1116,9 » »
октябрь	438,8 » »	122,0 » »	746,8 » »	1307,6 » »
1899 г., январь	451,1 » »	121,5 » »	661,8 » »	1234,4 » »
апрель	491,9 » »	121,6 » »	595,9 » »	1209,4 » »
октябрь	681,6 » »	147,5 » »	540,5 » »	1369,6 » »
1900 г., январь	642,5 » »	145,3 » »	491,1 » »	1278,9 » »
май	609,7 » »	131,4 » »	515,2 » »	1256,3 » »
октябрь	714,3 » »	144,9 » »	570,0 » »	1429,2 » »
1901 г., январь	683,2 » »	145,7 » »	554,9 » »	1383,9 » »
июнь 16/[2]	640,2 » »	134,5 » »	538,4 » »	1323,1 » »
октябрь	721,2 » »	149,3 » »	579,9 » »	1450,4 » »
1902 г., январь	693,0 » »	140,3 » »	542,1 » »	1375,4 » »
июль 16/	656,4 » »	124,2 » »	543,6 » »	1324,2 » »
сентябрь 23/	747,5 » »	139,2 » »	593,5 » «	1480,2 » »
1903 г., январь	731,7 » »	137,5 » »	553,8 » »	1423,0 » »
июль 16/	697,0 » »	122,6 » »	568,9 » »	1388,5 » »
октябрь 23/	823,3 » »	140,9 » »	600,8 » »	1565,0 » »
1904 г., январь	773,3 » »	133,5 » »	578,7 » »	1485,5 » »

Из приведенной таблицы усматривается:

1) что сумма знаков в обращении у нас ежегодно возрастала соответственно росту государственного и народного хозяйства; 2) что за 6-летний период этот рост составил 357,8 млн. руб., или в среднем по 60 млн. руб. в год; 3) что сумма кредитных билетов постепенно сокращалась с увеличением в обращении звонкой монеты, причем за последние годы сумма этой последней (золото и серебро) составляет около 60% от общей суммы знаков в обращении; 4) что всего за 6 лет изъято из обращения кредитных билетов на 322,3 млн. руб. и выпущено в обращение золота на 625,5 млн. руб. и серебра на 54,6 млн. руб.; 5) что мелкие купюры были почти окончательно изъяты из обращения, понизившись с 482 до 43—50 млн. руб.; 6) что, постепенно увеличиваясь, денежное обращение оказывалось весьма эластичным в пределах каждого года, достигая своего максимума осенью и затем сокращаясь к концу года, причем колебания сии в иные годы выражались в цифре почти 200 млн. руб.

Что касается обеспеченности кредитных билетов золотом, то за рассматриваемый период оно представляется в следующем виде:

1 января	Выпущено билетов (за вычетом касс)	Требуемое покрытие	Золотая наличность	Излишек обеспечения	На 1 руб. кр[едитный] коп. зол[отом]
1898 г.	901,0 млн. руб.	601,0 млн. руб.	1166,5 млн. руб.	565,5 млн. руб.	129,5 коп.
1899 г.	561,8 » »	361,8 » »	1002,3 » »	640,5 » »	151,5 »
1900 г.	491,2 » »	191,1 » »	838,8 » »	647,6 » »	170,8 »
1901 г.	555,0 » »	254,9 » »	733,9 » »	478,9 » »	132,2 »
1902 г.	542,4 » »	242,1 » »	700,9 » »	458,5 » »	129,2 »
1903 г.	553,5 » »	253,8 » »	765,8 » »	512,3 » »	138,4 »
1904 г.	578,4 » »	278,7 » »	903,0 » »	624,6 » »	156,1 »

[1] Кредитные билеты в действительном обращении, не считая наличности в кассах Банка. На 1 января 1898 г. числилось билетов, выпущенных в обращение, 999 млн руб., в том числе мелких купюр 1 руб.— 10 руб. было 482 млн. руб.; на 1 января 1904 г. выпущено всего 630 млн. руб., в том числе мелких купюр — 50 млн. руб.».— *Примечание документа.*

[2] Чертой в данном и других случаях отделяется число месяца от суммы золотого обращения на данное число.

За все время с введения денежной реформы до начала войны пришлось только один раз прибегнуть к выпуску кредитных билетов на основаниях указа 29 августа 1897 г., а именно — для оборотов по хлебной кампании 1903 г. выпуск был произведен в августе в сумме 25 млн. руб. и затем выпущенные билеты были изъяты из обращения в ноябре того же года. Другие хлебные кампании за этот период обслуживались звонкой монетой и выпуска кредитных билетов не производилось.

Положение перед войной

Из приведенных данных видно, что перед войной наше денежное обращение и покрытие кредитных билетов определилось в следующих цифрах:

Золото в обращении	773,3	млн. руб.
Серебро в обращении	133,5	» »
Кредитные билеты в обращении	578,7	» »
Итого . . .	1458,5	млн. руб.

Золотая наличность	903,0	млн. руб.
Избыток обеспечения	624,6	» »
Обеспечение на 1 руб. кред[итный]	156,1	коп.

Немедленно вслед за открытием военных действий сделано было распоряжение о восстановлении для обращения денежных знаков на Дальнем Востоке тех мер, которые были приняты во время китайской экспедиции 1900 г. и которые, как выше подробно объяснено, заключались в прекращении выдач для военных надобностей золотой монеты и крайне сдержанной ее выдаче по всем операциям Банка в указанном районе, с разрешением выпуска там кредитных билетов мелких купюр. Что касается общих для всей империи распоряжений, то еще 3 февраля 1904 г. было сделано подтверждение действовавших правил о том, чтобы выдачи золота производились только по прямым требованиям получателей, причем тем же распоряжением допущена беспрепятственная выдача билетов 3-рублевого достоинства. Вслед за сим допущен выпуск 5-рублевых билетов в учреждениях Сибири по всем операциям.

Рассмотрение вопроса о денежном обращении в Комитете финансов

Затем вопрос о денежном обращении, в связи с другими вопросами банковой и финансовой политики, был внесен по соглашению министра финансов с председателем Комитета министров статс-секретарем Витте на рассмотрение Комитета финансов. В записке Министерства финансов по сему предмету были приведены нижеследующие соображения: 1) действовавший порядок, согласно коему билеты крупных купюр выдаются по собственной инициативе кассиров, а золото лишь по прямым требованиям, вполне удовлетворяет условиям правильного денежного обращения; 2) отказ в выдаче золота по прямым требованиям вызвал бы только обращение клиентов в разменные кассы, где, в силу действующего закона, в обмене кредитных билетов на золото не может быть отказано; 3) всякие в сем направлении ограничения при данных обстоятельствах могли бы вызвать тревогу и усилить требования размена; 4) при отсутствии в обращении мелких купюр прекращение выдачи золота фактически невозможно, так как оно безусловно необходимо для мелких расчетов; 5) по-

этому всяким в сем направлении ограничительным мерам должно предшествовать разрешение выпуска 5[руб.] и 10-руб. купюр. По этому предмету высказано, что если сокращение и запрещение мелких купюр было единственным средством водворить у нас металлическое обращение и в свое время этим вполне оправдывалось, то по достижении намеченной цели представлялось бы вполне целесообразным приступить к более свободному выпуску означенных купюр. Но мера эта, которая была бы встречена вполне спокойно и даже сочувственно в мирное время, при данных обстоятельствах может вызвать тревогу, будучи истолкована как намерение совершенно отказаться от металлического обращения и перейти к бумажно-денежному. Поэтому принимать ее следует с крайней осторожностью, и за состоявшимся разрешением выпускать 5 руб[левые] в Сибири по всем операциям, можно было бы в известной постепенности перейти и на другие районы, двигаясь с востока к западу, по мере распространения там выпускаемых кредитных билетов 5-рублевого достоинства. Равным образом, было бы желательно приступить осторожно и, наблюдая за выходом из касс 5-руб. купюры, к выпуску также 10-руб. билетов; что же касается билетов рублевых, то восстановлять эту купюру по банковым операциям едва ли есть основание, так как она, несомненно, вытеснила бы банковое серебро, коего начеканено 184,3 млн. рублей. Кроме того, как известно, все государства с правильным денежным обращением воздерживаются от выпуска билетов слишком мелких купюр, выпуская вместо них серебряную монету. Выпуск кредитных билетов мелких купюр отнюдь не должен сопровождаться насильственным навязыванием этих купюр, так как это могло бы вызвать стремление прятать золото. Необходимо ограничиться выдачей мелких купюр лишь по желанию получателей вместо золотой монеты. При таком порядке применения этой меры едва ли следует рассчитывать на широкое распространение мелких купюр, которое возможно, как замечено выше, лишь в случае большой войны и прекращения размена, с отливом за границу золота, место которого, естественно, заполняют мелкие купюры.

По совокупности всего вышеизложенного министр финансов признавал нужным в отношении денежного обращения принять следующие меры:

1) сдерживать выдачи золота по операциям;

2) приступить к постепенному выпуску в обращение кредитных билетов 5-руб., а затем и 10-руб. купюр, выдавая их только с согласия и по желанию получателей;

3) выдачи в районах к востоку от Байкала производить по возможности исключительно кредитными билетами, в особенности мелких купюр, отнюдь не допуская расходования там золота.

Предположения эти были вполне одобрены Комитетом финансов, который признал лишь необходимым сделать оговорку, что выпуск кредитных билетов мелких купюр должен производиться с особою осторожностью и постепенно, в направлении с востока к западу.

В той же записке Министерства финансов были подробно рассмотрены вопросы об эмиссионной операции Банка, об операциях его с валютой, о направлении активных операций, об отношении к колебаниям биржевых ценностей.

По первому пункту было указано на необходимость возможно сдержанного пользования со стороны Государственного банка правом производить выпуски кредитных билетов. В то время эмиссионное право Банка достигало суммы 625 млн. руб. и по соображению с современными обстоятельствами признавалось, что благоразумным пределом выпусков следовало бы считать цифру 200 млн. руб. Комитет финансов, с своей стороны,

не усматривал поводов опасаться за устойчивость нашей валюты и не находил нужным прибегать к таким крайним мерам, как прекращение размена. Рекомендованная Министерством финансов сдержанность в расширении билетного обращения была вполне одобрена Комитетом. Выпуск кредитных билетов, как средства покрытия военных расходов, Комитет, согласно с мнением министра финансов, находил опасным, он считал предпочтительнее заключение займов, хотя имелось в виду, что этот способ, несомненно, труднее.

По отношению к операциям с валютой сущность предположений Министерства финансов, одобренных Комитетом, сводилась к тому, чтобы устранить в сделках с валютой всякий спекулятивный элемент. Вексельные операции Банка признавалось необходимым регулировать дисконтом и общей политикой, дабы не допускать их расширения, насколько это окажется возможным без стеснения для денежного рынка. Наконец, в отношении биржевых ценностей встретило полное сочувствие мнение министра финансов о невозможности допускать сколько-нибудь значительные покупки бумаг для искусственного поддержания их цен.

Журнал Комитета по сему предмету был высочайше утвержден 27 марта 1904 г.

Суждения и заключения Комитета финансов по вышеуказанным вопросам положены были в основание деятельности Министерства финансов в рассматриваемой области как во время военных действий, так и позднее, в период трудных обстоятельств, созданных внутренней смутой.

Обзор денежного обращения за 1904—1907 гг.

Приступая к обозрению денежного обращения за три последних года, следует иметь в виду, что отлив денег в народное обращение из касс Государственного банка (с отнесением к ним и казначейских касс) происходит преимущественно двумя каналами: а) списаниями сумм казны с текущего счета в Банке и б) выдачами по активным его операциям (учетно-ссудным и на покупку % бумаг). Этими двумя факторами обусловливаются общие итоги денежного обращения. Что касается его состава, т. е. рода циркулирующих денежных знаков, то таковой зависит от кассовой политики Банка, поскольку она не нарушается внешними причинами (например, непременным требованием тех или других знаков).

Согласно сему последующее исследование распадается на четыре отдела: 1) денежное обращение в связи с чрезвычайными расходами казны, вызванными исключительными обстоятельствами истекших 3 лет; 2) влияние на него банковой политики по активным операциям; 3) кассовая политика Банка и 4) состояние денежного обращения и эмиссионного права Банка в зависимости от явлений и мероприятий, рассмотренных в пп. 1—3.

Этому исследованию предпосылаются нижеследующие цифровые данные, дающие общую характеристику всему рассматриваемому периоду:

А. Сравнительное состояние счетов Государственного банка

	К 1 января 1907 г.	К 1 января 1904 г.	Увеличение+ Уменьшение—
Актив			
1. Золото	1183,5	903,0	+280,5
2. Серебро и разменная монета	46,9	76,0	— 29,1
3. Учетно-ссудные операции	526,2	476,0	+ 50,2
4. % бумаги	98,0	59,8	+ 38,2
5. Прочие	45,6	38,4	+ 7,2
Всего	1900,2	1553,2	+347,0
Пассив			
1. Кредитные билеты	1194,2	578,4	+615,8
2. Капиталы Банка	55,0	55,0	—
3. Вклады и текущие счета	546,8	854,4	—307,6
В том числе счет Департамента государственного казначейства	98,3	343,0	—244,7
4. Счет с местными учреждениями Банка и казначействами	30,1	0,4	+ 29,7
5. Прочие	74,1	65,0	+ 9,1
Всего	1900,2	1553,2	+347,0

Из этих данных видно, что Банку за истекшее трехлетие пришлось покрыть:

а) увеличение золотой наличности	280,5	млн. руб.
б) выплату вкладов	307,6	» »
в) расширение учетно-ссудных операций	50,2	» »
г) затраты на % бумаги	38,2	» »
Итого	676,5	» »

На это покрытие Банк обратил:

Выпуски кредитных билетов	615,8	млн. руб.
Серебряную монету	29,1	» »
Поступления по расчетам с казначействами	29,7	» »
Превышение некоторых пассивных счетов	1,9	» »
	676,5	» »

Таким образом, из двух отмеченных выше фактов, влияющих на денежное обращение, списания со счета Департамента государственного казначейства выразились в сумме 244,7 млн. руб. и расширение активных операций в сумме $(50{,}2 + 38{,}2) = 88{,}4$ млн. руб. Кроме того, вклады других категорий сократились на сумму 62,9 млн. руб.

Б. Денежное обращение за 1904—1906 гг. (в млн. руб.)

	Золото	Серебро	Кредитные билеты (за вычетом касс)	Итого	Выпущено кредитных билетов	
					купюры 1—10 руб.	крупные купюры
1904 г., январь	774,8	133,2	578,4	1486,4	50	580
минимум . . .	669,8	112,6	671,2	1453,6	—	
максимум . .	694,9	125,1	874,7	1694,7	—	
1905 г., январь	683,6	123,0	853,7	1660,3	227	703
минимум . . .	660,7	114,6	877,8	1653,1	—	
максимум . . .	835,3	135,4	1228,9	2199,6	—	
1906 г., январь	837,8	133,4	1207,5	2178,7	374	916
минимум . . .	698,0	115,2	1105,3	1918,5	—	
максимум . .	665,8	125,3	1247,8	2038,9	—	
1907 г., январь	643,7	123,0	1194,2	1960,9	567	713

Из этой таблицы усматривается, что за три года денежное обращение увеличилось на 474,5 млн. руб., в том числе кредитные билеты возросли на 615,8 млн. руб., золото сократилось на 131,1 млн. руб. и серебро на 10,2 млн. руб.

По отдельным, отмеченным выше предметам настоящего исследования представляются нижеследующие данные и соображения:

Расходы казны

1. Влияние на денежное обращение расходов казны. Несмотря на то, что война получила оборот, которого никто не предвидел, и что военные расходы значительно превысили все предварительные исчисления (в заседании Комитета финансов весною 1904 г. говорилось о максимуме издержек в 1 миллиард рублей), казна покрывала все расходы займом и не прибегала к позаимствованиям средств у Государственного банка, который поэтому и не был вынужден производить выпуски кредитных билетов для выдачи ссуд казначейству. В этом отношении указания Комитета финансов по журналу, высочайше утвержденному 27 марта 1904 г., соблюдались во всей строгости. Единственное кратковременное отступление от сего руководящего начала имело место в марте и апреле 1906 г., перед реализацией большого заграничного займа, когда пришлось позаимствовать у Банка 100 млн. руб. под векселя Казначейства, сполна погашенные из выручки займа в мае того же года. Тем не менее военные расходы потребовали крупных выпусков кредитных билетов, и на этом предмете следует ближе остановиться.

Влияние бюджета на денежное обращение

В предшествующие войне годы, как известно, наши бюджеты сводились с большим превышением доходов, вследствие чего свободные средства казны на текущем счете в Государственном банке достигали огромных размеров. Действие поступления государственных доходов в отношении денежного обращения может быть сравнено с насосом. При равновесии бюджета насос действует так, что извлеченные денежные знаки вновь попадают в общий резервуар, и уровень денежного обращения не изменяется. При бюджетных излишках денежные знаки высасываются, уровень обращения понижается, и затем дальнейшее пополнение резервуара.

поскольку означенные избытки остаются на счетах Банка, зависит уже от банковой политики. Наконец, при дефицитах, не покрываемых внутренними займами (которые действуют так же, как поступления налогов), денежное обращение расширяется, и это бывает при обоих возможных способах покрытия дефицита,— реализации заграничных займов или позаимствованиях казны у Государственного банка.

Период, предшествующий войне, давал, как сказано, большие бюджетные избытки, которые в значительной части обращались на усиление золотого фонда Банка. За производством разных чрезвычайных расходов в счет сих превышений, на счетах Банка скоплялись крупные суммы казны, которые превышали к началу войны 400 млн. руб. Эти суммы причислялись к общим оборотным ресурсам Банка, который, однако же, отнюдь не затрачивал их на развитие своих активных операций; напротив, эти последние к концу 1903 г. даже несколько отставали сравнительно с началом (476 млн. руб. против 479,4 млн. руб.). Главное помещение средства Банка находили в то время в операциях с валютой, а именно — в покупке иностранного золота на сроки, с обязательством по истечении сроков возвратить золото в обмен на рубли (так называемая операция репорта). Операция репорта получила огромное развитие и с 93 млн. руб. в июле 1903 г. увеличилась до 268 млн. руб. в феврале 1904 г. Затем она стала быстро падать и к маю уже понизилась до 166 млн. руб. Реализация репорта была каналом, которым деньги приливали в кассы Банка, и этот последний имел поэтому возможность производить списания сумм с текущего счета казны на покрытие военных расходов, прибегая к выпускам кредитных билетов на первое время в очень умеренном размере (с февраля по конец мая с этого счета было списано до 180 млн. руб., а билетов в обращении за указанный период выпущено было всего на 40 млн. руб.).

Но война приняла крайне неблагоприятное течение, чрезвычайные расходы быстро росли, превышая значительно все, даже самые пессимистические предположения,— пришлось прибегнуть к целому ряду займов, частью внутренних и главным образом внешних. Годы бюджетных избытков сменились годами огромных дефицитов, вместо того, чтобы понижать уровень денежного обращения извлечением денег, хозяйство казны стало действовать в обратном направлении — оно повышало этот уровень. В этом влиянии займов на денежное обращение надлежит строго отличать займы внутренние от внешних. Первые, как выше сказано, действуют аналогично с налогами, они извлекают деньги из оборота, куда засим те вновь возвращаются путем расходов. Иначе обстоит дело при внешних займах. Здесь казна получает право располагать деньгами, находящимися в обороте вне пределов страны, что в известных случаях может приводить к расширению внутреннего обращения.

Способы пользования выручкой заграничных займов

Для уяснения этой стороны дела необходимо иметь в виду, что пользование выручкой иностранных займов, помещаемой у заграничных банкиров, может производиться и фактически производится следующими способами: а) прямым расходованием золота за границей для покрытия заграничных платежей; б) Министерство финансов продает внутри империи чеки на своих иностранных корреспондентов, причем поступающие в уплату за чеки рубли зачисляются на текущий счет Департамента государственного казначейства, а контрвалюта списывается со счетов казны за границей. Таким образом, в данном случае денежные знаки извлекаются из обращения в обмен на продаваемую валюту и вновь отливают в обращение путем производства казенных расходов. Равновесие в денежном

обращении и не нарушается. Но применение этого способа не безусловно во власти финансового ведомства, оно зависит от внутреннего спроса на валюту и возможно только в пределах сего спроса; если спрос насыщен, то предложение валюты вызвало бы повышение вексельских курсов и сделало бы реализацию валюты убыточною для казны; в) казна передает золото со своих счетов за границей на заграничные же счета Банка; этот последний, получив золото, зачисляет соответственную сумму на текущий счет Департамента государственного казначейства; расходы покрываются списаниями с сего счета. Здесь денежное обращение расширяется под обеспечением золотом, которое остается в распоряжении банка за границей; г) на выручку займов приобретается золото в слитках и золотая иностранная монета, которые передвигаются в Россию для помещения в кладовых Банка. Получив золото, Банк зачисляет контрвалюту на текущий счет Департамента государственного казначейства, и в дальнейшем поступают, как в настоящее время, с теми же последствиями для денежного обращения.

Фактические за последние три года применялись все четыре вышеуказанных способа пользования выручкой заграничных займов. Как известно, всего этих займов было реализовано:

Берлинский 4 ½%, 1905 г.	209,5	млн.	руб.
Парижский 5%, 1904 г.	282	»	»
5% заем 1906 г.	548	»	»
Векселя Казначейства (за вычетом погашенных)	53	»	»
Итого	1092,5	»	»

Расходование выручки производилось главным образом первым и вторым способами. Передачи казенного золота Государственному банку выразились в конечном результате суммою 208 млн. руб. (превышение поступлений казенного золота в распоряжение Банка над обратными передачами банкового золота казне). Наконец, высылка золота из-за границы натурою производилась только летом 1906 г. и не превысила цифры 16 млн. руб., тогда как в предшествующее время (осенью 1905 г. и весною 1906 г.) отправлено было за границу банкового золота на сумму 126,8 млн. руб.

Третий из вышеуказанных приемов, несмотря на сравнительную ограниченность его применения (всего около 208 млн. руб. при выручке займов в сумме. . . млн. руб. [1]), дал повод к резким обвинениям Министерства финансов в производстве выпусков кредитных билетов для покрытия военных расходов. Обвинения эти безусловно неправильны.

Значение произведенных выпусков кредитных билетов

Расходы покрывались, как видно из вышеизложенного, исключительно посредством реализации займов, предоставлявших в распоряжение казны определенные суммы частью в рублях, частью в иностранной валюте, которые зачислялись на текущие счета казны внутри империи и за границею. Очевидно, что пользование своим текущим счетом в Банке и позаимствование средств у Банка — вещи совершенно различные. Здесь полная аналогия с частной клиентурой. Банк может не выдать ссуды тому или другому клиенту, но он не может не оплатить чека собственника текущего счета в пределах его наличности, не объявляя себя несостоятельным.

[1] Пропуск в тексте.

Может быть лишь речь о том, следует ли оплатить чек золотом с сокращением золотых запасов, или выпущенными под это золото кредитными билетами — это уже вопрос кассовой политики; но самая оплата чека для Банка, получившего контрвалюту в рублях или иностранном золоте, очевидно обязательна.

Таким образом, следует твердо установить, что выпущенные кредитные билеты отлили в обращение отнюдь не путем выдач ссуд казне, а путем списаний с ее текущего счета. Это обстоятельство имеет самое серьезное значение для устойчивости денежного обращения. Выдачи ссуд казне беспредельны, для производства их прибегают к выпускам кредитных билетов, не имеющих специального покрытия в полученной от казны контрвалюте, они выпускаются сначала за счет общего эмиссионного права Банка, а по исчерпании его выпуски производятся уже без покрытия, что приводит денежное обращение к полному расстройству. Списания же с текущего счета, во 1-х, имеют свой естественный предел в наличности этого счета, который подкрепляется общими государственными доходами и займами; во 2-х, при усилении счета доходами или внутренними займами происходит соответственное изъятие денежных знаков из обращения, подкрепление же счета из выручки иностранных займов имеет контрвалюту в полученном за границей золоте; поэтому хотя расходуемые денежные знаки увеличивают обращение, но, в отличие от ссуд казне, выпущенные билеты имеют обеспечение в полученном от казны золоте, и если бы они вследствие избытка знаков в стране были предъявлены к размену, то здесь не получилось бы расстройства валюты, как при ссудах казне, ибо выпуску билетов предшествовало и соответственное усиление золотой наличности Банка.

Сводя вышеизложенное, следует придти к конечному выводу, что хотя выдачи ссуд казне из Банка и производство выпусков кредитных билетов под золото, полученное посредством реализации заграничных займов, могут расширять денежное обращение, но тот и другой способ покрытия расходов представляют коренное различие в своем влиянии на денежное обращение: первый приводит к его расстройству, второй не нарушает устойчивости валют.

Золотые запасы на счетах иностранных банкиров

По поводу политики Министерства финансов в рассматриваемой области нередко высказывались еще другие упреки, а именно: указывалось, что для устойчивости денежного обращения следовало, вместо выпусков кредитных билетов под оставшееся за границей золото, перевозить это золото в Россию и, обращая его в русскую монету, производить им расходы. В своем месте, в связи с обозрением кассовой политики Банка, объяснено, что с точки зрения денежного обращения представляется безразличным, выпускается ли преимущественно звонкая монета, или золото придерживается в кладовых Банка, а выдачи производятся кредитными билетами, выпускаемыми под обеспечение золотом. Здесь следует лишь указать, почему золото, полученное от реализации займов, оставлялось за границей, а не передвигалось в империю для хранения в банковых кладовых. Если государственному казначейству и Государственному банку не предстоит крупных платежей за границей, то выгоднее накопляющуюся на текущих счетах у банкиров валюту обращать на покупку золота, которое передвигать в пределы империи. Если же, напротив, происходят усиленные выдачи за границей на покрытие продаваемых в империи тратт и чеков, на производство казенных расходов, на платежи по займам и т. п., то, очевидно, выгоднее держать золотую наличность у заграничных банкиров, так как эта наличность, помещаемая в перевоклассных кредитных

учреждениях, солидность коих никогда не подвергалась сомнению, приносит Государственному банку хотя и небольшую, но реальную прибыль в виде получаемых по текущему счету процентов; тогда как перевозка золотой монеты из-за границы в С.-Петербург и ее перечеканка или хранение в кладовых Банка для обратной затем отправки за границу приносила бы, очевидно, одни только убытки. Нахождение значительных запасов нашего золота на текущем счету в заграничных банкирских домах обусловливалось необходимостью постоянно иметь в своем распоряжении на местах золото для текущих платежей по нашим обязательствам. В рассматриваемый период платежи казны за границей достигли очень крупных размеров; кроме того, были моменты, когда, вследствие тревоги, вызванной военными неудачами, а в особенности внутренней смутой, происходили огромные продажи тратт и чеков на иностранных корреспондентов; поэтому и представлялось необходимым держать золото за границей, а не перевозить его в империю. Как выше замечено, золота из-за границы было привезено летом 1905 г. только на сумму 16 млн. руб., тогда как за предшествующий период пришлось даже вывозить золото для подкрепления заграничной наличности, и этот вывоз достиг огромной суммы 126.8 млн. руб.

Нельзя, впрочем, отрицать некоторой справедливости делаемых возражений, что золотая наличность, находящаяся на текущих счетах у иностранных банкиров, не может быть вполне приравнена к золоту в слитках или монете. Для того чтобы обратить эту наличность в золото, требуются, как известно, некоторые манипуляции. Банкиры, прежде всего, не обязаны по требованию Банка или казны выплатить наличность с текущего счета золотой монетой страны; выдача производится согласно существующим узаконениям о денежной системе, причем во Франции выплата может быть совершена полноценным серебром. Чтобы получить золото, надо его купить, а эта покупка при массовом требовании может вызвать значительное повышение его цены и полную пертурбацию на денежном рынке. Поэтому усиление металлических запасов внутри империи для других целей за счет золотой наличности за границей можно производить только с большой постепенностью, и потому следует признать, что золотые запасы в кладовых Банка действительно представляются скорее реализуемыми, чем золотая наличность на счетах иностранных банкиров.

II. ВЛИЯНИЕ БАНКОВОЙ ПОЛИТИКИ ПО АКТИВНЫМ ОПЕРАЦИЯМ НА ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Учетно-ссудные операции Банка в 1904 г. по октябрь 1905 г.

Основания банковой политики на время военных действий формулированы были в вышеприведенном журнале Комитета финансов 27 марта 1904 г. следующим образом: «не допускать расширения активных операций Банка, насколько сие окажется возможным без стеснения, однако, для денежного рынка». Указание это в точности соблюдалось Банком за рассматриваемый период. Движение затрат на учетно-ссудные операции за три года выражалось в следующих цифрах:

1904 г.			
Январь	476	млн.	руб.
Февраль	490	»	»
Август	376	»	»
Октябрь	403	»	»
1905 г.			
Январь	403	»	»
Август	352	»	»
Октябрь	394	»	»

Перед войной, в начале января 1904 г., обнаружился необычайный в этот период рост активных операций Банка, который, несомненно, обусловливался тем, что, ввиду надвигавшихся военных событий, в заинтересованных сферах ожидалось стеснение кредитов, вследствие чего старались, так сказать, запастись деньгами до наступления репрессии. Немедленно вслед за началом войны Государственный банк повысил учетно-ссудные нормы на 1%, так как существовавший до того времени дисконт ($4^1/_2$% для 3-месячных векселей) представлялся ненормально низким при наступивших исключительных обстоятельствах. Но если это повышение и было некоторым стеснением кредитов, то одновременно были приняты меры, направленные к успокоению деловых кругов. А именно: циркуляром 25 февраля 1904 г., рекомендуя своим учреждениям благоразумную осторожность при ведении активных операций и предостерегая от поощрения обычной в военное время спекуляции, Банк с тем вместе предложил им воздерживаться от всяких стеснений кредита для здоровых торгово-промышленных оборотов. С другой стороны, по отношению частных банков Государственный банк в особом совещании с их представителями и в циркуляре от 12 марта 1904 г. изъявил согласие,— в случае ослабления их ресурсов вследствие отлива вкладов или сокращения заграничных кредитов,— разрешать им кредиты под более долгосрочные векселя (сроком до 6 месяцев), а равно допускать превышения кредитов под краткосрочные товарные векселя. Меры эти возымели свое действие, и операции Государственного банка в первом полугодии протекли нормальным порядком, сократившись к августу на 100 млн. руб., что примерно соответствует сокращению их за тот же период 1903 г. (на 95 млн. руб.).

Осенний период, согласно вышеприведенным данным, охарактеризовался очень слабым ростом активных операций, значительно отставшим от обычного их напряжения в нормальные годы в связи с оборотами по хлебной кампании. Явление это обусловливалось главным образом наступившим застоем в делах, зависевшим не столько от ослабления покупной силы населения,— которое и не могло особенно проявиться при обильном урожае в некоторых районах империи,— сколько от общей неопределенности положения и пошатнувшегося взаимного доверия в торгово-промышленном классе. Этот застой имел последствием значительный прилив средств в частные банки, текущие счета которых (по акционерным банкам) с 457,5 млн. руб. на 1 января 1904 г. достигли к концу года 521,1 млн. руб. Таким образом, вместо ожидавшегося к началу войны отлива вкладов, получился крупный их прилив, и банки, чтобы не держать непроизводительно большой кассы, были вынуждены чрезвычайно облегчать выдачи, учитывая долгосрочные векселя значительно дешевле, чем Государственный банк. Вследствие этого затраты частных банков на главные активные операции (в противоположность Государственному банку) в течение года не только не сократились, но даже несколько возросли (по акционерным банкам с 978 до 1002 млн. руб.), операции же Государственного банка отставали от нормальных лет.

Так же нормально протекли и первые 10 месяцев 1905 г. Политика Банка оставалась прежняя — отсутствие каких-либо стеснений в кредитах для правильных торгово-промышленных оборотов и крайняя сдержанность по отношению к спекулятивным предприятиям. Учетно-ссудный процент оставался без изменений. Обилие денег в обращении давало возможность частным банкам развивать свои операции, и публика обращалась за кредитами предпочтительно к ним. Поэтому затраты Государственного банка по учетно-ссудным операциям оставались на низком уровне и колебания их были в течение года менее заметными, чем в нор-

мальные годы; с января по август они упали почти на 50 млн. руб. и к октябрю увеличились на 42 млн. руб., а к концу этого месяца несколько превысили цифру начала года (414 млн. руб.). В общем результате, если сравнить состояние активных операций Банка перед войной с положением их к осени, после заключения мира, то, хотя осенний уровень всегда бывает выше январского, в данном случае получилось обратное явление и затраты оказались ниже на 82 млн. руб. сравнительно с январем 1904 г. Таким образом за все время войны Банк не только не расширял денежное обращение вздутием своих активов, но изъял из обращения 82 млн. руб. Если при этом иметь в виду, что результат этот получился без каких-либо репрессивных мер, то нельзя не придти к заключению, что задача, намеченная Комитетом финансов в марте 1904 г., была выполнена Банком.

Учетно-ссудные операции в конце 1905 г.

Но если военные события не внесли сколько-нибудь заметного расстройства в экономическую жизнь страны, то разразившаяся в конце 1905 г. внутренняя смута сопровождалась беспримерными ее потрясениями. Движение активных операций Банка за этот период и в следующем 1906 г. представлялось в следующем виде:

1905 г.	
Ноябрь	435 млн. руб.
Декабрь	764 » »
1906 г.	
Январь	764 » »
Февраль	625 » »
Март	561 » »
Апрель	512 » »
Май	468 » »
Июнь	431 » »
Июль	426 » »
Октябрь	489 » »
1907 г.	
Январь	529 » »

Таким образом, с начала внутренней смуты наступил чрезвычайный, небывалый в прежние годы подъем затрат на активные операции Банка, которые в течение всего двух месяцев возросли на огромную сумму 329 млн. руб. В пояснение этого роста следует указать, что в значительной степени он обусловливался выемкой вкладов из сберегательных касс под влиянием преступной агитации крайних партий. Общий отлив денежных вкладов с октября по январь 1906 г. составил 148,6 млн. руб., и, за исчерпанием свободной наличности касс на текущем счету в Государственном банке, оказалось необходимым авансировать кассам под процентные бумаги фонда, на что 31 декабря 1905 г. испрошено было высочайшее соизволение. К тому моменту, когда начался обратный прилив денег в кассы, давший возможность приступить к погашению полученных авансов, задолженность касс Банку под процентные бумаги фонда достигала $55^1/_2$ млн. руб. Но поступившая с большим опозданием, вследствие почтовых и железнодорожных забастовок, отчетность местных учреждений и казначейств установила, что к 1 января 1906 г. выплаченные за счет касс суммы превышали их наличность на 82 млн. руб., которые по отчету и введены в итог затрат на учетно-ссудные операции Банка, определившиеся в сумме 764 млн. руб. Рост остальных, так сказать, нормальных учетно ссудных операций, выразился за указанные 2 месяца в сумме (329 — 92) = 247 млн. руб.

Постановления Совета Государственного банка, Комитета финансов и Соединенного присутствия

Такой быстрый рост банковых активов неоднократно останавливал на себе внимание Совета Государственного банка, который рассматривал относящиеся до сего вопросы в нескольких заседаниях, причем одно из них последовало при участии представителей главных коммерческих банков. Совет ясно сознавал нежелательность сего расширения в интересах правильного денежного обращения и охраны металлических запасов.

Но, с другой стороны, надлежало считаться с нижеследующим: все усиливавшаяся паника имела последствием сокращение и полное прекращение заграничных кредитов частным банкам, отлив внутренних вкладов, взаимное друг другу сокращение кредитов отдельными банками с истребованием сумм, стоявших на корреспондентских счетах; вследствие сего ресурсы банков быстро уменьшались и для усиления их банкам приходилось сжимать операции и отказывать в новых выдачах, что сразу поставило торгово-промышленные дела в безвыходное положение; раздавались отовсюду жалобы, даже крепкие предприятия стали колебаться. Затруднения их усиливались тем, что вследствие забастовок и общей неурядицы оборотные средства оказывались закрепощенными в товарах, которые не могли быть двинуты на рынки сбыта; по товарам же, проданным на вексселя, денежных поступлений не было вовсе или они чрезвычайно запаздывали. Оставаясь без оборотных средств, эти предприятия не могли вести далее дела, а приостановка их при брожении среди рабочих могла только ухудшить общее положение. Впрочем, даже решаясь на сжатие кредитов, частные банки все-таки не спасли себя, так как сокращение их ресурсов шло быстрее, чем возможное стеснение активов. Поэтому чрезвычайная помощь со стороны Государственного банка была для них безусловно необходимой,— иначе они могли оказаться не в состоянии оплачивать свои обязательства,— тем более что при почтово-телеграфной забастовке банки не могли подкреплять свои ослабевшие кассы из других филиалов, где были более или менее крупные поступления.

При таких обстоятельствах Государственный банк стоял перед следующей дилеммой: или во что бы то ни стало задерживать и уничтожать поступавшие к нему кредитные билеты, всемерно сокращая выдачи резким повышением процента и прямыми отказами в кредитах, или же решиться на расширение денежного обращения, оказывая частным банкам необходимую поддержку под вполне верные обеспечения.

Совет Банка высказался в пользу этого последнего образа действий, исходя из того соображения, что стеснение кредитов при таких обстоятельствах может поколебать положение даже самых солидных банков, а это неминуемо усилило бы панику и могло бы вызвать такой отлив золота за границу, который расстроил бы денежное обращение сильнее, чем расширение эмиссионной операции для осторожной поддержки частных банков. Поэтому Совет признал необходимым основания для кредитования частных банков формулировать следующим образом:

«При кредитовании частных банков разрешается превышение открытых им кредитов в пределах безусловно благонадежных обеспечений (вексселями — на срок до 6 месяцев,— хлебом, % бумагами) как на случай сокращения пассивов (вклады, заграничные кредиты) и выплат переводов, так и на поддержание активных операций, для удовлетворения насущных потребностей торгово-промышленных дел в настоящем объеме, без их расширения. Процентные бумаги могут быть принимаемы из числа допущенных в залог по ссудам, лишь при недостаточности благонадежного вексельного портфеля и при крайне осторожной оценке».

Такое направление банковой политики одобрено было Комитетом финансов в заседании 14 декабря, журнал коего по сему предмету был представлен 30 декабря на высочайшее благоусмотрение. Затем вопрос о направлении активных операций Банка, в связи с положением денежного обращения, был предметом обсуждения в соединенном заседании Комитета финансов и бывшего Департамента государственной экономии в конце декабря и начале января 1906 г., журнал коего доложен был государю императору 13 января 1906 г. Считаясь с суждениями Комитета финансов в заседании 14 декабря о том, что Государственный банк в периоды экономического кризиса вынужден приходить на помощь отечественной торговле и промышленности широким открытием кредитов, Соединенное присутствие не встретило и с своей стороны возражения к такой постановке дела и признавало лишь возможным, в предупреждение чрезмерных выпусков кредитных билетов, повышение нормы учетного процента, взимаемого по активным операциям Банка, и стеснение выдачи ссуд под процентные бумаги.

Дисконтная политика

Это последнее указание уже было принято Банком к руководству в вышеприведенной формуле кредитования частных банков, одобренной Советом банка в начале декабря. Что же касается собственно дисконтной политики, то и в этом отношении Совет находил вообще необходимым действовать с надлежащей постепенностью и осторожностью, считаясь с особенностью явлений, которые обнаружились в течение рассматриваемого периода. Пример западноевропейских эмиссионных банков, которые в трудные моменты прибегали к резкому повышению дисконта, не мог бы, по мнению Совета, оправдать аналогичный способ действий у нас по следующим соображениям: там эта мера имеет целью остановить отлив золота за границу и даже привлечь его в страну большею выгодою от помещения капиталов при высоком дисконте, у нас же отлив золота во время пережитой смуты и беспорядков обусловливался возникшим недоверием к обеспеченности капиталов,— они переводились за границу вследствие охватившего капиталистов панического страха, который, очевидно, не мог быть парализован увеличением доходности от помещения капиталов: люди спасали капиталы с огромными потерями, реализуя бумаги по крайне низким курсам,— при таком настроении они не соблазнялись бы, конечно, возможностью получить несколько высший доход. Точно так же трудно было ожидать, чтобы заграничные капиталисты начали помещать свои деньги в России. С другой стороны, было ясно, что крупные требования денег у Государственного банка вызывались прежде всего необычайным стеснением денежного рынка, банки и частные лица находились в положении крайней необходимости, они продолжали бы брать деньги и при самом высоком дисконте, который расшатал бы их положение, но не сократил бы заметным образом требования на деньги. По сим соображениям Совет Банка решился во время этих трудных обстоятельств лишь на сравнительно умеренное повышение своих учетно-ссудных норм, притом в два приема: 9 ноября — на 1% для векселей сроком до 6 месяцев ($6^1/_2$ и $7^1/_2$% против $5^1/_2$ и $6^1/_2$%) и на $^1/_2$% для векселей других сроков, для спец. счетов под векселя и для ссуд и спец. счетов под государственные гарантированные ипотечные бумаги; прочие нормы оставлены без изменения: 30 ноября все учетно-ссудные нормы повышены еще на $^1/_2$%.

Затем, несмотря на огромный рост активов Банка и в особенности на крупное увеличение долгов частных банков, Совет воздержался от дальнейшего увеличения дисконта до января, когда положение улучшилось

и явилась возможность прилива иностранных капиталов вследствие восстановлявшегося доверия. Считая, что при изменившихся обстоятельствах повышение дисконта может облегчить этот прилив и содействовать извлечению из обращения выпущенных денежных знаков, Совет признал своевременным, согласно приведенным выше указаниям Соединенного присутствия, значительно повысить с 9 января 1906 г. все учетно-ссудные нормы, а именно — на целый процент, доведя дисконт для 3-месячных векселей до 8% и для 6-месячных — до 9%; исключение составили лишь 12-месячные векселя, по которым ставка повышена на 1/2%. С улучшением денежного рынка в апреле дисконт был понижен — 4 апреля на 1/2% только для учета векселей, 23 апреля еще на 1/2% по всем операциям и в июне — на 1/2% для кратковременных векселей.

Насколько оправдалась уверенность Совета в том, что в данном случае требовалась лишь временная помощь и что выдачи под верные обеспечения окажутся весьма краткосрочными, видно из приведенных выше данных о движении задолженности по активным операциям Банка, которая в два месяца упала на 203, а к 1 июля сократилась всего на 338 млн. руб., так что балансовый ее остаток опустился ниже, чем был перед наступлением внутренней смуты в ноябре. В частности, задолженность сберегательных касс была полностью погашена в апреле и на текущем счете касс явился уже свободный остаток.

Учетно-ссудные операции в 1906 г.

Результаты эти следует объяснить главным образом улучшением общего положения страны и восстановлением пошатнувшегося доверия. Одновременно с быстрым возвратом вкладов сберегательных касс (итог денежных вкладов возрос за 1/2 года на 131 млн. руб.) наблюдались приливы вкладов в частные банки и возобновление сокращенных и закрытых заграничных кредитов. Все это, при высоком дисконте, делало возможным и выгодным скорейшее погашение позаимствований у Государственного банка. Что касается направления операций Банка, то в конце января в С.-Петербург были приглашены представители крупных учреждений Государственного банка и в образованном при их участии совещании рассмотрены разные вопросы банковой политики, причем, в частности, выяснилось, что дальнейшие экстраординарные меры к воспособлению торгово-промышленных оборотов не вызываются необходимостью. Ввиду сего и принимая во внимание, что, несмотря на сокращение, активы Банка все же превышали цифры нормальных лет, Государственный банк признал нужным дать общие указания относительно желательности, по возможности, сжимать активные операции Банка, дабы привести их в норму ко времени усиления спроса на деньги в осенние месяцы,— насколько это осуществимо без потрясения торгово-промышленных интересов страны.

Указания эти вполне согласовались с заключением Комитета финансов 27 марта 1904 г. по вопросам банковой политики и были в сущности восстановлением тех распоряжений, которые применялись во время военных действий.

С приближением хлебной кампании началось обычное оживление оборотов Банка, затраты по учетно-ссудным операциям с 1 июля по 1 ноября возросли на 100 млн. руб., увеличившись до 526 млн. руб., на каковом уровне они продержались до конца (к 1 января 529 млн. руб.). Это увеличение почти совпадает с оборотами 1903 г., который может быть признан одним из наиболее нормальных, когда оно выразилось в цифре 91 млн. руб. Банковая политика в период этого оживления оборотов осталась без изме-

нения, но с начала сентября Банк признал необходимым повысить дисконт на 1% для векселей до 9 мес. и на ½% по большей части других операций.

В общем результате, если сравнить затраты по учетно-ссудным операциям до начала войны и к 1 января 1907 г., то оказывается, что за три года они повысились всего на 53 млн. руб. (с 476 млн. руб. до 529 млн. руб.). Эти цифры вполне подтверждают высказанное выше положение, что за весь этот период Банк твердо держался политики не расширять денежного обращения развитием своих активных операций. Вывод этот еще усиливается, если принять во внимание, что к 1 января 1906 г. на балансе Банка числилось на сумму около 50 млн. руб. ссуд под %% бумаги земствам и городам, вызванных тяжким положением расшатанного смутою земского бюджета. Выделяя эту затрату, оказывается, что состояние активных операций Банка к началу 1907 г. осталось на уровне начала 1904 г.

Ссуды на особых основаниях

В заключение обзора учетно-ссудных операций Банка надлежит коснуться т. н. ссуд на особых основаниях. Вопреки постоянным нападкам в прессе, следует установить, что новых кредитов с отступлением от устава Банка до 1906 г. почти не открывалось (за исключением 3 выдач в 1904 г. на сумму 800 тыс. руб.), продолжалось же кредитование предприятий, которые сими кредитами воспользовались в прежнее время. При этом по значительному числу кредитов произошло сокращение задолженности; там же, где она возросла, это объясняется по большей части условиями кредитования предприятий при первоначальном разрешении кредитов. Так, многие предприятия пользуются разрешенными им кредитами не сразу, а по мере надобности, в определенных высочайшими повелениями пределах; иногда они сокращают задолженность на известные периоды, затем вновь увеличивают ее в этих пределах, и если сокращение приходится к началу отчетного года, а увеличение к концу года, то за отчетный год получается увеличение затрат Банка по данному предприятию. В нескольких случаях увеличение задолженности обусловливалось открытием дополнительных кредитов тем же предприятиям, необходимых для укрепления их положения,— что допускалось не иначе, как по постановлениям Комитета финансов. В результате движение по этой операции за 1904 и 1905 гг. представляется в следующем виде:

К 1 января	Балансовый остаток затрат
1904 г.	74,8 млн. руб.
1905 г.	72,6 » »
1906 г.	72,0 » »

В марте 1906 г. по особым высочайшим указаниям последовали выдачи двух новых ссуд на общую сумму 2373 тыс. руб., из коих одна ссуда в 373 тыс. руб. возмещена Банку из средств казны.

Затраты на процентные бумаги

Переходя к другой категории активных операций Банка — покупке процентных бумаг, следует твердо установить, что указание Комитета финансов 1904 г. о невозможности допускать сколько-нибудь значительные покупки ценных бумаг для поддержания их курса соблюдалось в рассмат-

риваемый период во всей строгости. Затраты на эту операцию выражались в следующих цифрах:

	Всего	В том числе серии Казначейства	Портфель без серий
Январь 1904 г.	58,2 млн. руб.	5,4 млн. руб.	52,8 млн. руб.
Сентябрь »	55,5 » »	—	—
Январь 1905 г.	61,9 » »	14,1 » »	47,8 » »
Сентябрь »	78,7 » »	17,9 » »	60,8 » »
Январь 1906 г.	84,9 » »	27,3 » »	57,6 » »
Сентябрь »	91,4 » »	43,6 » »	47,8 » »
Январь 1907 г.	95,4 » »	50,1 » »	45,3 » »

Хотя эти данные показывают очень значительный рост портфеля ценных бумаг, но он отнюдь не был результатом покупок бумаг с целью поддержания курсов, а обусловливался следующими причинами:

Во-первых, поступлением в портфель серий Государственного казначейства, которые по закону принимаются во все платежи казне и Государственному банку, вследствие чего останавливать их прилив не во власти Банка. Если устранить серии, то за 1905 г. получится сравнительно весьма умеренное увеличение портфеля, объясняемое ниже, в п. 2-м, а за 1906 г. портфель даже несколько сократился. Отмечая этот факт, нельзя, однако же, отрицать, что такое преобладание серий в портфеле Банка есть явление ненормальное и что в сущности помещение средств Банка в серии есть вид авансов казне из банковых ресурсов.

Во 2-х, необходимостью поддерживать в банковых и казначейских кассах некоторый запас разных бумаг для удовлетворения потребностей покупателей,— каковой запас, естественно, должен возрастать по мере выпуска новых займов. Так, в 1905 г. выпущено было два внутренних 5% займа, на которые появлялся спрос в различных местностях империи. Удовлетворять этот спрос исключительно на комиссионном начале, т. е. каждое заявление покупателя пересылать по почте в учреждение Банка, где имеется крупная фондовая биржа, и затем купленные на сей бирже бумаги пересылать покупателю,— представляется, безусловно, не соответствующим интересам государственного кредита, так как неизбежные при сем порядке замедления, несомненно, тормозили бы размещение процентных бумаг. В устранение сего Банк вынужден приобретать за свой счет наиболее ходкие бумаги в пределах ожидаемого спроса и поддерживать запас сих бумаг на надлежащем уровне. Если принять во внимание, что банковых касс имеется 117, а число казначейств превышает 700, то при снабжении самыми умеренными партиями, притом далеко не всех касс, получается довольно значительный запас бумаг, который Банк вынужден иметь в своем портфеле. В частности, в 1905 г., когда портфель Банка возрос на 9,8 млн. руб., в портфель его поступило облигаций упомянутых 5% займов на 11,5 млн. руб., и если бы эти поступления не имели места, то означенный портфель сократился бы на некоторую сумму.

Частных не гарантированных бумаг за счет Банка безусловно не приобреталось, поддержание же курсов дивидендных бумаг, в предупреждение слишком резких колебаний, производилось за счет синдиката частных банков. Затраты по фондовому синдикату отличаются большою подвижностью. Так, на 1 января 1905 г. они составляли 1626 тыс. руб., а к осени того же года портфель синдиката был весь реализован, причем операция завершилась с прибылью в 345 тыс. руб. С наступлением внутренних бес-

порядков началось увеличение затрат, которые к 1 января 1906 г. возросли до 5270 тыс. руб. Ныне они выражаются в цифре 480 тыс. руб.

Сводя все изложенное по операциям с ценными бумагами, следует придти к заключению, что и этим каналом денежное наше обращение отнюдь не расширялось, и если устранить серии, то затраты Банка по рассматриваемой статье остались к концу периода ниже уровня начала 1904 г.

III. КАССОВАЯ ПОЛИТИКА БАНКА

Основания кассовой политики

Главные основания этой политики, в точном соответствии с постановлением Комитета финансов 1904 г., были следующие: 1) выдачи по всем оборотам производятся кредитными билетами, с допущением повсеместно мелких купюр (кроме билетов 1-рублевого достоинства), и 2) золото выдается лишь по прямым требованиям получателей, причем никаких принудительных мер к водворению металла в обращение не применяется. От этих основных положений некоторые отступления были допущены осенью 1905 г., о чем сказано будет ниже.

Результаты

Применение указанной кассовой политики имело последствием значительное увеличение билетного обращения при сокращении золота как в относительной, так и в абсолютной цифре. Из приведенной на стр. 13 настоящей записки[1] таблицы усматривается, что за 3 года денежное обращение возросло с 1486,4 млн. руб. до 1960,9 млн. руб., или на 474,5 млн. руб.; при этом собственно золотое обращение сократилось с 775 млн. руб. (52,1% к общему итогу обращения) до 644 млн. руб. (32,8% к общему итогу обращения), а бумажное увеличилось с 578 млн. руб. до 1194 млн. руб., т. е. на 616 млн. руб. Результат этот был достигнут главным образом допущением выпуска кредитных билетов мелких купюр во всех районах империи, что разрешалось постепенно и во всей полноте стало применяться с марта 1906 г. (ранее мелкие купюры выпускались в Сибири, к востоку от Волги, в среднеазиатских владениях и на Кавказе). Согласно сему сумма билетов мелких купюр, выпущенных в обращение, составляла:

Годы	Всего	% отношение к выпущенным билетам
1904	50 млн. руб.	8%
1905	227 » »	24%
1906	374 » »	29%
1907	567 » »	44%

Наиболее резкое увеличение произошло, таким образом, в 1906 г. благодаря вышеупомянутой, принятой в марте 1906 г., мере.

Оправдание кассовой политики

Мероприятия Министерства финансов в области денежного обращения вызывали и продолжают вызывать усиленные нападки в печати, которые направлены к тому, чтобы доказать, что расширение билетного обращения ослабило устойчивость денежной системы и представляет для нее серьезную опасность. По этому предмету необходимо объяснить ниже следующее. Кассовая политика влияет очевидно не на итог денежного обращения, а на состав его по роду денежных знаков. Если по совокуп

[1] См. стр. 99 журнала.

ности других факторов денежное обращение достигало на 1 января текущего года 1961 млн. руб., то, очевидно, та же цифра получилась бы и при всякой другой кассовой политике, если другие факторы, подробно рассмотренные в первых двух отделах настоящего исследования, остались бы без изменения. Затем вопрос может быть лишь в том,— следует ли признать, что денежное обращение представлялось бы более обеспеченным, если бы выдачи производились преимущественно звонкой монетой вместо кредитных билетов.

Ответ на это должен быть, повидимому, отрицательным. Золото выпускается из фонда, обеспечивающего эмиссионную операцию Банка,— сокращение билетного обращения, таким образом, достигается расходованием этого фонда. Если придерживать золото и расширять билетное обращение, как это практиковалось в рассматриваемый период, то большей сумме выпущенных билетов соответствует больший золотой запас; при обратной политике золотой запас сокращается, но зато уменьшается размер обязательного по закону покрытия кредитных билетов. Эффект для устойчивости денежной системы тот же самый.

Допустим, что кассовая политика была бы иная с самого начала войны и что, вместо выпуска на 616 млн. руб. кредитных билетов, было выпущено на равную сумму золота. Тогда состав денежного обращения представился бы на 1 января 1907 г. в следующем виде:

Кредитные билеты	578 млн. руб.
Серебро	123 » »
Золото	1260 » »
Итого . . .	1961 млн. руб.

В таком случае выпущенное золото соответственно сократило бы золотые запасы, которые на 1 января с. г. составляли бы (1184—616) = = 568 млн. руб. Вот вся золотая наличность, которою располагал бы Банк. Таким образом, современное положение и то, которое было бы создано при другой системе кассовой политики, может быть изображено в следующей таблице:

	Ныне	При другой системе
Кредитных билетов в обращении . . .	1194 млн. руб.	578 млн. руб.
Золотой фонд . . .	1184 » »	568 » »
Сумма непокрытых билетов	11 » »	11 » »

Теоретические возражения и объяснения на них

Следовательно, с точки зрения обеспеченности денежного обращения обе системы представляются тождественными. Указывают, что билетное обращение поддерживается не только золотом в кладовых Банка, но и тем, которое находится в народном обращении. Нельзя отрицать, что это соображение имеет известное значение. С наступлением крупных замешательств, вызывающих панику, когда становится на очередь вопрос о поддержании размена, золото в обращении может также быть употребляемо для производства заграничных платежей, как и золото, сохраненное в кладовых Банка. Но в эти моменты обнаруживается, как известно, особое явление,— стремление прятать золото в скрытых помещениях

(кубышки) на случай обесценения кредитных билетов. Поэтому часть денежных знаков исчезает из обращения, ощущается так называемый денежный голод и приходится или усиленно выпускать кредитные билеты, или же идти на риск грандиозных крахов целого ряда промышленных предприятий вследствие недостатка в орудиях обмена. Это положение весьма резко обозначилось осенью 1905 г., когда золото отлило в обращение в три месяца на крупную сумму 137 млн. руб. и, по получавшимся из многих источников сведениям, хранилось большими партиями в разных безопасных помещениях, а между тем на денежном рынке ощущалось совершенно беспримерное стеснение.

По поводу этих явлений в науке существует успокоительная теория, которая заключается в том, что денежное обращение не допускает пустоты; поэтому если золото начинает скрываться, а Центральный банк будет твердо воздерживаться от выпусков кредитных билетов, то образовавшаяся вследствие сего пустота заполнится возвратом изъятого из обращения золота. К сожалению, эта успокоительная теория не всегда оправдывается на практике, что доказывается опытом тяжелых испытаний, пережитых в конце 1905 г., которые вообще дали не мало указаний. Золото исчезало, и одновременно поступали усиленные требования на деньги из Государственного банка. Совет Банка, не упускал из виду вышеупомянутой теории, но, по соображениям, подробно изложенным на стр. 29 настоящей записки [1], не мог сдержать выпуска кредитных билетов. И такая политика Совета была одобрена Комитетом финансов при участии министра финансов и двух его предшественников. Достаточно припомнить, что в этот период было истребовано до 150 млн. руб. вкладов сберегательных касс, не считая отлива вкладов из частных банков. Крупные суммы изъятых денег обращались в золото и скрывались в кубышках. Теория говорит: если денег будет мало и дисконт резко повысится, то спрятанные деньги, привлекаемые выгодами помещения, вернутся в оборот, прильют также деньги из-за границы. А на практике капиталисты, охваченные паническим страхом, решили отказаться от этих выгод, боясь потерять капитал, и деньги не появлялись. Вопрос ставился так: кто кого пересилит, настойчивость ли капиталистов, не желавших выпускать деньги из «кубышек», или твердая политика Центрального банка с решением взять положение измором, безусловно воздерживаясь от выпусков. Но, пока этот вопрос выяснялся, дело ухудшалось и становился неминуемым крах первоклассных предприятий: тогда Центральному банку оставалось одно — забыть про теорию и спасать положение. Результаты показали, что Банк был прав. Крахи были предупреждены, а деньги, выпущенные для поддержания солидных предприятий, скоро возвратились.

Положение в случае приостановки размена

Исчезновение золота из оборота может быть явлением грозным при всяких обстоятельствах, но при преобладающем билетном обращении это явление ослабляется, так как только сравнительно малая часть орудий обмена исчезает из обращения. Конечно, здесь возникает другая опасность — массовое предъявление билетов к обмену. Но против этого имеется крайняя мера — приостановка размена. Вопрос в том, какая позиция выгоднее для эмиссионного банка при приостановке размена,— когда имеется сравнительно меньшее билетное обращение при небольшом разменном фонде, или же расширенное на счет звонкой монеты билетное обращение при крупном запасе золота. Следует, пожалуй, признать, что вторая позиция лучше. Конечно, было бы иллюзией полагать, что золото

[1] См. 106 стр. журнала.

в кладовых может остаться неприкосновенным в случае прекращения размена. Для обязательных металлических платежей все равно придется выдавать золото, с соответственным сокращением его запасов. Но другие каналы — требования золота для накапливания или же для спекулятивных оборотов — будут стеснены или даже совсем закрыты. Поэтому не безразлично, при какой золотой наличности наступает решительный момент: будут ли в кладовых банка 600 млн. руб. золота при 600 млн. руб. билетного обращения, или же будет 1200 млн. руб. при обращении 1200 млн. руб. Можно утверждать, что во втором случае положение эмиссионного банка окажется устойчивее; он в этом случае является более полновластным хозяином золотых запасов страны, чем при условии, когда преобладающая часть сих запасов ушла из-под его власти и находится в народном обращении. Следует добавить, что система придерживать золото, выпуская взамен металла кредитные билеты, имеет еще одно крупное преимущество: она устраняет значительные потери от изнашивания золотой монеты при обращении. Потери эти не малые, и золотая монета за границей по содержанию чистого золота на вес представляет, как известно, значительно меньшую ценность, чем по законному паритету.

Особые меры в конце 1905 г.

Выше было указано, что в кассовой политике, установившейся с начала войны, допущены были некоторые отступления в конце 1905 г.— именно в сторону дальнейшего сокращения выдачи золота и даже совершенного его прекращения в известных пунктах. С октября, вследствие агитации крайних партий, началось усиленное требование золота как по операциям, так и по размену. В частности, при массовом отливе вкладов из сберегательных касс, приходилось считаться с настойчивыми желаниями вкладчиков получать вклады непременно золотом. В начале пережитого тревожного времени учреждения Банка пытались успокоить публику, требовавшую золото, беспрепятственной выдачей этого металла в неограниченном количестве; поэтому запасы золота быстро иссякали и пополнялись высылками золота из С.-Петербурга. Но затем, по мере усиления тревожных явлений, высылки золота из С.-Петербурга стали сдерживаться и в начале декабря совершенно прекращены. 7 декабря Банком был дан циркуляр, в коем рекомендовано ограничивать выдачи золота по соображению с его наличностью в кассе, ввиду невозможности дальнейших подкреплений. В частности разъяснено по отношению к вкладчикам сберегательных касс, что Банк может не удовлетворять полностью требования на золото, вызываемые агитацией крайних партий. Но, ввиду забастовок, этот циркуляр дошел до места назначения с большим опозданием и далеко не во все кассы.

В декабре [1905 г.] и январе 1906 г. вопрос о кассовой политике Банка был предметом суждений вышеупомянутого соединенного присутствия Комитета финансов и Департамента государственной экономии, которое в журнале, доложенном государю императору 13 января 1906 г., признавало возможным затруднение, в разумных пределах, выдач золотой монеты из касс Государственного банка. С своей стороны, Банк продолжал сдерживать выдачи золота, особенно во второстепенных кассах, ввиду небезопасности как хранения там золота, так и перевозок этого металла. С восстановлением правильных почтово-телеграфных сношений, 31 декабря дана была циркулярная депеша, обязывавшая банковые и казначейские кассы удовлетворять требования на золото самыми незначительными суммами. Засим, в январе местным учреждениям предложено, в подтверждение сего циркуляра, стягивать золото из второстепенных пунктов, особенно же из казначейств, и запасы сии высылать в С.-Петербург.

С улучшением в начале 1906 г. общего положения и наступлением некоторого успокоения золото не только перестало отливать в обращение, но стал наблюдаться его обратный прилив,— опять явилось со стороны получателей предпочтение кредитных билетов перед тяжеловесною монетою, с другой стороны, монета стала усиленно поступать по вкладам и платежам. Согласно приведенным выше распоряжениям, остающимся в силе до настоящего времени, сосредоточение запасов золота в центральном управлении продолжается успешно, причем не только возвращены в С.-Петербург высланные ранее 70 млн. руб., но, сверх того, по декабрь 1906 года выслано еще 160 млн. руб.

Выпуски кредитных билетов

Стремление сдерживать выдачи золота при значительном росте денежного обращения вызвало необходимость прибегать к постоянным выпускам кредитных билетов, которые произведены были в следующие сроки:

1904 г.	+Выпуски —изъятия	Всего выпущено в обращение	В кассах к концу месяца	Находится в обращении
Январь . .	+ 50 млн. руб.	680 млн. руб.	81,5 млн. руб.	598,5 млн. руб.
Март . . .	+ 20 » »	700 » »	65,9 » »	634,1 » »
Май	+ 20 » »	720 » »	56,2 » »	663,8 » »
Июнь . . .	+ 20 » »	740 » »	54,3 » »	685,7 » »
Июль . . .	+ 20 » »	760 » »	61,9 » »	698,1 » »
Август . .	+ 40 » »	800 » »	52,7 » »	747,3 » »
Сентябрь .	+ 80 » »	880 » »	54,5 » »	825,5 » »
Октябрь . .	+ 20 » »	900 » »	55,1 » »	844,9 » »
Декабрь . .	+ 30 » »	930 » »	76,3 » »	853,7 » »
Итого:	+300 млн. руб.			
1905 г.				
Январь . .	+ 20 млн. руб.	950 млн. руб.	55,9 млн. руб.	894,1 млн. руб.
Февраль . .	+ 20 » »	970 » »	72,3 » »	897,7 » »
Июнь . . .	+ 30 » »	1000 » »	76,0 » »	924,0 » »
Июль . . .	+ 30 » »	1030 » »	68,4 » »	961,6 » »
Август . .	+ 80 » »	1110 » »	71,9 » »	1038,1 » »
Сентябрь .	+ 60 » »	1170 » »	74,4 » »	1095,6 » »
Ноябрь . .	+ 20 » »	1190 » »	66,1 » »	1123,9 » »
Декабрь . .	+100 » »	1290 » »	82,5 » »	1207,5 » »
Итого:	+360 млн. руб.			
1906 г.				
Январь . .	— 25 млн. руб.	1265 млн. руб.	104,9 млн. руб.	1160,1 млн. руб.
Февраль . .	— 25 » »	1240 » »	90,9 » »	1149,1 » »
Март . . .	— 25 » »	1215 » »	66,0 » »	1149,0 » »
Апрель . .	— 25 » »	1190 » »	59,7 » »	1130,3 » »
Август . .	+ 50 » »	1240 » »	48,1 » »	1191,9 » »
Сентябрь .	+ 40 » »	1280 » »	47,5 » »	1232,5 » »
Итого:	— 10 млн. руб.			

Выпуски 1904 и 1905 гг. производились довольно правильно, сравнительно в умеренных суммах в первое полугодие и значительно интенсивнее осенью, когда сверх денежных знаков, потребных для покрытия списаний со счетов казны, приходилось производить более усиленные выдачи по активным операциям Банка, в связи с оборотами хлебных кам-

паний. Конец 1905 г. отмечен резко выделяющимися выпусками на сумму 100 млн. руб. в одном декабре, ввиду указанного выше необычайного расширения активных операций Банка и истребования вкладов сберегательных касс. Эта сумма возвратилась в банковые кассы в первые четыре месяца следующего года и изъята из обращения. Последний год также прошел при неблагоприятном для денежного обращения бюджете, с крупным дефицитом, который покрыт главным образом заграничным займом: обстоятельство это не дало возможности приступить к дальнейшему изъятию билетов из обращения, но выпущенные в предшествующий период билеты устранили, по крайней мере, на довольно продолжительное время необходимость прибегать к дальнейшим выпускам. Только с началом хлебной кампании оказалось нужным выпустить билетов на 90 млн. руб., из коих 50 млн. руб. были уничтожены в январе 1907 г.

IV. ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ И ЭМИССИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

Относящиеся до сего предмета данные сведены в нижеследующей таблице в млн. руб.:

	Кредитные билеты в обращении	Золото Гос. банка	Эмиссионное право	Обеспечение золотом каждого выпущенного кредитного руб.
1904 г., январь . .	578,4	903,0	624,6	1 руб. 56 коп.
октябрь . .	825,5	984,6	459,1	1 » 19 »
1905 г., январь . .	853,7	1029,4	475,7	1 » 20 »
октябрь . .	1095,6	1166,1	371,5	1 » 06 »
ноябрь . .	1106,2	1171,2	365,0	1 » 06 »
декабрь . .	1123,9	1031,5	207,6	0 » 92 »
1906 г., январь . .	1207,5	919,7	12,2	0 » 76 »
апрель . .	1149,0	879,3	30,3	0 » 76 »
июль . . .	1107,2	1109,3	302,1	1 » 00 »
октябрь . .	1232,5	1160,2	227,7	0 » 94 »
1907 г., январь . .	1194,2	1183,5	289,3	0 » 99 »

Увеличение золотой наличности

В таблице этой обращает на себя особое внимание движение золотой наличности Банка, которая возросла за три года на 280,5 млн. руб., что явилось результатом следующих оборотов:

	1904 г.	1905 г.	1906 г.	За 3 года
Оставалось к 1 января	903,0	1029,4	919,7	
По расчетам с казной	—1,4	+63,3	+146,5	+208,4
Прилив из обращения + или отлив в обращение —	+91,3	—154,2	+194,1	+131,2
Операции с валютой (превышение покупки + превышение продажи —)	+53,1	— 42,0	— 71,6	— 60,5
Репорт	—71,9	— 17,5	— 40,2	—129,6
Прочие обороты: покупка ассигновок и пр.	+55,3	+ 40,7	+ 35,0	+131,0
Итого . . .	+126,4	—109,7	+263,8	+280,5
Оставалось к 1 января 1905 г. .	1029,4	—	—	—
Оставалось к 1 января 1906 г. .	—	919,7	—	—
Оставалось к 1 января 1907 г. .	—	—	1183,5	—

Из этих данных видно, что усиление золотой наличности последовало за счет: а) передачи казенного золота, полученного от выручки займов; б) изъятия золота из обращения и в) покупки ассигновок; всего притока (208,4 + 131,2 + 131,0) = 470,6 млн. руб. С другой стороны, получился отлив золота, вследствие продажи валюты и регулирования репорта (60,5 + 129,6) = 190,1 млн. руб.

Расчеты Банка с казною, которые привели в конечном результате к усилению золотой наличности Банка на 208,4 млн. руб., рассмотрены выше, в отделе I настоящей записки; затем, основания кассовой политики, влияющей на изъятие золота из обращения, приведены в отделе II. Ныне следует ближе остановиться на репортной операции и оборотах с валютой.

Указания Комитета финансов

Руководящие по сему предмету указания Комитета финансов 1904 г. формулированы были следующим образом:

1) регулировать сделки с валютою как наличной, так и срочной (включая операцию репорта) таким образом, чтобы устранить по возможности от этих сделок всякий спекулятивный элемент;

2) установлением по вышеозначенным сделкам соответственного процента и введением близкого контроля Государственного банка по существу операций остановить чрезмерное нарастание нашей заграничной задолженности по краткосрочным обязательствам.

Репорт

Репортная операция регулировалась Банком, во 1-х, установлением по ней особой комиссии, которая в феврале 1904 г. была повышена с 0,05% единовременно до 0,6% в год; во 2-х, наблюдением за тем, чтобы названная операция служила для удовлетворения исключительно торговых интересов, с отказом в принятии валюты, вносимой лишь для спекулятивных целей. Означенные меры и наступившее в деловых сферах большее спокойствие имели последствием быстрое сокращение репорта, который, увеличившись с июля 1903 г. по февраль 1904 г. на огромную сумму 177,8 млн. руб., стал затем постепенно падать:

Февраль	1904 г.	270,8	млн.	руб.
Май	»	166,3	»	»
Июль	»	160,6	»	»
Сентябрь	»	138,2	»	»
Январь	1905 г.	146,8	»	»
Июль	»	140,4	»	»
Октябрь	»	139,5	»	»
Ноябрь	»	142,1	»	»
Декабрь	»	153,8	»	»
Январь	1906 г.	129,4	»	»
Июль	»	90,4	»	»
Январь	1907 г.	75,7	»	»

Данные эти показывают, что при неуклонном понижении репорт лишь временно возрос в конце 1905 г., а затем продолжал сокращаться, и ныне уровень его ниже, чем перед началом политических осложнений осенью 1903 г.

Обороты с валютой

Что касается оборотов с валютой, то до конца 1905 г. действовала практиковавшаяся с введения металлического обращения свободная продажа валюты по публикуемым курсам, исходящим из твердо установленного паритета рубля на германские марки. Операция эта вызывалась необходимостью удовлетворять потребности заграничной торговли. Как

известно, в нормальное время, в периоды развития экспорта (начиная с августа), замечается усиленное предложение тратт, напротив, в периоды преобладания импорта – усиленный спрос на них. Покупая тратты в первом случае и продавая во втором, Государственный банк регулирует вексельные курсы и тем содействует правильному товарообмену.

Такое естественное течение операции было, однако же, нарушено с наступлением внутренней смуты в конце 1905 г., когда покупка у Банка валюты явилась способом перевода за границу капиталов и стала служить не столько для потребностей товарообмена, сколько для целей спекулятивных. Согласно приведенным на стр. 50 данным [1], отлив золота за весь 1905 г. составил 109,7 млн. руб., но если эту сумму разбить на два периода, то получится за первые 10 месяцев прилив на 141,8 млн. руб. и за последние 2 месяца отлив на колоссальную сумму 251,5 млн. руб. В этой последней цифре собственно продажа валюты определяется суммою 58,1 млн. руб. Затем продажа валюты продолжалась и в 1906 г., особенно в первые месяцы до реализации 5% займа, значительно укрепившей вексельные курсы; эти продажи составили по август 91,9 млн. руб., и только с началом экспорта наступило преобладание покупок, которое на 1 января 1907 г. выразилось в сумме 20,3 млн. руб.; так что за весь прошлый год превышение продаж составило 71,6 млн. руб.

Направление операций с валютой

Вопрос о политике в отношении операций с валютой был предметом неоднократных рассмотрений в Министерстве финансов и засим внесен был, в декабре 1905 г., на обсуждение Соединенного присутствия Комитета финансов и Департамента государственной экономии, которое журналом, доложенным государю императору 13 января 1906 г., находило возможным стеснение продажи валюты и воздействие на частные банки в смысле пересрочки их заграничных кредитов для сохранения золота, полученного по репорту. С своей стороны Министерство финансов неоднократно обращалось в течение декабря 1905 г. к обсуждению вопроса о мерах по отношению к валюте. Находя, что совершенное прекращение продажи тратт могло бы усугубить панику и произвести обратное действие, т. е. усилить отлив золота, который, за отказом в траттах, происходил бы путем размена и вывоза золота в натуре, Министерство финансов признавало необходимым принять некоторые ограничительные меры по отношению к спекулятивным операциям с валютой. В сих видах Государственным банком установлены были в декабре нижеследующие правила:

1. Свободная продажа валюты допускается лишь по предъявлении фактур, удостоверяющих, что требования на валюту вытекают из потребностей импорта.

2. При отсутствии фактур продажа валюты ограничивается суммою 50 000 германских марок в одни руки.

3. В этих пределах с продаваемой валюты взимается комиссия в $^1/_4$%, повышенная в январе до 1%, и куртаж в $^1/_{10}$%.

4. От комиссии и куртажа освобождаются продажи мелких сумм не свыше 3 тыс. марок в одни руки, каковой предел в феврале был понижен до 1 тыс. марок.

Меры сии в августе 1906 г. усилены еще тем, что вышеупомянутая комиссия и куртаж распространены на все вообще сделки по продаже валюты.

---

[1] См. 116 стр. журнала.

Положение эмиссионного права

В конечном результате обороты по эмиссионной операции Государственного банка (по выпускам кредитных билетов и по золотой наличности) дали значительное сокращение эмиссионного права Банка, основанного на законе 29 августа 1897 г., и соответственное уменьшение золотого покрытия кредитного рубля, которое понизилось с 1 руб. 56 коп. металла на рубль кредитный до 99 коп. металла на рубль кредитный. Но и теперь, несмотря на это ухудшение, золотое покрытие составляет почти рубль за рубль, причем эмиссионное право не было использовано к началу 1907 г. на сумму 289,3 млн. руб. А надо иметь в виду, что наш эмиссионный закон представляется очень строгим, он значительно более строг, чем эмиссионные законы большинства иностранных государств.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Переходя к конечным выводам из настоящего исследования, следует остановиться на двух вопросах: 1) существует ли у нас так называемая инфляция денежного обращения, т. е. избыток циркулирующих денежных знаков, и 2) если она существует, то какие меры могут быть приняты для устранения этого явления.

Существует ли избыток денежного обращения

По первому вопросу оказывается, что если исходить из сравнения данных о денежном обращении на 1 января 1904 и 1907 гг., то за трехлетний период денежное обращение в общем результате, как уже отмечено выше, возросло на 474,5 млн. руб.; в том числе: кредитные билеты увеличились на 615,8 млн. руб.; золото сократилось на 131,1 млн. руб.; банковое серебро также сократилось на 10,2 млн. руб. Таким образом, прежде всего необходимо отметить коренную ошибку, допускаемую при оценке современного денежного обращения, заключающуюся в том, что рост этого обращения исчисляют исключительно по количеству кредитных билетов и определяют его в сумме свыше 600 млн. руб.; при этом упускается сокращение золотой монеты в обращении, и если ввести эту поправку, то в результате увеличение денежного обращения сводится к выведенной цифре 474 млн. руб. При оценке этих данных необходимо, однако же, иметь в виду нижеследующие обстоятельства:

1. Из приведенных в своем месте таблиц видно, что денежное обращение наше систематически, из года в год, возрастает и что этот рост составляет в среднем около 60 млн. руб. в год. Несмотря на испытанные потрясения, экономический рост страны продолжается, в некоторых отраслях промышленности замечается даже оживление (например, в мануфактурной); поэтому следует признать, что некоторый рост денежного обращения обусловливается этою естественною причиною.

Если применить прежнюю норму роста денежного обращения и к последним трем годам, то можно считать увеличение знаков в обращении на (60×3) = 18 млн. руб.; так сказать, естественным приростом, и затем чрезвычайное увеличение определится уже в сумме менее 300 млн. руб.

2. Несмотря на окончание военных действий, отвлечение денежных знаков и, в частности, кредитных билетов на восточную окраину, несомненно, продолжается. Как выше объяснено, расходы на Дальнем Востоке

покрывались почти исключительно бумажными деньгами, и там сосредоточились огромные массы этих денежных знаков. Они возвращались частью морским путем, будучи обмениваемы на металлическую валюту, частью же приливали посредством переводов и вкладов в кассы банковых учреждений в империи; но и в настоящее время на Дальнем Востоке замечается очень большое количество бумажных денег. Этот избыток не поддается какому-либо исчислению, даже примерному, он, несомненно, однако же, существует, и отвлеченные на окраины денежные знаки соответственно сокращают количество орудий обмена в остальных районах империи.

3. При определении звонкой монеты в обращении приходится основываться исключительно на статистике данных о сумме выпущенного в обращение металла, считая, что вся она циркулирует в стране. Предположение это оправдывается состоянием в нормальное время вексельных курсов, которые делают при платежах за границу более выгодными расчеты векселями и чеками, чем передвижение металла в натуре, но если это предположение правильно в нормальное время, то оно могло не оправдываться в периоды тревожного настроения денежного рынка, которое неоднократно обнаруживалось в истекшие годы. Возможно, что в эти моменты известная часть золотой монеты передвинулась за границу и таким образом оказалась изъятою из внутреннего обращения.

4. При исчислении потребности в денежных знаках следует, как известно, считаться с быстротою денежного оборота: при том же объеме производства может потребоваться большее или меньшее количество денежных знаков в зависимости от того, как быстро обороты совершаются. Затем очень важно иметь в виду развитие кредитных сделок, сокращающих необходимость расчетов на наличные. То и другое условие сложилось за последние годы неблагоприятно для нашего денежного обращения. Темп оборотов, несомненно, замедлился, товарные сделки при неопределенности общих условий растягиваются на более продолжительные сроки; продавец, не выручая быстро денег за продукты производства, нуждается в средствах для дальнейшего производства; покупщик придерживает наличные деньги, ожидая лучших условий и лучших цен; неоднократные задержки железнодорожного сообщения также замедляют расчеты. Все это увеличивает требование на деньги. Одновременно, при усилившемся недоверии, сделки в кредит стали сокращаться, для расчетов требовались наличные деньги, и потому участники в торговопромышленных сделках должны были иметь при себе более значительное количество денежных знаков, чем в нормальное время. К этому присоединилось отмеченное выше явление, что из опасения дальнейших потрясений нашего кредита капиталисты оказались склонными держать наличные деньги в разных безопасных помещениях, и эти деньги, таким образом, тоже отливали из оборота.

5. Замечается возрастающая дороговизна жизни, большая часть предметов товарообмена повышается в цене. Явление это следует объяснять прежде всего удорожанием условий производства вследствие повышения рабочей платы, сокращения рабочего времени, повышения %% на заемный капитал. В большинстве производств пришлось изменить расценки в соответствии с указанными обстоятельствами, и товары вздорожали. А при возрастающих ценах необходимо большое количество орудий мены. Таким образом, можно утверждать, что замечаемое вздорожание не есть результат усиленного выпуска денег в обращение, напротив — оно является одною из причин, задерживающих деньги в обороте.

В общем выводе следует признать, по совокупности всех рассмотренных явлений, что избыток денежных знаков в обращении не может почитаться значительным.

Меры к сокращению обращения

Переходя к вопросу о мерах, предлагаемых к сокращению денежного обращения, следует отметить нижеследующие:

1. Прекращение выпусков кредитных билетов для нужд казны. Вопрос этот достаточно подробно рассмотрен в предыдущем изложении, причем установлено, что таких выпусков не производилось, существующие же отношения между Банком и казной, при которых безусловно исключены авансы казначейству, не могут влиять на устойчивость денежной системы.

2. Заключение внутреннего займа для изъятия излишка кредитных билетов, которые подлежали бы уничтожению. Мера эта, безусловно, действительная, рациональная, оправдываемая и научно, и практикой других стран, но осуществимость ее при данных обстоятельствах весьма сомнительна, так как рынок настолько насыщен всякими займами и продолжает насыщаться выпусками свидетельств Крестьянского банка в связи с аграрной реформой, что размещение нового займа внутри империи представляется крайне трудным, если не невозможным.

3. Сокращение государственных расходов и увеличение доходов с целью достижения не только равновесия в бюджете, но даже избытка поступлений. Значение бюджета в отношении денежного обращения исследовано выше в своем месте, и, согласно приведенным соображениям, предлагаемая мера представляется безусловно действительной. Насколько она осуществима,— это выходит за пределы настоящей записки, но при массе самых сложных культурных задач, ожидающих разрешения и задержанных за неимением средств, едва ли можно ожидать, что самый тщательный пересмотр бюджета даст излишки поступлений. Быть может, одни статьи расходов будут сужены, но другие придется, несомненно, расширить, и от такого пересмотра серьезных результатов для денежного обращения ожидать нельзя.

4. Сжатие активных операций Банка. Выше подробно объяснено, что затраты на эти операции отнюдь не получили широкого развития, что они постоянно регулировались соответственной банковой политикой и высоким дисконтом. Поддержание этого последнего на высоком уровне в течение слишком продолжительного срока действует угнетающим образом на весь торгово-промышленный оборот. Достигая одной цели — сжатия денежного обращения, нарушается другая — содействие насущным интересам экономической жизни страны. Всякая попытка Банка стянуть свои средства сжатием активов болезненно отзывается на заинтересованных сферах, оно влечет к расстройству дел, что только ухудшает общее положение. В этой области следует действовать с особой осторожностью и достигнуть существенных результатов сверх того, что уже сделано, едва ли возможно.

5. Забота о возможной краткосрочности помещения банковых средств, дабы обеспечить скорейший возврат денег в кассы Банка. На этот предмет обращено серьезное внимание с самой реформы Банка. По вексельной операции установлена скала процентов, премирующая краткосрочные векселя. Долгосрочные операции, как, например, промышленные ссуды на основании устава Банка, соловексельные кредиты и т. п., ограничены самыми тесными пределами. Выдача ссуд исключительных, на особых основаниях, не производится. Кредитование частных банков допускается под самый краткосрочный портфель. Если, тем не менее, некоторые активы Банка, как, например, вполне согласные с уставом ссуды под ценные бумаги и товары, оказываются затяжными, то происходит это исключительно в виду особых обстоятельств переживаемого времени, общих денежных затруднений, падения курса биржевых ценностей. При этих условиях реализация активов по мере наступления сроков ссуд, вполне возможная юридически,

не допустима по общим соображениям экономической пользы, и более решительные действия в сем направлении могли бы привести к крайне прискорбным последствиям.

6. Облегчение денежных расчетов без употребления наличных денег, дабы освобождать таковые, как орудие обмена, и способствовать их приливу в банковые кассы. И эта сторона не оставлена без внимания. В столицах и главных центрах введены расчетные палаты, которые ликвидируют крупные взаимные расчеты без употребления наличных денег. Действие палат постепенно распространяется и на другие пункты, несмотря на противодействие заинтересованных сфер, которые слишком привыкли у нас к рутине и боятся нововведений. Та же рутина мешает расширению условных счетов (жиро-конто), которые имеют одинаковую цель — сокращение наличных расчетов. Несмотря на огромные преимущества, коими пользуются собственники счетов, до бесплатных переводов включительно, условные счета все-таки не получают желательного развития и чековое обращение мало прививается. Несомненно, что это обусловливается низкой степенью культуры, так как чек есть высшая форма денежного обращения, предполагающая высокую степень экономического развития страны. Быть может, нерасположение к чеку вызывается меньшей обеспеченностью от подделок сравнительно с кредитными билетами, что имеет особое значение в настоящее время, когда в фальсификации разных ценных документов злоумышленники достигли высшей степени совершенства.

7. Назначение повышенного процента по денежным вкладам и текущим счетам в эмиссионном банке. Мера сия введена с весны прошлого года и дала, быть может, некоторый прилив вкладов, но особенно действительной она не представляется. Во всяком случае частные банки назначают более высокий процент и тем привлекают к себе вклады, употребляя полученные средства по собственному усмотрению, вне всякого воздействия со стороны Центрального банка. Поэтому если указанная мера и может дать известные результаты, то только в пунктах второстепенных, где нет частных банков; а эти пункты крупных сумм не собирают.

Такова совокупность намечаемых в данной области мер. Все, что практически осуществимо, то уже и применяется, и если в результате не получается крупного прилива денег в банковые кассы, то это быть может является лучшим доказательством положения, высказанного выше, что избытка их в обращении не существует.

Будущность нашей валюты

В заключение надо коснуться вопроса, можно ли признавать нашу валюту при данных обстоятельствах обеспеченной или же ее устойчивости угрожает опасность. Вопрос, конечно, очень трудный; разрешение его зависит от взаимодействия многих причин. Прежде всего, надо считаться с существующим и очень распространенным взглядом на денежную реформу, согласно коему и при нормальных обстоятельствах устойчивость валюты не была обеспеченной. Сторонники сего взгляда доказывают, что наш расчетный баланс перед реформой был безусловно пассивным, что равновесие поддерживалось исключительно внешними займами как государственными, железнодорожными, городскими, так и частными. Этот источник не беспредельный, и с того момента, как дальнейшие займы должны были сократиться, равновесие баланса нарушалось и начинался отлив золота. Единственное спасение, говорят они, было в том, чтобы полученные путем займов суммы получили производительное употребление, которое подняло бы продуктивность страны и этим восстановило бы активность расчетного баланса. Между тем, огромная часть занятых сумм безвозвратно

погибла на Дальнем Востоке. Отсюда и сомнение в возможности поддержать валюту.

Насколько правильны эти выводы, основанные на расчетном балансе, сказать очень трудно, ибо самый расчетный баланс есть величина гадательная, трудно определимая. Но если даже допустить, что рассмотренный взгляд неправилен, то все же следует считаться с существенным ухудшением расчетного баланса за последние годы, ибо вновь заключенные заграничные займы и другие платежи за границей должны увеличить отлив золота, по скромному расчету, не менее как на 80 млн. руб. в год; а между тем экономическая жизнь страны нарушена переживаемой смутой и поднятие ее производительных сил в ближайшее время крайне затруднительно. Выводы эти крайне неутешительны. Но есть другая сторона дела, которая может или еще ухудшить положение, или, напротив, спасти его: это вопрос об эмиграции наших капиталов. Известно, какие колоссальные суммы переведены за границу под впечатлением паники в последние месяцы 1905 г. Если бы повторилось что-нибудь подобное,— валюта подверглась бы новому тяжкому испытанию, и неизвестно, как она вышла бы из него. Однако же возможно и обратное: если бы наступило успокоение, то золотой поток ринулся бы в страну, в экономической ее деятельности наступило бы огромное оживление, и тогда указанные опасения отпали бы сами собой. Но эта область уже не финансовая, а чисто политическая. От умиротворения страны зависит и судьба валюты.

Тимашев

12 февраля 1907 г.

ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 528, 1904—1907 гг., л. 1—66.— Подлинник

В. В. СТАСОВ ОБ ИЗДАНИИ ПИСЕМ И СТАТЕЙ И. Н. КРАМСКОГО

(1887 — 1888 гг.)

Имя В. В. Стасова — художественного критика, патриота и пламенного пропагандиста передовой демократической русской художественной культуры XIX в. - неразрывно связано с такими великими явлениями русского и мирового искусства, как «передвижники» в живописи и «могучая кучка» в музыке. Продолжая традиции великих революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, В. В. Стасов в 60—90-е годы прошлого столетия в период бурного расцвета русского искусства проделал огромную работу в деле истолкования и раскрытия идейного смысла и высокого мастерства выдающихся творений таких художников, как Репин, Перов, Федотов, Крамской, Верещагин и др.

В. В. Стасов «открыл» талант Репина и первый предсказал ему великий успех. «Картину „Бурлаки" я нахожу одною из самых замечательных картин русской школы, а как картина на национальный сюжет — она решительно первая изо всех у нас», писал Стасов [1].

Такие же чувства признания, горячего сочувствия и преклонения перед талантом внушали Стасову Васнецов и Крамской.

В. В. Стасов выступал неутомимым защитником традиций русского реалистического искусства и достижений «могучей кучки» и «передвижников». Особенно значительной является, например, его статья «Крамской и русские художники». В ней он дал достойную отповедь ретроградам, которые еще недавно восхищались Крамским, а «теперь стали нападать не только на произведения Крамского, но и на самую сущность того дела, которому была посвящена вся его жизнь» [2].

В своей огромной, долголетней и многогранной деятельности В. В. Стасов допускал иногда ошибки и промахи. Так, он ошибался в отрицательной оценке картин Васнецова («Аленушка», «Иван Грозный»), Крамского («Незнакомка»), Репина («Царевна Софья»), недооценивал творчество Сурикова (картины: «Утро стрелецкой казни», «Покорение Сибири») и т. п.

Тем не менее исторические заслуги В. В. Стасова в развитии русского реализма велики и общепризнаны. Его труды, критические оценки и выступления по вопросам искусства прочно вошли в научный оборот. При всех своих заблуждениях Стасов непоколебимо отстаивал демократические традиции и демократическую идейность современного ему искусства. Он с присущей ему страстностью передового публициста-демократа разобла-

---

[1] В. В. Стасов. Избранное, т. I. Изд. «Искусство», 1950, стр. 72.
[2] Там же, стр. 234.

чал попытки идейных врагов набросить тень или придать не тот смысл выдающимся творениям своих друзей. Когда реакционер А. С. Суворин в 1884 г. попытался исказить содержание картины Репина «Не ждали» в верноподданическом смысле, В. В. Стасов решительно отверг это толкование Суворина и противопоставил ему свою оценку картины, как одного из великих и самых совершенных созданий И. Репина. Он писал: «Здесь выражены трагические типы и сцены нынешней жизни, как еще никто у нас их не выражал. Посмотрите на главное действующее лицо: у него на лице и во всей фигуре выражены энергия и несокрушенная никаким несчастием сила, но, сверх того, в глазах и во всем лице нарисовано то, чего не пробовал выразить в картине ни один еще наш живописец, в какой бы то ни было своей картине: это могучая интеллигентность, ум, мысль» [1]. Яснее и прозрачнее по условиям цензуры не мог сказать Стасов, хотя современникам было ясно, что он отбросил фальшивый и жалкий лепет о «примирении» Репина с царизмом, высказанный издателем «Нового времени».

Это столкновение Стасова с Суворипым достаточно убедительно говорит, что они были людьми разных политических лагерей, деятелями, боровшимися за разные идеалы, разные эстетические вкусы. Об этом говорит сам Стасов в публикуемом письме к Суворину от 11 мая 1888 г. (см. док. № 14).

Как же мог В. В. Стасов обратиться за помощью к А. С. Суворину в деле издания писем и критических статей И. М. Крамского, когда он знал, что Суворин был идейным оруженосцем реакции, врагом прогресса и демократии в те годы? Этот вопрос вполне естественен, если мы припомним вкратце жизненный путь и деятельность Суворина в те годы. Сын крестьянина Воронежской губернии по происхождению, военный по образованию, учитель уездного училища по профессии, Суворин принадлежит к разряду тех печальных образов нашего прошлого, которые, начав свою деятельность в рядах прогрессивной либеральной журналистики (книга его очерков «Всякие» в 1866 г. была приговорена окружным судом к сожжению), заканчивали ее в лагере столпов великодержавного махрового мракобесия и либеральствующей бюрократии.

Но В. В. Стасов, уже порвавший к этому времени свои связи с «Новым временем» — органом Суворина, однако, в 1887 г. обратился к последнему с делом издания писем и сочинений Крамского.

Стасов понимал, что вопрос издания писем и статей Крамского у Суворина может и должен волновать современников. Вот почему он не преминул с полной искренностью осветить его в письме к П. М. Третьякову, известному меценату, горячему патриоту родного искусства, неутомимому собирателю сокровищ, составляющих сейчас Третьяковскую галерею. 17 августа 1887 г. Стасов писал Третьякову: «Не взирая на мою коренную вражду с этим последним (Суворипым.— *И. Б.*), не взирая на мою ненависть к „Новому времени", я так таки прямо, дерзко и смело адресовался к Суворину, сказал ему, что это надо сделать, что будь не у него деньги большие в руках, а у меня, и не я бы к нему адресовался с таким предложением, а он ко мне — я непременно сделал бы. А потому и адресуюсь к нему и предлагаю напечатать ему «в пользу семейства Крамского», отделив только те деньги, которые пойдут на бумагу и типографию» [2].

Не только материальная причина толкнула Стасова обратиться к Суворину, он правильно усматривал в широко расходившейся газете Суворина возможность широкой пропаганды и популяризации полезных сведений

---

[1] В. В. Стасов. Избранное, т. I, стр. 194.

[2] «Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897». Изд. «Искусство», М.— Л., 1949, стр. 103—104.

среди широких слоев общества. Позднее об этой причине Стасов говорил в письме к А. Н. Шульговской 26 июля 1898 г., когда он объяснял вопрос, почему он прибегал к посредничеству Суворина: «...Суворин, который был всегда и есть изрядный скот и мой враг, и которого я терпеть не могу и не имею с ним дела. Но когда мне надо, чтоб *масса* (курсив наш.— *Н. Б.*) русской публики, только и знающая, что „Новое время", прочла бы то-то или то-то, я смело иду к Суворину и говорю ему: „Алексей Сергеевич, нельзя ли напечатать то-то или то-то в газете?" Он берет мою статью из моих рук, надписывает на ней карандашом: «набрать на завтра» и в ту же секунду отправляет в типографию, не только не *читая*, но даже не заглянув на *заглавие*» [1] (курсив наш.— *Н. Б.*).

Письма и критические статьи И. Н. Крамского были в глазах Стасова как раз тем неоценимым сокровищем, которое он хотел сделать достоянием широких масс читателей. Известно, как высоко ценил Стасов Крамского как художника, как портретиста; но еще более ценил Стасов талант Крамского как идейного вдохновителя и теоретика русского реалистического искусства (см. док. №№ 4 и 10).

Таковы мотивы, побудившие Стасова издать художественно-критическое наследие Крамского при содействии идейного своего врага, цену которому он знал, и использовал его влияние в интересах родного искусства и прогресса.

Публикуемые письма В. В. Стасова к А. С. Суворину рассказывают о большой и кропотливой работе критика по собиранию и подготовке к изданию материалов о И. Н. Крамском (письма, статьи, воспоминания), об ожесточенной борьбе Стасова с реакционной критикой (см. док. №№ 11 и 12) и т. д.

Все письма, вошедшие в данную публикацию, являются подлинниками и хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР), в фонде А. С. Суворина (ф. 459). Письма подготовлены к печати Н. Д. Черниковым и А. Н. Щекотовой, ими же составлены примечания к документам.

Член-корр. АН СССР *Н. Ф. Бельчиков*

№ 1

27 апреля [18]87.

Милостивый государь Алексей Сергеевич, в августе или сентябре я печатаю в «Вестнике Европы» статью под заглавием «*Крамской по его письмам и статьям*»[1)].

У меня собрано около трехсот писем Крамского. В интересах дела позвольте Вас спросить: не решитесь ли Вы сообщить мне и те письма Крамского, касающиеся художества, какие у Вас есть?

В. Стасов

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 17.

№ 2

1 мая 1887.

Милостивый государь Алексей Сергеевич, С. Н. Шубинский[2)] сообщает мне, что многие письма *И. Н. Крамского* уже у Вас перед глазами; позвольте мне попросить их, *сколько есть*. Прочие впоследствии, когда возможно будет.

С совершенным почтением

В. Стасов

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 18.

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 888, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 20—21 об.

№ 3

СПб. Угол Знаменской и Басманной, № 22.

29 июля [18]87.

Алексей Сергеевич, я не мог до сих пор отвечать Вам, потому что мне нужно было наперед побывать на Сиверской[3], у Крамских, а мне все это время невозможно было отлучиться из Петербурга. Наконец, я туда съездил.

Крамские (мать и дочь), конечно, в великом восторге от того, что Вы решаетесь сделать для памяти Ивана Николаевича, а что касается до вопроса о затронутых в корреспонденции личностях, то они вполне полагаются на меня (я им прочитал из Вашего письма касавшиеся до них места). И, мне кажется, они правы: никто более меня не желает выставить Крамского во всем блеске и славе его глубокой натуры и мысли, но никто тоже более меня не чувствует, что хочешь или не хочешь, а нельзя всего печатать, пока люди многие живы, товарищи Крамского по делу и искусству.

И у Крамского, и у этих *товарищей по делу* довольно до сих пор было, есть и будет врагов, караулящих с великим аппетитом все, что этим людям и делу может нанести вред. Как же я стану выводить наружу, на радость врагам, внутренние иногда раздоры, несогласия, даже иной раз внутреннюю глухую войну? Боже меня сохрани!

Пускай это делают другие, времени довольно впереди, и все материалы останутся в полной сохранности для всех желающих.

Мое дело покуда другое: мое дело в том состоит для настоящей пока минуты, чтоб показать всем интеллигентным людям в России, что за крупнейшая величина был Крамской и что такое он принес собою, своею личностью и деятельностью для нашего художества, художников и всего вообще русского мира. Какие ж у него были болячки и болезни, грызущие его зачастую и также, может быть, под конец жизни обезобразившие его, — на это я только укажу, но подробно рассказывать *покуда* не стану.

Относительно вопроса личного, специально, я думаю поступить так: хочу спросить трех-четырех из художников, всего больше затронутых: про Вас написано то-то и то-то у Крамского, как вы желаете: печатать или пропустить? Пусть сами решают.

Про мало затронутых и не представляющих особого интереса по отзывам о них — я думаю напечатать прямо все, как есть, только вместо фамилии поставлю X, Y, Z.

Но мне необходимо всего более поговорить с Дмитрием Васильевичем Григоровичем[4], которого Крамской честил всего более, от времени до времени, и как властолюбца, и как эгоиста, и как человека мстительного. Пусть Григорович прочитает и решит. Я думаю, он скажет: *все печатать*, как это мы с ним оба сделали при издании корреспонденции Тургенева. Жаль было бы пропускать что-нибудь. Мы, конечно, все скоро перемрем — все народ седой, а кастрированные письма не скоро кто вздумает потом печатать в их настоящем виде.

Я думаю начать том *автобиографией* Крамского, потом дать все письма, потом печатные его статьи (это я имел в виду с самого же начала), и заключить книгу *воспоминаниями* о Крамском нескольк[их] лиц, его чтивших и много ему обязанных. Это будут:

1. Воспоминания живоп[исца] Репина.
2. » » Ковалевского[5)] (баталиста).
3. » скульптора Антокольского[6)].

Я уже читал добрую половину воспоминаний Репина (из его молодого времени): они превосходны и в высшей степени интересны.

Портретов я бы хотел приложить два: один, превосходный, написанный им самим с себя, когда ему было двадцать три — двадцать четыре года; другой, из зрелых лет, с фотографии.

Разрешите мне дать их награвировать Матэ[7)] под наблюдением Репина.

Натурально, приложим также факсимиле-автограф.

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 19—22.

№ 4

22 сент[ября18]87.

Алексей Сергеевич, вчера я получил словцо от Алексея Петровича[8)], и радуюсь, что не надо обращаться к Феоктистову[9)]. Спрашивать эти народы — значит заставлять их только настораживать уши.

Но для меня дело еще не окончательно разрешено, и я еще не чувствую будущую книгу вполне в гавани. Мне написано про статьи Крамского в «Новом времени» («Судьбы русского искусства»)[10)]. Да, но я боюсь не за одни только эти три статьи. И прочие статьи Крамского (особливо еще не печатанные), да и множество писем наполнены также материала, нападательного на Академию художеств и ее подгнивший эшафодаж [1].

В одном письме ко мне, за немного месяцев, чуть не недель, до смерти, он пишет: «Последний мой вздох будет против Академии...» (поэтому я и восхищался, что Крамского не вносили на похоронах в академическую церковь и там не отпевали; поэтому-то я чуть не кровавыми слезами готов плакать, что вследствие вызова Владимира Александровича [11)] — вот-то разлюбезничался невпопад — хотят делать выставку всего Крамского в залах Академии!!!). Да, Крамской ненавидел и презирал Академию, как лабораторию ядов и художественной плесени, клику «Carthaginem delendam esse»[2] он посвятил всю жизнь,—и вдруг Феоктистовы и другие изготовители бугорчатой чахотки потушат этот голос, вытрут эти огненные слова!

Больно, досадно, обидно, нестерпимо.

Вот поэтому-то я и принужден спросить Вас, Алексей Сергеевич, не боитесь ли Вы прямо печатать все как есть у Крамского, не спрашиваясь ни у кого? Что ж! Смелым бог владеет. Чем Вы рискуете? Что заставят (в самом худом разе) перепечатать несколько листов, вот и все. А кто знает, может быть, и так пройдет.

Я решаюсь так много наполнять белой бумаги потому, что в эти последние месяцы, когда получил весь материал, касающийся Крамского, стал просто благоговеть перед этим человеком. Все его картины, все его портреты, по-моему, капля в море в сравнении с критическою деятельностью (хотя она, в большинстве случаев, и не проявлялась еще в печати).

Для меня Крамской — один из самых высоких интеллектов, какие только появлялись в нашем отечестве за всю тысячу лет существования.

---

[1] крепостные стены.
[2] Карфаген должен быть разрушен.

Прежде еще я этого не знал и не мог знать, но теперь говорю: Крамской не только самый великий, самый высокий наш художественный критик, но самый великий художественный критик и писатель всей Европы. Все, кто мне до сих пор казался высшими, должны (по моему убеждению) расступиться и уступить ему первое место: Дидро, Прудон, Курбе[12], Чернышевский, Тэн[13]), все лучшие из новых,— как ни крупны, как ни сильны, а он крупнее и сильнее их. И это, не взирая на груду недочетов, нехваток и ошибок его, которые легко понять.

Но все это ничего не изменяет в величественном здании мысли и понимания, вознесенном им. А что до меня лично касается, то не стоит и говорить: я со стыдом сжег бы все, что до сих пор писал. Все это либо слабо, либо ненужно после Крамского.

В. Стасов

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 23—26.

№ 5

7 дек[абря 18]87.

Алексей Сергеевич, попрошу Вас решить, оставлять или нет в письме ко *Льву Толстому* отчеркнутые мной строки? В других случаях я и сам вычеркиваю, что кажется цензурно-опасным, но Лев Толстой — другая статья, и тут страшно больно вычеркнуть хотя единое слово.

В. Стасов

Еще вот что-с: я думаю, Вы ничего не будете иметь против того, чтоб целиком стояла фамилия «Булгаков» там, где его чешет против шерсти Крамской.

Стольких мы оставляем фамилии целиком, кто гораздо *покалибернее* Булгакова, что, по-моему, о Булгакове и рассуждать нечего! Но я спрашиваю единственно потому, что издание — Ваше, Вы тут хозяин, и я не могу, значит, не спросить Вас об одном из сотрудников «Нового времени».

В. С.

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 28—29.

№ 6

9 дек[абря 18]87.

Алексей Сергеевич, посылаю Вам два остальные письма Крамского. Из них письмо восемьдесят шестого года не напечатается, по Вашему решению, но, я думаю, что там говорится про «Горе от ума» (т. е. весь конец письма), то надо оставить.

Прилагаю также корректуру тридцатого листа с Булгаковым.

Но я не приложил корректуру двадцать девятого листа, потому что хотя там есть целое письмо о *«репортерах»* [14]), но это не касается лично до Булгакова, так как Крамской писал о репортерах Судковского и Клевера, не зная, кто это именно.

Впрочем, если Вам понадобится, конечно, я тотчас пошлю вам и этот лист.

Но неужели надобно будет выкидывать то, что касается Булгакова? Не хочется верить! Мне кажется, впрочем, что в крайнем случае можно поставить букву «Б», ничего не изменяя в тексте.

Писания Ковалевского[15] *никогда* не нравились мне, но нынешний раз меньше, чем когда-нибудь. Я всегда называл их «*цветочные гирлянды — бумажные*».

Очень прошу Вас не задерживать корректуры листа тридцатого: она очень нужна мне и типографии, так мы сильно торопимся отпечатать книгу, пока выставка Кр[амского] еще идет[16]. Я даже, чтоб сделать хоть маленькую пользу семейству, сижу всякий день за корректурами до трех — четырех часов ночи (после всего трудового дня), а встаю в восемь — девять утра, и теперь хожу точно с пьяной головой. Только в конце декабря авось высплюсь и поправлюсь!

Если Вам будет не трудно, я попросил бы Вас прислать этот тридцатый лист с Вашим окончательным решением ко мне, в библиотеку,— раньше четырех часов, а если не поспеет, то уже вечером, но раньше закрытия типографии.

В. Стасов

P. S. Мне приходит теперь в голову, что так как речь зашла о сотрудниках «Нового времени», то ведь в письмах Кр[амского] говорится также и о других, кроме Булгакова: напр[имер], о Буренине[17] и Дьякове[18]. Только далеко не так неприязненно, как о Булгакове. В одних случаях он их хвалит (Буренина — за Достоевского[19]), Дьякова — за «бронзовые головы»[20]), в других порицает — но не *очень*. Нужно Вам посылать все это?

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 30—33.

№ 7

13 дек[абря 18]87.

Алексей Сергеевич,

1. Скажите: можно печатать отмеченное мною в гранке письмо Кр[амского] ко мне об «Энциклопедии» Булгакова?

2. Я хочу приложить к тому — факсимиле, а для этого избираю несколько строк из письма Кр[амского] к Вам от четвертого марта тысяча восемьсот восемьдесят четвертого [года]. Там такие *важные, оригинальные и новые* вещи про значение новой русской школы, «тенденциозность» и т. д., какие нигде больше у него не повторены,—а мне слишком дороги. А потому, если Вы согласны, пришлите мне, пожалуйста, (вновь) оригинал этого письма, а я уже укажу Вашему цинкографу (кажется, фамилия его Рудометов), как и что сделать.

3. Возвращаю при сем два письма Кр[амского] к Вам и три — к Булгакову. Все они мне больше не нужны, потому что уже отпечатаны.

4. Матэ снес в типографию обе доски награвированных им портретов Крамского. Награвировано отлично (одобряет и Репин), но как-то отпечатает типография? Отгадать не могу, и *побаиваюсь*, как Вы назначите печатать их: на отдельных листах или зараз с текстами? Последнее, конечно, гораздо хуже и грубее. А впрочем, как знаете. Трат уж и так слишком много.

В. Стасов

ЦГАЛИ, ф. 459 оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 34—36.

№ 8

25 марта [18]88.

Алексей Сергеевич, Н. П. Собко[21] слышал от цензора, что книгу Крамского хотели было остановить и фискалить на нее цензурному комитету, потому что вообразили, что «***» везде — это сам великий князь Владимир Александрович (между тем как это Исеев[22]). Собко кое-как уговорил.

Очень благодарен за присылку пятнадцати экземпляров. Я их разошлю главнейшим из тех, кто нам прислал большинство писем. Из пяти веленевых я оставлю два себе, два дам С. Н. Крамской[23], а один — от Вашего имени отдам в Публичную библиотеку.

Теперь посмотрим, что-то скажет публика?

В. Стасов

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4075, стр. 48—49.

№ 9

Суббота, 2 апреля [18]88.

Алексей Сергеевич, давно я собирался возвратить Вам *письма Крамского к Вам*, но то откладывал, то забывал, — от этого они до сих пор прогостили у меня. Теперь же отсылаю их Вам с поспешностью, по следующему инциденту.

Ф. И. Булгаков прислал мне письмо, которое при сем прилагаю[1] (пожалуйста, воротите его по прочтении). Я думаю ответить на него прилагаемым здесь же моим письмом[1]. Если Вы ничего не имеете против этого моего письма, пусть он его так и получит, если же что-либо имеете, я изменю его.

Дело в том, что, мне кажется, никакие мои слова не вразумят Булгакова, а Ваши уже раз вразумили его — авось и теперь вразумят.

Я, конечно, *ничего* не имею против того, чтоб сообщить ему имена тех личностей, которые в печати теперь обозначены «*», «**», «***», «****». Это: 1) Орловский[24], 2) Клевер, 3) Исеев, 4) Казанцев[25] (письмо к Вам четвертого марта восемьдесят четвертого года).

Мне решительно все равно, узнает это Булгаков или нет,— Вы же, как Вам заблагорассудится. Но что же из этого дальше-то будет? Мне кажется, что Булгаков хочет затевать *кляузу* в печати против Крамского. В этом беды особой нет, и памяти Кр[амского] этого бояться нечего, но угодно Вам, чтоб это произошло, или нет? Меня просто изумляет, что вот вышла *капитальная* книга в свет, выступил *великий писатель* вперед — и что ж! Такие господа, как г. Булгаков («посвятившие себя искусству»),— ни о книге, ни о человеке — ни слова!!! И только желают хлопотать о дрянных личных своих соображениях, о том, где считают «честь» свою затронутою. Честь!?! Гм, гм — честь?! Ну, о чести г. Булгакова я мог бы порассказать и то и се из того, что мне сообщали люди очень солидные и надежные, из собственного опыта недавних лет.

«Честь», «честь» — какое великое слово, и как оно бывает иной раз не на месте.

Впрочем, пусть г. Булгаков и кто угодно пишет против Крамского, что им вздумается, для ограждения своей «чести» и для удовлетворения

---

[1] Упомянутые письма не обнаружены.

своей антипатии к тому, что высоко и светло в искусстве. От этого дело не пострадает. Мне казалось бы, в крайнем случае, если бы Кр[амской] и в самом деле увлекся страстью своею к передвижникам и новому искусству — и ненавистью к Академии и всем ее приспешникам, если бы даже Кр[амской] увлекся и высказал бы *преувеличения, неправды* (чему я в настоящем случае не верю!),— во всяком случае довольно было бы только официально заявить, что таких-то фактов не было, и больше ничего. Впрочем, Вы припомните, конечно, что у нас вначале было порешено: фамилию Булгакова *в печати не выставлять*, а поставить «Х» или «*» или «Б», и уже только потом Вы меня уведомили, что говорили с Булгаковым, уговорили его фамилию его поставить целиком и что даже весь этот инцидент — дело полезное в печати, как научение.

В результате, я вот что думаю: не дай бог, чтоб из-за нынешней *каверзы* Вы бы хоть единую секунду подумали про себя: «Чорт бы взял всю эту книгу и Крамского, да и этого Стасова, который меня втравил во все это дело!» Это было бы для меня ужасно, истинно ужасно! Вы поступили так великолепно, так чудесно, так благородно, отдав даже свое имя *на растерзание* всяким мерзким собачонкам из публики и «критики» и не убоявшись перенести в печать то-то и то-то, лично до Вас касающееся. И вдруг— придти после этого к досаде, к сожалению о сделанном шаге. Только не верю такому чувству; что-то мне в глубине души говорит, что Вашего доброго, хорошего, честного чувства ничто тут не потрясет, никакие дрязги, никакие дрянные выскочившие вперед эгоистические уродцы с золотушными нарывами от макушки и до пяток. Ведь правда?

В. С.

Если Вам понадобилось бы что-нибудь сказать мне спешное сегодня, то можно бы мне прислать Ваше словцо в Публ[ичную] б[иблиоте]ку, где я буду до четырех часов, после того я обедаю в гостях, а вечером в концерте Ментер[26] : значит не ворочусь домой до полуночи. Впрочем, я думаю вся эта глупость выеденного яйца не стоит, и торопиться нечего!

P. S. Алексей Сергеевич, я давно собираюсь просить Вас об одном: не писать мне никаких «титулов» на адресе. Не только эту просьбу мою давно исполняют все мои знакомые, но даже солдаты и служащие в Публичной библиотеке. Вы, я думаю, припоминаете, что даже лет двадцать пять назад я всегда смеялся над *титулами*, и я не виноват, если у меня такой есть.

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 57—60.

№ 10

1 мая [18]88.

Алексей Сергеевич, мне сегодня просто невозможно ответить Вам порядком, хотя, признаться, *сильно* хотелось бы. И не потому только невозможно, что у нас дом полон гостей, но главное потому, что у меня нет «Старины», а я из статьи Репина[27] знаю очень-очень мало, почти ничего,— и притом не то, что я сам бы прочитал, а что мне Репин прочитал месяца три тому назад.

Все то, что Вы мне сегодня выписываете, совершенная *новость* для меня, я этого не слыхал и не знаю вовсе. И так, мне досадно, чорт знает как досадно не отвечать Вам сию же секунду на Ваши сердечные строки,— я почти вовсе ни у кого подобного не встречал, а ведь Крамской для меня нечто вроде религии (не картинами своими и не портретами, а письмами

и статьями) — судите же, как мне *дорого*,— мало того, как мне *бесценно* вдруг быть совершенно нежданно-негаданно свидетелем такой защиты. Где нынче такую найдешь?

Прав или неправ Репин, я покуда не знаю. Завтра пойду, где-нибудь достану «Русскую старину» и почитаю, а потом скажу Вам свое впечатление.

А теперь — и не могу, да и невозможно просто — весь дом у нас на ногах!

В. С

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1075, стр. 61—62

№ 11

6 мая [18]88.

Алексей Сергеевич, наконец, только вчера вечером, достал я статью *Репина*. У кого из знакомых я ни спрашивал «Русскую старину» за май, никто не мог дать, одни сами читают, другие отдали кому-то. Однако наконец, добыл — и прочитал. Ну-с, и должен сказать, что с Вами я не согласен.

Статья эта назначалась собственно для нашего издания *Крамского* и только потому туда не попала, что Репин сильно запоздал с нею. Я *двух* человек просил написать для этой книги свои «Воспоминания»: Антокольского и Репина. *Антокольский* начал было, пописал — пописал, да бросил. Говорит: «Не выходит что-то!» *Репин* тоже начал было писать, с ревностью даже, да потом как-то остановился, говорит: «Не умею писать», и сколько я ни просил, отказывался да и только. Даже разорвал первые написанные страницы. Уже только гораздо позже как-то набрался храбрости и написал. Но печатать в Вами изданной книге было уже поздно. Он снес статью к Стасюлевичу[28)], тот сейчас же принял, даже говорит — с удовольствием, только принялся делать «замечания» разные (пренелепые!!), а главное стал учить, как написать то и это. Тогда Репин просто взбесился. «Это что еще такое! Чего это еще с меня требуют? Я не литератор, писать не умею, да и не учился, пишу как могу, а тут мне этот сухарь делает какие-то дурацкие наставления, которые копейки медной не стоят!!!»... Рассердился, взял свою статью тотчас назад, и снес к Михайле Семевскому [29)]. Тот, конечно, взял тотчас и напечатал. Вот история дела.

Теперь о самой вещи. Писано у Репина в десять раз хуже против Антокольского (у того было просто талантливо и картинно,— ну, и конечно, именно поэтому разные сволочи — рецензенты напали на него и старались охаять как только можно!). Но, хотя и гораздо хуже написанная, чем *«Автобиография»* Антокольского, статья Репина мне ужасно по душе. Я ведь по своему ремеслу принужден читать пропасть «автобиографий» и «записок» всяких архитекторов, живописцев, скульпторов и музыкантов и скажу, что хотя слава богу свет не клином сошелся и умные и талантливые художники везде есть, но наши (те, которые в самом деле *хороши* и чего-то стоят) пишут не только не уступая никому, но, что касается содержания и мыслей, оценок, стоят силачами и тузами. Вот этим дороги мне нынешние «Воспоминания» Репина. Какая самостоятельность, какая твердость взгляда, какая непреклонность и правда! Как он оценивает и эпоху, и положение, и художников! Я, прзнаюсь, просто объедался.

При этом мне было ужасно досадно, что Вы отнеслись к Репину не совсем-то справедливо. Ведь статья состоит из пятидесяти четырех стра-

ниц, а Вы говорите *про две* из всех их!!! Этот самый непростительный промах сделали в нынешний понедельник и «Новости». Взяли и привели цитату с последних страниц, но куда же девались все предыдущие? Словно их вовсе не бывало на свете! Но чорт с ними — с «Новостями»! Они мне надоели хуже горькой редьки. Что делать — по крайней необходимости пишешь и там. Куда прикажете идти? Тут нельзя, там нельзя, там нельзя— ну и идешь, куда придется, где среди потока грязи хоть пол-ступни можно поставить на сухое место. Перейду прямо к тому, что Вы пишете. Вы говорите о красных чулках, рединготе с атласными отворотами, оттоманках, коврах... Я ничего этого не видал у Крамского, во-первых, потому, что слишком мало и редко у него в квартире бывал, наши все сношения были на письме, либо у меня в библиотеке, либо у меня дома, а во-вторых, потому, что когда к кому прихожу по интересующему меня чему-то, то наплевал я на все диваны, столы, штаны и туфли, и их я совсем не вижу и не знаю. Может быть, все это было и Репин видел, а может быть и не было и Репин все врет,— но мне до этого никакого дела нет. Вместо того, что мне было важно и нужно, и интересно, у Репина — это картина русской *Артели 1860*-х годов, *Товарищества передвижников 70-х*, это чудесно, это великолепно, это поразительно для меня, сколько мне даже ни случилось до сих пор слышать и читать обо всем этом. Не будь этой статьи Репина, многое бы осталось скрытно, спрятано, забыто. Как теперь картина расширилась и развернулась!! И насколько Крамской — истинный *центр и глава* всего этого времени, всего этого движения, всего этого молодого и чудного порыва,— насколько он еще выиграл и вырос! Мне кажется, что для возвеличения жизненной и исторической фигуры Крамского никто столько не сделал, как эта статья Репина. И не мудрено: Репин весь свой век *обожал* Крамского больше, чем кто-нибудь, и теперь постарался нарисовать дорогую, бесценную фигуру своего *учителя и развивателя* — во весь его рост. Я *в восхищении* от этой статьи, даром что многое писано не совсем-то ловко и мастерски! Если же Репин решился высказать и всю правду про последние, скорбные годы Крамского, больного, искалеченного, измененного, — то я хвалю его за это, хотя сам до сих пор не решался. Я даже собирал однажды весь синедрион передвижников и прочитал им целый ряд [писем] Крамского из последнего времени, касающихся «Товарищества», и все решили: *пока*, до поры до времени, не печатать этих писем, чтоб слишком скоро после смерти Крамского не *нападать на него и не накладывать* на него слишком черные тени (за эту только эпоху). Если б эти письма были бы теперь напечатаны, они принуждены были [бы] написать *объяснение* и вышло бы не очень-то красиво! Пусть слава и величие Крамского укрепятся во всей своей силе, и тогда можно будет печатать письма его злосчастного времени. Я до сих пор решался лишь *вскользь* говорить об этом печальном времени (даже и в последних двух своих статьях: в «Северн[ом] вестн[ике]», май и «Новости», 2 мая), но Репин только *капельку* больше меня приподнял завесу!.. Лучшее доказательство, что такое было в свою очередь и Репин знал Крамского, это — что *самые великолепные*, *самые глубокие* из писем Кр[амского] писаны к Репину. Вот что мне кажется. И потому-то, зная давно, как Вы глубоко любили, как сердечно ценили Крамского, я никак не могу понять, каким чудом этот чудесный *гимн* Репина в честь Крамского, единственный в своем роде, мог показаться Вам злым нападением!! Не понимаю, не понимаю, не могу надивиться. Не объясните ли Вы мне это чудо?

В. С.

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 63—66.

№ 12

Публ[ичная] б[иблиоте]ка,

Суббота, 7 мая [18]88.

Алексей Сергеевич, я пришел сейчас в Публ[ичную] б[иблиоте]ку, и мне с разных сторон начали *восклицать и рассказывать* про вчерашнюю статью Буренина[30]. Я не только ее не читал, но даже и не знал, что она напечатана. Теперь, через часа два, когда освобожусь, я пойду посмотрю «Новое время» вчерашнее и прочитаю статью. Если правда то, что мне рассказывают, *я должен и буду отвечать*. Но вот какую необыкновенную вещь я предлагаю Вам: позвольте мне отвечать в «Новом времени».

Я думаю, Вам дороже Крамской, истина вообще и истина об этом великом человеке, чем *сто Бурениных* и все «Новое время» — настоящее, прошедшее и будущее. И отчего бы не отвечать в том же журнале, где совершена неправда. Вон, в майской книге «Вестника Европы» напечатана статья Сушкова в защиту графини Ростопчиной (его сестры) против статьи, напечатанной в том же «Вестнике Европы». А Вам, и мне *Крамской* дороже, я думаю, тысячи сестер.

Или, может быть, лучше будет, если я отвечу, (если понадобится) в каком-нибудь другом месте? Тогда я не обязан сдерживать ни языка, ни мысли. Я взбешен и сдерживать себя не буду. Да, я думаю, *лучше, лучше* мне писать ответ мой где-нибудь в другом месте[31].

Во всяком случае, Вы для меня остаетесь тем, чем я *много раз* в последнее время сказал Вам.

В. Стасов

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 67—69.

№ 13

Публ[ичная] б[иблиоте]ка,

10 мая [18]88.

Алексей Сергеевич,

1. Репина нет уже в Петербурге, — он уехал на Кавказ, и, может быть, надолго.

2. А я, что сказал, то сделал[32] и скажу:

Мне кажется, сколько я Вас знаю, дело *правды о великом человеке*, таком как Крамской, Вам *должно* быть дороже и важнее всякого «кумовства» и «личностей», журнальных, общественных, кружковых, редакционных. Думаю, что так. Если нет, — как знаете. Дальше ничего не могу сказать.

В. С.

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 70—71.

№ 14

Знаменская. Среда, 11 мая [18]88.

8 $^{1}/_{2}$ часов утра.

Алексей Сергеевич, меня вчера весь день не было дома, и я только *сейчас* прочел вчерашнюю статью «Нового времени» о книге Крамского. Для меня нет никакого, ни малейшего сомнения, что эту статью писали Вы.

Она такая, какою я ее ожидал, — великодушна, сердечна и широка, хотя она вся спокойная, увлечения и страстности Крамским нет, и мне это немножко досадно! Даже раз говорено про *«сухую и черствую логику»* Крамского. Это, по-моему, гораздо большее осуждение Крамскому, чем все, в чем нынче упрекают Репина. Ведь Репин говорил только про время болезни Крамского, про время его упадка, а тут *сухая и черствая логика* приписывается и всему, самому высокому и блестящему его времени. И я пари держу, что все подлецы, дураки и дуры, которые *«вступаются»* нынче за Крамского, именно ничего не найдут худого в этих словах, ничего не поймут тут оскорбительного для памяти его. Впрочем, это, по-моему, только промах, вся же остальная статья дышит симпатией, любовью, великим уважением.

(Да, вот еще, по-моему, неверность: что в отношении художественности у Кр[амского]*«не хватало только меткости в выборе красок...»*. Ну, нет, не одних красок не хватало. Мало ли чего ему еще не хватало! Всего более – творчества, созидательной способности, воображения!).

Ну, да все это ничего в статье, она все-таки высказала про книгу то, чего не высказал нигде больше ни один другой писатель,— а уж, кажется, давно пора! Этакая книга вот уже два месяца в России, — и всеобщее молчание! Проклятая земля молчания и замерзлости!!! Этих мертвецов только и будят скандалы, шики, чей-нибудь лай, уськанье, удары плети или сахарности и лживые морали! Ну — люди, ну — землица!!! Тут тотчас все вылезают из щелей и кричат, и пищат: «И я тоже присоединяюсь, и я тоже заявляю!» О, убогие дурачки!

Ну-с, а что Вы и про меня сказали несколько строк, то вот что должен объявить: вот мы с вами враги, принадлежим к двум совершенно противоположным мирам и лагерям, по всему, по всему, и что ж? На всем моем веку, невзирая на наши бои, поединки, остервенелость вражды с обеих сторон, пока сыпятся камни и бьют в лоб и висок, несмотря на все это, — Вы *единственный* человек в России, за все сорок лет моего писанья, отозвавшийся обо мне в печати с симпатией, раз в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году, скоро после похорон Тургенева, а другой раз нынче. Вот мы враги,а Вы дали мне несколько отрадных минут в жизни!

Это я *должен* сказать теперь, потому что, конечно, не долго еще буду держать перо в руке. Со всяким новым приступом чего-то враждебного и всяким нападением на меня врагов — я слышу, как у меня что-то недоброе откладывается над сердцем и что-то там болит! Разумеется, я в один прекрасный день кончу, как Серов [33], как Бородин, как Крамской: трах, и на полу лежит мертвец. Я слишком хорошие вещи чувствую на своем сердце поминутно, там так часто щемит и ноет. Только бы хоть немножко еще прожить и написать главную вещь всей моей жизни: *«Задачи нового искусства»*, то, что задумано уже лет тридцать назад и что работается, подвигается, камень к камню, кирпич к кирпичу, — каждый день моей жизни [34]. Это ужасно, если столько не проживу! Ну, да к черту все, что будет, то будет. Вам же — я все-таки *много* благодарен. А что Вы обратились ко мне в своих строках с симпатией, это неописанное чудо, для меня совершенно небывалое!!

В. С.

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 72—75.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Вестник Европы», 1887, № 11, стр. 118—150; № 12, стр. 466—515.— 126.
2) Шубинский С. Н. (1834—1913), литератор, редактор журнала «Исторический вестник».— 126.
3) На станции Сиверской находилась дача и мастерская И. Н. Крамского.— 127
4) Григорович Д. В. (1822—1899), писатель, секретарь Общества поощрения художеств в Петербурге.— 127.
5) Ковалевский П. О. (1843—1903), русский живописец-баталист и жанрист,— 128.
6) Антокольский М. М. (1843—1902), выдающийся русский скульптор-реалист, близкий к передвижникам.— 128.
7) Матэ В. В. (1856—1917), известный русский гравер.— 128.
8) Коломнин А. П., юрист, был женат на дочери А. С. Суворина.— 128.
9) Феоктистов Е. М. (1829—1898), начальник Главного управления по делам печати в период наибольшего преследования органов печати либерального направления.— 128.
10) Статьи напечатаны в газете «Новое время» №№ 645—647 за 1877 г.— 128.
11) Романов В. А. (1847—1909), великий князь; с 1876 г. по 1909 г.— президент Академии художеств.— 128.
12) Курбе Густав (1819—1877), известный французский живописец-реалист.— 129
13) Тэн Ипполит - Адольф (1828—1893), французский философ, историк и художественный критик.— 129.
14) И. Н. Крамской в письме к А. С. Суворину (март 1883) порицает художников пейзажистов Р. Г. Судковского (1850—1885) и Ю. Ю. Клевера (1850—1924), заискивающих перед репортерами. (см. «Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи». 1837—1887. Изд. А. Суворина, СПб., 1888, стр. 460, 461).— 129.
15) Ковалевский П. М. (1823—1907), литератор, художественный критик. Его статья «Иван Николаевич Крамской (Из встреч на жизненном пути)» была опубликована в журнале «Русская мысль», 1887, № 5, стр. 177—192.— 130.
16) Посмертная выставка произведений И. Н. Крамского была организована в залах Академии художеств в Петербурге с 29 ноября 1887 по 10 января 1888 г.— 130.
17) Буренин В. П. (1841—1926), реакционный критик, публицист и драматург.— 130.
18) Дьяков А. А. (1845—1895), реакционный журналист, писал под псевдонимами «Житель» и «Незлобин».— 130.
19) Речь идет о письме И. Н. Крамского к А. С. Суворину от 21 января 1885 г., в котором он писал: «„Братья Карамазовы“ Достоевского были оценены приблизительно верно одним Бурениным». (см. «Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», стр. 509, 510).— 130.
20) Имеется в виду фельетон А. А. Дьякова «Бронзовые головы», напечатанный в газете «Новое время» № 3182, 6 января 1885 г., в котором обличаются ничтожные интеллектуальные запросы, стяжательство и карьеризм чиновничье-административной верхушки и богемы.— 130.
21) Собко Н. П. (1851—1906), историк-искусствовед, секретарь Общества поощрения художеств, составитель и издатель «Словаря русских художников» и многих иллюстрированных каталогов.— 131.
22) Исеев П. Ф.— конференц-секретарь Академии художеств с 1868 г. по 1889 г.— 131.
23) Крамская С. Н. (1840—1919), жена И. Н. Крамского.— 131.
24) Орловский В. Д. (1842—1914), художник-пейзажист.— 131.
25) Повидимому, речь идет о художнике-пейзажисте В. Г. Казанцеве (р. 1849).— 131.
26) Ментер София (1846—1912), немецкая пианистка, с 1883 г. по 1887 г. профессор Петербургской консерватории.— 132.
27) Статья Репина «Иван Николаевич Крамской. Памяти учителя» впервые была напечатана в «Русской старине», 1888, кн. V, стр. 405—458.— 132.
28) Стасюлевич М. М. (1826—1911), историк, публицист, редактор-издатель журнала «Вестник Европы».— 133.
29) Семевский М. И. (1837—1892), писатель, журналист, издатель и редактор журнала «Русская старина».— 133.
30) Имеется в виду фельетон В. П. Буренина «Критические очерки» («Новое время» № 4376, 6 мая 1888 г.), в котором он выступил с резкой критикой статьи И. Е. Ре-

пина «Иван Николаевич Крамской» и рядом клеветнических выпадов против Репина.— 135.

31) В. В. Стасов напечатал свою статью «Непростительная фальшь» в газете «Новости и биржевая газета», первое издание, № 129, 11 мая 1888 г. Статья вызвала новые нападки Буренина («Критические очерки», «Новое время» № 4383, 13 мая 1888 г.), на которые Стасов отвечает статьей «Увертки г. Буренина» («Новости и биржевая газета», первое издание, № 132, 14 мая 1888 г.).— 135.

32) Имеются в виду статьи В. В. Стасова против Буренина «Непростительная фальшь» и «Увертки г. Буренина» (см. прим. 31).— 135.

33) Серов А. Н. (1820—1871), композитор и музыкальный критик, отец художника В. А. Серова.— 136.

34) Речь идет о незаконченной работе В. В. Стасова «Разгром» («Carnage general»).— 136.

У ИСТОКОВ АНГЛО-РУССКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ

Начало англо-русских научных отношений восходит к временам И. Ньютона (1643—1727). Известно, с каким вниманием он следил за мощным культурным подъемом России [1].

С работами Ньютона связана и ранняя деятельность высшего научного учреждения нашей страны — Академии наук. Из первой сохранившейся протокольной записи состоявшегося 13 ноября 1725 г. заседания видно, что с самого начала Петербургская Академия наук была занята изучением трудов Ньютона [2].

Петербургская Академия наук являлась не только научно-исследовательским учреждением: она была рассадником просвещения среди юношества и служила центром пропаганды научных знаний. При ней функционировали гимназия и университет и часто устраивались публичные выступления. Одна из первых публичных лекций была посвящена физике Ньютона [3].

Академия сразу же заняла почетное место среди научных корпораций мира (чему свидетельством являются, в частности, публикуемые документы). Ее регулярно издававшиеся труды пользовались широкой известностью среди ученых разных стран. Интересно обращение Академии от 6 сентября 1726 г. к Лондонскому Королевскому Обществу по случаю выхода в свет первого выпуска трудов русских академиков [4] и преподнесения его Королевскому Обществу. «Для нас,— читаем мы в этом обращении,— не может быть ничего почетнее, чем если наши усилия будут с каждым днем находить все более одобрения у вашего ученого общества, первейшего по времени и по авторитету и не уступающего никакому другому по числу и заслугам своих членов» [5]. Это обращение Петербургской Академии наук было оглашено в заседании Королевского Общества, в котором президент его Исаак Ньютон присутствовал в последний раз [6].

[1] См. письмо И. Ньютона к А. Д. Меньшикову (октябрь 1714 г.), опубликованное в кн. С. И. Вавилова «Исаак Ньютон». Второе издание, просмотренное и дополненное. Изд. АН СССР, 1945, стр. 212—213.

[2] См. «Протоколы заседаний конференций императорской Академии наук с 1725 по 1803 г.», т. I, (1725—1743). СПб., 1897, стр. 2, а также статью Т. П. Кравца «Ньютон и изучение его в России». «Исаак Ньютон. 1643—1727. Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения». Под редакцией акад. С. И. Вавилова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1943, стр. 323.

[3] См. «Материалы для истории императорской Академии наук», т. I (1716—1730), СПб., 1885, стр. 169—171.

[4] Sermones in primo solenni Academiae scientiarum imperialis conventu. Die XXVII. Decembris anni MDCCXXV publice recitati Petropoli.

[5] «Протоколы заседаний...», стр. 7.

[6] См. А. Андреев. Ньютон и Россия. «Учительская газета», № 2, 6 января 1943 г.

Регулярные связи между высшими научными учреждениями России и Англии установились при преемнике Ньютона на посту президента Королевского Общества — Г. Слоане (Sloane Hans, 1660—1753), занимавшем эту должность с 1727 по 1741 г.

Врач по образованию, Слоан еще со студенческих лет (он учился в Париже и в Монпелье) интересовался ботаникой, которой занимался затем в течение всей жизни. Наряду с этим он не оставлял врачебной практики, которая приносила ему большие доходы: его пациентами были представители знатных фамилий в Лондоне и даже члены королевской семьи, в том числе и король Георг II. Все свои сбережения Слоан тратил на пополнение библиотеки и коллекции редких вещей, которую он начал собирать, когда в качестве врача губернатора Ямайки провел некоторое время в Вест-Индии. Результатом сделанных им тогда наблюдений был его двухтомный труд «A Voyage to the Islands Madera, Barbadoes, Nievis, St. Christopher's and Jamaica», изданный в 1707 и 1725 гг. Это произведение и другие его работы доставили Слоану известность за пределами Англии; он был избран членом нескольких академий наук.

Но наибольшую известность доставили ему собранные им библиотека и коллекция. Слоан «после себя такую библиотеку оставил, что никто приватно не был в состоянии купить» [1],— писал М. В. Ломоносов в письме к И. И. Шувалову от 10 мая 1753 г.

В. Франклин рассказывает в своих мемуарах, что, когда он приехал первый раз в Лондон и привез с собой какие-то диковинки, то Слоан, узнав об этом, пригласил его, 19-летнего юношу, к себе, показал ему всю свою коллекцию, долго с ним беседовал и попросил приобщить к ней вывезенные Франклином из-за океана раритеты; при этом Слоан щедро вознаградил своего молодого знакомца [2].

Свое замечательное собрание Слоан завещал английскому народу; оно стало важнейшей составной частью созданного впоследствии Британского музея. В наследии Слоана значительное место занимает огромная переписка с выдающимися людьми многих стран. Как президент Королевского Общества, он переписывался и с Петербургской Академией наук, избравшей его в 1734 г. своим почетным членом. Слоан был первым из английских ученых, которому Петербургская Академия присвоила это звание. Корреспондентами Слоана в России были И. Д. Шумахер (1690—1761) и И. Амман (1707—1741). Письма Слоана охватывают десятилетний период (1730—1740) [3].

Письма Слоана к Шумахеру относятся ко времени (1730—1732), когда президентом был Л. Л. Блюментрост. Занятый своими обязанностями при дворе (с петровских времен он был лейб медиком), Блюментрост передоверил все дела Академии начальнику Канцелярии Шумахеру, который вел и академическую переписку.

Совсем другим человеком был второй корреспондент Слоана — И. Амман. С его именем связано начало научной карьеры М. В. Ломоносова. Когда Ломоносов вернулся из-за границы, то 10 июня 1741 г. Академия

---

[1] М. В. Ломоносов. Сочинения, т. VIII. Под ред. акад. С. И. Вавилова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 126.

[2] См. «The Life of Benjamin Franklin, written by himself. Now first edited from original manuscripts and from his printed correspondence and other writings, by John Bigelow». Second edition, revised and corrected, London, 1890, vol. I, p. 157.

[3] За эти годы сменилось три президента (Л. Л. Блюментрост, Г. К. Кейзерлинг, И. А. Корф), а четвертый, К. Бреверн, занимал этот пост менее года. Создавшимся положением как нельзя лучше воспользовался Шумахер, присвоивший себе всю власть в Академии. Все это с достаточной полнотой освещено в биографиях Ломоносова, который очень остро реагировал на тогдашние порядки в Академии.

решила «студента Ломоносова отослать к дохтору Аману при письме, дабы оный дохтор его, Ломоносова, обучал натуральной истории, а наипаче минералам, или что до оной науки касается, с прилежанием»[1]. Всего несколько месяцев работал Ломоносов у Аммана, который скончался 4 декабря того же года, но Амман разглядел выдающиеся способности Ломоносова и по его рекомендации Ломоносов впервые получил в Академии научное положение[2].

Несмотря на свою молодость (Амман умер тридцати четырех лет), он был избран действительным членом двух таких всемирно прославленных научных корпораций, как Королевское Общество (1731 г.) и Петербургская Академия наук (1733 г.).

В Лондон Амман приехал в возрасте двадцати трех лет и был принят Слоаном на службу в созданный им кабинет редкостей. Необычайные дарования и глубокие познания Аммана были настолько заметны, что уже через год он был удостоен звания F. R. S. (Fellow Royal Society — Член Королевского Общества). В это время кафедра ботаники в Петербургской Академии была вакантной, ее предложили Амману, и в 1733 г. он переехал в Россию[3].

Взятые на себя обязательства Амман успешно выполнял. В каждом томе академического печатного органа он, как правило, публиковал несколько своих работ[4]. С именем Аммана связана начальная история Ботанического института Академии наук СССР, созданного в 1931 г. в результате слияния Главного ботанического сада и Ботанического музея. Оба учреждения возникли на базе организованных Амманом при Академии ботанического огорода и гербария[5].

В штате Академии был еще один ботаник, И. Г. Гмелин (1709—1755), работавший также и в области химии. Но в то время он находился в Великой северной (Второй Камчатской) экспедиции (1733—1743). Таким образом, Амман оказался единственным академиком-ботаником, и с Слоаном его связывали, кроме личных отношений, общие научные интересы. Этому и посвящены главным образом публикуемые письма. Однако их содержание значительно шире специально ботанических тем, интересовавших обоих корреспондентов.

Письма ценны тем, что в них находится немало сведений, важных для истории науки вообще и для истории международных научных отношений в особенности. При отсутствии в те времена быстрых средств сообщения и крайне ограниченной как научной, так и общей прессы личная переписка служила наиболее распространенным способом информации о научной жизни в разных странах. Письма Слоана являются ярким тому примером. Здесь мы находим и известия о таких грандиозных событиях в мире науки, как снаряженная русским правительством Великая северная экспедиция или предпринятая Парижской Академией наук экспедиция для градусного измерения; здесь же содержатся и сведения о повсе-

---

[1] «Материалы для истории императорской Академии наук», т. IV, 1739—1741. СПб., 1887, стр. 694.

[2] См. «Материалы для биографии Ломоносова». Собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865, стр. 7—8.

[3] См. «Материалы для истории императорской Академии наук», т. II (1731—1735), СПб., 1886, стр. 299—300.

[4] Список их см. в кн. «Tableu général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg depuis sa fondation». I-re partie. Publications en langues étrangères. СПб., 1872, стр. 196, 218.

[5] J. F. Brandt. Biographische Versuche. Recueil des actes de la Séance publique de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, tenue le 29 décembre 1831. St. Pétersbourg, 1832, pp. 110—111; Ф. И. Рупрехт. Очерк истории ботанического музея. «Записки императорской Академии наук», 1864, т. V, стр. 139—140.

дневной кропотливой работе отдельных исследователей, которые производили свои изыскания в различных концах света.

Документы свидетельствуют о вековых традициях бескорыстного международного сотрудничества, о широком научном обмене и готовности ученых поделиться новейшими данными как по поводу великих, так и малых дел.

Из писем Слоана явствует, что он не только сообщал научные новости, но и получал их из богатого источника, каким являлась Петербургская Академия наук уже в первое десятилетие своего существования.

Следует, однако, сказать, что взаимосвязь научных корпораций и отдельных ученых разных стран представляет собою еще слабо разработанную область истории знаний. Поэтому публикация подлинных исторических документов, освещающих эти связи, является одной из насущных задач исторической науки.

Публикуемые документы хранятся в Архиве Академии наук СССР в фонде И. Д. Шумахера (ф. 121) и в разряде I (Рукописи трудов членов Академии наук и другие документы, собранные в Архиве Конференции АН в XVIII и начале XIX вв.).

Все документы переведены Т. Н. Кладо и публикуются впервые.

М. И. Радовский

№ 1

Г. Слоан — И. Д. Шумахеру

1 мая 1730 г.

Милостивый государь,

Замечательный подарок, который Вы были столь любезны послать мне от имени г. президента Блюментроста [1], а именно, первый том Петербургских Мемуаров [2], был благополучно мне передан; я был ему очень рад и буду еще более рад, если Вы окажете мне честь присоединить к нему и второй том, или «Centuries» растений г. Буксбаума [3], в натуральных красках, как Вы указывали в Ваших письмах. Очень благодарю Вас за труд, который Вы себе доставили в связи с этим. Если бы я мог оказать Вам здесь какую-либо услугу, не откажите мне об этом сообщить. Я надеюсь, что Вы будете столь любезны передать г. президенту Блюментросту два последних тома наших «Philosophical Transactions» [4] и две Декады новых растений, только что опубликованных г. Мартином [5], чтобы он мог видеть, что делается здесь. Имею честь оставаться, милостивый государь,

Ваш смиреннейший слуга
Г а н с С л о а н

Лондон, 1 мая месяца 1730.

Архив АН СССР, ф. 121, оп. 2, № 128, лл. 1—2.— Подлинник на французском языке.

№ 2

Г. Слоан — И. Д. Шумахеру

2 июня 1731 г.

Милостивый государь,

Очень благодарю Вас за книги, полученные мною от г. Миллера [6], и прошу Вас заверить Вашего знаменитого президента, что я так опоздал его поблагодарить только за отсутствием оказии после того, как море

вскрылось. Теперь я шлю ему, вместе с выражениями глубокого почтения, последние «Philosophical Transactions», вторую часть труда г. Мартина, новое донесение из Каролины и китайскую хронологическую таблицу, которые прошу Вас ему преподнести и сообщить ему от моего имени, что я всегда буду польщен возможностью выразить ему признательность за все благодеяния, которые я от него получил.

У меня нет растений из окрестностей С.-Петербурга, и я желал бы иметь их собрание. Известие о благополучном прибытии г. Миллера [7] доставило бы мне большое удовольствие. И если я могу быть здесь чем-нибудь Вам полезным, например, тем, что посылал бы Вам книги или какие-либо коллекции, пожалуйста, используйте меня, ибо этим Вы дадите мне случай убедить Вас в искренней преданности, с которой остаюсь, милостивый государь,

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Лондон, 2 сего июня 1731.

Архив АН СССР, ф. 121, оп. 2, № 128, л. 3.— Подлинник на французском языке.

№ 3

Г. Слоан — И. Д. Шумахеру

20 апреля 1732 г.

Милостивый государь,

Я получил «Centuries» растений [8], нарисованных в натуральных красках, которые Вы любезно мне послали несколько месяцев назад; я Вам за них бесконечно признателен и выразил бы мою благодарность уже давно, если бы мне не препятствовал лед, прекративший зимою сообщение. Сейчас, когда море очистилось, прошу Вас принять «Philosophical Transactions», вышедшие после того, как я имел честь Вам писать, и часть Естественной истории Каролины г. Кэтсби [9], которые Вы получите от г. Неттльтона; я не премину далее послать Вам четвертую Декаду г. Мартина, продолжение «Philosophical Transactions» и Естественной истории Каролины, как только они будут напечатаны. В случае, если у Вас недостает каких-либо «Transactions», уведомьте меня, и Вы их без сомнения получите. Если гг. члены Петербургской академии полагают, что я могу оказать им какие-либо услуги, то можете заверить их, что они могут свободно располагать мною. Остаюсь с искренней преданностью, милостивый государь,

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Лондон, 20 апреля 1732.

Архив АН СССР, ф. 121, оп. 2, № 128, л. 4.— Подлинник на французском языке.

№ 4

Г. Слоан — И. Д. Шумахеру

Июнь 1732 г.

Милостивый государь,

Имею честь послать Вам через г. Неттльтона четвертую Декаду редких растений, опубликованную г. Мартином. Я был бы очень рад иметь возможность преподнести Вам с настоящей оказией что-нибудь более цен

ное, чтобы лучше Вам доказать, с каким почтением я пребываю, милостивый государь,

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Лондон, июня 1732.

Архив АН СССР, ф. 121, оп. 2, № 128, л. 5.— Подлинник на французском языке.

№ 5

Г. Слоан — И. Амману

26 сентября 1733 г.
Сент. 26, 1733 г.

Сэр,

Мне было бы весьма приятно ранее ответить на Вашу любезность, но я ожидал прилагаемых «Transactions», которые прошу Вас передать, как обычно, г. Шумахеру для пополнения года и тома. Если недостает еще каких-либо, я пришлю и их, так как они могли затеряться. Я послал также титульный лист и предисловие к Естественной истории г. Кэтсби и так как я ранее послал несколько частей, то сообщите мне, не затерялись ли они, чтобы я мог пополнить и их.

У меня было две коллекции растений, присланных мне — одна г. Хоузтоном [10)] из Картахены [11)], другая — с Багамских островов м-ром Роджерсом. Г-н Хоузтон был очень болен в Картахене и находился в большой опасности, но, когда оттуда прибыл последний корабль, ему уже было лучше. Со Св. Елены я получил felix arborea; образец его ствола без листьев, как и тот, который есть на Ямайке, имеет 20 футов высоты. Я был вынужден внести его через окно, так как этого нельзя было сделать через двери и по лестнице, и прикрепил его к потолку. Я желаю всяческих успехов путешественникам из Академии и надеюсь, что они откроют много нового в разных областях естественной истории [12)]. Мне очень бы хотелось получить немного нефти и раковины с Каспийского моря [13)], у меня есть их несколько, но, конечно, многих недостает. Я очень желал бы быть Вам полезным, очень хотел бы знать о Вас, охотно посылал бы то, что Вам нужно. Общество [Королевское] пока еще не собиралось. Ваши здешние друзья чувствуют себя хорошо и шлют Вам привет, а я остаюсь искренне

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, л. 12.— Автограф на английском языке.

№ 6

Г. Слоан — И. Амману

30 апреля 1734 г.
Апр. 31, 1734 [1].

Я очень озабочен тем, что долго ничего о Вас не знаю ни через прибывающие корабли, ни по почте, хотя писал Вам обоими путями. Сейчас я посылаю Вам «Transactions» и только что вышедшую часть «Каролины» м-ра Кэтсби в красках, единственную, какая вышла с тех пор, как я послал

[1] В тексте описка — 31 апреля.

последний выпуск Вам или м-ру Шумахеру. В «Transactions» Вы найдете все, что есть нового в нашей области. В отношении остального — не знаю, что стоило бы сообщить Вам, разве только то, что м-р Шоу [14] вернулся из Берберии [15)] и печатает отчет о своих путешествиях за 13 лет по Сирии, Египту, Берберии и т. п.; в нем будет до сотни растений, которые, по предположениям его и других, являются новыми. М-р Гордон также готовит 20 или 30 гравюр in folio, изображающих египетские статуи и древности, найденные в кабинетах редкостей и коллекциях Англии. Надеюсь, что Вы здоровы, я был бы рад слышать о Вас по морю или по почте. Сообщите, получили ли Вы в прошлом году «Transactions» и выпуски Кэтсби, чтобы я мог пополнить их, если они пропали. Я очень занят делами и вследствие этого, а также вследствие зимних холодов я не могу сноситься с Вами так часто, как желал бы. Остаюсь с глубоким почтением.

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, л. 3.— Автограф на английском языке.

№ 7

Г. Слоан — И. Амману

23 июля 1734 г.

Июля 23, 1734.

Сэр,

Меня очень озабочивает то, что я ни слова не получал от Вас вот уже много месяцев, хотя писал Вам письма и по почте, и морским путем. Единственным моим утешением служит то, что с первым кораблем из Петербурга я буду иметь удовольствие узнать что-либо о Вас и одновременно о том, что Вы получили мои письма и пакеты.

Я посылаю Вам сейчас последний номер «Transactions» вместе с Historia heredinis д-ра Солениса, которую он мне прислал из Утрехта. Ваши друзья, а их здесь много, будут крайне рады слышать о Вашем благополучии. Королевское общество бездействует, как всегда в это время года. Д-р Хоузтон прислал со своим родственником из Картахены несколько собранных им растений, не более 10. Его чахотка и ознобы усилились настолько, что он только прислал мне штук 10 насекомых, которых поймал у себя в комнате, так как выходить ловить их он был не в состоянии. М-р Миллар, которого Вы видели со мной, отправился на место назначения. Что он пришлет, покажет время. Мне очень хочется скорее узнать о Вашем здоровье, а также о докторе [1]... и м-ре Клейне [16] из Данцига. Остаюсь с глубоким уважением

Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, л. 4.— Автограф на английском языке.

№ 8

Г. Слоан — И. Амману

9 апр. 1735 г.

Апр. 9, 1735.

Сэр,

Я бы раньше ответил на Ваши два последних письма, если бы меня не выбил из колеи рецидив моей болезни — кровохаркания. У меня был силь-

[1] Фамилия неразборчива.

ный припадок, когда я был в Челси [17] у себя в саду. Но затем я не выходил из дому и из комнаты, и при помощи многочисленных кровопусканий преодолел болезнь, помогло также Cortex Peru diacodium, благодаря каковому лекарству я чувствую себя теперь вполне хорошо.

Я очень благодарю Вас за присланные естественно-исторические редкости. Все дошло хорошо, кроме нефти; бутылка, в которой она должна была находиться, оказалась пустой, хотя была хорошо закупорена и в деревянном ящике. Я собираюсь Вам послать № 425 «Transactions» и то, что вышло в свет после Вашего последнего письма, как только первое судно пойдет в Петербург, и когда Кэтсби, издатель, закончит продолжение, чтобы дополнить Вашу серию. Когда умер м-р Хоустон, некий м-р Миллар, врач, который путешествовал в Вест-Индию, взял на себя его дела и будет продолжать его путешествие. Он был в Порто-Белло и Панаме, где посетил некоторые острова в Южном океане, однако, против ожидания, не нашел деревьев Cort. Peru., перуанский бальзам и т. п., но они ему обещаны. Он был там во время их зимы, и потому его образцы большею частью повреждены, а семян он собрал мало. Его обнадежили, что их привезут торговцы из Перу и пошлют ему вслед на Ямайку. Ближайшая его поездка будет в Картахену, откуда он думает привезти ипекакуану и бальзам Толу. Об открытиях, которые он сделает, Вы услышите в свое время. Г-н Годен [18], член Парижской академии наук, брат г-на Жюссье [19] и другие, как французы, так и испанцы, отправились в Перу для измерения градуса под экватором [20]. Натуралисты, художники, математики, числом 12, едут с ними, м-р Грэхем [21] снабдил их часами, маятниками для измерений и проч. Мы с полным основанием можем ожидать больших открытий, и они обещали сообщить нам о них, а тогда Вы можете быть уверены, что узнаете о них из вторых рук, если раньше не услышите из первых.

Я поручил огласить часть Вашего письма, относящуюся к Вашему путешествию на Камчатку [22], в заседании Общества, которое просило меня поблагодарить Вас от его имени. Вы знаете, что я буду весьма рад услышать об успехах этого предприятия и о произведениях природы этой страны. Мне недавно прислали из Лапландии то, что они там называют полевой ягодой. Она, повидимому, не отличается от Chermaerubus, растущей в северных горах Англии или в Альпах; я дал их образцы из Альп и из Англии.

С искренней привязанностью и сердечными пожеланиями во всех Ваших предприятиях, и с глубоким почтением

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 5—6.— Автограф на английском языке.

№ 9

Г. Слоан — И. Амману

26 августа 1735 г.

Авг. 26, 1735 г.

Сэр,

Я крайне Вам признателен за Ваши письма и сообщения, которые я благополучно получил, но опасаюсь, что мои, посланные Вам по почте, пропали, так как Вы не упоминаете об их получении. Нефть в бутылке или вовсе не была налита по недосмотру, или целиком испарилась. Я послал Вам вместе с письмом «Philosophical Transactions», которые недавно

вышли, и два экземпляра Китайской Хронологии; один для Вас, другой для того Вашего и моего друга, который желал ее иметь. Я надеялся послать Вам выпуск работы д-ра Мартына о новых растениях, присланных д-ром Хоузтоном и м-ром Милларом из жарких стран Америки. Однако, хотя ожидал очень долго и его, и нового тома м-ра Кэтсби, но не могу их получить, так как они еще не готовы; но как только они выйдут, я Вам их пришлю. Я передал Ваши семена г. Миллару; он их посеял и обещал прислать Вам то, что Вам нужно, заказав требуемое в Вашем письме.

М-р Миллар, заменивший покойного д-ра Хоузтона, прислал из Панамы и Картахены много семян и приготовился послать растущие на Ямайке деревья, дающие бальзам Копайба и бальзам Полу. Он также имеет ипекакуану и разные необыкновенные растения, растущие в разных частях Вест-Индии и на южных морях. Д-р Дилленнус[23], наконец, устроился в Оксфорде и получил все растения из сада д-ра Шерарда[24] в Эльтане.

Мне крайне приятно слышать, что Вы чувствуете себя хорошо, желаю, чтобы так было и дальше, и надеюсь, что Вы будете заботиться о своем здоровье ради общего блага. Вы находитесь в такой стране, где совершаются большие дела; приходящие оттуда научные новости с большим удовлетворением и одобрением встречаются всюду. Королевское Общество и все Ваши друзья рады слышать о Вашем благополучии и о научных успехах, о которых я им сообщил от Вашего имени. Мне очень хотелось бы быть Вам чем-либо полезным по мере сил; мне ничего не доставило бы такого удовольствия, как доказать Вам, в какой мере я пребываю самым искренним образом

Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 7—8.— Автограф на английском языке.

№ 10

Г. Слоан — И. Амману

17 декабря 1735 г.

Лондон. Декабрь 17, 1735.

Сэр,

Я получил Ваше письмо и передал письма от Вас д-ру Массею[25] и м-ру Кэтсби, все было сообщено Королевскому Обществу, они очень довольны и просят передать Вам благодарность.

Эти письма доставили мне немалое удовольствие, я убедился, что многие растения из Сибири, Камчатки и других областей Северной Европы и Азии те же, что с Гудзонова залива, Дэвисова пролива и Северной Америки. Cistus Ledon foliis rori-marini subtiis ferrugineis C. B. P. я получил с Гудзонова залива, где туземцы используют его как универсальное лекарство: они приготовляют из него настойку и пьют как чай. Другие лекарственные травы и растения, привезенные в горшках для сада в Челси, были: корень Rhodia radix C. B., Salix caprea rotundifolia Ger., Cochlearia rotundifolia Merret. Pin Buglossum marinum Pet. и некоторые другие, которые не отличаются от других растущих в Англии.

Anos arctica Clus. растет на острове Мэн; его собирают там в молодом виде и некоторые употребляют в пищу круглый год, хотя он отдает рыбой и неприятен для тех, кто не привык к такой еде. Phaenicopter встречается на юге Франции, в некоторые сезоны и, повидимому, сходен с ямайкским; последний отличается несколько более ярким цветом, что может зависеть от жаркого солнца.

Моя маленькая белая лисичка с Гудзонова залива все еще жива, но ни она, ни Lagopus или куропатка из Норвегии и с Гудзонова залива не линяют и не меняют цвета меха или перьев из темного на белый. Однако перья и шерсть, которые появляются весной, окрашенные в коричневый и черный цвет, сохраняются все лето, а затем становятся белыми и остаются белыми всю зиму; весной же они выпадают, сменяясь новым коричневым одеянием.

Мне очень жаль, что я сейчас не могу найти оказии для посылки Вам «Transactions» и других книг, но весной воспользуюсь первым же случаем.

Это письмо я отправляю через князя Кантемира [26], который несколько дней назад передал мне диплом от имени президента Корфа [27], при весьма любезном письме. Я крайне признателен и готов сделать все, что могу, для содействия славным задачам учреждения, членом которого теперь имею честь состоять [28]. Как удивительно, что в настоящее время, когда многие заняты другими делами, порою и связанными с возможностями войны, императрица уделяет столько внимания успехам науки и так энергично им содействует.

М-р Миллар, посланный на место покойного д-ра Хоузтона, сделал очень много, прислав на Ямайку множество семян из Панамы, Картахены, Порто-Белло и других мест, вместе с образцами и засушенными растениями, а также Bals. Copaiva Tolut. и ипекакуану, растущие в горшках. Мы уже приняли меры к тому, чтобы он остался еще на год.

Надеюсь услышать от Вас, как только представится возможность, в этих случаях я никогда не жалуюсь на почтовые расходы.

Остаюсь Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 9—10.— Подлинник на английском языке.

№ 11

Г. Слоан — И. Амману

6 мая 1736 г.

Мая 6, 1736.

Сэр,

Я крайне благодарен Вам за письмо от 2 марта, которое я недавно получил и сообщил Королевскому Обществу; оно приносит Вам самую сердечную признательность за заключенные в нем сведения. Мне очень жаль, что Вы еще не получили посылки, которую я отправил вместе с письмом через м-ра Неттльтона, он, как Вы знаете, очень честный джентльмен, так что она только задержалась и, наверное, будет в Ваших руках раньше этого письма. Посылаю Вам последние «Philosophical Transactions» и 7-ю часть иллюстрированной Естественной истории Кэтсби, мне хотелось бы иметь еще что-нибудь, что также стоило бы послать Вам. М-р Грей [29], инициатор столь удивительных опытов по электричеству, умер, оставив свои соображения относительно опытов, которых он не опубликовал. Вам они будут посланы, как только будут осуществлены и опубликованы. Г-н Миллар отправился в Кампеш и Вера-

Круц, чтобы добыть Jalap, Contra yerva и другие растения, произрастающие в тех местах. Мне хотелось бы быть полезным Академии или оказать ей какую-либо реальную услугу. Остаюсь с глубоким уважением

Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 11—12.— Автограф на английском языке.

№ 12

Г. Слоан — И. Амману

3 июня 1737 г.

Июня 3, 1737

Сэр,

Я получил Ваше письмо и различные любопытные вещи, за которые шлю Вам свою сердечную благодарность; я сделал бы это ранее, если бы не отсутствие оказии. Сейчас посылаю Вам «Transactions», опубликованные со времени моей последней посылки Вам, шестую часть Истории Каролины Кэтсби, последнюю часть растений Мартина и еще некоторые мелкие работы, которые, надеюсь, Вам пригодятся. Кроме того, что есть в этих работах, у нас нет ничего нового, исключая наблюдения, произведенные врачом м-ром Больхером об окрашивании костей у свиней путем кормления их корнями rubia tinctorum; эта окраска костей не влияет на мясо, которое можно есть совершенно так же, как мясо свиней, не подвергавшихся этому кормлению. Я очень благодарен Вам и желал бы, чтобы Вы взяли десять гиней у какого-либо книгопродавца и написали счет на меня на эту сумму, она будет пунктуально выплачена по Вашему приказу здесь, и Вы можете оплатить расходы, связанные со всякими посылками мне. Если я могу быть Вам чем-либо полезен, распоряжайтесь мной вполне свободно.

Ваш покорнейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 13—14 об.— Автограф на английском языке.

№ 13

Г. Слоан — неизвестному

2 июля 1738 г.

Июля 2, 1738

Сэр,

На обороте сего Вы увидите, что нужно д-ру Амману. Я не знаю книги сэра Вильяма Петти [30] о колониях или имеющей к ним отношение, кроме его политических замечаний о таблицах смертности в Лондоне, Париже, Риме и т. п. или в Ирландии и Дублине. Он пишет мне, что послал мне 5 том Комментариев их Академии, которого я не получил, как и приложенных к нему карт. Он сообщает мне о своей почти законченной работе о растениях Сибири [31] и т. п., которую мы скоро получим, а может быть также и о животных тех мест, но об этом поговорим при следующем свидании, а пока остаюсь

Ваш Г. С. [1].

---

[1] Далее другим почерком.

На тот случай, если бы Ваш благородный президент и великодушный покровитель заподозрил, что я не знаю сочинений сэра Вильяма Петти, я прилагаю при сем собственноручную записку сэра Ганса Слоана, в обширных познаниях которого по части книг и трудов ученых никто не может сомневаться.

Если Вы желаете, то можете ознакомить Вашего президента с весьма любопытным, только что опубликованным, трудом in folio — около 25 цена по подписке составляла всего одну гинею. «Путешествия или географические, физические и прочие наблюдения в разных частях Берберии и Леванта: Сирии, Святой Земле, Каменистой Аравии [32], Египта и Берберии; монеты и растения, найденные в этой стране»; книга особо любопытная и поучительная.

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 15—16.— Автограф на английском языке.

№ 14

Г. Слоан — И. Амману

5 июля 1738 г.

Июля 5, 1738

Сэр,

Я получил Ваше письмо от 3 июня, а несколько ранее — пакет с некоторыми книгами, упомянутыми в предыдущем письме, полученном мною от Вас; кроме того, около недели назад, рулон с двумя картами и объяснениями к ним на латинском, московском и немецком языках. За все это я Вам очень признателен. Комментарии Академии пока еще до меня не дошли, я не имею также 4-го их тома. Прошу Вас о любезности, если последний затерялся, прислать мне оба тома, и 4-й и 5-й, в больших листах, чтобы дополнить комплект; я уплачу все, что Вы на это затратите, другу м-ра Вигора. Мне бывает трудно узнать, с каким кораблем послано то и другое; последние пакеты книг, один из которых предназначался г. Коллинсону [33] для д-ра Дилленнуса, чуть не пропали и для него, и для меня. Поэтому теперь необходимо письмо, о том, на каком корабле они посланы, или расписка капитана корабля. Я ничего не знаю об упоминаемом Вами плане естественной истории животных, которую должны написать члены Общества, в том числе г. Тэйлор... [1] Я был рад узнать, что рукописи, о которых Вы упоминаете, дошли до Вас, они без сомнения, очень любопытные; если их не опубликуете Вы или Академия, мне было бы очень приятно получить копии некоторых из них; ведь Вы знаете, что у меня есть рукописи Плюмье, которые до сих пор не опубликованы; если Вам известна большая коллекция таких вещей, то я просил бы Вас о любезности купить мне несколько дубликатов раковин, ископаемых и других предметов естественной истории из различных частей столь обширной ныне Российской империи, которая исследуется заботами правительства для столь важных целей. Я видел здесь живого и имею шкуру одной породы кролика уже мертвого, вывезенного из Сибири, вместе с замечательными шкурами, в некоторых местах не прилегающими к телу, которые, как говорят, служат защитой от Вашего холодного климата, пожалуйста, сообщите, есть ли у Вас об этом какие-либо сведения? Я отослал м-ру Коллинсону для немедленной пересылки Вам книги, о которых Вы упоминали в этом письме; очень прошу Вас сообщить, не могу ли я оказать какие-либо услуги Вам или барону Корфу или Вашей Академии,

[1] Далее одно слово неразборчиво.

ибо я буду рад всякой возможности сделать это. После того, как я Вам послал «Transactions», они более не выходили. Остаюсь

Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 16—17.— Автограф на английском языке.

№ 15

Г. Слоан — П. Амману

26 июля 1738 г.

Июля 26, 1738

Сэр,

Два дня назад я получил 5-ый том Комментариев Академии и две карты, о которых Вы упоминали в предшествующем письме: они доставили мне большое удовольствие, и за них, и за всю Вашу прежнюю любезность я шлю Вам свою сердечную благодарность. Из моего последнего письма Вы увидите, что 4-й том Комментариев пропал, так что я должен просить Вас не отказать прислать его мне вновь, и я охотно заплачу Вам через м-ра Коллинсона или м-ра Вигура. В самом деле, я так обязан и Вам, и барону Корфу, что счел бы для себя радостью быть чем-либо полезным ему или Академии. Мы ожидали больших достижений в ботанической науке от м-ра Миллара, который должен был поехать в Мексику для собирания семян высушенных растений и т. п.; но, хотя он имел письмо от графа де Монтехо к вице-королю этого королевства, его не пустили далее Вера-Круца и отправили обратно на Ямайку. Я все же надеюсь, что мы от него кое-что получим. Сейчас у меня нет ничего, что я мог бы послать Вам, и могу только сообщить, что Ваши последние посылки д-ру Дилленнусу и т. п., которые были посланы вместе с моей по моему адресу, переданы ему, и что я остаюсь

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 18—19.— Автограф на английском языке.

№ 16

Г. Слоан — П. Амману

15 августа 1738 г.

Авг. 15, 1738

Сэр,

Я только что получил письмо от Вас, написанное уже давно, с картами и Комментариями Академии пятый том, так что мне нужен только четвертый, большого формата, который прошу Вас дослать мне в листах, и за все, что Вы мне еще пошлете, я охотно заплачу корреспонденту м-ра Вигурса, или м-ру Коллинсону. Я думаю, что могу порадоваться вместе с Вами Вашей женитьбе на дочери г. Шумахера, что я и делаю от всей души и очень одобряю Ваши планы; я высказал бы Вам это в своем предыдущем письме, если бы знал все заранее. Случайно я отыскал не только мои собственные пакеты, переданные м-ру Коллинсону, но и Ваши — д-ру Дилленнусу и м-ру Пенну, посланные мною Вам, как Вы указали. Я очень

Вам обязан за научные новости и сообщения об успехах императрицы в войне и особенно в науках. Мне хотелось бы иметь случай доказать Академии или отдельным ее членам свою готовность служить им, и в особенности заверяю Вас, что пребываю с глубоким почтением

Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 20—21.— Автограф на английском языке.

№ 17

Г. Слоан — И. Амману

3 мая 1739 г.
Мая 3, 1739

Сэр,

Я надеюсь, что Вы получили или получите с настоящим рейсом новые «Transactions», один экземпляр для вас, другой для г. президента Академии. Я желал бы иметь и другие работы, достойные того, чтобы преподнести их Вам. Я присоединяю также пакеты семян, недавно присланные мне из Ост- и Вест-Индии, которые, я полагаю, сохранились свежими для Вашего сада. Буду рад услышать о Вашем благополучии и о Вашей женитьбе, и о том, какие успехи сделаны в Вашей обширной империи в области естественных наук, которым Ваша великая императрица отдает столько забот и средств. Остаюсь с искренней преданностью и почтением

Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 22—23.— Автограф на английском языке.

№ 18

Г. Слоан — И. Амману

22 апреля 1740 г.

Сэр,

Пользуюсь настоящей оказией, чтобы послать Вам несколько любопытных семян из Каролины, среди которых есть и семена тюльпанного дерева, а также два экземпляра трех томов «Transactions», вышедших со времени последней посылки, и два экземпляра лекций д-ра Стюарта о мышечном движении: один для Вас, другой для президента. Если предшествующие номера не дошли до Вас, сообщите, и я сразу же их вышлю.

Согласно Вашему желанию, я заказал экземпляр «Book of Shells» Листера, и он будет выдан любому указанному Вами лицу по уплате пяти гиней м-ру Джильсу, книготорговцу. Gray inn Gate Holbourn; ему и Оксфордскому университету предоставлено право издать 20 экземпляров, и благодаря этому книга обойдется значительно дешевле, чем она стоила в течение многих лет до сих пор.

Я был последнее время так сильно болен, что мои собственные исследования почти не сдвинулись с места; но сейчас, слава богу, я вполне поправился, и всегда буду рад оказать Вам любую услугу в пределах моих возможностей. Остаюсь, сэр, с искренней преданностью

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Лондон. Апрель 22, 1740.

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 24—25 об.— Подлинник на английском языке.

№ 19

Г. Слоан — П. Амману

30 июня 1740 г.

Сэр,

Я получил Ваше письмо от 20 апреля и весьма Вам признателен за содержащиеся в нем любопытные сведения. Необычайно суровая зима была нынче повсеместно, во всяком случае в Европе, и мое здоровье очень от этого пострадало, как я сообщал Вам в письме от 22-го апреля. Но, благодарение богу, сейчас я чувствую себя лучше, чем мог бы рассчитывать в моем возрасте.

Что касается до корней тюльпанного дерева, которые в свежем виде имеют сильный запах камфоры, то я спрошу м-ра Кэтсби, заметил ли он эту особенность; но пока обращаю Ваше внимание на то, что многие растения пахнут камфорой; пример этого Вы найдете у м-ра Неймана[34] в «Account of Camphora Thymi», в «Philosophical Transactions».

Буду рад узнать при случае, сделал ли капит. Шпанберг[35] значительные открытия близ Камчатки. М-р Гадлей[36] сообщает мне, что хороший Ньютонианский отражательный телескоп будет стоить около 20 фунтов и что зеркала лучше всего чистить винным спиртом, осторожно им натирая.

Примите, пожалуйста, мои соболезнования по поводу смерти Вашей супруги, и уверения, что я пребываю, сэр,

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Ганс Слоан

Лондон, июня 30, 1740.

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 26—27.— Подлинник на английском языке.

№ 20

Г. Слоан — И. Амману

3 декабря 1740 г.

Я получил несколько Ваших писем и пакетов, за которые сердечно Вас благодарю. Я слышал о многих переворотах в России[37], случившихся за последнее время, — только перемены не оказались бы менее благоприятны для наук, чем было до сих пор. Я поручил м-ру Вигору передать Вам десять гиней в английской валюте, как маленький подарок от меня за все, что Вы послали мне; если Вы напишете счет или пришлете расписку, я уплачу их здесь по Вашему приказу; прошу Вас уведомить меня об этом и о состоянии Вашего здоровья. Искренне Вам преданный

Ваш покорнейший и смиреннейший слуга
Ганс Слоан

Архив АН СССР, разр. I, оп. 74-а, № 26, лл. 28—29.— Автограф на английском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Блюментрост Л. Л. (1692—1765) — президент Академии наук с 1725 до 1733 г. — 142.

2) Первый том печатного органа Петербургской Академии наук «Commentarii Academiae Scientiarum imperialis petropolitanae» (труды 1726 г.) был издан в 1728 г. Под этим названием вышло 14 томов. Начиная с XV тома издание стало выходить под названием «Novi Commentarii».— 142.

3) Буксбаум Иоганн Христиан (1694—1730) — первый академик-ботаник; в Академии состоял с 1727 г. Из России уехал в 1729 г. Упоминаемый труд Буксбаума издан в 1728—1740 гг. Петербургской Академией в 5 томах под названием «Plantarum minus cognitarum Centuria».— 142.

4) «Philosophical Transactions» — печатный орган Лондонского Королевского общества; издается с 1665 г.— 142.

5) Мартин Джон (Martyn John, 1699—1768) — английский ботаник, член Королевского Общества с 1727 г. В письме Слоана упоминается произведение Мартина «A History of rare plants», изданное в трех частях в 1728—1733 гг.— 142.

6) Миллер Герард Фридрих (Федор Иванович, 1705—1783) — академик-историк; в Академии состоял с момента ее основания. В 1730—1731 гг., побывав в Западной Европе, посетил Англию. Наряду с другими поручениями он должен был пригласить выдающихся зарубежных ученых для занятия вакантных мест в Петербургской Академии наук. Среди приглашенных был и И. Амман.— 142.

7) Миллер вернулся в Петербург в августе 1731 г.— 143.

8) См. прим. 3.— 143.

9) Кэтсби Марк (Catesby Mark, 1679—1749) — английский натуралист, в течение многих лет проживал в Америке; член Королевского Общества с 1733 г. Труд, о котором упоминает Слоан, издан в двух томах в 1731—1743 гг. под названием «Natural History of Carolina, Florida and the Bahama Islands, with Observations on thb Soil, Air and Water».— 143.

10) Хоузтон Вильям (Houstoun William, 1695—1733) — английский ботаник, член Королевского Общества с 1732 г.— 144.

11) Картахена — главный город штата Боливар в Колумбии.— 144.

12) Речь идет об ученых, участвовавших во Второй Камчатской экспедиции (1733—1743), возглавлявшейся, как и Первая (1725—1730), В. Берингом. Среди участников экспедиции были: Г. Ф. Миллер, Г. В. Штеллер, И. Г. Гмелин и С. П. Крашенинников, тогда еще студент академического университета. Надежда Слоана вполне оправдалась; материалы, собранные экспедицией, явились ценным вкладом в изучение Сибири, Аляски и Алеутских островов.— 144.

13) Амман как натуралист изучал и ископаемые; на его попечении находился соответствующий раздел Кунсткамеры.— 144.

14) Шоу Томас (Shaw Thomas, 1694—1751) — английский путешественник, член Королевского Общества с 1734 г. Произведение Шоу, о котором упоминает Слоан,— «Travels or Observations relating to several parts of Barbery and the Levant» — было издано в 1736—1746 гг. в Оксфорде.— 145.

15) Берберия — общее название стран, расположенных по северному побережью Африки.— 145.

16) Клейн Якоб Теодор (Klein Jacob Theodor, 1685—1759) — немецкий естествоиспытатель, член Королевского Общества с 1728 г.; с 1756 г.— почетный член Петербургской Академии наук.— 145.

17) Челси (Chelsea) — тогда предместье Лондона; здесь в 1721 г. Слоан заложил ботанический сад. В 1741 г. Слоан, оставив пост президента Королевского Общества и отказавшись от врачебной практики, переселился в Челси.— 146.

18) Годен Луи (Godin Louis, 1704—1760) — французский астроном, член Парижской Академии наук с 1725 г.; с 1735 г.— член Королевского Общества.— 146.

19) Жюссье Антуан (Jussieu Antoine, 1686—1758) — французский ботаник, член Парижской Академии наук.— 146.

20) Речь идет об экспедиции по градусному измерению (1735—1742), вызвавшей восхищение во всем мире как одно из самых отважных научных предприятий. Говоря о самоотверженных поступках ученых, М. В. Ломоносов писал: «С охотою воспомяну здесь труды мужей славных, которые для испытания натуры, безмерного пространства переплыв море и широкие преодолев пустыни, в прекрасные места Перуанские достигли. Не лугов, не садов приятностию там удерживаяся, кротостью неба долго наслаждались, на высоких гор каменистые верхи превышая, для измерения шара земного, много стужи претерпели и поту пролили» (М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 39).— 146.

21) Грэхем Джордж (Graham George, 1675—1751) — член Королевского Общества с 1728 г.— 146.

22) Амман в Камчатской экспедиции не участвовал.— 146.

23) Дилленнус Джон Джемс (Dillenius John James, 1687—1747) — ботаник, по происхождению немец; с 1724 г.— член Королевского Общества.— 147.

24) Шерард Джемс (Sherard James, 1666—1738) — английский ботаник; член Королевского Общества с 1706 г.— 147.

25) Массей Ричард Мидделтон (Massey Richard Middleton) — член Королевского Общества с 1712 г.— 147.

26) Кантемир А. Д. (1708—1744) — русский писатель и дипломат; тогда русский посол в Англии.— 148.

27) Корф Иоганн Альбрехт (1697—1766) — президент Петербургской Академии наук с 1734 до 1740 г. —148.

28) Об избрании Слоана в почетные члены Академии наук в протоколах Конференции имеется постановление от 5 апреля 1734 г., в котором сказано: «Так как и г. Слоану и г. Морганьи подобает этот почет, поскольку эти люди, весьма заслуженные в науке, то нет сомнения, что их следует избрать в почетные члены нашей Академии...» (т. I, стр. 105—106).—148.

29) Грей Стефен (Grey Stephen, ум. в 1736 г.) — автор известных опытов по электричеству, первый испытал действие электрических зарядов на человека; с 1732 г. член Королевского Общества. Первый лауреат медали Коплея.—148.

30) Петти Вильям (Petty William, 1623—1687) — английский экономист, основатель классической школы буржуазной политической экономии, по профессии врач; член Королевского Общества с 1663 г.—149.

31) Видимо, речь идет о труде Аммана, напечатанном в 1739 г., «Stirpium rariorum in Imperio Ruthenico sponte provenientium icones et desriptiones».—149.

32) Arabio Petreae — Каменистая Аравия — древнее название Синайского полуострова.—150.

33) Коллинсон Питер (Collincon Peter, 1694—1768) — член Королевского Общества с 1728 г.; ему первому В. Франклин сообщил о своих работах по электричеству. Издание работ Франклина «Experiments and Observations» (1751) и есть собрание писем к Коллинсону.—150.

34) Нейман Каспар (Neumann Kaspar, 1683—1747) — немецкий химик. Работа Неймана, о которой говорит Слоан, напечатана в 1725 г. —153.

35) Шпанберг М. П. (ум. в 1761 г.) — участник Первой и Второй Камчатских экспедиций.—153.

35) Гадлей Джон (Hadley John, 1682—1744) — английский математик и конструктор физических приборов, член Королевского Общества с 1717 г.—153.

36) Имеется в виду дворцовый переворот в ноябре 1740 г.—153.

ДНЕВНИКИ ВОСПОМИНАНИЯ

ПОДПОЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ РСДРП В 1902-1906 гг. В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ, ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ И МОСКВЕ[1].

Н. Н. КУДРЯШЕВ

2. В Екатеринославе

Мы с женой проживали временно в Киеве, когда, приблизительно в середине августа 1903 г., пришла к нам на квартиру женщина с условным паролем и предложила поехать в Екатеринослав. Она передала адрес и пароль явочной квартиры, и через пару дней мы с женой уже двигались на пароходе по Днепру в Екатеринослав. Здесь явка была на квартиру женщины-врача. На другой день в указанный час я отправился к ней и получил адрес секретаря Комитета партии. Его звали «Борис» (настоящего его имени я не знал и не знаю). «Борис» оказался еще очень молодым человеком в студенческой тужурке и сообщил мне, что у них организуется типография и как раз не хватает наборщика.

Знакомлюсь с обстановкой этой будущей типографии. Квартира снята на Гоголевской улице — три комнаты и кухня. Квартирные хозяева — молодые люди, только что поженившиеся,— столяр Гриша Шапиро и Анюта. Купили для Гриши необходимые инструменты, верстак. Он будет делать шкафы на заказ. Брат Гриши — Моисей с женой, работающие в портняжных мастерских, будут время от времени приходить к нам, приносить бумагу, оригиналы, по возможности забирать напечатанное и сообщать адреса, куда мы должны снести готовое. Я должен поселиться в качестве квартиранта, занимающегося перепиской на дому ролей для артистов местного театра. Сообщив мне адрес и условный пароль, «Борис» посоветовал пойти на другой день нанимать комнату, а он предупредит молодоженов Шапиро, чтобы те приклеили к воротам бумажку, якобы у них сдается комната. Тут же «Борис» между прочим заявил мне, что он уезжает учиться за границу, так как для него двери университета в России закрыты, и что назначен уже новый секретарь, который будет меня разыскивать как переписчика, чтобы сдать работу.

Комбинация для организации типографии казалась мне довольно подходящей. С одной стороны, молодожены, при помощи родителей, оборудо-

---

[1] *Окончание.* Начало см. в № 2 журн. «Исторический архив».

вали мастерскую, хотят вылезть в люди, а с другой стороны, живет квартирант с женой, занимается перепиской. Но меня беспокоил мой паспорт, та же фальшивка, по которой я жил в Нижнем Новгороде. Хорошо, если после моего отъезда маляр и его благоверная не будут болтать, а если будут, то дойдет это до кого следует. Достаточно было толковому человеку попросить эту женщину описать, что она видела в подполье, как начнутся розыски и может получиться и здесь провал. Я говорил об этом по приезде в Киев и при разговоре с секретарем в Екатеринославе. «Борис» посмотрел на паспорт и заявил, что в данное время его нечем заменить, но он передаст об этом новому секретарю, чтобы тот это имел в виду.

На другой день отправляюсь нанимать себе комнату, разыскиваю Гоголевскую улицу, заглядываю во все дома, где есть объявления, что сдается комната, наконец подхожу к дому № 15. У калитки и в окне висят записочки. В маленьком отдельном домике хозяин — молодой человек, почти мальчик, показал комнату. Маленькая прихожая. Из нее видны две двери: налево в кухню и прямо в комнату, в которой у стены стоит столярный верстак, валяются обструганные доски и инструмент. Мы одни, он спрашивает условный пароль, я отвечаю. После этого он предлагает осмотреть помещение. Выбрали наиболее удобную для работы комнату с единственным окном во двор. На расстоянии около сажени от окна — дощатый забор. Света достаточно, зато любопытствующей публике, желающей заглянуть в окно, нужно было обойти сзади кругом дома.

В тот же день переехал на новое жилье. Хозяева оказались действительно очень молодые: Грише было 20 лет, его жене — 19. До этого оба уже состояли в организации, но считали себя пока нескомпрометированными, так как не подвергались обыскам и не замечали за собой слежки. Типографские принадлежности — шрифт, касса и рамки уже были доставлены. Можно было приступить к работе. Теперь я плохо помню, на какие темы мы печатали материалы, но работы было очень много, так как Екатеринославская организация обслуживала литературой, кроме Екатеринослава, ряд заводов, расположенных на другом берегу Днепра и вообще в окрестностях города. Через несколько дней после моего переезда на квартиру пришел новый секретарь Комитета партии, который своим появлением произвел целый фурор. Во дворе было три домика, набитых беднотой, а тут пришел важный барин, одетый в новое пальто, светлую шляпу и с выхоленной черной бородкой, разыскивает переписчика, проживающего в квартире Шапиро. Эта разыгранная сцена очень нам помогла: за мной упрочилась в глазах соседей репутация человека, зашибающего деньгу.

Товарищ счел нужным поставить меня в известность по вопросу о размерах содержания партийных работников Екатеринославской организации и, в частности, работников типографии. Он заявил мне, что комитет будет оплачивать стоимость квартиры и отопления и отпускать на питание по 12 руб. в месяц на человека. Первоначально это заявление вызвало у меня некоторое недоумение. До тех пор вопросы материального нас обслуживания не поднимались, но, с другой стороны, мы поняли, что комитет должен же из чего-нибудь исходить в расходовании сумм, поступающих от партийных взносов, должен считаться со своим бюджетом.

Хотя я был еще неважным наборщиком, но тем не менее работа все же двигалась довольно успешно.

В моем распоряжении были две помощницы. Первоначально я им показал, как нужно разбирать шрифт, потом, поскольку у нас было две верстатки, они стали попеременно помогать мне набирать. Работа по домашнему хозяйству, довольно скучная и неприятная, выполнялась ими

по очереди и они старались поскорее от нее отделаться. Гриша усердствовал над постройкой своего шкафа. Единственно, кто отравлял наше существование — это хозяйка дома, жившая в том же дворе. Она почти ежедневно приходила к нам поучать Анюту, как вести хозяйство, как варить, из чего варить, взяла под контроль молодую чету и их хозяйство. А тут на наше несчастье она как-то пронюхала, что мы готовим обед сообща. Больших трудов стоило как Анюте, так и Грише убедить хозяйку, набожную еврейку, что все готовится не из трефных продуктов, что они как евреи не принадлежат к той молодежи, которая не соблюдает закона своих отцов, наоборот, мы, их квартиранты, предпочитаем кушать еврейское мясо, так как оно более свежее. Эта дама попортила нам много крови, отнимая драгоценное время своей болтовней.

К осени работа как в организации, так и в типографии расширилась, и мы все заказы при нашем наличии работников выполнить не могли. Приходилось даже некоторые заказы на брошюры откладывать в долгий ящик. Так, например, рукопись В. Г. Короленко под заглавием «Дом № 13», где рассказывается об ужасах во время еврейских погромов в Кишиневе, не удалось напечатать. На беду еще мои помощницы стали выбывать из строя одна за другой. В ноябре моя жена, которой вскоре предстояли роды, уехала в Казань к своей матери. Предстояли роды и Анюте.

Ясно стало, что дальше нельзя выполнять такие большие требования на литературу, которые предъявлялись к типографии, для этого надо было реорганизовать типографию, расширить столярную мастерскую, приискав подходящее помещение. Казалось также нецелесообразным, что доставку бумаги и выноску напечатанного производили мы же.

Однажды при такой выноске со мной произошел случай, который чуть не вызвал провал типографии. В ноябре 1903 г. мне с Гришей нужно было отнести на передаточную квартиру большое количество литературы. Нагрузившись и подвязав литературу полотенцем под пиджаки и пальто, мы потащились. Вечером навалило много снега. Было темно, хотя кое-где горели фонари. На нашем пути был мост через большой овраг. Подходя к этому мосту, я почувствовал, что узел полотенца, которым была привязана литература, развязывается, и все содержимое сползает вниз. Тихонько сообщив об этом Грише, я ухватился руками за живот, поддерживая содержимое, и посоветовал Грише скорее уходить подальше от меня. Парень растерялся. Проходящая мимо публика стала оглядываться. Тогда я громко начал упрекать Гришу, что напрасно он меня потащил в гости, зная, что желудок мой не в порядке, и стал спускаться в овраг под мост, надеясь, что Гриша поймет и оставит меня, ведь необходимо было отделаться от него, ибо в случае, если меня кто застигнет, когда я буду перевязывать на себе литературу, и вздумает задержать, арестуют только меня. Я же жил по фальшивке и мне достаточно сказать первую попавшуюся на ум фамилию, и типография будет спасена. В случае же ареста Гриши — пропало все. Не успел я распатрониться под мостом, смотрю — лезет Гриша. Пришлось обругать парня, но на наше счастье все сошло благополучно, проходящая публика не обратила на нас внимания.

После этого случая купили полотна и сшили специальные мешки, которые подвешивались через плечо и завязывались пришитыми завязками.

Вскоре вместе с нами стал работать наборщик Саша, который не выходил из комнаты по целым неделям. Но, несмотря на наличие двух мужчин, особенно Саши — профессионального наборщика и Гриши, который к вечеру бросал свой верстак, брался за валик и помогал мне печатать до поздней ночи, в организации чувствовался большой недостаток литературы. Секретарь Екатеринославского комитета, навещая нас, ставил вопрос об увеличении выпуска листков. Но при данной обстановке ничего

нельзя было сделать. Я несколько раз возвращался к мысли об устройстве лавочки, подобной нижегородской, но этот план мне осуществить не удалось, так как меня вскоре отозвал из Екатеринослава в Москву «рыжий Макар» — Виктор Павлович Ногин.

3. В Москве

Было начало 1904 г., когда я очутился на явочной квартире Московской организации большевиков. Здесь мне сообщили, что дела с организацией тайной типографии обстоят неважно; для будущей типографии имеется лишь квартирный хозяин с женой, но ни шрифта, ни станка пока еще нет, а наборщика дожидаются: он уехал в Вильно, где надеется приобрести все нужное. Оборудовать типографию на сколько-нибудь широких началах рассчитывать не приходилось ввиду отсутствия средств у организации, которая была ослаблена в тот момент арестами активных ее работников. Картина получалась самая безотрадная. Предложили мне поехать в Смоленск и постараться там добыть все необходимое для типографии.

По указанным адресам в Смоленске шрифта не оказалось. Пришлось отправляться в Вильно, где тоже не было запасов, и мне предложили ждать. Все же в течение недели мне достали пуда полтора — два разного шрифта из различных типографий, но зато необходимых принадлежностей — верстатки, линеек, шпон не было. Примирившись с этим, я поехал обратно в Москву. Тем временем мои товарищи сняли квартиру для типографии на Плющихе, в церковном дворе. Помещение было более чем неподходящее для работы ввиду его изолированности от других построек и от уличного шума, который был нам необходим для отвлечения внимания посторонних от грохота, производимого при печатании. Дети, игравшие в церковном дворе, назойливо заглядывали в окна. Решили на этой квартире прожить недолго, не более месяца, чтобы выпустить хотя бы один листок, который, насколько мне помнится, был обращением к рабочим, объясняющим причину начавшейся войны с Японией.

Здесь я познакомился с секретарем Московского комитета Николаем Эрнестовичем Бауманом (под именем Ивана Сергеевича), недавно присланным для партработы в Москву и Московскую промышленную область. Первый раз по приезде в Москву я встретил человека, который вплотную заинтересовался типографией и ее положением. А в смысле оборудования положение было действительно плачевное. Первый листок, набранный мною в самодельной деревянной верстатке, без шпон и линеек, причем еще не хватало очень многих букв, особенно заглавных,— вышел уродливым. В дальнейшем надо было думать о подготовке первомайской литературы. Тут товарищ Бауман помог своими связями. Через служащего земской управы из Твери было привезено фунтов 20 шрифта и недостающие буквы.

Я развил перед товарищем Бауманом план работы в типографии на основании прошлого опыта, особенно подчеркивая необходимость абсолютной изолированности техники от остального организационного аппарата партии. Николай Эрнестович полностью согласился с моими соображениями.

Так как квартира в Плющихе была неудобна для дальнейшей работы, то начались поиски новой. Она была найдена в районе Таганки, в двухэтажном доме, над громадным залом, предназначавшимся для сдачи под балы и вечеринки. Товарищ, подыскивавший квартиру, соблазнился тем, что мы будем изолированы от соседей, но не учел, что пустой зал даст громадный резонанс не только от работы на станке, но даже и от ходьбы

по комнате. Хозяин дома, живший исключительно на доходы с квартир, торчал целый день дома, рассматривал свои владения и, как особо доходную статью,— громадный зал с роялем и дюжиной стульев, с которых хозяин счищал тряпочкой пыль, не давая нам возможности приступить к работе. Ввиду невозможности работать здесь и отсутствия у Комитета в настоящий момент денег на содержание хорошей типографии, Н. Э. Бауман счел необходимым временно прекратить работу. Он дал адрес явочной квартиры, чтобы обсудить вопрос, куда убрать шрифт и другие части типографского оборудования.

На явочной квартире встретил я только одного Баумана, повторившего, что у Комитета сейчас не только нет средств на содержание типографии, но оборвались и связи с заводами, что, однако, не значит, что надо складывать оружие, необходимо лишь временно сжаться и во что бы то ни стало выпустить майский листок, распространить его собственными силами и этим дать знать, что парторганизация жива, что она существует.

И вот дело дошло до такого «сжатия», что я вселился с типографией в квартиру Баумана, который сам жил без прописки у своей жены Надежды Константиновны Медведевой на Красносельской улице, в доме № 39, в подвальном этаже. Квартира состояла из двух маленьких комнат и темной кладовки. Эту кладовку мы и превратили в типографию. Именно в этот момент я полностью осознал, в каком отчаянном положении находится Московская большевистская организация, если тов. Бауман, член Центрального Комитета, присланный в Москву большевистским центром, В. И. Лениным, вынужден поместить типографию там же, где укрывается сам.

Первомайский листок все же был мною набран и отпечатан на простой рамке. При печатании помогала жена Баумана Надежда Константиновна. Одновременно с работой по подготовке майского листка мне удалось завести связи с несколькими заводами благодаря моему знакомству с иваново-вознесенским рабочим И. Г. Барышниковым, у которого еще в 1902 г. я пользовался ночевками. Время от времени он посылал меня на ночлег к В. Краснову. Вокруг Краснова и Барышникова группировались рабочие заводов. Из них особенно выделялись своей активностью И. Ф. Серов и С. А. Чукаев. Но они считали, что рабочим нужна экономическая, а не политическая борьба, и сбить их с этой позиции я был не в силах. Несколько раз я говорил тов. Бауману о возможности использования этих людей для выполнения технических заданий, но он им не особенно доверял. Все же он разрешил мне возобновить на свой страх и риск знакомство с ними. Мне удалось убедить жену Баумана пойти вместе со мной на одно из их собраний, происходившее на квартире Чукаева. В дальнейшем с ее помощью, после нескольких бесед, проведенных с этими рабочими, удалось организовать большевистскую группу из представителей рабочих с разных заводов, а к концу мая на массовки собиралось уже 30—40 человек.

Я и Бауман продолжали жить под одной крышей с типографией. Это было рискованно, и мы решили разъехаться. Я написал своей жене, чтобы она приехала из Казани в Москву.

После некоторых поисков Надежда Константиновна нашла подходящую дачу в Зыкове, а я — квартиру для типографии в этом же районе, на 2-й Вятской улице, за Бутырской заставой. Бауман в это время достал для меня крестьянский паспорт на мужа и жену. К сожалению, в этом паспорте мужчине было 19 лет, а женщине 21 год, тогда как мне было 30 лет. Единственно, что нас утешало, это то, что паспорт был настоящий.

Официально я числился каким-то агентом. Большие денежные за-

труднения переживали мы тогда, перебиваясь кое-как, изо дня в день. Из-за отсутствия средств приходилось в ущерб всякой конспирации ходить друг к другу, делиться грошами.

Наша квартира состояла из двух маленьких комнат и кухни. Мебель была куплена на толкучке. Чтобы заглушить звуки от печатания, товарищ Бауман достал у какого-то врача швейную машину и приходившая к нам его жена усердно на ней работала. В то время мы выпускали не более трех тысяч экземпляров листовок. Материалов же для разоблачения царизма было более чем достаточно. Полицейский патриотизм, собиравший дворников и разное отребье для манифестаций, подогревал военный угар; необходимо было разъяснить, для чего чуть не ежедневно отправляются эшелоны с пушечным мясом на поля далекой Манчжурии.

Но наша работа в этой квартире приходила к концу. Печатать в неприспособленной квартире одному с женой, имея маленького ребенка, было очень трудно даже с помощью приходившей к нам ежедневно жены Баумана. Несмотря на все трудности, мы продолжали работу до тех пор, пока не стали замечать, что за Бауманом идет слежка; это значило, что ему надо скрываться. Не помню точно, но, кажется, в первых числах июля приходит ко мне Надежда Константиновна и просит придти к ним вечером поменяться костюмами с Бауманом, чтобы дать ему возможность утром выйти из квартиры в виде рабочего, так как он сидит дома уже двое суток и шпики не отходят от дома.

С наступлением сумерек я отправился к ним. Действительно, около квартиры стояла пара подозрительных типов. Переодевание совершилось в несколько минут. Вместо моего пиджака и фуражки Николай Эрнестович предложил мне демисезонное пальто и мягкую шляпу. Свой же костюм он решил сохранить и вынести его, чтобы в случае удачного исчезновения переодеться и сбросить рваное. Подкрепились на дорогу тарелкой супа и чаем, учитывая, что придется отделываться от шпиков. И действительно, когда я выходил из квартиры, подозрительных личностей было уже больше. Они стояли не только на улице — у парадного хода, но и у огорода. По совету Надежды Константиновны пошел через огород. Вышел за калитку. Вижу: отделяются две фигуры и идут за мной. Прибавляю шагу, они тоже. Положение неважное: жаркий июльский вечер, пальто и шляпа не по росту большие, связывают мои движения. Позади огородов направляюсь к Бутырской заставе. Убедившись, что в расчет шпиков не входит меня задерживать и арестовывать, что они лишь выслеживают, начинаю петлять, перебегая из переулка в переулок. Окраина заселена преимущественно рабочими, спать ложатся рано. Тишина. Только слышен топот трех человек: убегающего и догоняющих. Уже начинает светать, а погоня продолжается. Не помню, сколько раз я пробежал по 2-й Вятской, чтобы нырнуть в ворота своей квартиры незамеченным, но мои борзые начинают слабеть, и постепенно звуки их шагов отдаляются. Делаю последний круг и перед 2-й Вятской улепетываю вовсю. На этот раз мне удается спокойно войти во двор незамеченным.

Около 12 часов во дворе появляются два полицейских чина и два моих ночных «приятеля». Вызывают дворника с книгой и идут по квартирам, доходит очередь и до меня. Квартира — в две комнаты с кухней, мебель: две кровати и два стола, четыре табуретки, все подозрительное убрано, убраны и пальто со шляпой, на окне наклеена записочка, что сдается комната. Жена стирает белье, а я сижу с ребенком. Я уже забыл теперь, какая по паспорту была моя фамилия, но помню, звали Андреем Федоровичем.

Спрашивают:

— Чем занимаешься?

— Пока без работы, недавно приехал в Москву.

— Кто к вам ходит?

— Знакомством еще не обзавелся, и ко мне никто не ходит.

— Нет ли у вас знакомого или, может быть, видели, к кому здесь приходит мужчина в черном пальто и черной шляпе.

— Ко мне до сих пор никто не приходил, и я не замечал, чтобы к кому по такой жаре ходили в пальто.

Заглянули во все углы, подозрительного ничего не нашли. После их ухода мне стало ясно, что Бауману выбраться не удалось. Оказалось, что сыщики с полицией прошли из дома в дом всю 2-ю Вятскую.

Других связей с Комитетом у меня не было. Я знал одну явочную квартиру у зубного врача, но в ближайшее время пойти не мог, так как хотя обыска у меня и не сделали, но у ворот дежурил шпик и ходил за мной по пятам, удирать от него — значило навлечь подозрение; могли сделать обыск, а у меня в сундуке лежали не только пальто со шляпой, но и типография. Пришлось ходить к заводским и фабричным воротам в поисках работы, чтобы шпик убедился в моей благонадежности. Деньги все вышли, швейную машину пришлось сдать в ломбард,— это была единственно ценная вещь в квартире.

Через несколько дней, когда шпик перестал дежурить у ворот, пошел на явочную квартиру к зубному врачу со старым паролем. Но тот и слушать не хотел моего пароля и выпроводил меня вон. Остались Серов и Чукаев, которым я объяснил создавшееся положение. Решили, во-первых, убрать из квартиры типографию, а потом уехать в Тверь, где жил брат Чукаева — землемер. Он работал в партийной организации и должен был помочь мне установить прерванную связь с Московской организацией.

В ближайшее воскресенье ко мне пришли Серов и Чукаев с пивными бутылками в карманах. Окна были раскрыты. Началась выпивка. Пошумели с часок, подвязали шрифт под рубашки, одели пиджаки и вышли, покачиваясь словно пьяные. Пропутешествовав так раза два, очистили квартиру от типографии. Шрифт и типографские принадлежности перетащили к Чукаеву, запоковали в ящики и зарыли в дровяном сарае.

В Твери Александр Чукаев достал адрес и пароль в Москву, к товарищу Аралову, на 2-й или 3-й Тверской Ямской. На мое счастье, у Аралова я встретил товарища Землячку. Рассказал им о последних событиях и о положении с типографией. Землячка заявила мне, что до осени не может быть и речи о восстановлении типографии, так как нет ни людей, ни средств, и предложила ехать в Петербург, так как там требовались наборщики.

Приезжаю в Петербург. Оказывается, наборщик уже нашелся и работает. Ничего не оставалось делать, как снова поехать в Тверь. Там при посредстве товарищей найти какую-либо работу на заводе или в мастерской и выждать лучшего положения в Москве, в надежде, что зарытая мною типография должна же когда-нибудь работать. Из Твери даю знать москвичам, что живу здесь и дожидаюсь, когда придут лучшие дни, чтобы начать работу.

Наконец, осенью получаю письмо, в котором зовут меня приехать в Мытищи, в рабочую больницу и спросить фельдшерицу (имени не помню, в шутку товарищи называли «косоглазенькой»). На квартире у этой девицы собрались пять человек. Мне был задан вопрос, сколько должна будет стоить типография. Недолго думая, зная, что в Москве ничего нет, а денег тем более, заявил, что будет стоить рублей 50 в месяц,

если буду работать один с женой. Типография будет удовлетворять тот минимальный спрос на литературу, которую выпускали до ареста Н. Э. Баумана.

Итак, было решено восстановить технику. Пришлось написать фальшивку на пустом бланке, чтобы прописаться и поселиться в найденной для типографии квартире на Каланчевской улице, против Николаевского вокзала (сейчас Ленинградский вокзал). Громадное движение ломовых извозчиков с раннего утра до позднего вечера и производимый ими грохот давали возможность работать без стеснения. Но все-таки работа мало спорилась из-за отсутствия наборной кассы. Каждый раз нужно было развертывать отдельные сверточки и раскладывать буквы по порядку. Не было типографской краски. Приходилось делать ее из олифы и голландской сажи. Проще было бы купить готовую типографскую краску, но не было уверенности, что ее продают свободно, без требования легальной типографии. Из-за маленького ребенка у жены оставалось мало свободного времени, а у меня одного печатание шло медленно, так как мне самому приходилось отрываться по организационным делам — восстановлению связей московской парторганизации с заводами; положение типографии в этот момент было плачевным. Я вспомнил, что перед своим арестом Н. Э. Бауман все толковал о каком-то товарище Прозорове, который хотел и мог бы помочь в организации подпольной типографии. Адреса Прозорова Бауман, очевидно, не знал и сказал, что его можно разыскать через служащего земской управы. Этого служащего, с которым меня познакомил Бауман, я видел только один раз. Через него я однажды достал фунтов 20 шрифта, но фамилии его не знал. Пришлось простоять несколько дней около земской управы, чтобы при выходе поймать его и переговорить с ним. Этот товарищ отнесся ко мне довольно доверчиво (он не знал еще об аресте Баумана) и сообщил мне адрес Прозорова.

В это время наша типография находилась уже за Бутырской заставой, на 2-й Вятской улице. Для работы она была крайне неудобна, но средств на лучшую пока не было. Правда, имелись уже некоторые технические достижения: сделали наборную кассу, краску покупали сами для первой попавшейся вымышленной типографии.

Познакомился с Борисом Алексеевичем Прозоровым. Это был человек без определенных занятий, когда-то учился в реальном училище, но за что-то был исключен из шестого класса, некоторое время работал на Коломенском заводе, а когда началась русско-японская война — бросил работу, дожидаясь, что возьмут в армию. Когда я его разыскал и сказал, что я знакомый Ивана Сергеевича (Баумана), он принял меня очень радушно. Через некоторое время я ему напомнил о его желании, высказанном Бауману, работать и помогать материально типографии. Он этого не отрицал и подтвердил, что если помощь нужна, то он с удовольствием пойдет работать. В это время он уже был призван на военную службу и зачислен прапорщиком запаса в Московский гарнизон. Эта комбинация нам улыбалась: совершенно «чистый» человек в мундире прапорщика. Я его свел в типографию и показал, в каком незавидном положении она находится.

Тем временем события в стране развивались быстро. Царская армия, вместо того чтобы, как иные хвастали, «закидать японцев шапками», при каждом столкновении терпела поражение. Беспрерывные мобилизации и отправка солдат на Дальний Восток, обратные поезда с ранеными — все это революционизировало рабочую массу. Приток средств в партийный комитет увеличивался, увеличивались и требования на агитационную литературу.

Мы с товарищем Прозоровым сочли целесообразным снять две квартиры в одном доме, чтобы нас разделяла лишь лестничная площадка. После некоторых усилий удалось найти такие квартиры на Остоженке, в только что выстроенном доме, никем еще не заселенном. Предъявили Комитету партии требования на двух лиц — мужчину в качестве денщика к Прозорову и женщину в качестве жены или хозяйки. «Жена» нашлась в лице курсистки Высших женских курсов Марии Михайловны Кеснер, а в качестве денщика — матрос Ведерников, нелегальный, сбежавший с военной службы.

План работы был таков. Квартира Прозорова должна быть абсолютно «чистая». В квартире, где жил я с женой и ребенком, должна производиться работа. Причем основными работниками были — я, так называемый денщик, и Мария Михайловна Кеснер. Жена готовила обед, денщик ей помогал, время от времени выходя во двор за дровами или поболтать с дворником. Типография наша в это время заработала во всю — с утра до позднего вечера. И все же она не могла удовлетворить громадного спроса на агитационную литературу. Московский комитет, имея денежные средства, решил увеличить ее производительность и даже предлагал достать печатную машину «американку». По моим соображениям, надо было в первую очередь создать для машины реальную обстановку в виде торгового предприятия или чего-нибудь в этом роде, чтобы возможен был ввоз бумаги и вывоз напечатанного. В декабре 1904 г. тов. Прозоров купил лошадь и экипаж. Лошадь находилась у его брата — доктора, и «денщик» Прозорова по мере надобности приходил к доктору, запрягал лошадку, отвозил или привозил необходимый материал. Однако нам не хватало самого главного — паспортов. Комитет не мог достать для меня не только настоящего паспорта, но даже приличной копии. Все время я жил по фальшивкам и поэтому часто вынужден был их менять. Со сменой паспорта приходилось менять квартиру. Обзаводиться же типографской машиной в данной обстановке я считал невозможным хотя бы потому, что машина весит десятки пудов, да к тому же и шрифт весил довольно много.

Ранней весной 1905 г. я убедил своего приятеля С. А. Чукаева устроить типографию в квартире сестры его матери, за Крестовской заставой, в деревянном домике, состоящем из трех маленьких квартир. В одной квартире жил он с матерью, а другие две занимали какие-то рабочие. Это помещение было удобно для типографии тем, что на громадном участке земли находился лишь один этот домик, кругом огороженный забором, а со двора было три выхода в разные стороны. Чукаевы согласились выселить квартирантов и предоставить две комнаты нам. Здесь работа хорошо развернулась. Печатали не только прокламации по злободневным вопросам, но и специальные статьи по подготовке к III съезду партии. Тем не менее наше благополучие продолжалось здесь недолго и, что хуже всего, по нашей собственной вине.

В конце июня или в начале июля у нашего забора собралась летучка с какой-то фабрики — человек около ста. Начались речи. Я в это время был в городе. Товарищи, работавшие в типографии, услышав митинговые речи, вышли во двор послушать, а послушав, расчувствовались и не нашли ничего лучшего, как перебросить пачку наших листовок через забор. Когда я возвратился домой, митинг кончился, и мне ничего не оставалось делать, как поздравить товарищей с провалом типографии. Начались споры за и против. Поручили матери Чукаева зондировать почву у соседей, а те, как и следовало ожидать, отозвались о жильцах ее дома, как о подозрительных. Пришлось нам в срочном порядке «ликвидировать» хозяйство, налаженное с такими трудностями.

После этого была оборудована большая типография на Патриарших прудах (ныне Пионерские пруды). Хозяйка квартиры, в которой была размещена типография, была женой городского пристава, и к ней иногда заглядывали сослуживцы умершего мужа, что было очень удобно, так как никто не мог подумать, что у жены городского пристава пристроилась нелегальная типография. Правда, эта типография дорого стоила Московскому комитету партии, ибо приходилось всю семью содержать на партийные средства. В этой типографии работали: Михаил Иванович, Маруся, Лидия Александровна Молчанова, М. Е. Ежкин и его жена Алина Зиновьевна (оба они учились в высших учебных заведениях и помогали в свободное от учебы время).

Приблизительно в первых числах июля 1905 г. мне было передано заведывание всеми имевшимися у Московского комитета типографиями, причем на помощь мне был прислан нелегальный товарищ Александр Давидович Цируль. Дело наше к тому времени так расширилось, типография настолько выросла, что нами была напечатана брошюра в 18 страниц, извещение о третьем съезде партии, а также все резолюции съезда.

К сентябрю того же года, когда волна рабочего движения все более и более нарастала и требования на нашу литературу увеличивались не по дням, а по часам, решено было основную типографию на Патриарших прудах разделить на две с тем, чтобы в одной из них печатались специальные листки для солдат, для казарм.

В этих целях Прозоров снял квартиру около Кудринской площади, и, чтобы сразу приступить к работе, мы разделили шрифт и все необходимое для печатания. Таким образом начала функционировать типография около Кудринской площади (теперь площадь Восстания), в Конюшковском переулке; хозяйкой этой типографии была моя жена — Зоя Васильевна Иванова. Здесь предполагалось печатать «Рабочий листок». Кроме листовок, печатались брошюрки, устав партии, «Солдатская памятка» и пр. На этой же квартире было сосредоточено много шрифта и несколько рамок. В случае спешной работы рама с набором снималась и устанавливался вновь набранный листок, причем сам станок или каретка были сделаны размером в два листа простой писчей бумаги, что позволило набирать и печатать сразу несколько экземпляров. Подбор работников был очень хороший.

Настало время, когда, несмотря на наличие трех типографий, мы не могли удовлетворить спроса районов Москвы на литературу, и перед Московским комитетом партии встал вопрос о еще большем расширении своей полиграфической базы. Была даже сделана попытка (оказавшаяся неудачной) отлить стереотипы, чтобы получить возможность выпускать рабочую газету.

Убедившись, что на отливку стереотипов надежды мало, а требования на нашу продукцию все увеличиваются, мы решили еще больше децентрализовать существующие типографии и вместо трех создать четыре, надеясь получать от них большее количество оттисков.

Мне удалось уговорить товарища по Иваново-Вознесенску Барышникова снять квартиру по Лазаревскому переулку в доме Хлебникова, причем товарищ согласился не только быть хозяином этой новой типографии, но и вплотную работать в ней. Все работали усердно, с временем не считались, каждый из нас хорошо сознавал, что, возможно, не сегодня — завтра придут и прихлопнут, тогда для отдыха будет достаточно времени в тюрьме.

Несмотря на четыре типографии, районы опять-таки недостаточно удовлетворялись литературой. Так, например, в октябре на собрании Московского комитета выяснилось, что особенно обиженными недостатком

литературы считали себя Замоскворецкий и Рогожский районы. На этом собрании мне вручили адрес студента товарища Кустова, который с удовольствием возьмется организовать еще одну типографию. Я должен был приготовить для него станок и типографские принадлежности. Действительно, товарищ Кустов согласился приискать подходящую квартиру для типографии и подобрать работающих, но просил наладить ему это дело, так как сам он первый раз берется за него и не знаком с ним. Товарищ Кустов снял квартиру в районе Пресни, около Горбатого моста. Мы своевременно снабдили его станком и типографскими принадлежностями, откомандировали специалиста — наборщика Васю Майорова для обучения набору. Эта типография — пятая по счету типография Московского комитета — работала очень исправно до самого декабря — до дня восстания и в самые дни восстания. Вооруженная борьба продолжалась около одиннадцати дней и окончилась поражением рабочего класса. Во время баррикадных боев погибла одна из подпольных типографий вместе с работавшим в ней товарищем Кустовым. Итак, в ноябре 1905 г. в Москве у большевиков имелось уже пять типографий, в среднем каждая из них давала около двух тысяч листков в день.

Как же все типографии снабжались бумагой и выносили напечатанное? Выше я упоминал, что у Прозорова была лошадь, которая стояла у его брата — доктора. Техническому аппарату Московского комитета очень много помогал Алексей Яковлевич Мишуков — студент Высшего технического училища, мать и старший брат которого имели мастерскую церковной утвари. У Мишуковых тоже была лошадь. Из-за отсутствия хороших паспортов и вообще из конспиративных соображений нам часто приходилось менять квартиры, а при въезде в новую квартиру вместе с квартирной обстановкой вывозилось со склада несколько пудов бумаги. Бумага обыкновенно закупалась большими партиями для вымышленной типографии, и тут Мишуков наряжался извозчиком, а я закупал бумагу, и везли мы это к нему в сарай. Кроме склада бумаги у Мишукова, я имел возможность брать бумагу со склада Страхового общества от огня. В этом страховом обществе работал мой знакомый Н. О. Слуховской, сочувствующий рабочему движению. Он знал, что я работаю в качестве техника Московского комитета и по возможности помогал мне. Однажды он сообщил мне, что к ним на склад поступила громадная партия разнообразной бумаги, которая продается дешевле, чем в магазинах, ввиду того, что она вывезена со складов какой-то писчебумажной фабрики, где был пожар, и часть этой бумаги была подмочена. Я пошел с ним на этот склад в Сокольники. Оказалось, действительно, очень много бумаги всевозможных сортов и размеров, а главное, что можно было отобрать любое количество ее. Мишуков на своей лошадке приезжал сюда, и мы везли бумагу в сарай, а оттуда по назначению.

С выноской напечатанного было хуже. В большинстве случаев выносили на себе, в специально сшитых мешках, которыми обертывались или подвешивали их через плечи, чтобы они не сползали. Иногда литературу выносили в корзинах или сумках, с которыми домашние хозяйки ходят на рынок, в лубочных картонках для платья — из той типографии, где жила «портниха», а если были маленькие дети, то укладывали свертки в детские коляски и в назначенных местах, встречаясь, передавали содержимое. Если приходилось вывозить большое количество, то время от времени запрягали лошадку Прозорова или Мишукова в легкие санки и под видом отъезда на вокзал вывозили литературу в корзинке и в виде свертка в одеяле. Правда, не всегда имелась возможность соблюдать правила конспирации.

Нужно сказать, что для товарищей, работавших в типографиях, не

было секретом, что делалось за стенами их подполья, хотя часть из них и сидела по неделям, не показываясь на улицу, другая часть, если и ходила «на службу», то старалась вести себя, как обыкновенные обыватели. В эти последние три-четыре месяца до начала восстания все, кто хоть чуть-чуть мыслил, видел, что не только Москва, но и вся Россия переживает исторические дни. Манифест 17 октября, хотя и куцый, но вырванный у самодержавия благодаря всеобщей российской забастовке, после первых же дней начал сводиться к нулю: организация и вооружение черной сотни, разгон митингов и собраний, преследование стачечного движения, арест Петербургского Совета рабочих депутатов,— все эти явления не проходили мимо ушей и работников подполья. Для каждого мыслящего человека было ясно, что обуздать реакцию сможет только рабочий класс вооруженной рукой. В пяти типографиях Московского комитета работали десять мужчин. В их готовности идти сражаться не приходилось сомневаться. Наоборот, их приходилось убеждать, что на техническом аппарате лежат свои обязанности, которые они должны выполнять хотя бы потому, что па время уличных боев пять типографий Московского комитета были подразделены и прикреплены к отдельным районам, чтобы печатать и распространять короткие заметки, полученные из штаба, о развитии и ходе уличных боев. Шестая типография (Центрального Комитета на Лесной ул.) должна была печатать постановления Совета Рабочих Депутатов.

Было организовано собрание представителей всех типографий, в том числе и представителя типографии Центрального Комитета. Оно происходило на явочной квартире около Бутырской тюрьмы. Секретарь Московского комитета распределил между нами обязанности. Правда, на практике сведения запаздывали и теряли свою ценность или совсем не получались из-за трудностей передачи во время боев и частой перемены обстановки сражения. Но все же товарищи подчинились решению Московского комитета, и лишь четверо наотрез отказались сидеть дома и исполнять порученную работу; они влились в боевую дружину.

Секретарю Московского комитета было предъявлено требование на оружие от имени товарищей, работающих в подпольных типографиях. Оно было нам необходимо не только для баррикадной борьбы, но и для самообороны во время выноски напечатанного, ибо в те дни по переулкам довольно часто приходилось натыкаться на патрули не только в солдатской одежде, но и в штатском. Они останавливали прохожих и обыскивали, как это случилось с товарищем Кустовым, который был убит за то, что у него оказалась пачка прокламаций.

После поражения вооруженного восстания как для всей партии, так и для технического аппарата Московского комитета наступили черные дни глубокого подполья. За несколько месяцев всеобщего революционного подъема привыкли к широкому размаху; конспиративная дисциплина как-то сама по себе снизилась в надежде, если не на свободное существование партии, то хотя бы на полулегальное. Повсеместное введение военного положения и разгул реакции вынуждали еще глубже зарыться в подполье.

Чтобы избежать преждевременных провалов, товарищам, работающим в тайных типографиях, и ранее приходилось порывать всякую связь как с организационным аппаратом, так и с кружками самообразования. Эта отчужденность от живого дела и самозакупоривание в четырех стенах постепенно сужали кругозор товарищей. Ведь в такой обстановке все мысли были направлены лишь на издание литературы и на всевозможные предосторожности от провала как самого себя, так и того дела, которому мы отдавались. «Техника» — это часть организации, отрезанная от всего живого, она должна удовлетворяться только глубоким сознанием своей полезности и необходимости работать для данной организации. Ра

ботать приходилось по 14—15 часов в сутки, а иногда и все 20, в душных помещениях, порой без дневного света. Это был однообразный и изнурительный труд без свежих впечатлений. Одни и те же лица, при постоянном ожидании, особенно с вечера, что вот-вот придут жандармы и прервут нужную работу.

Вследствие изолированности от текущей жизни, сидя за стенами, товарищи, работавшие в подпольных типографиях, постепенно выдыхались, мельчали, их нервы расшатывались, и начинались дрязги из-за пустяков. Продуктивность работы при таком состоянии, конечно, очень падала.

Вот почему этими товарищами, работавшими в подпольных типографиях, не раз поднимался вопрос о том, чтобы им дали лектора; время от времени им делали доклады о положении в партии, вообще давали объяснения по интересующим вопросам, чтобы не чувствовать себя оторванными от партийной массы. Эти законные требования, однако, упирались в недостаточное наличие лекторов у организации, особенно «чистых», за которыми не было «хвостов». Кроме того, собираться на квартирах по 15—20 человек, которые работали в то время в московских типографиях,— это значило идти на верный провал после нескольких таких собраний. При совместных собраниях из нескольких квартир товарищи во время разговоров узнавали фамилии, адреса, место работы друг друга. В случае ареста и при наличии хоть одного неустойчивого товарища были возможны провалы, что впоследствии и случалось.

Помню, что требования работников типографии увеличились после собрания, происходившего еще весною 1905 г., во время выборов делегатов на третий съезд партии, где присутствовало по одному человеку от каждой типографии. Кто-то поднял вопрос, почему от технической группы не выставили ни одного кандидата. Кто-то ответил, что от этой группы не имеет смысла выставлять, так как в них работает самый отсталый элемент.

Это необдуманное заявление, конечно, взбудоражило всю группу. Ведь каждый выставленный кандидат перед голосованием должен был высказаться перед выборщиками по программным вопросам, изложить свой взгляд на тот или иной вопрос, поставленный на съезде. Во время выступления товарища можно определить, достоин он быть посланным на съезд или нет, и этим избежать никому не нужного оскорбления.

В 1905—1906 гг. постоянными работниками, что называется, костяком в типографиях, являлись следующие товарищи: Б. А. Прозоров с женой, М. М. Кеснер, А. Д. Цирюль, Вася Майоров, Лидия Молчанова, матрос под фамилией Ведерников, И. Е. Пластунов, Н. А. Прилуцкий, П. Г. Барышников, Кустов, погибший во время декабрьского восстания, и пишущий эти строки. Из них без прописки жили шесть человек, четверо — нелегальных, не имевших хороших паспортов, и два — московских жителя, которые имели свои семьи в Москве: это — Саша, наборщик в квартире Барышникова, и Титов, впоследствии оказавшийся провокатором. Эти шесть человек выходили на улицу два-три раза в месяц лишь для того, чтобы сходить в театр или в баню. Исключение было сделано для товарищей Цируля, Майорова и Ведерникова, проработавших более года и являющихся очень ценными работниками; их приходилось щадить и давать возможность побывать в другой обстановке: в других типографиях под видом налаживания дела или помощи в работе, а на самом деле, чтобы, что называется, проветриться, побеседовать с другими товарищами.

До вооруженного восстания, во время все подымающейся революционной волны, товарищей удавалось отвлекать под тем или другим

предлогом от их требований на лектора или докладчика, но после поражения декабрьского восстания, во время наступившей реакции, работникам в типографиях стало особенно тоскливо сидеть по своим конурам. Они потребовали, чтобы хоть два раза в месяц им дали возможность собираться для бесед, заслушивания докладов. Пришлось доложить Комитету, который разрешил такие собрания.

О квартире для собрания я договорился с Чукаевым. Во всей его квартире целый день находилась одна старушка мать, свой человек. Эта квартира считалась абсолютно «чистой», использовалась мною только как склад технических принадлежностей.

До нашего ареста, который произошел 18 марта 1906 г., собрания состоялись три раза, причем присутствовали товарищи только из трех квартир: Ларионова, Ивановой и Барышникова. Прозоров не только сам отказался посещать эти собрания, но запретил делать это и товарищам, работающим в его квартире. Во время этих собраний, как и следовало ожидать, публика перезнакомилась. Квартиронаниматели жили под своими именами, и поэтому при желании их разыскать было нетрудно. Но ни за одной квартирой, ни за кем из работавших в них перед арестом никакой слежки не было. У нас Прилуцкий и Пластунов работали — один счетоводом в банке, а другой — статистиком в Северном страховом обществе. Возвращались домой аккуратно. Участие их во время декабрьских боев тоже сошло более чем гладко, что подтверждается показаниями у судебного следователя городского пристава этого участка С. А. Ачкасова, принимавшего участие в аресте, который в своем протоколе говорит: «Ранее этого дня я лично не получал никаких сведений о политической неблагонадежности обитателей названной квартиры».

Работа в типографии обыкновенно начиналась часов с восьми-девяти утра и продолжалась до часа-двух ночи. 17 марта, около пяти-шести часов вечера один из наших наборщиков Титов заявил нам, что ему необходимо пойти по личным делам и ночевать он не придет. Он попросил у Васи его пальто, так как его, Титова, пальто было неважное. По этому поводу мы пошутили, что, очевидно, Сережа отправляется на свидание и потому забраковал свое пальто. Во втором часу ночи одновременно раздался стук с черного и парадного ходов. Мы еще не спали и сразу поняли, кто стучит. Ивановой заявили, чтобы она не отзывалась на стук, пока не скажем. Сами начали жечь адреса и рукописи, компрометирующие других, которые попадались под руки. Предупредительные знаки с окон убрали. Не только эти знаки, но тюлевые занавески сорвали и забросили, чтобы сразу бросилось в глаза, что входить нельзя, особенно предостеречь хотелось Титова, а возможно, и Мишукова, который тоже обещал придти и принести изготовленный им цилиндр для стереотипов. Стук усиливался, проснулись и заплакали дети. Слышим, кто то дает распоряжение принести топор и лом, чтобы взломать дверь. Старушка, мать Ивановой, кричит сквозь дверь, что она не может отпереть потому, что не одета и куда-то засунула спички. А в это время у нас в комнате разложили настоящий костер, сжигали даже то, что можно было и не жечь. Но больше медлить было нельзя и Иванова открыла дверь.

Ворвались полицейские с криками:

— Руки вверх!

Наступила тишина. Вошли еще несколько полицейских во главе с жандармским ротмистром и человека два три в штатском. На вопрос об оружии мы ответили, что оружия нет; ощупали наши карманы. Затем спросили, показывая на станок и кассу со шрифтом:

— Кому все это принадлежит?

Прилуцкий и Пластунов, желая выгородить хоть Ивановых, ответили.

что они занимают эти комнаты и все, что здесь находится, принадлежит им.

— А что это за люди? — спросили полицейские, указывая на нас троих.

— Это наши знакомые заболтались, и за поздним временем мы им предложили ночевать. Вызвали из другой комнаты Иванову, вышла бабушка.

— Вы открыли здесь типографию без вывески?

Бабушка ответила полным незнанием. Жена в это время успокаивала детей, боясь, как бы они не выбежали из комнаты и не направились ко мне, к одному из «неизвестных гостей». Бабушка пошла к детям, жена вышла к нам. Все это время мы стояли с поднятыми руками под направленными на нас ружьями. Жене задали тот же вопрос:

— Как долго находится у вас в квартире типография?

Она ответила, что в первый раз это видит. Последовало распоряжение ротмистра — отправить Иванову в Бутырскую тюрьму. У нас троих не оказалось никаких документов, мы отказались назвать свои фамилии. После этого ротмистр дал распоряжение позвать еще несколько полицейских, чтобы отправить и нас в тюрьму, а нам предложил одеваться. Остальные чины производили опись благоприобретенного. А добра было много! Нашли разные мелкие брошюры и листки нашего производства, более десятка пудов шрифта и принадлежностей к ним. Вскоре прибыло подкрепление, и нас троих, как неизвестных лиц, отправили в Таганскую тюрьму. Пластунов и Прилуцкий остались для окончания обыска и составления протокола. Нас троих — меня, Цируля и Майорова — привели в Таганку около четырех часов утра. Как выяснилось позднее Прилуцкий и Пластунов были доставлены сюда же около девяти часов утра. Всех нас распределили в разные коридоры и этажи. Было невозможно состучаться, чтобы выяснить причины нашего провала. Как держать себя на допросах, мы договорились раньше: не отвечать ни на один вопрос, за исключением вопросов, касающихся квартирных хозяев, которых во что бы то ни стало нужно выгородить. Иванова должна говорить, что она ничего не знает, и валить все на квартирантов. Моя связь с Ивановой официально не была подтверждена, она носила девичью фамилию, и дети были записаны на нее.

Через несколько месяцев, после окончания следствия по делу тех московских типографий, участником и организатором которых я был на протяжении двух лет, удалось узнать, что эти типографии были выданы провокатором — наборщиком Титовым, который накануне нашего ареста ушел в город «по личным делам с ночевкой».

Пластунов и Прилуцкий, выпущенные до суда под залог на поруки, отправились к Титову с требованием, чтобы тот себя реабилитировал, так как товарищи подозревают, что он выдал типографии. Титов прямо заявил, что он давно служил в охранном отделении. После этого откровенного признания провокатор сумел скрыться.

На этом пока я обрываю свои записки о наших большевистских тайных типографиях.

СТАТЬИ

ЗАДАЧИ СОВЕТСКИХ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XX СЪЕЗДА КПСС

Л. И. ЯКОВЛЕВ

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза наметил грандиозную программу дальнейшего продвижения нашей страны к коммунизму. При разрешении важнейших перспективных проблем подъема народного хозяйства, технического прогресса и культурного строительства страны особенно велика и ответственна роль науки. На съезде партии уделялось большое внимание вопросам усиления идеологической работы. Серьезные задачи стоят в этой связи и перед нашими архивами и архивными органами.

Коммунистическая партия и Советское правительство придают огромное значение документальным материалам и их использованию в интересах советского народа. В первые же дни Великой Октябрьской социалистической революции был принят ряд мер по овладению архивными материалами правительственных учреждений, сословных и общественных организаций дореволюционной России. Вождь нашей партии и основатель Советского государства В. И. Ленин лично занимался вопросами архивного строительства. 1 июня 1918 г. он подписал декрет Совета Народных Комиссаров о реорганизации и централизации архивного дела, который положил основу советской централизации архивного дела в нашей стране: был образован Государственный архивный фонд и создано специальное учреждение для руководства им. В развитие и дополнение этого декрета в течение 1919—1920 гг. был издан еще ряд декретов, постановлений, также подписанных В. И. Лениным.

Этими декретами об архивном деле Советская власть показала, что революционный пролетариат, свергший власть буржуазии и помещиков, разбивая старый государственный аппарат, исключительно внимательно и бережно отнесся к документальному наследству страны, которое призвано было служить интересам трудящихся, интересам строительства социализма.

Впервые в истории трудящиеся стали обладать таким величайшим культурным сокровищем, как документальные материалы архивов, в которых отражается многовековая история нашей Родины.

В настоящее время в Советском Союзе создана стройная, научно-обоснованная сеть государственных архивов, в которых сосредоточено громадное количество документальных материалов Государственного архивного фонда. Особую ценность представляют документальные материалы совет

ской эпохи, раскрывающие историю Великой Октябрьской социалистической революции и опыт социалистического строительства в СССР. Их творческое использование имеет исключительно большое значение не только для нашей страны, но также для стран народной демократии и всего прогрессивного человечества.

Государственные архивы становятся научными учреждениями, их деятельность приобретает в современных условиях все возрастающую роль в жизни советского народа. С каждым годом расширяется всестороннее использование документальных материалов Государственного архивного фонда в целях разработки важнейших вопросов науки, культуры и техники, в политико-воспитательной работе.

Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство всегда придавали большое значение и уделяют много внимания вопросам улучшения работы архивных органов СССР. В дни подготовки к XX съезду нашей партии, 7 февраля 1956 г., Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств». В этом постановлении глубоко анализируется состояние архивов и намечается ряд важных мероприятий по улучшению работы советских архивных учреждений.

В постановлении Совета Министров СССР отмечается неупорядоченность режима хранения архивных материалов, находящихся в министерствах и ведомствах, и слабое их использование.

До последнего времени значительная часть архивных документов без достаточных оснований была засекречена и мало доступна для использования их учреждениями, ведомствами и научными работниками. Особенно это относится к документальным материалам периода Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и эпохи социалистического строительства. В ряде архивных учреждений был установлен очень сложный, ничем не оправданный бюрократический порядок допуска исследователей к работе над документальными материалами.

На XX съезде партии справедливо отмечалось, что научно-исследовательская работа по изучению истории советского общества является в настоящее время одним из отсталых участков идеологической работы. Советская историческая наука все еще недостаточно, а иногда неправильно и поверхностно разрабатывает важнейшие вопросы истории и особенно истории советского общества. До сих пор у нас нет капитальных марксистских трудов по советскому периоду.

Одной из причин отставания советской исторической науки от предъявляемых к ней требований является недооценка исторических источников, архивных материалов советского периода, отражающих руководящую роль Коммунистической партии и творчество народных масс в строительстве коммунистического общества.

XX съезд Коммунистической партии отметил, что Центральный Комитет совершенно правильно выступил против культа личности, распространение которого принижало роль партии и народных масс, приводило к недооценке коллективного руководства партии, порождало серьезные упущения в работе. Съезд поручил Центральному Комитету не ослаблять борьбы с пережитками культа личности и во всей деятельности исходить из того, что подлинными творцами новой жизни являются народные массы, руководимые Коммунистической партией.

Переоценка роли личности в истории отрицательно сказывалась и на работе научно-исследовательских учреждений и государственных архивов СССР. Многие важные документы, являющиеся результатом коллективного руководства и правильно отражающие политику партии, не во-

влекались в научный оборот и необоснованно засекречивались из-за того, что были подписаны лицами, впоследствии отстраненными от руководства, в то время как публикация таких документов и их использование исследователями могли бы сыграть важную роль в развитии советской исторической науки и особенно в научной разработке и изучении истории эпохи социалистического строительства. Вопрос об использовании таких документальных материалов в интересах советской науки научно-исследовательские учреждения и отдельные исследователи должны решать особо в каждом конкретном случае, в зависимости от содержания, исторического и политического значения документа.

Часть советских историков, несмотря на то, что за последнее время улучшены условия работы для исследователей в архивах, совершенно недостаточно использует документальные материалы при разработке важнейших проблем советской исторической науки. «Если бы наши историки,— говорил А. И. Микоян на XX съезде Коммунистической партии,— порылись хорошенько в архивах, исторических документах, а не только в комплектах газет, то они смогли бы теперь лучше, с позиций ленинизма осветить многие факты и события истории нашей Коммунистической партии, истории советского общества».

При всем значении ряда изданных сборников документальных материалов по истории советского общества, предпринятых Главным архивным управлением и Академией наук СССР, публикация исторических источников все еще отстает от требований жизни. Поэтому постановлением Совета Министров СССР Главному архивному управлению, Архивному управлению Министерства иностранных дел СССР, ТАСС и всем министерствам и ведомствам, имеющим архивы, предложено принять ряд мер, обеспечивающих всестороннее использование архивных материалов в народнохозяйственных и научных целях. Это поможет исследователям основательнее изучать факты, давать им истинную оценку, без лакировки и приукрашивания и поднять изучение истории на более высокий идейно-теоретический уровень. Советские историки-архивисты в творческом содружестве с историками и экономистами страны должны приложить все силы, умение и знания к расширению издания исторических источников и в первую очередь источников, освещающих возникновение и развитие первого в мире социалистического государства.

Огромное количество ценнейших документов сосредоточено в архивах министерств и ведомств. Эти материалы особенно плохо используются научно-исследовательскими учреждениями и исследователями в научных и народнохозяйственных целях. Советское правительство обязывает руководителей союзных и республиканских министерств и ведомств принять решительные меры по расширению и улучшению всестороннего использования документальных материалов в подведомственных им архивах. С этой целью должно быть предпринято систематическое издание путеводителей и справочников, а также описей и обзоров на те архивные фонды, которые имеют научное и практическое значение.

Значительная ответственность ложится на центральные и местные издательства, которые должны предусматривать в своих планах и своевременно издавать сборники документальных материалов и научно-справочной литературы, подготавливаемые государственными и ведомственными архивами.

Использование документальных материалов тесно и непосредственно связано с их упорядочением и обеспечением их сохранности. Однако многие руководители министерств и ведомств не проявляют необходимой заботы об архивах, находящихся в их распоряжении. Зачастую ведомственные архивы придаются хозяйственным управлениям и канцеляриям. Это

нередко приводит к тому, что важные архивные фонды не приводятся в порядок, хранятся в непригодных помещениях и подвергаются порче. Пришедшие в ветхое состояние документальные материалы не реставрируются. Архивы слабо укомплектованы кадрами. Для работы в архивах часто направляются лица, не оправдавшие или скомпрометировавшие себя на другой работе, не отвечающие по своей подготовке и деловым качествам необходимым требованиям.

Надо улучшить постановку дела в ведомственных архивах. Прямая обязанность руководителей ведомств обеспечить архивы помещениями, укрепить квалифицированными кадрами и создать необходимые условия для всестороннего использования документальных материалов.

На XX съезде Коммунистической партии Н. А. Булганин подчеркнул, какое большое значение для науки имеет систематическая и широкая информация о работах, ведущихся в данной и смежных отраслях знаний. «Наука,— сказал он,— не может развиваться без обмена мнениями. Однако по многим вопросам этот обмен затруднен из-за излишнего засекречивания материалов. Неразумное засекречивание приводит к параллелизму в работе, а иногда оберегает от научной критики недобросовестных работников».

Не случайно поэтому Советское правительство обязывает руководителей союзных и республиканских министерств и ведомств пересмотреть в подведомственных им архивах фонды, которые находятся на секретном хранении, и передать на общее хранение необоснованно засекреченные материалы и документы для всестороннего их использования. Это даст возможность шире развернуть информацию о тех или иных научно-технических данных и будет способствовать более успешному разрешению теоретических и практических вопросов, выдвигаемых задачами коммунистического строительства.

Архивы министерств и ведомств располагают ценнейшей технической документацией, мало доступной научно-исследовательским, планирующим и хозяйственным учреждениям и организациям, в то время как умелое использование этих документов может принести огромную экономию средств и сил. В связи с этим назрела необходимость централизовать хранение технической документации — создать специальный центральный государственный архив СССР.

Министерство внутренних дел СССР, на которое возложено руководство всеми архивными органами и государственными архивами страны, до последнего времени не уделяло должного внимания вопросам сохранности, учета и организации всестороннего использования документальных материалов архивов. Значительное число республиканских, областных и районных государственных архивов не имеет необходимых помещений, и поэтому долговременная сохранность в них документальных материалов по настоящему не обеспечивается, а министерство не принимало настойчивых и решительных мер к разрешению этого важного вопроса.

Особенно большую нужду в помещениях испытывают многие районные государственные архивы. В то же время известно, что в этих архивах концентрируются документальные материалы, которые являются ценным источником по истории политики Коммунистической партии в области социалистического переустройства деревни, создания крупных механизированных сельскохозяйственных предприятий и колхозов, совхозов и МТС, повышения производительности труда и неуклонного роста материального и культурного благосостояния народа.

Из-за отсутствия необходимых архивохранилищ, подготовленных кадров, нерешенности вопроса о составе фондов и правового положения районных и городских архивов в системе районных учреждений сохран-

ность и использование документальных материалов в ряде мест все еще неудовлетворительны.

Большую ответственность за постановку работы архивных органов и государственных архивов несет Главное архивное управление. В послевоенные годы государственные архивы были заняты в основном приведением документальных материалов в порядок и созданием научно-справочного аппарата к фондам. Однако эта работа до сих пор все еще не доведена до конца, и часть документальных материалов не упорядочена.

Недостаточно внимания уделяло Главное архивное управление вопросу сохранности документальных материалов. Часть зданий республиканских, краевых и областных государственных архивов совершенно не приспособлена к обеспечению долговременного хранения документальных материалов. Строительство новых и реконструкция существующих хранилищ ведется в крайне незначительных размерах. Особенно плохо обстоит дело в районных государственных архивах, большинство которых вообще не имеет необходимых помещений для хранения документов.

Работа по продлению жизни документов, особенно в местных государственных архивах, ведется очень слабо. В большинстве архивов реставрация и восстановление затухающих текстов вообще не проводится.

Научно-исследовательская лаборатория Главного архивного управления очень слабо разрабатывала основные вопросы реставрации и консервации документов, почти не исследовала методов борьбы с затуханием текстов и не внедряла опыт других учреждений в практику работы государственных архивов.

В настоящее время научной разработкой вопросов долговременной сохранности документальных материалов занимается ряд мелких лабораторий (Главного архивного управления, Академии наук, центральных библиотек и др.), которые, в силу их малочисленности и отсутствия квалифицированных кадров, не в состоянии разрешать сложные научные проблемы, стоящие перед ними. Целесообразно было бы создать специальный научно-исследовательский институт для разработки этих вопросов.

Главное архивное управление и местные архивные органы слабо организовали контроль за работой ведомственных архивов и действенность его незначительна.

Серьезным затруднением в работе архивных органов и государственных архивов является отсутствие типовой инструкции по текущему делопроизводству в советских государственных учреждениях. Все ведомства и учреждения имеют свои инструкции, по-разному организующие текущее делопроизводство. Между тем введение в действие типовой инструкции по текущему делопроизводству значительно сократило бы излишнюю бумажную волокиту во многих государственных учреждениях и облегчило бы работу архивных органов. Главное архивное управление, сознавая необходимость разработки и введения в действие такой инструкции, не ставило этот вопрос перед вышестоящими организациями.

Использование документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях до 1955 г. имело ограниченный характер. Большинство государственных архивов не оправдывало своего назначения научно-исследовательских учреждений, призванных не только хранить, но и использовать документы для успешного развития народного хозяйства и советской исторической науки.

За последнее время Главное архивное управление приняло некоторые меры, чтобы расширить и улучшить всестороннее использование документальных материалов и устранить все помехи в этом деле. Улучшились условия работы исследователей в читальных залах архивов. Упрощен порядок допуска исследователей к документальным материалам. В централь-

ных и местных государственных архивах проведены совместные совещания архивистов и исследователей, что способствовало улучшению работы читальных залов.

Расширилась информация министерств, ведомств и научно-исследовательских учреждений о документальных материалах, имеющих для них научное и практическое значение.

Несколько улучшилась публикация исторических источников.

Во всех государственных архивах также развернулась большая и ответственная работа по подготовке многотомной серии сборников к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Главное архивное управление разработало перспективный план издания исторических источников в 1956—1960 гг., которым предусматривается издать 400 сборников документальных материалов и научно-справочной литературы. Около 200 работ будет посвящено истории советского общества. Важное значение должно иметь опубликование документов по истории дружественных связей народов СССР с народами великого Китая, стран народной демократии, Индии и других стран. Ряд сборников посвящается отдельным вопросам истории науки, техники и искусства. Большинство сборников документов будет готовиться к изданию совместно с институтами истории, экономики, славяноведения, мировой литературы и другими учреждениями Академии наук СССР.

Центральные и местные государственные архивы СССР начали работу по выявлению и отбору документальных материалов для многотомной серии документальных сборников «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в СССР». В журнале «Партийная жизнь» правильно и своевременно поднят вопрос о срочном издании обзора документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции, хранящихся в партийных и ведомственных архивах [1]. В связи с этим Главному архивному управлению и местным архивным органам необходимо принять меры к подготовке и изданию в течение 1956—1957 гг. такого обзора. Ведется работа над сборником «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир (1920—1932 гг.)».

При всей важности уже выполненной научно-публикаторской работы издание исторических источников все еще отстает от требований, предъявляемых Коммунистической партией и советским народом к исторической науке и всем работникам идеологического фронта. В этой работе имеется ряд крупных недостатков. Все еще мало издается сборников документов по советскому периоду. Недостаточно налажены творческие, научные связи с научно-исследовательскими и другими учреждениями страны. Государственные архивы проявляют мало творческой инициативы в выявлении и активном использовании документов. Мало используются архивные документы для информации через печать. Слабо обобщается опыт использования документальных материалов Государственного архивного фонда СССР.

Нельзя не отметить также и то, что до настоящего времени в рукописных отделах библиотек и музеев продолжают храниться документы профиля Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Это приводит к дроблению фондов и затрудняет работу исследователей.

Хранение значительной части Государственного архивного фонда в библиотеках и музеях противоречит ленинскому декрету о централизации архивного дела в стране. Задачи расширения использования этих материалов в интересах государства диктуют необходимость передачи подлин-

---

[1] См. «Партийная жизнь», 1956, № 4, стр. 45.

ных документальных материалов Государственного архивного фонда из библиотек и музеев в государственные архивы.

К числу крупных недостатков, на которые указывают Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство, относится то, что Главное архивное управление очень слабо контролирует состояние архивных фондов, находящихся на хранении в министерствах и ведомствах.

В целях широкого использования документов и материалов, обеспечения их долговременной сохранности и улучшения обслуживания исследователей настоятельно необходимо более широко внедрить в работу архивов современную технику воспроизведения документов при помощи микрофильмирования и чтения микрофильмов. В связи с этим Министерству культуры СССР предложено организовать серийный выпуск аппаратов для съемки и чтения микрофильмов, чтобы удовлетворить потребности в них министерств и ведомств, архивов, библиотек, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР обязали все партийные и советские организации принять меры к улучшению работы местных архивных органов и партийных архивов. Это, несомненно, поможет улучшить сохранность документальных материалов, шире и более всесторонне использовать их в народнохозяйственных и научных целях, в интересах Советского государства.

В настоящее время перед Главным архивным управлением, архивными органами и государственными архивами стоят большие задачи в области всестороннего использования Государственного архивного фонда СССР в свете Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг.

В Директивах съезда поставлена задача провести в 1956—1960 гг. большие геологоразведочные работы, обеспечить расширение минерально-сырьевых баз и создание резерва разведанных запасов полезных ископаемых.

Известно, что недра СССР таят в себе неисчерпаемые сокровища самых разнообразных ископаемых, изучением и промышленным освоением которых будут заниматься много поколений советских геологов и горняков. Гораздо менее известно, что в советских архивах имеются многочисленные документы, содержащие сведения о забытых, малоизвестных и плохо разрабатывавшихся в прошлом месторождениях рудных и нерудных полезных ископаемых.

В связи с этим архивным учреждениям необходимо организовать выявление документальных материалов, содержащих сведения о месторождениях черных, цветных и редких металлов, фосфоритов, пьезооптического сырья, нефти, газа, каменного угля и информировать о выявленных материалах заинтересованные учреждения.

Особое внимание в Директивах уделяется электрификации страны. За последние годы в СССР накопился богатый опыт по строительству гидроэлектростанций, каналов и ирригационных систем. В этой области имеются большие достижения. Однако задача состоит в том, чтобы проектировать и строить гидротехнические сооружения лучше, быстрее, экономичнее.

Успех такого строительства неразрывно связан с развитием гидротехнической науки.

Необходимо, в частности, получение надежных данных о тех исключительных паводках, которые могут встретиться в течение всего срока службы сооружения. И в этом вопросе могут оказать значительную помощь архивы.

Среди документальных материалов ряда архивов и прежде всего ЦГИАЛ, ЦГАОР, ЦГВИА имеются многочисленные и ценные документальные материалы по гидрологии рек. Часть из них уже была использо-

вана и принесла значительную помощь. Так, по сообщению Института гидрологии и гидротехники Академии наук Украинской ССР использование сведений ЦГИАЛ при подсчете «максимального расхода воды для Каховского гидроузла позволило сэкономить на строительстве водосборных сооружений свыше 10 млн. рублей». Этот пример показывает необходимость широкого выявления и использования архивных материалов по вопросам гидрологии рек, проведения гидрометрических и гидротехнических работ на многочисленных реках нашей страны прежде всего там, где проектируется или осуществляется строительство гидроэлектростанций.

Государственным архивам и архивным органам необходимо также организовать выявление документов о месторождениях строительных материалов и полезных ископаемых в районе строящихся и проектируемых гидроэлектростанций.

Историкам-архивистам следует приступить к выявлению документов, которые могли бы иметь практическое значение при реконструкции и строительстве новых железных и шоссейных дорог. Прежде всего, надо брать на учет для последующего использования планы, схемы и карты проектировавшихся железных дорог в тех районах, где намечается их строительство в шестой пятилетке; чертежи и описания железнодорожных зданий, сооружений, мостов; сведения о проведении изыскательских и геологоразведочных работ, источниках водоснабжения.

Неотложной задачей является выявление документов, которые могут принести практическую помощь при строительстве железной дороги в районе Алма-Ата — Государственная граница — дороги, обеспечивающей связь СССР с Китайской Народной Республикой.

Большое значение может иметь также использование материалов об условиях судоходства на Волге, Каме, Белой, Северной Двине, сибирских реках, а также документальных материалов по истории строительства, реконструкции и развития морских портов.

Задачей шестой пятилетки является внедрение новой техники, всемерное использование достижений науки, в связи с этим архивные учреждения должны обратить максимум внимания на глубокое всестороннее изучение фондов, в которых содержатся документальные материалы по истории развития отечественной техники, сведения о нереализованных технических усовершенствованиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, об опыте и новаторстве в области механизации и автоматизации производственных процессов.

Руководствуясь решениями XX съезда Коммунистической партии, советские архивные учреждения приложат все силы, чтобы с помощью партийных и советских организаций и широкой научной общественности обеспечить всемерное использование документальных архивов и поставить их на службу и процветание нашей науки, на укрепление могущества нашей социалистической Родины.

К ВОПРОСУ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МЕСТНЫХ ГОСАРХИВОВ ДОКУМЕНТАЛЬНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

М. Ф. ПЕТРОВСКАЯ

В основе организации местной сети государственных архивных органов лежит административно-территориальное устройство Советского социалистического государства.

Организация хранения документальных материалов государственного архивного фонда в соответствии с административно-территориальным устройством СССР в наибольшей степени обеспечивает интересы каждой отдельной республики, края и области, в деле использования документальных богатств для научно-исторических и практических целей.

Административно-территориальное устройство является одной из составных частей строительства Советского социалистического государства.

В. И. Ленин еще до Великой Октябрьской социалистической революции раскрыл классовую сущность административно-территориального деления царской России, доказал непригодность этого деления для диктатуры пролетариата и обосновал необходимость его ломки.

Перед Коммунистической партией и Советской властью, в условиях диктатуры пролетариата, встали задачи построения и защиты первого в мире социалистического государства. Чтобы упрочить Советскую власть, нужно было разрушить, сломать старый, буржуазный государственный аппарат и на его месте создать новый аппарат Советского государства, ликвидировать старое административно-территориальное деление, унаследованное от буржуазно-помещичьего государства, и создать новое административно-территориальное деление.

Перестройка старой административно-территориальной системы, унаследованной Советским социалистическим государством от царской России, началась сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Идея экономического районирования была выдвинута Госпланом в 1920 г. по инициативе В. И. Ленина. Административно-территориальное устройство впервые в истории человечества было проведено на строго научных основаниях.

В. И. Ленин еще в 1922 г., на XI съезде РКП(б), имея в виду проект Госплана, говорил, что «у нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных усло-

вий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т. д.» [1].

Административно-территориальная реформа, осуществленная на базе экономического районирования по решению XII съезда РКП(б), являлась составной частью огромной работы по преобразованию всего народного хозяйства на социалистических началах.

Первоначально было проведено опытное районирование на Урале и Северном Кавказе. На территории РСФСР районирование было закончено в основном в 1930 г. В целом новое административно-территориальное переустройство Советского социалистического государства было завершено и закреплено конституцией СССР, принятой VIII Чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 г.

По Конституции РСФСР, принятой Чрезвычайным XVII Всероссийским съездом Советов 21 января 1937 г., территория Российской Советской Федеративной Социалистической Республики делилась на 5 краев, 19 областей, 17 автономных республик и 6 автономных областей [2].

Однако административно-территориальная система Советского социалистического государства не является чем-то застывшим, она развивается и совершенствуется в процессе развития производительных сил страны, в процессе социалистического строительства.

Административно-территориальные изменения, связанные с укрупнением или разукрупнением отдельных территориальных объединений (республики, края, области и т. д.), влекут за собой и изменения в сети местных государственных архивных органов.

С другой стороны, все наиболее существенные изменения отдельных территориальных объединений в той или иной степени отражаются на организации документальных материалов, которые образуются в процессе деятельности учреждений, предприятий и организаций в пределах определенной республики, края, области, губернии и т. п.

Вопросы, связанные с распределением документальных материалов между государственными архивами СССР в случаях изменения административно-территориального деления, являются важнейшими вопросами организации Государственного архивного фонда СССР и комплектования государственных архивов СССР.

* * *

В целом административно-территориальные изменения на территории РСФСР до проведения экономического районирования и образования краевых и областных объединений выражались: в образовании и ликвидации отдельных территориальных объединений (губернских, уездных, волостных), в переходе отдельных уездов и волостей из одной губернии в другую, в разукрупнении и укрупнении волостей и сельских Советов, в передаче отдельных населенных пунктов, отдельных местностей из одного территориального объединения в другое и т. п.

Влияние административно-территориальных изменений на организацию документальных материалов, отложившихся в пределах этих отдельных территориальных объединений, было различно и зависело от характера территориальных изменений.

При передаче отдельных уездов из одной губернии в другую, как правило, документальные материалы учреждений, действующих в пределах данной территории, передавались вместе с учреждениями.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 275—276.
[2] СУ, 1937, № 2, ст. 11.

Так, например, в 1922—1923 гг. при передаче в состав Московской губернии Егорьевского уезда Рязанской губ. и Каширского уезда Тульской губ., документальные материалы, отложившиеся в действующих в этих уездах советских учреждениях с момента их образования, были переданы в архивные учреждения Московской губернии. Концентрация в Московском областном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства фондов учреждений, предприятий и организаций советского периода, которые продолжали действовать как фондообразователи в момент передачи уездов, вполне закономерна. Но, как быть с фондами дореволюционного периода? Комплектование местных государственных архивов по существующему административно-территориальному делению, без учета всех происшедших изменений, может привести не только к дроблению комплексов фондов, но и отдельных фондов.

Документальные материалы фондов учреждений, предприятий и организаций, действовавших в пределах данного уезда или волости в дореволюционный и советский периоды, являются комплексами фондов, объединяемых не только территорией, но и общей подведомственностью и т. д. Комплексы фондов, сложившиеся в пределах конкретных губерний в дореволюционный период, как правило, не должны подвергаться дроблению. Исключение может быть только для губерний, имевших в своих составах национальные районы. Вопрос о комплектовании документальных материалов, образовавшихся в пределах территориальных объединений с различным национальным составом, должен быть рассмотрен отдельно.

Передача отдельных волостей из одной губернии в другую сопровождалась не только дроблением комплексов фондов, но и распылением отдельных фондов.

Так, например, при переходе Аргуновской и Овчинниковской волостей Орехово-Зуевского уезда Московской губернии во вновь образуемый Киржачский уезд Владимирской губернии, были переданы не только документальные материалы волисполкомов, но и часть материалов отделов Орехово-Зуевского УИКа, вновь организованному Киржачскому УИКу Владимирской губернии, отражавших деятельность передаваемых волисполкомов за все годы их существования [1]. Здесь распылению подверглись фонды отделов Орехово-Зуевского уездного исполнительного комитета, поскольку части фондов не только были оторваны от своих фондов, но и попали в другую губернию (из Московской во Владимирскую). Фонды же волостных учреждений в данном случае не подвергались дроблению, а передавались целиком из одной подведомственности в другую (из Орехово-Зуевского уезда Московской губернии в Киржачский уезд Владимирской губернии), т. е. этот процесс был связан лишь с дроблением отдельных комплексов фондов.

Укрупнения волостных территориальных объединений, как правило, сопровождались ликвидацией отдельных волостей. Если территория ликвидируемых территориальных объединений распределялась между несколькими волостями, то документальные материалы волостных учреждений распределялись в соответствии с их содержанием и передавались вместе с имуществом и территорией новым волостным учреждениям, т. е. фонды отдельных волостных учреждений, которые прекращали свое существование как фондообразователи в связи с ликвидацией волости, распределялись между новыми волостными учреждениями в соответствии с разделом территории бывшей волости. Например, в результате укрупнения волостей в шести уездах Московской губернии в 1924 г. было ликвидировано 18 волостных объединений. Территория некоторых ликвидируемых

---

[1] ЦГАОР, ф. 5677, оп. 2, д. 96, л. 16 и об.

волостей дробилась между двумя-четырьмя волостями. Документальные материалы ликвидируемых волостных исполнительных комитетов распределялись в соответствии с их содержанием и передавались по актам согласительных комиссий вновь организуемым укрупненным волостным исполнительным комитетам вместе с территорией, населенными пунктами, хозяйством и т. п. [1].

Если территория ликвидируемых волостей не дробилась, а передавалась целиком другим волостным объединениям, то документальные материалы ликвидированных волостных учреждений за все годы их существования передавались соответствующим волостным учреждениям новой укрупненной волости.

Таким образом, в период существования губерний административно-территориальные изменения, связанные с образованием, ликвидацией или реорганизацией отдельных волостных и уездных территориальных объединений, влекли за собой дробление отдельных архивных фондов и комплексов фондов. Дробление отдельных фондов иногда сопровождалось передачей их частей в соседние территориальные объединения в другие губернии.

После решения XII партийного съезда на территории РСФСР началось практическое осуществление ликвидации старой губернско-уездно-волостной системы на базе экономического районирования.

Вместо губернских объединений образовывались крупные областные или краевые территориальные объединения с внутренним делением на округа и районы. Эта перестройка вызвала реорганизацию всей сети местных государственных архивных органов, а в связи с этим и перегруппировку документальных материалов, находившихся на хранении в местных государственных архивах и подлежавших концентрации в них.

Новые областные и краевые территориальные объединения образовывались на базе нескольких губерний, так, Уральская область была образована из четырех губерний: Екатеринбургской, Пермской, Тюменьской и Челябинской; Московская область была образована из Московской, Тульской, Рязанской губерний, большей части Тверской и некоторых уездов Калужской губернии. Автономные области входили в краевое объединение в качестве самостоятельных административно-хозяйственных единиц с оставлением за ними всех прав, предоставленных им правительственными постановлениями об их образовании.

Краевые и областные объединения делились на округа, которые образовывались на базе нескольких уездов. Округа сами по себе являлись крупными территориальными делениями и в качестве центров округа имели бывшие губернские центры или крупные промышленные и культурные центры. Уральская область была разделена на 15 округов, Московская — на 10.

Округа делились на районы, образованные на базе нескольких волостей.

Таким образом, ликвидация губернско-уездно-волостной системы и образования новой — областной (краевой), окружной, районной системы сопровождались массовой реорганизацией и ликвидацией отдельных учреждений. Как фондообразователи прекратили существование губернские, уездные, волостные исполнительные комитеты и их отделы и т. д.

Перед местными архивными органами, которые сами подверглись реорганизации, стали огромные задачи. Они должны были выявить, учесть и принять в свои хранилища большое количество документальных мате-

---

[1] ЦГАОР, ф. 5677, оп. 5, д. 185, лл. 5, 6, 13, 18, 38—43, 50, 65, 71, 74, 88, 92, 93, 94, 99, 100—101, 108.

риалов от учреждений, ликвидируемых и реорганизуемых в связи с районированием.

Большинство документальных материалов должно было поступить в хранилища окружных архивных бюро. Однако сама реорганизация местных архивных органов в отдельных областях (краях) проходила с опозданием, а иногда и с большими трудностями, что не могло не отражаться отрицательно на концентрации документальных материалов.

Концентрация документальных материалов учреждений, реорганизуемых и упраздняемых в связи с административно-территориальным переустройством на базе экономического районирования, также была часто связана с распылением отдельных архивных фондов и комплексов фондов. Процесс концентрации документальных материалов усложнялся тем, что он проходил в период реорганизации самих местных архивных органов, которые не всегда могли своевременно и правильно организовать работу по приему большого количества документальных материалов в свои хранилища. Например, документальные материалы учреждений, упраздняемых в связи с районированием и образованием Московской области, концентрировались при вновь организуемых окружных и районных центрах и реже оставались просто в помещениях бывших учреждений или в архивохранилищах бывших уездных архивов. Районные и окружные организационные комиссии в вопросе концентрации документальных материалов фактически руководствовались «Инструкцией о порядке расформирования волостей и уездов, образования районов и округов и передачи имущества ликвидируемых исполкомов вновь организуемым на территории Московской области» [1].

В пункте третьем инструкции говорилось, что территория в тот или иной округ отходит, как правило, со всеми находящимися на ней имуществом, учреждениями, предприятиями и сооружениями, а также с денежными суммами, книгами, перепиской, сметами и другими канцелярско-счетными документами и делами в той части, в которой они относятся к селениям территории, переходящим в организуемый район или округ.

Для иллюстрации того, как эта инструкция проводилась в жизнь, можно привести следующий пример. Бронницкий уезд Московской губернии (в составе 20 волостей) был разделен при районировании на три района: Бронницкий, Раменский и Ашитковский, которые относились к Коломенскому, Московскому и Серпуховскому округам, кроме того, часть сельсоветов была отнесена к другим округам. Бронницкий уездный архив начал концентрировать документальные материалы учреждений, ликвидируемых в связи с районированием, в своем хранилище. Между тем, Оргкомитет Коломенского округа предложил всем волостным исполнительным комитетам, входившим в состав нового округа, сдать все документальные материалы, имеющиеся в волостях, в архив округа, а затем последовали распоряжения районных оргкомиссий этим же волостным исполнительным комитетам сдать документальные материалы вновь организуемым районным исполнительным комитетам [2]. В свою очередь, Бронницкая районная оргкомиссия вынесла 27 июля 1929 г. постановление о распределении документальных материалов дореволюционного и советского периодов, сконцентрированных в уездном архиве, между всеми вновь образуемыми территориальными объединениями в пределах бывшего Бронницкого уезда [3].

---

[1] МОГАОР, ф. 4572, оп. 1, д. 218, лл. 100—101.
[2] Там же, лл. 203 об., 211, 212.
[3] Там же, лл. 262—263.

Документальные материалы учреждений бывшего Волоколамского уезда были разделены между вновь организуемыми районами [1].

Преследуя цель дальнейшего укрепления района, как основного звена социалистического строительства в деревне, и приближения партийно-советского аппарата к массам, ЦК ВКП(б) вынес постановление о ликвидации округов, которое было одобрено XVI партийным съездом.

Ликвидация округов, а следовательно, и всех окружных учреждений была закончена в 1930 г. Она потребовала новой реорганизации сети местных архивных органов и новой концентрации большого количества документальных материалов от ликвидируемых окружных учреждений.

Особые условия складывались для концентрации документальных материалов в местностях, подвергавшихся районированию в период 1929 г., когда были образованы области Ивановско-Промышленная, Западная, Нижегородско-Вятская, Московская и Северо-Восточный край.

В этих областях еще не была закончена концентрация документальных материалов от ликвидированных и реорганизованных учреждений в период проведения районирования и образования областных (краевых) объединений, но уже надо было проводить новую реорганизацию архивных органов и вновь концентрировать большое количество фондов.

Таким образом, административно-территориальные преобразования, с одной стороны, вызывали реорганизацию сети местных государственных архивных органов, а с другой — влияли на организацию документальных материалов, еще не сконцентрированных в местных государственных архивах и находившихся при действующих учреждениях. Это влияние выражалось в передаче документальных материалов из реорганизуемых или ликвидированных учреждений во вновь образованные и реорганизуемые учреждения, что часто было связано с распылением отдельных архивных фондов или комплексов фондов. Дробление отдельных фондов и комплексов фондов происходило не только внутри отдельных территориальных объединений (волость, уезд, губерния), но и распространялось за их пределы. Их формы зависели от характера административно-территориальных изменений.

Кроме того, реорганизация сети местных государственных органов в связи с административно-территориальными преобразованиями также влияла на организацию документальных материалов, которые уже были сконцентрированы или концентрировались в момент осуществления ликвидации старой губернско-уездно волостной системы. Это влияние выражалось главным образом в перемещении архивных фондов из одних центров в другие (из уезда в округ, район и т. д.). Оно сопровождалось дроблением комплексов фондов, сложившихся в пределах конкретных территориальных объединений и объединявшихся единством содержания, общей подведомственностью и территориальностью.

Следовательно, при комплектовании местных государственных архивов документальными материалами советского периода необходимо учитывать административно территориальные изменения в данной конкретной республике, области, крае.

В комплектовании документальными материалами местных государственных архивов СССР наиболее трудным является распределение документальных материалов в соответствии с сетью государственных архивов в связи с административно-территориальными изменениями.

Известно, что одним из основных принципов комплектования государственных архивов СССР является недробимость фонда, как исторически сложившегося комплекса документальных материалов, образовавшихся

[1] МОГАОР, ф. 4572, оп. 1, д. 218, л. 259.

в процессе деятельности фондообразователя. Как правило, он делению не подлежит. Фонд представляет собой основную классификационную единицу государственного архивного фонда СССР. Этот основной принцип организации документальных материалов, установившийся в советском архивоведении, в научном отношении достаточно обоснован.

Историческая связь существует не только между документальными материалами внутри отдельных архивных фондов. Отдельные архивные фонды в своей совокупности также образуют комплексы, дробление и распыление которых по различным государственным архивам влечет за собой, как правило, затруднения в использовании документальных материалов.

При комплектовании государственных архивов документальными материалами принцип недробимости комплекса фондов должен учитываться обязательно. Чтобы избежать распыления однородных групп фондов, связанных между собою содержанием, подведомственностью, территориальностью и т. д., необходимо учитывать все наиболее существенные административно-территориальные изменения конкретных территориальных объединений и концентрировать в одном архиве все фонды, образовавшиеся в процессе деятельности учреждений конкретного территориального объединения.

Однако при комплектовании местных государственных архивов принцип недробимости комплексов фондов не всегда можно и нужно осуществлять полностью.

Например, при передаче волостей и уездов из одной губернии в другую, районов из одной области в другую область и т. д. непременно происходит дробление отдельных комплексов фондов. Переход целых территориальных объединений из одного территориального деления в другое не сопровождается ликвидацией фондообразователей. Более того, чаще всего они даже не претерпевают никакой реорганизации, а только переходят из одного подчинения в другое, из одного территориального объединения в другое. В пределах любого территориального объединения (волостного, уездного) может быть накоплено большое количество документальных материалов, образовавшихся в процессе деятельности учреждений, предприятий и организаций в дореволюционный и советский периоды.

Как же быть с документальными материалами, образовавшимися в пределах бывших уездных и волостных объединений, перешедших из одной губернии в другую? Руководствуясь принципами недробимости фонда и комплексов фондов, эти документальные материалы могут быть распределены таким образом: документальные материалы учреждений, организаций и предприятий дореволюционного периода, как исторически сложившиеся комплексы фондов, связанные между собою единством содержания, общей подведомственностью и объединяемые губернскими территориальными объединениями, должны быть полностью сконцентрированы в соответствующем государственном архиве края, области и т. д., в состав которого вошла быв. территория губернии (так, дореволюционные фонды быв. Егорьевского уезда должны быть сконцентрированы в Рязанском областном государственном архиве, поскольку данный уезд входил в состав Рязанской губернии до 1922 г.).

Документальные материалы учреждений, организаций и предприятий советского периода, действующих в составе передаваемых уездов и волостей (с момента их организации в советский период или разграничительной даты по эпохам), должны быть сконцентрированы, как исторически сложившиеся по определенным признакам комплексы фонды быв. губернского объединения, в государственном архиве края, области и т. д., в состав которого вошла быв. территория губернии (так, фонды советско-

го периода, с момента организации учреждений быв. Егорьевского уезда должны быть полностью сконцентрированы в Московском областном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства).

Концентрируя дореволюционные фонды в Рязанском областном государственном архиве, мы осуществляем недробимость фондов и комплексов фондов, связанных между собою определенными признаками.

Концентрируя же фонды советского периода в МОГАОР, мы соблюдаем принцип недробимости фонда, однако нарушаем принцип недробимости комплексов фондов, но делаем это, исходя из основного принципа — недробимости фонда.

Следовательно, при комплектовании местных государственных архивов не всегда можно осуществить одновременно оба принципа — недробимости фонда и комплексов фондов.

После ликвидации старой губернско-уездно-волостной системы новое административно-территориальное устройство Советского социалистического государства было осуществлено на научных основаниях. Области, округа и районы строились с учетом политических, экономических, климатических и других признаков.

Новые территориальные объединения (области, края, округа, районы) создавались на территории, не совпадающей с границами, в пределах которых существовали прежние объединения: районы были по своим размерам значительно больше волостных объединений и меньше уездных; округа — значительно больше уездных и меньше губернских; краевые и областные объединения включали в себя территории нескольких губерний.

Административные учреждения, организуемые в пределах новых территориальных объединений, являлись новыми фондообразователями. В дальнейшем эти новые крупные краевые и областные объединения подвергались значительному изменению в сторону разукрупнения. Ни одна из территорий современных областных и краевых административно-территориальных объединений не совпадает с территорией областных и краевых объединений, которые были образованы в период проведения административно-территориальной реформы на базе экономического районирования.

В период существования крупных областных и краевых объединений была осуществлена ликвидация округов, а следовательно, и ликвидация окружных учреждений. До настоящего времени остается неразрешенным вопрос о месте концентрации документальных материалов окружных учреждений и т. п., которые были ликвидированы в 1930 г.

Окружные объединения возникли в период проведения районирования и образования укрупненных областей (краев) и были ликвидированы в момент существования их в тех же территориальных размерах. Окружные учреждения были ликвидированы полностью, не имея своих преемников. Документальные материалы окружных учреждений представляют собой комплексы фондов, имеющих органическую связь между собою и отражают деятельность окружных органов в пределах конкретного областного или краевого объединения. Очень часто округа образовывались на базе территории не одной губернии, а из частей территорий нескольких губерний, входящих в состав новых укрупненных областных и краевых объединений. При дальнейшем их разукрупнении территория многих бывших округов была разделена между новыми областными объединениями.

Комплектование фондов бывших окружных учреждений в существующие местные государственные архивы, без учета их принадлежности

в прошлом к укрупненным территориальным объединениям, неизбежно связано с распылением окружных комплексов фондов, а в значительной мере и с дробимостью отдельных фондов.

Учитывая эти обстоятельства, вопросы комплектования фондов бывших окружных учреждений могут быть разрешены двумя путями.

Так как окружные учреждения возникли в период образования новых областных и краевых объединений и были ликвидированы в период существования их в тех же территориальных пределах, фонды же конкретных окружных учреждений являются комплексами (например, окружные Советы Московской области), связанными между собою единством содержания, подведомственностью и территорией, то концентрировать их целесообразно, как правило, в архивах тех областей или краев, которые являлись бывшими центрами укрупненных территориальных объединений (т. е. фонды окружных учреждений Московской области сконцентрировать в МОГАОРе). Осуществляя данный вариант при комплектовании, мы соблюдаем принцип недробимости фонда и комплексов фондов.

Второй путь учитывает связь бывших окружных учреждений с бывшими губернскими центрами, ставшими впоследствии областными. Поскольку многие окружные центры являлись бывшими губернскими центрами, а в настоящее время являются самостоятельными областными центрами, имеющими областные архивы, то фонды бывших окружных учреждений необходимо концентрировать в этих областных архивах (фонды быв. Калужского округа в Калужском областном архиве). Что касается фондов учреждений других округов, то их следует концентрировать по принадлежности бывших окружных центров к современным территориальным объединениям. Так, например, фонды учреждений бывших округов: Коломенского, Орехово-Зуевского и Серпуховского Московской области — концентрировать в МОГАОРе, а остальные в других областных архивах. В данном случае при комплектовании фондов бывших окружных учреждений мы не подвергаем дроблению отдельные фонды, но нарушаем единство комплексов фондов. Так, фонды 10 окружных Советов Московской области будут храниться в 5 областных архивах. Этот вариант фактически отражает существующую практику хранения фондов бывших окружных учреждений.

Документальные материалы окружных учреждений, наряду с другими документальными источниками по истории советского общества, имеют большое научно-историческое значение. Они характеризуют определенный очень важный этап социалистического строительства, связанный с грандиозной социалистической переделкой сельского хозяйства. Документальные материалы окружных учреждений представляют комплексы фондов, имеющие органическую связь между собою, и отражают события и деятельность окружных органов в пределах областных или краевых объединений. Концентрация этих фондов в тех областных (краевых) архивах, которые являлись центрами бывших укрупненных территориальных объединений, на наш взгляд, является наиболее правильной. Кроме этого, концентрируя фонды окружных учреждений в одном месте, в центрах бывших укрупненных территориальных объединений, мы исторически закрепляем и отражаем определенный этап развития административно-территориальной системы в советском социалистическом строительстве.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ В. А. ЧЕРНЫХА О РАЗВИТИИ МЕТОДОВ ПЕРЕДАЧИ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Член-корр. АН СССР Д. С. ЛИХАЧЕВ

В № 4 журнала «Исторический архив» за 1955 г. опубликована статья В. А. Черныха «Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии», неправильно ориентирующая исследователей (речь может идти, конечно, только о начинающих) в области работы над текстами памятников и потому настоятельно требующая ответа.

Концепция статьи несложна. По представлениям автора, в археографии якобы происходит борьба между «критическим» (научным) и «формалистическим» (ненаучным) направлениями в области передачи текста исторического источника. «Формалистическое» направление стремится к точной передаче текста, к его буквальному воспроизведению с сохранением «вышедших из употребления букв», сокращений, пунктуации. «Критическое» направление (прогрессивное и единственно научное) предлагает издавать текст «научно прочтенным» (термин не очень ясный), истолкованным. Борьба этих двух «направлений» ведется, по мнению автора, без решительного перевеса одной из сторон с самого начала археографической работы (т. е. приблизительно с середины XVIII в.). «Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции,— заключает свою статью В. А. Черных,— эта борьба не только не прекратилась, но, наоборот, разгорелась с новой силой» (стр. 211).

Все существующие русские публикации текстов и всех русских археографов В. А. Черных распределяет по этим двум рубрикам, нисколько не задумываясь над причинами столь длительной борьбы, тянувшейся в совершенно различных общественных условиях, от феодализма и до социализма, не давая себе труда по-настоящему заглянуть в литературу вопроса как нашу, так и иностранную, не обращая внимания на то обстоятельство, что одни и те же исследователи пользовались иногда обоими способами передачи текста параллельно (иногда в одном и том же издании), и механически отрывая методы передачи текста от методов изучения истории текста, определения редакций, выбора основного списка, подведения разночтений и т. д.

Так, например, В. Н. Татищев, согласно В. А. Черныху, оказывается представителем прогрессивного, критического отношения к источникам. И это положение иллюстрируется, между прочим, странной мыслью, что использование В. Н. Татищевым летописей в «Истории Российской» и цитирование им летописных источников в переводах может «по сути дела» считаться их публикацией (стр. 202).

А. Шлецер, которого обычно принято, и не без оснований, обвинять в гиперкритике, в бесплодных попытках издавать «сводный текст» Нестора, рассматривается В. А. Черныхом только на основании его издания Никоновской летописи как апологет «некритического отношения к публикуемому источнику» (стр. 202). Издание И. С. Баркова Кенигсбергского списка летописи (1767 г.), которое принято считать образцом некритического отношения к тексту летописи и беспринципного смешения совершенно различных летописей, объявляется «несомненно критическим» (стр. 202), т. е. «научным» и «прогрессивным».

Последующие публикации рассматриваются в том же роде. По одному или двум изданиям, по случайно выхваченным высказываниям В. А. Черных относит всех археографов то в лагерь критического, то в лагерь некритического направления. Так, например, А. И. Оленин, составивший замечательное для своего времени «Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деeписателей» [1], объявляется «сторонником некритического, буквального воспроизведения текста летописей» (стр. 204), очевидно, потому, что в своем «рассуждении» он решительно и основательно возражал против попыток составления «сводного толкового летописца» — попыток, кстати сказать, принадлежавших именно А. Шлецеру, объявленному самим же В. А. Черныхом сторонником того же «некритического направления».

К каким нелепостям ведет механический отрыв метода передачи текста исторических источников от остальных вопросов их издания и изучения, ясно видно из характеристики методов передачи текста П. М. Строева, которая занимает в статье В. А. Черныха центральное место. В. А. Черных считает, что сформулированные П. М. Строевым в предисловии к «Софийскому временнику» «методы, направленные на передачу текста исторических источников» (стр. 204), явились «высшим достижением русской дореволюционной археографии» (стр. 207) [2], не замечая, что само-то издание «Софийского временника» представляет собой одно из самых печальных недоразумений русской археографии.

К числу парадоксов В. А. Черныха может быть отнесена также и его высокая оценка первого издания Полного собрания русских летописей, пользование первыми томами которого для исследователей справедливо считается в настоящее время недопустимым. Больше того, выходя за пределы темы своей статьи, В. А. Черных хвалит это первое издание за «приемы подведения вариантов из различных списков летописей» [3], т. е. как раз, в сущности, за самую слабую его сторону, так как Я. И. Бередников применил грубо ошибочный метод смешения текста различных летописей, произвольную замену текстов одних летописей другими и подводил варианты по различным редакциям и различным памятникам.

На фоне этой похвалы изданиям Я. И. Бередникова особенно «многозначительным» выглядит то, что В. А. Черных пишет о приемах издания летописей А. А. Шахматовым (стр. 210—211). Оказывается, что А. А. Шахматов был совершенно беспомощным издателем грамот и летописей и сам якобы признавался в этой беспомощности. Он был, разумеется, представителем «некритического направления», слепо следовал за текстом рукописей, вносил «невообразимую путаницу» тождеством изображения выносных букв в конце слов и буквенных сносок к тексту-

---

[1] «Сын Отечества», 1814, т. XII, № 7.

[2] Об этом же В. А. Черных говорит еще раз на стр. 209.

[3] «Большое положительное значение,— пишет В. А. Черных,— имела разработка главным редактором «Полного собрания русских летописей» Я. И. Бередниковым приемов подведения вариантов из различных списков летописей» (стр. 205).

альным примечаниям[1] и т. д. В. А. Черных обвиняет представителей «некритического направления» (А. А. Шахматова и др.) за то, что они в некоторых случаях считали необходимым сохранять пунктуацию, которая, по мнению В. А. Черныха, «ничего, в сущности, не выражала» (стр. 210), хотя и употреблялась по какому-то прискорбному недоразумению в русском письме в течение целых семи веков!

Существенное дополнение к статье В. А. Черныха составляет автореферат его диссертации «Методы передачи текста исторических источников в советской археографии»[2]. Оказывается, что и в советской археографии с особой силой разворачивалась та же борьба, причем «формалистическими» (и, следовательно, ненаучными) должны быть признаны такие советские издания исторических источников, выполненные Институтом истории АН СССР, как «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.-Л., 1950, подготовил к печати Л. В. Черепнин, ответственный редактор С. В. Бахрушин), «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (М., 1952, ответственный редактор Б. Д. Греков), «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» (М.-Л., 1950, подготовил к печати А. Н. Насонов, ответственный редактор М. Н. Тихомиров)[3].

Все эти натяжки, ошибки и искажения получились в результате того, что вопросы передачи текста источника В. А. Черных механически оторвал от других вопросов археографии и принял за разные «направления» различные типы изданий, а те споры, которые велись между учеными о том, как подготовлять то или иное конкретное издание исторических источников, счел за споры об издании источников вообще, безотносительно к тому, что и для какой цели издается.

Как известно, существует несколько типов изданий исторических источников и литературных памятников: во-первых, издания факсимильные, во-вторых, издания дипломатические, в-третьих, издания критические и, в-четвертых, научные реконструкции текста. Все четыре типа изданий могут быть применены по отношению к одному и тому же памятнику порознь различными исследователями или одним и тем же исследователем, но в разных изданиях, или одним и тем же исследователем параллельно в одном и том же издании. Все зависит от целей издания и от возможностей, которыми исследователь располагает. Так, например, А. А. Шахматов издал текст Радзивилловской летописи факсимильно[4], Ипатьевскую летопись (вышел только один выпуск) — дипломатически[5], «Повесть временных лет» — в научной реконструкции[6]. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров в одной и той же книге издали тексты новгородских берестяных грамот в четырех видах: факсимильно — двумя способами (фотоцинкографически и в прорисях Н. М. Кислова), дипломатически и критически. Ясно, что указанные исследователи, издавая новгородские берестяные грамоты, отнюдь не были раздираемы внутренними противоречиями между «научными» и «ненаучными» способами переда-

---

[1] Кстати, отметим, что никакой «невообразимой путаницы» буквенное обозначение сносок в издании «Ипатьевской летописи» не вносит, так как буквенные сноски, так же как и цифровые, четко отделены в издании от слова, к которому они относятся, отступом, а конечные выносные буквы набраны над последней буквой слова. В этом легко убедиться, заглянув в т. II, вып. 1, третьего издания Полного собрания русских летописей (Пг., 1923).

[2] Издание Московского государственного историко-архивного института МВО СССР, М., 1955.

[3] См. там же, стр. 14—15.

[4] Издание ОЛДП, СПб., 1902.

[5] ПСРЛ, изд. третье, т. II, вып, 1, Пг., 1923.

[6] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Пг., 1916.

чи текста. В самом деле, разные типы изданий источников существуют постольку, поскольку перед изданиями могут стоять различные задачи, а не потому, что их авторы находятся на противоположных позициях. Все четыре типа (определившиеся в археографической практике, конечно, далеко не сразу) могут быть и научными и ненаучными (в последнем случае — если они выполнены небрежно или исходя из неправильных общих методологических принципов).

Среди археографов были сторонники различных типов публикаций текстов, но не самих по себе, а по большей части применительно к конкретным изданиям, к конкретным задачам той или иной публикации. Споры шли и идут о том, как издавать те или иные памятники, и эти споры в большей или меньшей степени являются спорами о том, для чего будет предназначаться задумываемое издание.

Первый тип изданий — факсимильный — предназначается для самостоятельных изысканий исследователей (памятники, особенно значительные, никогда нельзя считать изученными до конца их издателями). Они должны давать совершенно отчетливое представление о внешнем виде документа. Следует, впрочем, оговориться, что факсимильные издания далеко не всегда абсолютно точно воспроизводят текст и не могут заменить рукописи. Прежде всего, факсимильные воспроизведения не дают представления о материале, на котором написана рукопись, о филигранях на бумаге, о выделке пергамента и т. д. Во-вторых, в большей или меньшей степени факсимильные издания искажают внешний вид рукописи: при гравировке на меди или литографировании текст воспроизводится художником, при фотомеханических воспроизведениях текст может оказаться отретушированным или подсвеченным белилами [1], в результате чего могут исчезнуть некоторые важные детали. Кроме того, могут иметь недостатки и сами фотографии и типографское воспроизведение этих фотографий.

Вот почему, наряду с самыми совершенными методами факсимильного воспроизведения рукописей, никогда не утратят своего значения дипломатические издания, в которых текст документа воспроизводится средствами типографского набора с максимальным приближением к оригиналу. «Узнать» в подлиннике все буквы и знаки, определить их взаимоотношение — в ряде случаев задача, совершенно необходимая для будущих истолкователей текста, в возможности появления которых не может сомневаться ни один ученый. Только отсутствием самостоятельного опыта издания текстов можно объяснить утверждение В. А. Черныха, что точное воспроизведение текста не требует исследовательской работы и сводит роль археографа «к роли аккуратного переписчика» [2]. Практика показывает, что дипломатические издания — один из самых сложных способов воспроизведения текста и одновременно наиболее «долговечный». Он требует от археографа превосходного знания языка источника, огромного

---

[1] Последнее допускается даже в издании берестяных грамот. Отмечу, кстати, что все увеличивающееся микрофильмирование, фотокопирование и фотографирование рукописей также можно рассматривать как факсимильные издания.

[2] В. А. Черных. Методы передачи текста исторических источников в советской археографии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1955, стр. 2. Так же неправильно и другое утверждение В. А. Черныха, будто точное воспроизведение текста «в чистом виде» означает отказ издателей от исторического анализа (см. статью, стр. 209). Исторический и текстологический анализ памятника обычно дается в сопроводительных статьях публикатора. И этих сопроводительных статей отнюдь не меньше при факсимильных и дипломатических изданиях, чем при изданиях критических и научных реконструкций. Так, например, фотомеханическому воспроизведению Радзивилловской летописи (СПб., 1902) А. А. Шахматов предпослал исследование, большее по своему объему, чем то, которое приложено к его реконструкции «Повести временных лет» (Пг., 1916).

опыта чтения рукописей, умения определить значение отдельных графических деталей, которые в иных типах издания обычно опускаются, определять сокращения и выносные буквы, пунктуацию, расположение строк и т. д. Дипломатические издания, выполненные в свое время А. А. Шахматовым, П. Симони, Е. Ф. Карским и А. С. Лаппо-Данилевским, представляют очень большую ценность для историков, лингвистов и литературоведов, позволяя продолжать работу по углубленному толкованию памятников. Естественно, что дипломатические издания совершенно необходимы для наиболее важных исторических источников,— тех, в которых каждое слово имеет большое значение (таких как «Русская правда», «Слово о полку Игореве», судебники и т. д.) и которые известны в немногих списках (при наличии многих списков текст можно корректировать по другим спискам). Внутри этого типа издания источников могут быть, в свою очередь, как и в факсимильном типе, различные виды, мы их здесь не касаемся [1].

Критические издания памятников — наиболее распространенный тип научных публикаций, особенно если памятник известен во многих списках. И в этом случае самый тип издания отнюдь, конечно, не ограничивается только приемами передачи текста. Различия школ, подходов и направлений сказываются по преимуществу именно в этом типе изданий и в научных реконструкциях.

Научные реконструкции — это различные восстановления первоначального вида памятника (или одной из его редакций). По большей части — это гипотезы, а потому они интересны главным образом как приложения к исследованию. Видов реконструкций столько, сколько существует ученых, занимающихся ими. Реконструкции только условно могут быть названы публикациями текстов, но, тем не менее, обязательно должны рассматриваться наряду с ними.

Наконец, о самом главном: о борьбе прогрессивных и непрогрессивных направлений в археографии. В. А. Черных ищет эту борьбу не там, где она есть на самом деле. Превознося критику текста как таковую, В. А. Черных в своей статье нигде не обмолвился ни словом, что в этой критике текста существуют различные, сложные направления. Для него критическое отношение к тексту уже само по себе является синонимом отношения научного. Но в том-то и дело, что критическое отношение к памятнику может быть и качественно, и «количественно» совершенно различным. В разной степени критическое отношение к памятнику существует во всех четырех видах издания текста. В незначительной степени оно присутствует уже в факсимильном воспроизведении (выбор памятника и страниц для фотографирования; при фотографировании может быть выделен почерк или подчеркнуты дефекты материала, лист рукописи может быть снят полностью или только в той его части, которая заполнена текстом, и т. д.). Критическое отношение к памятнику в сильной степени присутствует уже в точных дипломатических изданиях. Еще сильнее оно в собственно критических изданиях и, наконец, настолько усиливается в реконструкциях текстов, что эти реконструкции только условно могут быть признаны публикациями текста. Борьба различных направлений совершается в методах критики текста и в большей или меньшей мере охватывает все типы изданий. При этом она не ограничивается, разумеется, методами передачи текста. Критика текста охватывает все области текстологии. И именно в критике текста в целом, а не в одной ка-

---

[1] О дипломатических изданиях см. интересную (хотя и спорную) работу François Masai: «Principes et conventions de l'édition diplomatique» («Scriptorium», 1950, v. I, t. 1—2, pp. 177—193).

кой-либо ее изолированной части сказались различные направления и школы, о которых ни словом не обмолвился в своей статье В. А. Черных, превознося критику текста как таковую.

Отмечу также, что вопрос о различных типах изданий и различных методах и направлениях в критике текста ни в коем случае нельзя рассматривать в отрыве от мировой науки. Русская наука развивалась в тесном взаимодействии с иностранной наукой. Издатели русских текстов испытывали влияние западноевропейских школ и направлений (главным образом немецких и французских) и, в свою очередь, оказывали влияние на методы публикаций за границей (главным образом на публикации славянских стран, а через А. А. Шахматова, И. В. Ягича и В. М. Истрина — на публикации текстов в Германии и во Франции).

Статья В. А. Черныха, неправильно указывая арену борьбы между прогрессивным и реакционным направлениями в археографии, отвлекает внимание исследователей от действительно имеющихся в ней различных точек зрения на методы издания источников. Она крайне упрощает проблемы археографической работы и может создать искаженное представление об ее уровне в СССР.

О т р е д а к ц и и. Публикуя статью Д. С. Лихачева, в которой резко критикуются основные положения статьи В. А. Черныха, редакция просит историков-археографов высказаться по существу затронутых в этих статьях вопросов.

СООБЩЕНИЯ

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ЦГИАЛ СССР О РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

В. М. МЕЛАМЕДОВА и М. А. ПЛЮХИНА

Период первой русской революции широко отражен в многочисленных документальных материалах Архива. По характеру своему эти материалы разнообразны и освещают события с различной полнотой и достоверностью.

Многие материалы являются общими и характеризуют революционное движение в течение всего или значительного периода революции и по всей стране. Таковы: отчеты губернаторов Николаю II о состоянии губерний за 1905—1907 гг. — в фондах Комитета и Совета министров; так называемые шефские, ежедневные записки (подлинные) министров внутренних дел Святополк-Мирского, Булыгина и Дурново Николаю II о революционных событиях в стране за 1905—1906 гг. — в фонде Управления дворцового коменданта; еженедельные записки директора Департамента полиции о революционном движении — в фонде Канцелярии петербургского генерал-губернатора. Здесь же телеграммы и донесения начальников петербургского и других жандармских управлений и охранных отделений и петербургского градоначальника Трепову, а также так называемые ведомости о происшествиях (имеются и в фонде Совета министров), сообщающие о революционном движении в Петербурге и других районах страны. К общим материалам следует также отнести телеграммы и донесения с мест, донесения отдельных министров и других лиц председателю Совета министров Витте о революционном движении в 1905—1907 гг. — в фонде Совета министров; представления прокуроров окружных судов министру юстиции о революционных событиях, распространении, запрещении и аресте революционных изданий и привлечении к ответственности участников революционного движения, нередко с приложением подлинных листовок — в фонде Министерства юстиции.

Из общих материалов по рабочему движению следует назвать: сводные статистические сведения о забастовках на фабриках и заводах, по отраслям промышленности, донесения старших фабричных инспекторов (отдельные, разрозненные) и, являющиеся приложениями к ним, анкеты о забастовках на отдельных предприятиях, по губерниям (сохранившиеся неполностью) — в фонде Министерства торговли и промышленности; переписку о революционном движении горных и горнозаводских рабочих за весь период революции — в фонде Горного департамента, представляющую собой в основном рапорты и донесения окружных инженеров.

Полные сведения о революционном движении железнодорожных рабочих имеются в секретной переписке, а также в делах о введении чрезвычайной охраны на железных дорогах — в фонде Управления железных дорог. В них содержатся телеграммы, рапорты, донесения начальников дорог и станций министру путей сообщения и начальнику Управления, переписка министра путей сообщения с министром внутренних дел и копии донесений начальников жандармских управлений в Департамент полиции.

Довольно полные сведения имеются также о революционном движении моряков торгового флота, которые содержатся в делах фонда Отделов торгового мореплавания и портов, представляющих собою в основном отчеты и рапорты начальников портов главноуправляющему торговым мореплаванием и портами.

Наконец, следует назвать дела Министерства юстиции, содержащие, как правило, представления прокуроров окруж-

ных судов (копии) и судебных палат министру юстиции по делам о привлечении к ответственности за участие в революционном движении и в ряде случаев обвинительные акты и приговоры. Однако по рабочему движению дел в фонде Министерства юстиции немного.

По крестьянскому движению эти материалы являются основными и представляют собою, как правило, дела о волнениях крестьян по отдельным губерниям, уездам и имениям или селам, в которых, помимо представлений прокуроров, нередко содержатся переписка министра юстиции с министрами внутренних дел и военным, рапорты прокуроров судебных палат министру юстиции, его телеграфные предписания прокурорам, списки обвиняемых и другие документы. Иногда имеются сводные ведомости о волнениях по губерниям. Подробные сведения о волнениях крестьян (их характер, причины и результаты) содержатся в специальных анкетах Вольного экономического общества.

Ряд дел общего характера по крестьянскому движению следует отметить в фонде Земского отдела Министерства внутренних дел. Среди них: записки и сводная ведомость о волнениях весной 1905 г.; рапорты и донесения генерал-адъютантов, командированных в районы, наиболее охваченные крестьянским движением, и других лиц; дела о создании и деятельности временных уездных комиссий по выяснению размеров убытков помещиков в связи с аграрным движением, содержащие донесения губернаторов о суммах убытков помещиков по каждому уезду, протоколы уездных комиссий, сведения по губерниям и уездам о размерах ссуд, выданных помещикам и кулакам по закону 15 марта 1906 г., и другие документы, в которых часто дается описание самого движения[1] (сведения аналогичного характера содержатся и в фонде Особого совещания о возмещении убытков частных лиц, понесших их во время аграрных волнений, в котором дополнительно следует отметить данные о количестве волнений крестьян); донесения губернаторов и отдельных генерал-адъютантов в начале 1906 г. о причинах аграрных волнений в губерниях.

Следует назвать также дела об аграрном движении удельных крестьян в 1905—1907 гг. в фонде Главного управления уделов, в которых содержатся в основном донесения, телеграммы, справки управляющих удельными округами и отдельными имениями с описанием событий; дела о массовых порубках крестьянами помещичьих и прочих лесов в фонде Лесного департамента, в которых имеются донесения и телеграммы начальников местных управлений земледелия и государственных имуществ.

[1] Ф. 1291, оп. 122, дд. 34-а, 34-б, 116, оп. 73, д. 99.

До последнего времени при изучении первой русской революции недостаточно использовались материалы о революционном движении в 1905—1907 гг. ряда названных фондов и почти не использовались материалы таких фондов, как Государственный банк, Отделы торгового мореплавания и портов, Российское общество пароходства и торговли, акционерные общества и товарищества — «Братья Нобель» и другие, Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, Отдел по испытанию и освидетельствованию заказов Министерства путей сообщения на заводах, некоторые фонды личного происхождения, придворная контора вел. кн. Михаила Николаевича.

Внутри обзора материалы излагаются по годам, а рабочее движение в 1905 г. по революционным событиям. Внутри указанных периодов события излагаются по районам: Петербург, Москва, Центральная часть России, Урал, Сибирь, т. е. те районы, которые входят в настоящее время в состав РСФСР, затем Украина, Кавказ, Средняя Азия, Белоруссия, Прибалтийский край, Польша, Финляндия. Для сохранения цельности в освещении революционных событий на железных дорогах материалы о них изложены самостоятельно в конце каждого подраздела рабочего движения.

Принимая изложенную схему построения обзора, составители руководствовались существующей периодизацией событий революции 1905—1907 гг. и желанием показать материалы Архива о гегемоне революции в наиболее собранном виде. Хронологические рамки обзора — 3 января 1905 г.— 3 июня 1907 г.

Ввиду того, что некоторые материалы являются общими и однотипными, и характер их в основном дан во введении, в обзоре часто указывается лишь род документов или сразу излагаются события. В отдельных случаях документы цитируются. Копийность их не оговаривается. При составлении обзора были использованы не только дела, содержащие подробные сведения о событиях, но и дела, содержащие сведения краткие и неполные, однако представляющие интерес. Вследствие большого количества дел, использованных в обзоре, и обращения в ряде случаев к одним и тем же делам, содержащим различные сведения, во избежание частого повторения шифров, ссылки на дела даются по району или по вопросу. Последовательность расположения фондов в ссылках определяется важностью и значимостью для данного района или вопроса содержащихся в нем сведений. Во введении указаны шифры лишь тех дел, на которые нет ссылок в тексте обзора. Листы документов указываются только в тех случаях, когда документы цитируются. К обзору прилагается список использованных фондов и принятых сокращений.

Список фондов, использованных при составлении обзора

1. Совет министров — ф. 1276
2. Комитет министров — ф. 1263
3. Государственная дума — ф. 1278
4. Министерство юстиции — ф. 1405
5. Уголовный кассационный департамент Сената — ф. 1363
6. Соединенные присутствия и общие собрания кассационных департаментов Сената*[1] — ф. 1354
7. Департамент общих дел Министерства внутренних дел (МВД) — ф. 1284
8. Канцелярия министра внутренних дел — ф. 1282
9. Земский отдел МВД — ф. 1291
10. Главное управление почт и телеграфов МВД — ф. 1289
11. Управление по делам воинской повинности МВД* — ф. 1292
15. Канцелярия петербургского генерал-губернатора — ф. 1326
16. Управление дворцового коменданта — ф. 1328
18. Особая комиссия для выяснения причин недовольства рабочих Петербурга и его пригородов и изыскания мер к устранению их в будущем (комиссия Шидловского) — ф. 1205
19. Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности — ф. 22
20. Министерство торговли и промышленности (МТ и Пр.) — ф. 23
21. Горный департамент МТиПр. — ф. 37
22. Отделы торгового мореплавания и торговых портов МТ и Пр. — ф. 95
23. Учебный отдел МТ и Пр. — ф. 25
24. «Всеподданнейшие» доклады по части торговли и промышленности — ф. 40
25. Общая канцелярия министра финансов — ф. 560
26. Департамент окладных сборов Министерства финансов (МФ) — ф. 573
27. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей (МФ) — ф. 575
28. Государственный банк — ф. 587
29. Петербургский учетный и ссудный банк* — ф. 598
30. Канцелярия министра путей сообщения — ф. 229
31. Управление железных дорог — ф. 273
32. Правление общества Китайско-Восточной ж. д. — ф. 323
33. Отдел по испытанию и освидетельствованию заказов Министерства путей сообщения — ф. 266
34. «Всеподданейшие» доклады по ведомству путей сообщения — ф. 446
35. Департамент земледелия Главного управления землеустройства и земледелия — ф. 398
36. Лесной департамент Министерства земледелия — ф. 387
37. Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Главного управления землеустройства и земледелия — ф. 395
38. Главное управление уделов Министерства императорского двора — ф. 515
39. Канцелярия Министерства императорского двора — ф. 472
40. Кабинет «его величества» — ф. 468
41. Придворная контора вел. князя Михаила Николаевича — ф. 547
42. Управление императорскими фарфоровым и стеклянным заводами* — ф. 503
43. Канцелярия е. и. в. по принятию прошений — ф. 1412
44. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения МНП — ф. 733
45. Особенная канцелярия министра народного просвещения — ф. 773
46. Департамент общих дел МНП — ф. 740
47. Отдел промышленных училищ МНП — ф. 741
48. Указы, рескрипты и «всеподданнейшие» доклады по МНП — ф. 744
51. Вольное экономическое общество. — ф. 91
52. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов — ф. 150
53. Совет съездов горнопромышленников Урала* — ф. 48
54. Товарищество нефтяного производства «Братья Нобель» — ф. 1458
55. Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева* — ф. 51.
56. Богословское горнозаводское общество* — ф. 54
57. Акционерное общество «Верхне-Амурская золотопромышленная компания»* — ф. 57
58. Акционерное общество Нижне-Тагильских и Луньевских горных заводов наследников П. П. Демидова * — ф. 74

[1] Фонды, отмеченные*, использованы в единичных случаях.

59. Московское лесопромышленное товарищество* . . . . — ф. 71
60. Пароходное общество «Кавказ и Меркурий» . . . . — ф. 101
61. Русское общество пароходства и торговли . . . . — ф. 107
62. Абамелек-Лазаревы, князья* . . . . — ф. 880
63. Бередников С. Г.* . . . . — ф. 898
64. Воронцовы-Дашковы, графы * . . . . — ф. 919
65. Глазов В. Г. — министр народного просвещения . . . . — ф. 922
66. Пален, фон-дер, графы . . . . — ф. 1016
67. Щеголев П. Е., историк * . . . . — ф. 1093

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

гл. упр. — Главное управление
гос. — государственный, государственная
деп-т — департамент
кабинет е. в. — кабинет его величества
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
к-т — комитет
мест. — местечко
м-р — министр
МВД — Министерство внутренних дел
МЗиГИ — Министерство земледелия и государственных имуществ
МНП — Министерство народного просвещения
МПС — Министерство путей сообщения
МТиПр. — Министерство торговли и промышленности
МФ — Министерство финансов
МЮ — Министерство юстиции
о-во — общество
ст.— станция
тов. м-ра — товарищ министра
т-во — товарищество

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в 1905 г.

Материалы Архива о революционном движении рабочих в 1905—1907 гг. отражают все основные этапы рабочего движения в период революции, формы борьбы рабочих, рост политического сознания рабочего класса и роль социал-демократических, особенно большевистских организаций.

Как указывалось во введении, материалы о рабочем движении содержатся в фондах: Совета министров, Общей канцелярии м-ра финансов, МТ и Пр., Канцелярии петербургского генерал-губернатора, МЮ, Петербургского о-ва заводчиков и фабрикантов, Горного деп-та, Упр. железных дорог, Гос. банка и ряда других.

Начало революции в России

3 января 1905 г. началась стачка на Путиловском заводе, вылившаяся «...в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения»[1]

Среди материалов об этой стачке имеются докладная записка тов. м-ра финансов Тимирязева м-ру финансов Коковцеву, объявления по заводу директора, требования рабочих и другие документы, сообщающие о начале и ходе забастовки на Путиловском заводе, числе бастующих рабочих и перерастании стачки в Петербурге во всеобщую. Следует отметить еженедельные записки директора Деп-та полиции Лопухина Николаю II о революционном движении, в которых указывается, что среди рабочих Путиловского завода «появились мимеографированные прокламации за подписью „С.-Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии", причем священник Гапон просил рабочих листков этих не читать, а уничтожать, разбрасывателей же гнать, и никаких политических вопросов не затрагивать»[2].

В тех же записках, а также в записках Коковцева м-ру внутренних дел Святополк-Мирскому и Николаю II, в секретной переписке управляющего Николаевской ж. д. с Упр. железных дорог и других документах сообщается о массовых собраниях и забастовках рабочих на заводах Петербурга и его окрестностей накануне 9 января. Как указывается, 7 января в Петербурге бастовало 100 предприятий с 80 тыс. рабочих, 8 января — более 100 тыс. рабочих. Петербургская стачка вызвала большую тревогу царского правительства. В этом отношении интересна записка Коковцева Святополк-Мирскому, в которой говорится:

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 71.

[2] Ф. 1326, оп. 6, д. 4, ч. 1, л. 10, 358; ф. 22, оп. 1, д. 749; ф. 266, оп. 1, д. 271.

«Эта коллективная забастовка по числу участвующих в ней рабочих, по быстроте, с которой она охватила одно фабрично-заводское заведение за другим, и, наконец, по характеру предъявленных забастовщиками требований не может не останавливать на себе самого серьезного внимания и не возбуждать особо тревожных опасений за судьбу промышленных предприятий и занятых в них рабочих не только петербургского района, но и всех других округов»[1].

В отдельных делах указанных выше фондов имеются сведения о расстреле рабочих 9 января, перерастании стачки в Петербурге во всеобщую политическую стачку и об откликах на январские события по всей стране. Интерес представляют ежедневные записки Святополк-Мирского Николаю II с резолюциями и пометами последнего, в которых сообщается о расстрелах рабочих на Дворцовой площади, Невском проспекте и в рабочих районах, о постройке баррикад на Васильевском острове, вооружении рабочих и столкновениях их с полицией и казаками. В делах фондов Канцелярии петербургского генерал-губернатора и Петербургского о-ва заводчиков и фабрикантов содержатся листовки социал-демократических организаций, изданные в связи с событиями 9 января, текст петиции и требования рабочих, Устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», списки убитых и раненых 9 января и умерших от ран в разных больницах Петербурга и другие документы. В записке Лопухина Николаю II от 20 января сообщается о депутации, в которую входил А. М. Пешков (М. Горький), ездивший 8 января к Витте и Святополк-Мирскому с целью предупредить готовившуюся правительством кровавую расправу с рабочими, а также сведения об аресте и высылке Горького из Петербурга[2].

После 9 января забастовочное движение распространилось на многие предприятия Петербурга и его окрестностей. Подробные сведения об этих забастовках приводятся в докладе м-ра торговли и промышленности Тимирязева, представленном в декабре Николаю II, и записках Лопухина[3].

В срочных телеграфных донесениях с мест и составленных на их основании записках сообщается о нарастании в январе день за днем стачечной борьбы в разных городах России, столкновениях рабочих с полицией и войсками, демонстрациях, митингах протеста и других выступлениях в Москве, Риге, Либаве, Одессе, Киеве, Туле, Твери, Баку, Харькове, Ревеле, Саратове, Гельсингфорсе, Лодзи, Варшаве, Тифлисе, Томске, Батуме, Казани и во многих других городах[4].

В отчетах и донесениях о деятельности начальников Виндавского, Батумского и других торговых портов содержатся сведения о забастовках в январе портовых рабочих[5].

Начались забастовки и на отдельных железных дорогах. В так называемой секретной переписке Упр. железных дорог имеются телеграммы, рапорты и донесения начальников дорог м-ру путей сообщения Хилкову и управляющему железными дорогами Думитрашко, доклад Хилкова Николаю II и другие документы о забастовке рабочих железнодорожных мастерских и депо и служащих управлений Московско-Брестской, Московско-Виндаво-Рыбинской, Самаро-Златоустовской, Закавказских, Рязанско-Уральской, Риго-Орловской и других железных дорог. В делах имеются требования рабочих отдельных дорог[6].

В указанных выше донесениях Святополк-Мирского Николаю II, представлениях прокуроров окружных судов прокурорам судебных палат и в других документах сообщается о влиянии среди рабочих социал-демократических организаций и распространении листовок, изданных в связи с событиями 9 января Центральным, Петербурским, Московским, Казанским, Красноярским, Томским, Одесским и другими комитетами РСДРП[7].

Массовый подъем революционного движения в стране заставил царское правительство сделать попытку расколоть рабочее движение путем обмана и подкупа. С этой целью правительством была создана Комиссия Шидловского, материалы которой хранятся в Архиве. Кроме того, отдельные документы, связанные с этой комиссией, в том числе требования рабочих, предъявленные в связи с выборами в нее, сведения о забастовках рабочих и об отказе их участвовать в выборах делегатов и др. имеются в фонде Канцелярии петербургского генерал-губернатора[8].

Стачки рабочих, начавшиеся в январе, не прекращались и в последующие месяцы. Так, по сообщению Лопухина, в Петербурге бастовали рабочие Невского механиче-

[1] Ф. 1326, оп. 6, д. 4, ч. 1; ф. 40, оп. 1, д. 59; ф. 273, оп. 12, дд. 313, 316; ф. 22, оп. 1, д. 749, л. 71.

[2] Ф. 1328, оп. 2, д. 2; ф. 1326, оп. 6, д. 4, ч. I, оп. 7, д. 2; ф. 150, оп. 1, дд. 482, 643.

[3] Ф. 40, оп. 1, дд. 58, 59; ф. 1326, оп. 6, дд. 4, ч. I, 81, ч. II.

[4] Ф. 1326, оп. 6, д. 4, ч. I; ф. 587, оп. 56, дд. 232, 348; ф. 560, оп. 26, д. 497; ф. 575, оп. 3, д. 3945.

[5] Ф. 95, оп. 5, д. 862; оп. 8, д. 850; оп. 18, д. 1056; ф. 107, оп. 1, д. 1679; ф. 587, оп. 56, д. 348.

[6] Ф. 273, оп. 12, дд. 320, 325, 335, 343, 354, 364, 373; ф. 446, оп. 31, д. 14, доклад № 13.

[7] Ф. 1405, оп. 530, дд. 148, 194, 199; ф. 150, оп. 1, дд. 643, 646; ф. 733, оп. 152, д. 45; оп. 166, д. 823; оп. 174, д. 1511.

[8] Ф. 1205; ф. 1326, оп. 6, 7, ч. II; оп. 7, д. 2; ф. 273, оп. 12, д. 316.

ского и судостроительного, Александровского механического, Путиловского, Обуховского заводов, Невской ниточной мануфактуры и других предприятий. 24 февраля забастовками в Петербурге было охвачено 22 предприятия, общее число бастовавших достигало 55 тыс. чел. Сведения о забастовках в Петербурге с 24 февраля по 2 марта содержатся также в справке МФ, представленной Николаю II[1]. Интерес представляют листовки Петербургского к-та РСДРП, Выборгского районного к-та РСДРП и социал-демократических организаций отдельных заводов и фабрик, изданные в этот период[2].

В ряде документов сообщается об отдельных забастовках и демонстрациях рабочих в феврале — марте 1905 г. в Московской, Владимирской, Ярославской, Тульской, Нижегородской, Саратовской и других губерниях Центральной части России, в Сибири, на Урале, Украине, в Белоруссии, Закавказье, главным образом на нефтяных промыслах и в портах Черного моря, в Прибалтике и Польше и на отдельных железных дорогах страны[3].

Следует отметить обзоры рабочего движения за январь — март 1905 г. и справку о забастовках в январе — феврале 1905 г. по губерниям России, составленные по донесениям старших фабричных инспекторов. Эти документы показывают бурный рост рабочего движения в стране в первые месяцы революции[4].

Революционное движение рабочих весной и летом 1905 г.

Первомайские стачки и демонстрации ознаменовали новый подъем революционного движения. Значительную роль в подготовке первомайских выступлений рабочих сыграли социал-демократические листовки. Среди ряда листовок, содержащихся главным образом в делах МЮ по прокурорскому надзору, имеется листовка «Первое мая», написанная В. И. Лениным. Здесь же следует отметить хранящееся в фонде Канцелярии петербургского генерал-губернатора агентурное донесение Деп-та полиции по поводу созыва III съезда РСДРП[5].

В записках Лопухина, делах МЮ и Петербургского о-ва заводчиков и фабрикантов имеются сведения о проходивших летом революционных выступлениях рабочих Петербурга и его окрестностей, в том числе Сестрорецкого завода, где 9 июля была организована демонстрация в память событий 9 января. Среди документов об этих выступлениях рабочих есть отдельные листовки Петербургского к-та РСДРП, например, «Бюллетень» с указанием фабрик и заводов Петербурга, бастовавших 9 июля[6].

В представлениях прокуроров окружных судов, донесениях окружных инженеров горных округов и управляющих отделениями Гос. банка сообщается о забастовках на отдельных предприятиях и о распространении среди рабочих прокламаций в Москве, Твери, Туле, Нижнем-Новгороде, Пензе, Самаре и других городах Центральной части России; на Урале, где бастовали рабочие Пермских пушечных, Алапаевских, Сысертского, Нижне-Тагильского и других заводов и некоторых приисков; в Тюмени, Томске и других городах и на отдельных золотых приисках и каменноугольных копях в Сибири; в Харькове, Николаеве, в Екатеринославской губ. — на Днепровском, Александровском, Никопольском заводах и отдельных рудниках, на Луганском заводе Гартмана, где в числе руководителей стачки называется К. Е. Ворошилов; в некоторых городах Белоруссии; на нефтяных промыслах в Баку, на Алавердинском медеплавильном заводе и Шаропанских марганцевых промыслах в Тифлисской губ.; в Риге, Ревеле, Либаве, Виндаве, Варшаве, Лодзи, Озоркове и во многих других городах страны. Из документов о революционном движении в Польше следует отметить телеграмму Коковцева от 29 июля по поводу волнений среди рабочих на заводе Гута-Банкова в Домброве, продолжавшихся почти шесть месяцев, и об увольнении здесь за участие в забастовках 3 тыс. рабочих[7].

Об одной из самых крупных майских стачек — стачке иваново-вознесенских ткачей — имеются лишь косвенные сведения в фонде Общих собраний и соединенных присутствий Кассационного деп-та Сената[8].

Стачка лодзинских рабочих в мае—июне отражена отдельными документами фондов Гос. банка и МЮ, в которых сообщается о баррикадах на улицах города,

[1] Ф. 40, оп. 1, д. 58; ф. 1326, оп. 6, д. 81, ч. I.

[2] Ф. 150, оп. 1, д. 643.

[3] Ф. 1326, оп. 6, д. 4, ч. I; ф. 560, оп. 26, д. 497; ф. 587, оп. 56, д. 348; ф. 37, оп. 58, дд. 304, 305; ф. 575, оп. 3, д. 3945; ф. 95, оп. 5, д. 733; ф. 101, оп. 1, д. 120; ф. 273, оп. 12, дд. 345, 377, 379, 384, 389.

[4] Ф. 23, оп. 16, д. 3; оп. 20, д. 1; ф. 40, оп. 1, д. 58.

[5] Ф. 1405, оп. 530, дд. 148, 194, 195, 199, 210; ф. 150, оп. 1, д. 643; ф. 1326, оп. 6, д. 7, ч. II.

[6] Ф. 1326, оп. 6, д. 81, ч. 1; ф. 150, оп. 1, дд. 643, 646; ф. 95, оп. 5, д. 826.

[7] Ф. 23, оп. 7, д. 41; оп. 9, д. 370; оп. 27, д. 486; ф. 560, оп. 26, д. 497; ф. 587. оп. 33, д. 19; оп. 56, д. 348; ф. 1405, оп. 195, д. 286; оп. 107, дд. 2078, 3587, 3762, 4569, 5734, 8301, 8406; оп. 530, дд. 132, 133, 148, 180, 182, 198, 208, 234; ф. 37, оп. 58, д. 303; оп. 66, д. 711; ф. 51, оп. 1, д. 230; ф. 57, оп. 1, д. 878; ф. 1458, оп. 1, д. 237; ф. 575, оп. 3, д. 3946.

[8] Ф. 1354, оп. 3, дд. 1420—1441.

митингах и демонстрациях рабочих, о вооруженных столкновениях с войсками и подавлении стачки[1].

Крупные революционные события происходили в июне в Одессе в связи с восстанием на броненосце «Потемкин». В телеграммах управляющего Одесской конторой Гос. банка и начальника Южного таможенного округа, в докладе командированного в Одессу генерал-адъютанта Игнатьева Николаю II и других документах сообщается о всеобщей стачке в Одессе, постройке рабочими баррикад на улицах города, столкновениях с казаками, о демонстрациях и митингах рабочих[2].

Забастовки летом 1905 г. происходили также на отдельных железнодорожных станциях, в мастерских и депо Харьково-Курско-Севастопольской, Екатерининской, Владикавказской, Закавказских, Юго-Восточных, Рязанско-Уральской, Пермской, Сибирской, Забайкальской и других дорог страны. Подробные сведения об этих забастовках содержатся в телеграммах и рапортах начальников железных дорог и станций в Упр. железных дорог и МПС, письмах тов. м-ра внутренних дел Трепова м-ру путей сообщения Хилкову, представлениях прокуроров окружных судов и в других документах[3]. Отдельные забастовки на железных дорогах отмечались также и в сентябре.

О сентябрьских стачках на предприятиях имеется небольшой материал. По Петербургу следует отметить донесение начальника губернского жандармского управления петербургскому генерал-губернатору Трепову, секретную переписку по Деп-ту общих дел МВД и другие документы, сообщающие о революционной пропаганде на Обуховском, Александровском механическом и других заводах Петербурга и о массовых митингах в отдельных учебных заведениях[4]. По другим районам имеются рапорт казанского губернатора Николаю II о революционных событиях в Казани с сентября по ноябрь, специальное дело Горного деп-та о забастовке на Пермских пушечных заводах, донесения окружных инженеров в Горный деп-т о забастовках на отдельных золотых приисках Забайкальского горного округа, письмо м-ра финансов Коковцева товарищу м-ра внутренних дел Трепову и переписка с военным м-ром о волнениях рабочих в Донбассе, донесения начальников портов в Отделы торгового мореплавания и портов о забастовке в сентябре судовых команд пароходов в Мариупольском и Одесском портах[5].

Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.

Материалы Архива довольно полно освещают ход и размах октябрьской стачки, особенно в Петербурге. Основными материалами по Петербургу являются донесения градоначальника, начальников Петербургского жандармского управления и охранного отделения, «ведомости о происшествиях», представлявшиеся градоначальником, рапорты ему приставов участков, содержащиеся в фондах Канцелярии петербургского генерал-губернатора и Совета министров, рапорты инженеров Отдела по испытанию и освидетельствованию заказов МПС в фонде этого же названия, различные донесения и записки в фонде Петербургского о-ва заводчиков и фабрикантов и др. В названных документах сообщается о забастовке типографских рабочих в Петербурге, начавшейся 3 октября в знак солидарности с рабочими типографий Москвы, о последующих забастовках на многих заводах, в том числе на Путиловском, Обуховском, Балтийском судостроительном, Франко-Русском, Невском судостроительном и механическом, где на состоявшемся 17 октября собрании присутствовало около 7 тыс. чел., был поднят красный флаг и явочным порядком введен 8 часовой рабочий день, о присоединении к забастовке рабочих Петербургского порта, служащих почты и телеграфа, Гос. банка и других учреждений.

В тех же документах сообщается о революционной агитации, распространении прокламаций, собраниях, митингах на заводах, в институтах и университете; о демонстрациях с участием разных слоев населения, из которых особо следует отметить демонстрацию 18 октября — на Загородном проспекте, где на углу Гороховой ул. демонстранты были расстреляны войсками[6].

Октябрьская стачка парализовала жизнь столицы. В этой связи представляют интерес дела о мерах по обеспечению города 13—20 октября водою, освещением и продовольствием[7]. Для подавления революционного движения в Петербурге правительство предприняло жестокие меры. В

---

[1] Ф. 587, оп. 56, д. 233; ф. 1405, оп. 107, д. 5791.

[2] Ф. 1093, оп. 1, д. 207; ф. 107, оп. 1, д. 1704; ф. 587, оп. 26, д. 233; ф. 1405, оп. 530, д. 195; ф. 273, оп. 12, д. 345.

[3] Ф. 273, оп. 12, ряд дел с № 313 по 392; ф. 1405, оп. 107, дд. 8185, 8320; оп. 530, д. 186.

[4] Ф. 1326, оп. 6, дд. 73, ч. 1, 81, ч. 1; ф. 1284, оп. 46, д. 215.

[5] Ф. 1405, оп. 107, д. 3587; ф. 37, оп. 58, дд. 307, 318, 337; ф. 560, оп. 26, д. 497; ф. 1284, оп. 46, д. 209; ф. 95, оп. 5, д. 733.

[6] Ф. 1326, оп. 6, дд. 47, 81, ч. 1, 351, 353; ф. 1276, оп. 1, дд. 36, 149; ф. 23, оп. 20, д. 6; ф. 150, оп. 1, д. 139; ф. 266, оп. 1, д. 271; ф. 1405, оп. 530, д. 1053; ф. 587, оп. 56, д. 234; ф. 1289, оп. 8, д. 759; ф. 25, оп. 1, д. 5848.

[7] Ф. 1326, оп. 5, д. 59; оп. 6, д. 353; ф. 23, оп. 10, д. 7.

фонде Канцелярии петербургского генерал-губернатора имеются приказы, циркуляры, инструкции войскам петербургского гарнизона по подавлению революционного движения, в том числе известный приказ Трепова от 14 октября «холостых залпов не давать и патронов не жалеть», а также ведомости войск и диспозиции их в Петербурге[1].

Революционные события распространились также на окрестности Петербурга и Петербургскую губернию[2].

Октябрьские дни в Москве и Московской губ. освещаются в основном в анкетах о забастовочном движении на предприятиях, донесениях инженеров Отдела по испытанию и освидетельствованию заказов МПС и в представлениях прокурора Московской судебной палаты м-ру юстиции, в которых содержатся сведения о забастовках на заводах Бари, «Перенуд», вагоностроительном в Мытищах и ряде других. Имеются также сведения о митингах и демонстрациях в Москве. Особо следует отметить дело о демонстрации 20 октября во время похорон Н. Э. Баумана[3].

Из Петербурга и Москвы стачка перебросилась в другие города, и к 17 октября стала всероссийской. Сведения об этом содержатся в донесениях с мест, справках Деп-та полиции, «ведомостях о происшествиях», представлениях прокуроров окружных судов м-ру юстиции, записках и справках «о случаях бездействия губернской администрации» в Деп-т общих дел МВД, донесениях управляющих местными отделениями Гос. банка, листовках отдельных комитетов РСДРП и в других документах. В них сообщается о забастовках, перераставших во всеобщие, о митингах, демонстрациях, нередко заканчивавшихся вооруженными столкновениями с черносотенцами и войсками, о требованиях рабочих, часто выдвигавшихся под влиянием социал-демократических организаций — в Туле, где рабочие во время октябрьских событий предъявили требования об удалении войск из города, о передаче охраны города в их руки и запрещении монархических организаций; в Саратове, Самаре, Сызрани, Нижнем-Новгороде, Пензе, Астрахани, Воронеже, Казани, где 19 октября демонстранты обезоружили городовых и создали городскую милицию, в Ярославле, Твери, Иваново-Вознесенске, Калуге, Тамбове, Смоленске, Пскове, Новгороде, Архангельске и в других городах Центральной России[4].

Довольно полно освещается октябрьская стачка на Урале и в Приуралье. В донесениях окружных инженеров в Горный деп-т, телеграммах главноуправляющего пермским имением Абамелек-Лазаревых владельцу, письмах тов. м-ра внутренних дел Трепова м-ру финансов Коковцеву, в донесениях председателю Совета министров Витте и других документах сообщается о революционных выступлениях рабочих Пермских пушечных, Баранчинского и Надеждинского заводов, рабочих заводов, принадлежавших Абамелек-Лазаревым, Воткинского и др.

Сообщается также о забастовках, митингах, демонстрациях рабочих 12—19 октября в Челябинске, Златоусте, Уфе, Оренбурге, о митинге и демонстрации 19 октября рабочих в Екатеринбурге[5].

Большой размах приняла октябрьская стачка в Сибири и Забайкальской обл. В донесениях Витте Николаю II, представлениях прокуроров и других документах содержатся сведения о всеобщих забастовках, митингах и демонстрациях рабочих в Томске, где отмечаются руководство социал-демократов революционным движением, создание рабочей милиции, спровоцированное полицией зверское нападение черносотенцев на бастующих рабочих и учащихся и поджог дома управления железной дороги, в котором находились участники митинга, а также другие события. В тех же документах рассказывается о революционных событиях в Барнауле, Иркутске, Кургане, Ново-Николаевске, Красноярске; о демонстрациях в Тюмени, Омске[6]. События в Чите и Забайкальской обл. в основном освещаются в деле Деп-та общих дел МВД о революционном движении в этой области, а также в телеграммах главнокомандующего Линевича Николаю II и других документах в фонде Совета Министров[7].

На Украине, в особенности в промышленных районах, октябрьская стачка приняла очень широкий размах и отличалась большим упорством. В донесениях управляющего Харьковской конторой Гос. банка управляющему Банка, попечителя Харьковского учебного округа м-ру народного просвещения Глазову, в деле Деп-та общих дел МВД с сведениями «о случаях бездей-

---

[1] Ф. 1326, оп. 2, д. 78, л. 10; оп. 6, д. 360.

[2] Ф. 1326, оп. 6, дд. 73, ч. 1, 81, ч. II, 353, ф. 1405, оп. 107, д. 2072.

[3] Ф. 23, оп. 16, д. 14; оп. 17, д. 311; ф. 266, оп. 1, д. 271; ф. 1405, оп. 108, д. 9557; оп. 530, д. 181; ф. 273, оп. 12, д. 354-а.

[4] Ф. 1284, оп. 46, дд. 199, 204, 209, 215; ф. 1405, оп. 108, дд. 6836, 9354; оп. 195, д. 289; оп. 530, дд. 157, 181, 209, 219; ф. 587, оп. 33, дд. 392, 1454; оп. 56, дд. 234, 235; ф. 1276, оп. 3, д. 951; ф. 575, оп. 3, д. 3946; ф. 1289, оп. 8, д. 759; ф. 1363, оп. 2, д. 1367.

[5] Ф. 37, оп. 54, д. 2155; оп. 58, дд. 305, 307, 318; ф. 1284, оп. 46, дд. 211, 215; ф.587, оп.33, д. 1454; оп. 56, д. 235; ф. 1405, оп. 530, д. 167; ф. 880, оп. 1, д. 799.

[6] Ф. 1276, оп. 1, дд. 93-а, 102; ф. 1284, оп. 46, дд. 143, 215; ф. 587. оп. 56, д. 235; ф. 1328, оп. 2, д. 9; ф. 1405. оп. 530, д. 198; ф. 273, оп. 12, д. 367; ф. 468, оп. 29—41/41, д. 147.

[7] Ф. 1284, оп. 47, д. 222; ф. 1276, оп. 1, д. 93-б; ф. 560, оп. 26, д. 497.

ствия губернской администрации» подробно рассказывается об октябрьских событиях в Харькове: об объявлении 10 октября всеобщей политической забастовки, самовооружении рабочих, образовании «Оборонительного комитета», о постройке 11 октября баррикад[1]. В рапортах окружного инженера Мариупольского горного округа, инженеров по освидетельствованию заказов МПС на заводах, в представлениях прокуроров и других документах отмечаются всеобщая забастовка, демонстрации и столкновения бастующих с войсками в Екатеринославе, забастовки на заводах Никополь-Мариупольского о-ва и «Русский провиданс», демонстрации рабочих и освобождение ими политических заключенных, а также спровоцированные властями еврейские погромы в Мариуполе, аналогичные события в Ростове-на-Дону, митинги и забастовки в Бердянске и на металлургическом заводе в Таганроге, забастовки на ряде рудников в Бахмутском и Верхне-Днепровском уездах Екатеринославской губ. и обл. Войска Донского и посылка войск на рудники Донецкого района[2].

В деле Деп-та общих дел МВД о революционных событиях в Одессе в 1905 г., в рапортах начальника Одесского порта главноуправляющему торговым мореплаванием и портами и в других материалах сообщается о всеобщей забастовке в Одессе, о демонстрации 15 октября и сооружении баррикад, о вооруженном столкновении демонстрантов с полицией и войсками 16 октября, а также о погромах. Следует отметить отдельные листовки Одесского к-та РСДРП, изданные в период октябрьской стачки[3]. Имеются сведения о забастовках, митингах, демонстрациях с требованием освободить политических заключенных в Николаеве, где 18 октября произошло крупное столкновение с войсками, в Киеве, Полтаве, Миргороде, Жмеринке и других городах Украины, а также в Симферополе и Севастополе, где после расстрела войсками демонстрантов 19 октября рабочие и матросы потребовали снятия военного положения в городе и введения милиции. Сообщается, что во время похорон жертв расправы с речью выступил лейтенант Шмидт[4].

В материалах указывается о всеобщей забастовке, требованиях рабочих, массовых митингах на нефтепромыслах в Баку, о всеобщих политических забастовках в Батуме и Тифлисе, о демонстрациях рабочих и неоднократных столкновениях их с войсками и черносотенцами в названных городах[5].

Некоторые сведения имеются о революционном движении в октябре в Средней Азии[6].

Революционное движение в Белоруссии в период всеобщей стачки отражено в основном в представлениях прокуроров окружных судов, а также в докладной записке депутации города Минска председателю Совета министров и в других документах, где сообщается о забастовках рабочих, о митингах и демонстрациях, требовании освобождения политических заключенных и о расстреле 18 октября участников митинга в Минске, об аналогичных событиях в Витебске и Двинске, где 19 октября демонстранты разобрали оружие из оружейных магазинов и где имели место крупные вооруженные столкновения с войсками, о забастовках в Могилеве, Мозыре, Слуцке и других городах[7].

В Прибалтийском и Привислинском краях, как и на других окраинах, «где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет»[8], стачечная борьба в октябре приняла огромный размах, острый и упорный характер. В представлениях прокурора Ревельского окружного суда, донесениях управляющего Ревельским отделением Гос. банка и в других документах содержатся сведения о событиях в Ревеле: о забастовке рабочих электромеханических заводов акц. о-ва «Вольта», вагоностроительного завода «Двигатель», механического завода Виганда и других предприятий, о вооружении рабочих и их требовании удаления вызванных губернатором войск, о неоднократных столкновениях с войсками, расстреле 16-го октября митинга рабочих и др. В представлениях прокуроров окружных судов, рапортах инженера по освидетельствованию заказов МПС на заводах, докладе виленского губернатора Палена м-ру вн. дел Дурново отмечаются всеобщие забастовки, митинги, демонстрации в Риге, Либаве, Виндаве, Вильно, где демонстранты были расстреляны войсками, в Ковно, Слониме и других городах[9].

---

[1] Ф. 587, оп. 33, д. 392; оп. 56, д. 235; ф. 1284, оп. 46, д. 215; ф. 733, оп. 153, д.140.

[2] Ф. 37, оп. 58, дд. 305, 307; ф. 587, оп. 33, дд. 392, 1454; оп. 56, дд. 231, 235; ф. 266, оп. 1, д. 271; ф. 1405, оп. 530, д. 186.

[3] Ф. 1284, оп. 56, д. 218; ф. 95, оп. 5, дд. 595, 733; ф. 1328, оп. 2, д. 9; ф. 1405, оп. 530, дд. 193, 195; ф. 587, оп. 56, д. 235.

[4] Ф. 1276, оп. 1, д. 102; ф. 587, оп. 33, дд. 392, 1454; оп. 56, д. 235; ф. 1405, оп. 107, д. 10724; оп. 530, дд. 167, 193, 234; ф. 1284, оп. 46, д. 215.

[5] Ф. 95, оп. 5, д. 862; ф. 1458, оп. 1, д. 237; ф. 101, оп. 1, д. 120; ф. 1405, оп. 107, д. 6349; оп. 108, д. 6437; ф. 587, оп. 56, д. 235.

[6] Ф. 1405, оп. 530, д. 223; ф. 95, оп. 5, д. 862; ф. 101, оп. 1, д. 120.

[7] Ф. 1284, оп. 46, дд. 206, 207; ф. 1405, оп. 107, д. 6278; оп. 530, д. 295; оп. 539, д. 8—1905 г.

[8] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 308.

[9] Ф. 1276, оп. 1, д. 102; ф. 1405, дд. 143, 211; ф. 266, оп. 1, д. 271; ф. 1284, оп. 46,

В представлениях прокурора Варшавского окружного суда м-ру юстиции Манухину, отчете варшавского обер-полицмейстера и донесениях Дурново Николаю II, телеграммах окружных инженеров и других документах содержатся сведения о всеобщих забастовках, митингах, демонстрациях, нередко сопровождавшихся столкновениями с войсками, в Варшаве, Люблине, где рабочими были освобождены политические заключенные, в Ломже, Радоме, Плоцке и в других городах; о забастовках рабочих всех предприятий Домбровского округа, копей Бендинского округа и др. Имеются листовки, изданные Гл. упр соц.-дем. Королевства Польского и Литвы и Варшавским к-том в связи с октябрьской стачкой[1].

Значительные революционные события происходили и в Финляндии. В деле Совета министров, в докладной записке управляющего Гельсингфорским отделением Гос. банка и других материалах сообщается о митинге 17 октября в Гельсингфорсе, на котором была «принята резолюция: выразить симпатии финнов русским борцам за политическую и экономическую свободу и начать такую же борьбу в Финляндии, приступив к общей забастовке», о всеобщей забастовке в городе, о создании Центрального забастовочного комитета и об организации Красной гвардии[2].

Большое место в октябрьских событиях занимали железнодорожники, в первую очередь рабочие железнодорожных мастерских и депо. В фондах Упр. железных дорог и Канцелярии м-ра путей сообщения, — в так называемой конфиденциальной переписке, в делах фондов Совета министров и Гл. упр. почт и телеграфов о забастовках на железных дорогах сообщается о забастовке 7 октября на Московско-Казанской ж. д. и вслед за ней забастовках на Московско-Ярославско-Архангельской, Московско-Брестской, Николаевской, Риго-Орловской, Варшавско-Венской, Курско-Харьково-Севастопольской, Юго-Восточных, Закавказских, Владикавказской, Средне-Азиатской, Ташкентской, Самаро-Златоустовской, Сызрано-Вяземской, Рязанско-Уральской и Уссурийской железных дорогах, частичной забастовке на КВЖД, начатой в ответ на обращение Самарского стачечного комитета о прекращении перевозки грузов и войск по этой дороге, и на других дорогах страны. Имеются сведения о деятельности стачечных комитетов на дорогах и требованиях бастующих. Следует также отметить материалы о I Всероссийском делегатском съезде железнодорожных служащих, устав Всероссийского железнодорожного союза, справки, записки, ведомости о ходе всеобщей забастовки на железных дорогах и доклад Витте Николаю II о необходимости принять решительные меры по ликвидации железнодорожной стачки[3].

Таким образом, Всероссийская октябрьская стачка охватила все районы России и все слои рабочего класса. «Барометр показывает бурю!.. все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой... Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество...»[4]

Всеобщая октябрьская стачка расстроила всю хозяйственную жизнь страны, парализовала силу правительства, посеяла в нем панику. Напуганное невиданной в мире всенародной стачкой, царское правительство вынуждено было пойти на уступку — издать 17 октября манифест. Материалы об издании этого манифеста содержатся в деле фонда Совета министров, в котором следует отметить доклады Витте — автора манифеста — о необходимости частичных изменений государственного строя России в связи с ростом революционного движения в стране [5]. Манифест 17 октября был только маневром, временным отступлением правительства, «переходом на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной...»[6].

Ноябрьская стачка

Одной из крупнейших стачек в ноябре 1905 г. была общероссийская стачка работников почты и телеграфа, начавшаяся 16 ноября. Основные материалы о ней содержатся в фонде Гл. упр. почт и телеграфов МВД, в делах о забастовках служащих в почтово-телеграфных округах и в отдельных городах. Это — донесения и рапорты начальников почтово-телеграфных округов и инспекторов Гл. упр. почт и телеграфов, донесения губернаторов, телеграммы и записки биржевых комитетов и другие документы. В указанных материалах, а также в фондах Совета министров, МЮ и др. имеются сведения о почтово-телеграфной забастовке в Петербурге и его окре-

---

д. 215,; ф. 587, оп. 56, д. 235; ф. 273, оп. 12, д. 319; ф. 575, оп. 3, д. 3946; ф. 1016, оп. 1, д. 742.

[1] Ф. 1263, отчеты губернаторов за 1905 г., ч. II; ф. 1405, оп. 107, д. 6362; оп. 530, дд. 132, 136; ф. 1328, оп. 2, д. 9.

[2] Ф. 1276, оп. 16, д. 4; ф. 587, оп. 56 д. 235, лл. 79—84.

[3] Ф. 273, оп. 12, большинство дел с № 322 по № 418; ф. 1289, оп. 8, дд. 15 18, 761; ф. 1326, оп. 6, д. 81, ч. III ф. 1282, оп. 1, д. 717; ф. 1284, оп. 47 д. 222; ф. 1276 оп. 1, дд. 5, 15, 38 ф. 1405, оп. 530, дд. 181, 219, 1055.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 361.

[5] Ф. 1276, оп. 1, д. 54.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 398.

стностях, в Москве, Казани, Саратове, Самаре, Симбирске, Николаеве, Одессе, Екатеринославе, Киеве, Ростове-на-Дону, Красноводске, Грозном, Иркутске, Красноярске, Чите, Архангельске, Вятке, Смоленске, Варшаве, Либаве и других городах. Кроме того, косвенные сведения о стачке почтово-телеграфных служащих мы находим в фондах МЮ и Уголовного кассационного деп-та Сената во многих материалах о пересмотре дел по привлечению к ответственности служащих почтово-телеграфных контор за участие в забастовке[1].

В течение ноября в ряде городов происходили революционные выступления фабрично-заводских рабочих. В телеграммах Витте и докладе м-ра торговли и промышленности Николаю II, в записке заведующему политической частью Деп-та полиции, рапортах и представлениях прокуроров судебных палат, в донесениях управляющих отделениями Гос. банка и других документах сообщается о политических стачках, в том числе о стачках в знак протеста против приговора к смертной казни кронштадтских матросов, о демонстрациях и массовых митингах, о введении явочным порядком 8-часового рабочего дня и вооружении рабочих на Невском судостроительном, Александровском механическом и других заводах в Петербурге. В фонде Петербургского об-ва заводчиков и фабрикантов имеются отдельные номера газеты «Известия Совета рабочих депутатов», изданные в Петербурге в октябре — ноябре 1905 г.[2]

Сообщается также о забастовках и других революционных выступлениях рабочих в Туле, Иваново-Вознесенске, Вышнем-Волочке, Ростове-на-Дону и в других городах Центрально-промышленного района, на Пермских и других заводах Урала, в Харькове, в Екатеринославской губ.— на Макеевском металлургическом и других заводах и отдельных шахтах, на Алавердинском медеплавильном заводе в Тифлисской губ., в Ревеле, где бастовали и портовые рабочие, в Риге, где происходили вооруженные столкновения рабочих с войсками, в Виндаве, Варшаве, Люблине, Сувалках и других городах[3].

В ноябре имели место стачки на отдельных железных дорогах страны. В докладе м-ра путей сообщения Николаю II, в донесениях и телеграммах управляющих Владикавказской, Ташкентской, Самаро-Златоустовской и других дорог о забастовках рабочих и служащих говорится о введении рабочими на железных дорогах явочным порядком 8-часового рабочего дня, об их требованиях отмены смертной казни и военно-полевых судов, о создании стачечных комитетов на отдельных дорогах и других выступлениях. Представляет интерес дело об объявлении на осадном положении крепости Кушка Закаспийской обл., в котором содержатся подробные сведения о забастовке на Средне-Азиатской ж. д.[4].

Декабрьское вооруженное восстание в Москве и отклики на него

Подготовленное массовыми выступлениями пролетариата в течение всего 1905 г., революционное движение в декабре достигло высшего развития. Большевики готовили вооруженное восстание. В фонде Канцелярии петербургского генерал-губернатора имеются агентурные донесения о ходе и участниках Таммерфорской конференции РСДРП в декабре 1905 г., на которой обсуждался вопрос о вооруженном восстании, и резолюции конференции (копии)[5].

Знамя вооруженного восстания против царизма первыми подняли московские рабочие. Материалы о вооруженном восстании в Москве имеются в деле по прокурорскому надзору МЮ, содержащем доклад м-ра юстиции Манухина и рапорт московского генерал-губернатора Дубасова Николаю II, телеграммы прокурора Московской судебной палаты м-ру юстиции и другие документы, в записках Дурново Николаю II, в донесениях управляющего Московской казенной палатой м-ру финансов, в письмах агента Русского об-ва пароходства и торговли, в которых освещается ряд моментов героической борьбы московских рабочих: постройка баррикад, вооружение рабочих, столкновения дружинников с войсками, а также подавление восстания. В названном деле МЮ имеются, кроме того, списки участников восстания, ведомость дел о привлечении их к ответственности и сведения о ходе рассмотрения дел[6].

---

[1] Ф. 1289, оп. 8, дд. 62, 82, 109, 115, 118, 122—126, 129, 134, 757-а, 759, 764, 978, 1115, 1549; оп. 22, дд. 17, 21, 54, 74, 84; ф. 1276, оп. 1, дд. 70; ф. 23, оп. 9, д. 15; ф. 1405, оп. 110, дд. 1531, 1534, 1573, 1604, 1606, 1614, 1662, 1958, 2489, 6466; ф. 1363, оп. 8, д. 397.

[2] Ф. 40, оп. 1, д. 59; ф. 1276, оп 1, дд. 96, 164; ф. 1328, оп. 2, дд. 9, 10; ф. 150, оп. 1, дд. 265, 653.

[3] Ф. 1328, оп. 2, дд. 9, 10; ф. 1284, оп. 46, д. 199; ф. 587, оп. 56, дд. 235, 1175; ф. 23, оп. 9, д. 15; ф. 1405, оп. 107, дд. 4433, 8440, 8907, 20695-а; оп. 108, д. 9342; оп. 530, дд. 181, 186; ф. 266, оп. 1, д. 271; ф. 95, оп. 5, д. 862; ф. 575, оп. 3, дд. 3944, 3947, 3948; ф. 37, оп. 58, дд. 305, 307, 337; оп. 74, д. 555; ф. 48, оп. 1, д. 53; ф. 74, оп. 1, д. 65; ф. 1326, оп. 7, д. 13.

[4] Ф. 229, оп. 2, д. 1645, оп. 4, д. 541; ф. 273, оп. 12, дд. 312, 364, 373, 384, 389; ф. 1289, оп. 8, д. 16; ф. 323, оп. 1, д. 886; ф. 560, оп. 28, д. 1041.

[5] Ф. 1326, оп. 7, д. 13.

[6] Ф. 1405, оп. 530, дд. 23, 209, 369, 539, 1054; ф. 1328, оп. 2, д. 10; ф. 560.

Вооруженные восстания происходили также в Красноярске, Чите, Мотовилихе (Пермь), Сормове, Новороссийске, Сочи и других городах Черноморского побережья (материалы о восстаниях в Мотовилихе и Сормове в Архиве на обнаружены).

В записках Дурново Николаю II от 2 и 8 января 1906 г. сообщается, что в Красноярске «...железнодорожные рабочие, руководимые революционными элементами... захватили в городе власть... Город Чита и железнодорожная станция находится во власти соединенного революционого комитета, которому подчинились все городские и правительственные власти и часть местных войск... Вообще в городе Чите положение дел крайне серьезное...». Довольно подробные сведения о революционном движении в Забайкальской обл. имеются в показаниях б. военного губернатора этой области Холщевникова и в донесении управляющего казенной палатой Тыжнова. В указанных документах и в ряде других имеются сведения о жестоком подавлении вооруженных восстаний в Красноярске и Чите и о привлечении к ответственности их участников[1].

В фондах Совета министров, Отделов торгового мореплавания и портов, Гл. упр. уделов и других содержатся телеграммы вице-адмирала Чухнина Николаю II, донесения начальников торговых портов и агента Русского об-ва пароходства и торговли и другие документы, в которых сообщается о вооруженном восстании в Новороссийске и создании Новороссийской республики. О вооруженном восстании в Новороссийске, а также в Сочи и других городах Черноморского побережья указывается и в записках Дурново Николаю II. В докладах и телеграммах м-ра юстиции Щегловитова и наместника на Кавказе Воронцова-Дашкова Николаю II и в других документах сообщается об усилении деятельности к-та РСДРП в Гори, постройке баррикад в Батуме и Сухуме и введении в Батуме и его окрестностях осадного положения. Следует отметить рапорт прокурора Тифлисской судебной палаты об аресте Серго Орджоникидзе с группой товарищей при выгрузке оружия близ мест. Гудаут 24 декабря 1905 г.[2].

В тесной связи с вооруженными восстаниями на Кавказе и в Закавказье происходила массовая стачка рабочих в Баку. В фондах т-ва нефтяного производства «Бр. Нобель» и МГ и Пр. имеются анкеты о забастовках рабочих бакинского нефтяного района, записка рабочих о причинах стачек в Баку и сведения о Бакинском Совете рабочих депутатов[3].

В отдельных документах имеются сообщения о вооруженных восстаниях в Ростове-на-Дону, Минеральных Водах и о создании в Ростове-на-Дону Совета рабочих депутатов[4].

Одновременно с московским и другими вооруженными восстаниями и вслед за ними во многих городах страны в декабре происходили политические стачки и демонстрации рабочих. В докладах петербургского градоначальника Делюлина Николаю II в «ведомостях о происшествиях» в Петербурге за 9—15 декабря, в бюллетенях бюро по регистрации стачек при Петербургском об-ве заводчиков и фабрикантов и многих других документах сообщается о всеобщей политической стачке в Петербурге, которой 8 декабря было охвачено 80 предприятий с более чем 87 тыс. рабочих. Имеются листовки, изданные в декабре социал-демократическими организациями в Петербурге[5].

Политические стачки и вооруженные столкновения с войсками происходили также в Твери, Саратове, Самаре, Воронеже, Вологде, Одессе, Николаеве, Таганроге и других городах. В материалах об этих событиях имеются краткие сведения о Советах рабочих депутатов в Самаре, Одессе и Таганроге. Следует отметить листовки Одесского и Таганрогского Советов рабочих депутатов, изданные в декабре 1905 г.[6] В рапортах окружных инженеров горных округов, телеграммах и письмах начальников Уральских заводов и горных округов и других документах имеются сведения о стачках рабочих в декабре на Пермском пушечном и других заводах Пермской губ., Златоустовском оружейном и Кусинском заводах Уфимской губ., Воткинском, где рабочими был создан Совет рабочих депутатов, и других заводах Вятской губ.[7]

Бурно развернулась в декабре революционная борьба в городах Прибалтики в Польши. В записке заведующего особым

оп. 26, д. 511; ф. 107, оп. 1, д. 1704; ф. 266, оп. 1, д. 271; ф. 733, оп. 166, д. 57-а, ч. II; ф. 1363, оп. 3, д. 282.

[1] Ф. 1328, оп. 2, д. 11, лл. 3 об., 22; ф. 1276, оп. 1, д. 93-б; ф. 560, оп. 26, д. 497; ф. 1284, оп. 47, д. 222; ф. 1405, оп. 530, д. 300; ф. 273, оп. 2, д. 794; ф. 1354, оп. 6, д. 1191.

[2] Ф. 1276, оп. 1, дд. 93-б, 121, 149; оп. 2, д. 599; ф. 1328, оп. 2, д. 11, л. 5 об.; ф. 1405, оп. 521, д. 462, оп. 539, д. 3—1909 г.; ф. 587, оп. 33, д. 391; ф. 515, оп. 45, дд. 791, 899; ф. 95, оп. 5, д. 595: оп. 18, д. 1055; ф. 107, оп. 1, д. 1704; ф. 1363, оп. 8, д. 364.

[3] Ф. 1458, оп. 1, д. 237; ф. 23, оп. 17, д. 532.

[4] Ф. 95, оп. 5, д. 1334; ф. 273, оп. 2, д. 794; оп. 12, д. 373.

[5] Ф. 1326, оп. 6, д. 73, ч. I; оп. 7, д. 13; ф. 1276, оп. 1, д. 36; ф. 1328, оп. 2, дд. 9, 10; ф. 150, оп. 1, дд. 134, 265, 653, 654.

[6] Ф. 1328 оп. 2, д. 10; ф. 1276, оп. 1, д. 93-б; ф. 1405, оп. 530, д. 195; ф. 598, оп. 2, д. 1185; ф. 107, оп. 1, д. 1679; ф. 273, оп. 12, д. 364.

[7] Ф. 37, оп. 58, дд. 305, 307, 337; оп. 74, д. 555; ф 74, оп. 1, д. 65.

отделом Деп-та полиции м-ру внутренних дел, рапортах инженеров по освидетельствованию и испытанию заказов МПС, докладной записке инспектора Гос. банка, письме Рижского биржевого комитета м-ру финансов и в других документах сообщается о забастовках рабочих в Риге, Ревеле, Виндаве и других городах. Среди документов имеется листовка Латышской социал-демократической организации «Страздснгофским текстильным рабочим», с призывом к солидарности и свержению самодержавия[1].

Политические забастовки и демонстрации рабочих в декабре также имели место в Варшаве и других городах Польши, в Сосновицком и Домбровском угольных районах, о чем главным образом сообщается в записках Дурново Николаю II[2].

Продолжалась революционная борьба трудящихся и в Финляндии. В докладе управляющего статс-секретариатом Княжества Финляндского от 17 декабря приводится сообщение о десятитысячной демонстрации рабочих в Гельсингфорсе при участии Красной гвардии[3].

Широкого размаха в декабре 1905 г. достигла стачка железнодорожников, проходившая в тесной связи с вооруженными восстаниями и стачками фабрично-заводских рабочих. В ранее указанных фондах во многих делах о забастовках на железных дорогах имеются доклады и донесения м-ра путей сообщения Николаю II и Витте, рапорты, телеграммы, записки управляющих дорогами со сведениями о забастовках на Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской, Московско-Ярославской, Московско-Виндаво-Рыбинской и других дорогах Московского узла; на Сибирской и Забайкальской железных дорогах, особенно на станциях Красноярск и Чита, где, как указывается в сообщении Меллер-Закамельского, рабочие устроили баррикады в железнодорожных мастерских и вооружили дружинников; на Пермской, Самаро-Златоустовской, Средне-Азиатской, Курско-Харьково-Севастопольской, Харьково-Николаевской, Владикавказской и Закавказских, Риго-Орловской, Привислинских и других дорогах страны. Следует также отметить сообщения о забастовке 2 тыс. рабочих Варшавских железнодорожных мастерских в Петербурге и о попытке рабочих и крестьян Тверской губ. на ст. Кулицкая (близ Твери) разобрать путь и прервать сообщение Петербурга с Москвой в период вооруженного восстания.[4] Краткие сведения о декабрьской стачке железнодорожных рабочих имеются в делах прокурорского надзора по пересмотру дел о привлечении к ответственности за участие в забастовках и стачечных комитетах на железных дорогах в декабре 1905 г. в фонде Уголовного кассационного деп-та Сената, содержащих протесты прокуроров по поводу оправдательных приговоров, списки осужденных, обвинительные акты и другие документы[5].

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в 1906 г.

После поражения декабрьского вооруженного восстания начался постепенный спад революционного движения, революция вступила в следующий этап, усилилась реакция в стране. Но и в этих тяжелых условиях пролетариат России продолжал вести упорные бои, которые В. И. Ленин назвал арьергардными.

Материалы Архива в значительной мере освещают продолжавшуюся в 1906—1907 гг. революционную борьбу пролетариата России.

Сведения о рабочем движении в 1906 г. имеются по многим промышленным городам и районам России. По Петербургу и Петербургской губ. они содержатся в основном в анкетах о забастовочном движении и делах Петербургского о-ва заводчиков и фабрикантов, в которых имеются сведения и донесения доверенных и владельцев отдельных заводов о забастовках, митингах, собраниях на заводах Лесснера, Охтенском пороховом, на Сампсониевской мануфактуре, фабриках т-ва шерстяных изделий «Торнтон» и т-ва Охтенской бумагопрядильни, на табачной фабрике т-ва «Лаферм», Кренгольмской мануфактуре под Нарвой и на ряде других предприятий. Для характеристики революционного движения в Петербурге известный интерес представляют донесения Дурново Николаю II об обнаружении при обысках в январе номеров газеты «Известия Совета рабочих депутатов», революционных воззваний, ручной типографии и шрифта с набором воззвания к рабочим Балтийского завода[6].

[1] Ф. 1282, оп. 1, д. 717; ф. 587, оп. 56, д. 1175; ф. 266, оп. 1, д. 271; ф. 23, оп. 27, д. 315.

[2] Ф. 1276, оп. 1, д. 102; ф. 1328, оп. 2, д. 10; ф. 37, оп. 58, д. 337.

[3] Ф. 1276, оп. 1, д. 71.

[4] Ф. 273, оп. 12, ряд дел с № 305 по № 394 и дд. 584, 793; ф. 229, оп. 2, д. 1649; ф. 1276, оп. 1, дд. 72, 93-б; ф. 1289, оп. 8, дд. 18, 761; ф. 1284, оп. 47, д. 219; ф. 446, оп. 31, д. 17, доклад № 234; ф. 1405, оп. 107, д. 4486; оп. 110, д. 1615; оп. 530, дд. 400, 1054; ф. 1326, оп. 7, д. 13.

[5] Ф. 1363, описи 3 и 4.

[6] Ф. 23, оп. 17, д. 316; оп. 27, д. 487; ф. 150, оп. 1, дд. 654, 659; ф. 1405, оп. 530, д. 408; ф. 1328, оп. 2, д. 11.

Сведения о забастовках по Москве и Московской губ. содержатся, главным образом, в анкетах МТ и Пр. Здесь бастовали рабочие отдельных заводов, бумаго- и шерстепрядильных фабрик, деревообделочных и прочих предприятий[1].

В тех же анкетах о забастовочном движении, донесениях фабричных инспекторов в МТ и Пр. и окружных инженеров в Горный деп-т, представлениях прокуроров окружных судов м-ру юстиции и в других документах содержатся сведения о забастовках на отдельных предприятиях, а также в ряде случаев о демонстрациях, митингах, столкновениях рабочих с полицией — в Самаре и Самарской, Астраханской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Владимирской, Тульской, Рязанской, Костромской губерниях, в Олонецкой губ., где следует отметить сентябрьскую забастовку рабочих Александровского завода в Петрозаводске и демонстрацию их перед домом губернатора, в Архангельской губ., где забастовки происходили в основном на лесопильных заводах, и в других губерниях Центральной, Северо-Западной и Северной частей России[2].

Революционное движение в 1906 г. на Урале и в Приуралье отражено в основном в делах Горного деп-та. В телеграммах и рапортах окружных инженеров, горного начальника и администрации заводов в Горный деп-т и начальнику Уральских горных заводов, в сообщениях Совета съездов горнопромышленников Урала, донесениях пермского губернатора в МВД и старших фабричных инспекторов в МТ и Пр. и в других документах сообщается о забастовках, распространении революционных прокламаций, об отдельных митингах на Лысьвенском, Нижне-Тагильском, Надеждинском, Сосьвинском, Кыштымских заводах Пермской губ.; на Воткинском заводе, где забастовка началась в знак протеста против арестов среди рабочих, на Ижевском и других заводах и фабриках Вятской губ.; о забастовках на Тирляндском и Белорецком заводах Оренбургской губ., где осенью рабочие бастовали в течение месяца и правление общества этих заводов объявило локаут[3].

В записках Дурново Николаю II и в других документах сообщается о волнениях в Благовещенске, Бийске, Тюмени, об отдельных митингах рабочих в Чите и других городах, об обнаружении в Томске и Иркутске складов оружия и революционных изданий. Интересно сообщение, в связи с арестом в Харбине руководителей стачечного комитета КВЖД, о распространении членами этого комитета в тысячах экземпляров прокламаций, печатавшихся в типографии Управления КВЖД. Значительное место в революционном движении в Сибири и Забайкальской обл. в 1906 г. занимали забастовки горнорабочих, проходившие на ряде золотых приисков в Енисейской, Иркутской губерниях и на Судженских и других каменноугольных копях в Томской губ. и Забайкальской обл. В делах о забастовках горнорабочих, помимо донесений, рапортов и телеграмм окружных инженеров в Горный деп-т, содержатся требования рабочих, выработанные Южно-Енисейским рабочим союзом, и другие документы[4].

В 1906 г., как и в 1905 г., активное участие в революции принимали рабочие Украины, в особенности ее крупнейших промышленных центров — Харькова и Екатеринослава и южного горнопромышленного района. В основном рабочее движение освещается здесь уже называвшимися материалами Горного деп-та, в числе которых следует также указать записку Совета съезда горнопромышленников юга России, анкетами МТ и Пр., рапортами начальников отдельных железных дорог юга России, донесениями прокуроров окружных судов. В 1906 г. забастовки, отдельные митинги и демонстрации происходили на Краматорском, Брянском, Дружковском, Петровском, Никополь-Мариупольского о-ва, «Русский провиданс» и на ряде других металлургических заводов Харьковской и Екатеринославской губерний и обл. Войска Донского. Забастовки на заводах происходили в течение всего года и носили часто политический характер. Для характеристики революционного движения в этом районе известный интерес представляет донесение Дурново Николаю II об обнаружении в начале года в рабочем поселке Екатеринослава Амур-Нижнеднепровске склада революционной литературы и оружия и об аресте на сходке членов местного комитета РСДРП.

Значительным, в особенности летом, было революционное движение на рудниках и шахтах юга России. Так, забастовки, отдельные митинги и другие выступления рабочих имели место на Брянском, Кадиевском, Анненском, Успенском, Вознесенском, Рутченковского горнопромышленного о-ва, Лидиевских и ряде других каменноугольных рудников, главным образом в Бахмутском и Славяносербском уездах Екатеринославской губ. Правительство и промышленники были очень

---

[1] Ф. 23, оп. 16, д. 14; оп. 17, д. 311; оп. 27, д. 487.

[2] Ф. 23, оп. 17, дд. 313, 314, 326, 334, 338; оп. 27, д. 487; ф. 1405, оп. 108, дд. 6838, 6913, 7010; ф. 37, оп. 58, дд. 307, 344; ф. 1276, оп. 2, д. 602; ф. 1328, оп. 2, д. 11.

[3] Ф. 37, оп. 58, дд. 337, 344; оп. 72, д. 20; ф. 1276, оп. 2, дд. 602, 611; ф. 1405, оп. 108, д. 2482.

[4] Ф. 1328, оп. 2, д. 11; ф. 1276, оп. 2, д. 525; ф. 37, оп. 58, дд. 337, 344; оп. 74, д. 555.

напуганы стачечным движением среди горнорабочих. Помимо телеграмм о посылке войск и других документов, это находит отражение и в деле о созыве экстренного съезда горнопромышленников юга России в августе 1906 г. для решения вопроса о создании в Юзовке генерал-губернаторства. Здесь, в письме уполномоченного съезда горнопромышленников юга России Авдакова м-ру торговли и промышленности Философову сообщается о невозможности созыва названного съезда из-за опасения усиления революционного движения в Донбассе[1].

В уже называвшихся делах содержатся краткие сведения о распространении прокламаций РСДРП, демонстрациях, забастовках в Одессе — на заводах Русского о-ва пароходства и торговли, например в августе, когда предприниматели объявили локаут, в порту, в депо, на мукомольных, столярных и прочих небольших предприятиях и соляных промыслах в Одесском уезде; в Киеве, Николаеве, Полтаве, Черкассах и некоторых других городах и местечках Украины; о волнениях в Ялте и Евпатории[2]. Интересны донесения о побеге из тюрьмы в Севастополе 35 матросов — участников восстания в ноябре 1905 г. и из Кишиневской тюрьмы Г. И. Котовского, а также о новом аресте его[3].

Революционное движение на Кавказе и в Закавказье в 1906 г. находит отражение в записках м-ра внутренних дел Николаю II и Витте, в телеграммах и донесениях начальника Кавказского горного управления и окружных инженеров в Горный деп-т, в телеграмме наместника на Кавказе Воронцова-Дашкова Столыпину и других документах. В них сообщается о забастовках на Бакинских нефтяных промыслах, где, по сообщению начальника Кавказского горного управления, в июле бастовало около 65% рабочих, на Грозненских нефтепромыслах, на горнопромышленных и химических заводах о-ва «Алагирь» в Терской обл. и др.; о забастовках легом на Алавердинском медеплавильном, Боржомском стекольном и других заводах, а также на Тквибульских и других каменноугольных копях в Тифлисской и Кутаисской губерниях, следует отметить донесения об обнаружении в апреле в Тифлисе тайной типографии (Авлабарской) и мастерской взрывчатых веществ объединенных Кавказских социал-демократических и военной организаций, а также типографии Комитета РСДРП в Баку[4].

Некоторые сведения имеются о революционном движении в Средней Азии, в частности в Ферганской обл.[5]

Небольшой материал, в основном анкеты МТ и Пр., имеется о забастовках в Белоруссии — на лесопильных заводах, фанерных фабриках и других предприятиях Минска, Двинска, Мозыря и других городов и местечек края. Имеются отдельные листовки некоторых социал-демократических организаций[6].

Продолжали борьбу в 1906 г. рабочие Прибалтийских губерний и Польши. В представлениях прокуроров, анкетах МТ и Пр. и других документах содержатся сведения о забастовках, отдельных сходках и демонстрациях в Риге, в том числе 9 января и 1 мая,— на машиностроительном и котельном заводе акц. о-ва «Рихард Поле», машиностроительном заводе акц. о-ва б. «Бр. Клейн», на ряде лесопильных заводов, мебельных, пробочных и прочих фабрик. Особо следует отметить забастовку в апреле, когда рабочие фабрики «О-ва проволочной промышленности» в числе 600 чел. 18 апреля прекратили работу, как указывается, в знак протеста против длительного содержания под стражей их товарищей, к 20 апреля к бастовавшим присоединились уже более 22 тыс. рабочих 81 предприятия.

Следует назвать забастовки в Ревеле, в частности забастовку в июле в знак протеста против суда над матросами крейсера «Память Азова». Имеются сведения об отдельных забастовках в Либаве, Митаве, Вильно, Ковно и в других городах Прибалтики[7].

Из материалов по Польше особо интересны представления прокуроров о распространении революционных изданий, с приложением значительного количества социал-демократических листовок, изданных Гл. упр. соц.—дем. Королевства Польского и Литвы, Варшавским и Лодзинским комитетами социал-демократической партии. В анкетах МТ и Пр., в донесении начальника Варшавского губернского жандармского управления о революционном движении в крае, представлениях прокурора Варшавской судебной палаты и других документах сообщается о забастовках и вооруженных столкновениях рабочих с войсками и полицией в Варшаве,

[1] Ф. 37, оп. 58, дд. 307, 337, 344; оп. 65, д. 1372; оп. 72, д. 25; оп. 74, д. 555; ф. 1405, оп. 530, д. 381; ф. 560, оп. 26, д. 611; ф. 1328, оп. 2, д. 11.

[2] Ф. 1328, оп. 2, д. 11; ф. 23, оп. 17, дд. 324, 332; ф. 37, оп. 58, д. 344; ф. 273, оп. 12, д. 345; ф. 1405, оп. 530, дд. 340, 400.

[3] Ф. 1276, оп. 2, д. 525; ф. 1405, оп. 108, д. 6970.

[4] Ф. 37, оп. 58, дд. 337, 344; ф. 1458, оп. 1. д. 237; ф. 23, оп. 17, д. 313; ф. 1276, оп. 2, д. 525; ф. 1328, оп. 2, д. 11.

[5] Ф. 1276, оп. 2, д. 539; ф. 1405, оп. 530, д. 450; оп. 539, д. 4—1907 г.

[6] Ф. 23, оп. 17, дд. 314, 330; ф. 560, оп. 26, д. 497; ф. 1405, оп. 530, д. 430.

[7] Ф. 23, оп. 17, д. 329; оп. 20, д. 867; оп. 27, дд. 317, 487, 491, 493; ф. 1405, оп. 530, дд. 408, 429, 430; ф. 1276, оп. 2, д. 525.

о всеобщей политической забастовке в сентябре в Лодзи, об отдельных забастовках в Люблине, Калише и других городах, о митинге в июне в дер. Смардзевице Радомской губ., на котором присутствовало до 2 тыс. человек, преимущественно рабочих из гор. Томашева, и о других событиях[1].

Революционные выступления в Финляндии в 1906 г. освещаются в донесениях м-ра внутренних дел Николаю II и управляющего местным отделением Гос. банка в Правление банка, в записке финляндского генерал-губернатора Герарда и других документах, в которых сообщается о конгрессе представителей местных групп Красной гвардии в Гельсингфорсе, о присоединении части ее к восставшим в июле в Свеаборге морякам, об объявлении тогда же Красной гвардией всеобщей забастовки в Гельсингфорсе, столкновениях с войсками и ввозе оружия[2].

Значительное место в общем революционном движении в 1906 г. занимали забастовки портовых рабочих и судовых команд торгового флота, проходившие на Черном, Азовском и других морях в течение всего года. Сведения о них сосредоточены в основном в фонде Отделов торгового мореплавания и портов МТ и Пр.

Особое место занимает политическая забастовка, начавшаяся в Одесском торговом порту 11 мая и продолжавшаяся в течение полутора месяцев, которая подробно описана в специальном докладе Правления Русского о-ва пароходства и торговли. В донесениях прокурора указывается, что забастовка проходила под влиянием Одесского к-та РСДРП; в деле имеется прокламация этого комитета «Товарищи моряки! Во вторник на сходке...». С 13 мая началась общая забастовка экипажей торговых судов и в ряде мест портовых рабочих на Черном море, затем в портах — Ростове-на-Дону, Мариупольском и Бакинском. Сообщается также о забастовке в июне рабочих в Петербургском торговом порту и др. В представлении Отделов торгового мореплавания и портов в Совет министров по поводу борьбы с забастовками в торговом флоте сообщается о возникновении на судах флота ряда местных союзов служащих[3].

Участие одного из ведущих отрядов рабочего класса — железнодорожных рабочих в революционном движении в 1906 г. освещается в уже называвшейся секретной переписке управлении отдельных дорог с Упр. железных дорог, а также делами о «чрезвычайной охране железных дорог». В рапортах и телеграммах начальников дорог, сводных справках о забастовочном движении на дорогах в июле — октябре 1906 г. и других документах, содержащихся в названных делах, сообщается о забастовках, митингах, революционной агитации, предъявлении требований к администрации и о других революционных выступлениях рабочих отдельных мастерских, депо, станций, происходивших в течение года почти на всех железных дорогах страны: Московско-Курской, Московско-Казанской, Московско-Нижегородской и других дорогах Московского узла, на Риго-Орловской, Варшавско-Венской, Сызрано-Вяземской, Самаро-Златоустовской, Рязанско-Уральской, Пермской, Забайкальской, Сибирской железных дорогах. Как указывается, нормальная работа последних двух дорог после вооруженного восстания в декабре была восстановлена лишь в мае. По Сибирской ж. д. следует также отметить сообщения об обнаружении в депо ст. Курган изготовления бомб, о попытках введения восьмичасового рабочего дня, о проводившейся подписке в пользу бастовавших петербургских рабочих. Забастовки и другие выступления рабочих отдельных мастерских, депо, станций имели место и на Екатерининской, Харьково-Николаевской, Юго-Восточных, Юго-Западных, Закавказских, Ташкентской, Средне-Азиатской и других железных дорогах[4].

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в 1907 г.

В делах фондов МТ и Пр. и Петербургского о-ва заводчиков и фабрикантов имеются протоколы фабричных инспекторов, анкеты и бюллетени о стачках, митингах, столкновениях с полицией рабочих на Охтенском заводе Крейтон, Новой бумагопрядильне, ткацкой фабрике Говарда и на других предприятиях Петербурга, происходивших в память событий 9 января, в связи с открытием II Гос. думы, празднованием 1 мая. Следует отметить листовку «Ко всем рабочим и работницам Триумфальной мануфактуры» от 9 марта 1907 г. с призывом объединиться в профессиональные союзы и бороться под знаменем РСДРП за экономические и политические права[5].

---

[1] Ф. 1405, оп. 108, дд. 5116, 6276, 6484, 6669; оп. 530, дд. 134, 275, 277; ф. 23, оп. 17, д. 331; оп. 27, д. 487; ф. 1276, оп. 2, д. 539.

[2] Ф. 1276, оп. 2, дд. 525, 539; оп. 16, д. 4; ф. 587 оп. 33, д. 20; ф. 1328, оп. 2, д. 11.

[3] Ф. 95, оп. 5, дд. 1078, 1231, 1386, 1688; оп. 8, д. 875; ф. 107, оп. 1, д. 1752, ф. 1405, оп. 109, д. 10725.

[4] Ф. 273, оп. 2, д. 794; оп. 12, дд. 334, 338, 350, 354-а, 367, 377, 379, 385, 49;. ф. 229, оп. 2, дд. 1650—1651; ф. 1276, оп 2, д. 568.

[5] Ф. 23, оп. 17, д. 317; ф. 150, оп. 1, дд. 51, 69, 644, 654, 656, 659, 666.

Революционные выступления рабочих отмечались на Богословском, Надеждинском и Сосьвинском заводах Пермской губ., где рабочие предъявили требования об улучшении условий труда, на Белорецком заводе Оренбургской губ., чугунолитейном заводе Вологодской губ., на кожевенных заводах в Сарапуле Вятской губ. и других предприятиях страны. Сведения о них содержатся в основном в представлениях прокуроров окружных судов[1].

Одной из крупнейших в 1907 г. была продолжавшаяся с января по май стачка бакинских рабочих, проходившая под руководством социал-демократической организации Баку. В фондах Горного деп-та, Отделов торгового мореплавания и портов имеются требования промысловых и заводских рабочих, донесение начальника Бакинского губернского жандармского управления от 24 мая 1907 г. о революционной агитации среди рабочих города и промыслов и письмо 50 нефтяных фирм м-ру внутренних дел о принятии самых энергичных мер борьбы против забастовщиков. Особо следует отметить дело Совета министров о забастовках на нефтяных промыслах Бакинского района, содержащее доклад Столыпина Николаю II от 8 февраля о положении на Бакинских промыслах, его письмо наместнику на Кавказе о сосредоточении в Баку значительной военной силы для подавления забастовки и другие документы, свидетельствующие о большой тревоге правительства, вызванной стачкой рабочих нефтяных промыслов и заводов Баку[2].

Одновременно со стачкой рабочих нефтяников проходила массовая забастовка судовых команд торгового флота Каспийского моря. В том же деле Совета министров и в ряде дел Отделов торгового мореплавания и портов имеются требования моряков торгового флота, подробная записка о всеобщей забастовке судовых команд Каспийского моря, в которой отмечается руководящая роль социал-демократической партии, «Известия стачечного комитета союза моряков» от 5 мая 1907 г., списки судов, участвовавших в забастовке и другие документы. В докладе члена Совета наместника на Кавказе от МФ и МТ и Пр. Джунковского подчеркивается политический характер забастовки и руководящая роль в ней социал-демократической организации Баку[3].

Как и в первые годы революции, вместе с фабрично-заводскими рабочими в 1907 г. бастовали железнодорожники. В фондах Упр. железных дорог, Канцелярии м-ра путей сообщения имеются телеграммы, рапорты и письма начальников железных дорог о забастовках рабочих отдельных мастерских, депо и станций Сибирской, Забайкальской, Пермской, Сызрано-Вяземской, Самаро-Златоустовской и других дорог в феврале — мае 1907 г., списки рабочих и служащих дорог, уволенных за участие в забастовках, материалы о привлечении к судебной ответственности участников Всероссийского железнодорожного союза и другие документы[4].

Оценивая весь путь борьбы пролетариата в период революции, В. И. Ленин в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» писал: «...своей героической борьбой в течение трех лет (1905—1907) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия... Он завоевал *себе* роль *гегемона* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм»[5].

---

[1] Ф. 1405, оп. 110, д. 1609; оп. 193, дд. 6087, 6274; оп. 530, д. 588; ф. 587, оп. 33, д. 22; оп. 56, д. 238; ф. 323, оп. 1, д. 888.

[2] Ф. 1276, оп. 3, д. 882; ф. 37, оп. 58, д. 307; ф. 150, оп. 1, д. 653; ф. 95, оп. 5, дд. 1689, 1722—1725.

[3] Ф. 273, оп. 12, дд. 321, 326, 336, 348, 351, 365, 380, 385, 390, 529, 585; ф. 229, оп. 2, д. 1657; ф. 446, оп. 31, д. 22, доклад № 42.

[4] Ф. 1276, оп. 3, д. 882; ф. 95, оп. 5, дд. 1321, 1688—1690, 1693—1694, 1722—1723, 1735, 1842; ф. 101, оп. 1, д. 145; ф. 560, оп. 28, д. 55.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 356.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ И СОСТАВЛЕНИИ ЗАГОЛОВКОВ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ

С. М. КАШТАНОВ

В СССР широко развернулась практика издания и научного описания документов, которые отражают социально-экономическую историю нашей Родины. В числе важнейших актов феодального землевладения и хозяйства вниманием советских археографов неизменно пользуются жалованные грамоты[1], дающие богатый материал для характеристики производственных отношений феодального строя, рисующие, в частности, основные черты сеньориальной власти феодала в пределах его владения.

Несмотря на сравнительно большое количество изданных жалованных грамот, публикация этой многочисленной группы актов еще далеко не закончена. Достаточно сказать, что до сих пор не увидел света ряд жалованных грамот XV в. (например, Симонову, Спасо-Евфимьеву и некоторым другим монастырям), а ненапечатанные жалованные грамоты XVI и XVII вв. исчисляются сотнями. Кроме того, начатая в последние годы Институтом истории работа по публикации крупных документальных комплексов, отложившихся в процессе деятельности отдельных феодальных корпораций XIV—XVII вв.[2], предполагает, наряду с изданием новых источников, переиздание ранее появлявшихся в печати материалов, которые относятся к архивам этих корпораций. Вместе с тем, заголовки документов, особенно жалованных грамот, помещенных в старых сборниках, очень несовершенны, а иногда и просто неверны. Они не могут быть приняты нашими археографами.

С другой стороны, важная работа по научному описанию жалованных грамот предстоит и архивам. Из актовых материалов именно жалованные грамоты хуже всего отражены в имеющихся архивных описях. Составленные в большинстве своем еще в прошлом веке буржуазными архивистами, они уже устарели. Используемая, например, в ЦГАДА общая хронологическая опись грамот Коллегии Экономии не указывает, как правило, конкретной разновидности жалованных грамот. Жалованные грамоты, хранящиеся в некоторых коллекциях Ленинградского архива Института истории и в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, снабжены рукописными заголовками, которые подробно пересказывают содержание актов, но не дают четкого определения их разновидности. Очень глухо, неконкретно определяются жалованные грамоты и в новых описях, составленных в ЦГАДА на отдельные монастырские фонды (см., например, опись фонда Калязина монастыря, № 1193/1, кн. 1).

Насколько назрела необходимость в уточнении и приведении в систему вопросов описания документального наследства XVI—XVII вв. показывает факт недавнего выхода в свет проекта инструкции по каталогизации русских грамот XVII в.[3] К числу достоинств проекта нужно отнести то,

[1] В данной статье речь идет о жалованных грамотах, выданных представителями светской власти.

[2] Уже напечатаны грамоты митрополичьего дома XIV — начала XVII вв. под названием «Акты феодального землевладения и хозяйства» (далее — АФЗиХ), ч. I. Подготовил к печати Л. В. Черепнин, М., 1951; акты Троице-Сергиева монастыря конца XIV — начала XVI вв. под названием «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», т. I. Составитель акад. С. Б. Веселовский, М., 1952 (далее — АСЭИ). Готовятся к печати акты Иосифо-Волоколамского монастыря и др.

[3] Е. Э. Гранстрем. Инструкция по каталогизации русских грамот XVII века (в порядке обсуждения). Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. II, Л., 1954, стр. 271—284.

что он говорит о всех основных сторонах процесса описания грамот. Инструкции по каталогизации грамот до сих пор не было. Правила же публикации древних документов в силу своей целевой установки, естественно, не касались ряда моментов в описании материалов XVI—XVII вв., связанных со специфическими задачами хранения и использования их в архивах. Эти моменты оставались, таким образом, неосвещенными. В проекте также правильно ставится вопрос о необходимости составления в архивах предметного, именного и других указателей к грамотам.

Проект, однако, не лишен недостатков. Многие важные параграфы, посвященные составлению заголовков грамот, взяты почти целиком из опубликованных в 1936 г. правил издания документов XVI—XVII вв.[1]

Между тем эти правила требуют пересмотра. Серьезной ошибкой, допущенной в проекте, является совершенно недифференцированный подход к составлению заголовков всех «грамот» XVII в. вообще, без разделения их на акты и делопроизводственные материалы. Акты, отличающиеся, как известно, устойчивой историко-правовой формой, не требуют того, чтобы в заголовке кратко излагалось их содержание. Указание на разновидность акта уже в достаточной мере определит его содержание. Пересказ содержания акта в заголовке, каким бы подробным он ни был, не может отразить все статьи актовых источников, особенно жалованных грамот, заключающих в себе подчас до 40 различных правовых норм. Напротив, содержание делопроизводственных материалов обязательно должно быть кратко изложено в заголовке. В проекте сказано, что «в заголовок входят: а) обозначение разновидности; б) обозначение лиц и учреждений, являющихся отправителем и адресатом документа, или наименование действующих лиц, места; в) краткое изложение содержания документа с учетом его значения как памятника социально-экономической (только ли? — *С. К.*) Истории XVII в.» [2]. Если это правило нужно признать верным для делопроизводственных документов, то распространение его на акты было бы ошибкой. При составлении заголовков актов пункт «в» снимается. Вопрос об опущении пункта «в» в проекте решается неудовлетворительно. § 26 гласит: «Иногда достаточно ограничиться определением разновидности документа, действующих лиц и места» [3]. Здесь опять-таки ни слова не сказано об актах, а примеры, на которые дается ссылка, наполовину опровергают положение § 26.

Из четырех примеров только один представляет собой заголовок акта (ввозной грамоты) [4]. Заголовок рецепта также уместен [5], но приведенные в качестве примера заголовки двух делопроизводственных документов (указной грамоты [6] и отписки [7]) могут лишь запутать читателя. В них, несомненно, должно быть изложено содержание грамот. В отношении отписки так и сделано. Заголовок же указной грамоты очень неудачен: «Грамота царя Алексея Михайловича в Пушкарский приказ боярину князю Ю. И. Ромодановскому и дьякам П. Амиреву и Я. Портомоину» (о чем? — *С. К.*).

В проекте в общем правильно указывается на необходимость, с одной стороны, согласовывать наименование разновидности документа «с подлинной его терминологией» и, с другой стороны, давать «наиболее соответствующий термин» в тех случаях, когда «в тексте документа наименование его разновидности приведено в форме, не соответствующей его содержанию или необычной» [8]. Следовало бы еще подчеркнуть, что таким «наиболее соответствующим термином» часто бывает наименование, скомбинированное из нескольких подлинных актовых терминов (например, «данная и тарханно-несудимая грамота»). Этим достигается как связь заголовка с актовой терминологией, так и четкое отражение разных сторон содержания акта. Проект предполагает создание указателя разновидностей документов, для которого «предметным словом» явится «название разновидности документа» [9]. Неясно, однако, будут ли включены в указатель только подлинные термины, содержащиеся в документах, или также наименования, приобретенные документами в процессе их описания. Правильнее, пожалуй, ограничиться первыми.

Таким образом, проект нуждается в конкретизации. В сущности, он дает установки по описанию лишь одной части «грамот»— делопроизводственных документов. Для описания другой большой группы «грамот»— актов необходима четкая разработка их классификации. Мы не случайно останавливаемся именно на жалованных грамотах. Описание последних затрудняется особой сложностью их состава и отсутствием полной ясности в вопросе о том, к какой конкретной разновидности отнести ту или иную грамоту.

Дворянско-буржуазная историография не была в состоянии дать сколько-нибудь четкую классификацию жалованных грамот. Л. В. Черепнин вскрыл абстрактно-схоластический характер классификационных схем А. Н. Горбунова, Дм. Мейчика, М. Ф. Владимирского-Буданова и С. А. Шу-

[1] См. Правила издания документов XVI—XVII вв. «Проблемы источниковедения», вып. II, М.-Л., 1936, стр. 323—326.

[2] Е. Э. Гранстрем. Ук. соч., стр. 276, § 9.

[3] Там же, стр. 278.

[4] Е. Э. Гранстрем. Ук. соч., стр. 282, пример 4.

[5] Там же, пример 9.

[6] Там же, стр. 281, пример 1.

[7] Там же, стр. 284, пример 17.

[8] Там же, стр. 276—277, §§ 13—14.

[9] Там же, стр. 281.

макова[1]. Наряду со сложными схемами, оторванными от содержания источников, уже в дореволюционной исторической литературе были попытки установить конкретные разновидности иммунитетных грамот, исходя непосредственно из актовой терминологии («тарханные», «несудимые», «бережельные», «срочные» и др.). Однако в употреблении приведенных названий применительно к каждой отдельно взятой грамоте в большинстве публикаций, в обзорах архивных фондов и в указателях наблюдался сильный разнобой[2]. Эти погрешности в практическом использовании установившейся классификации свидетельствовали о теоретической неразработанности классификационной схемы.

Л. В. Черепнин предложил свою схему классификации жалованных грамот, которая исходит прежде всего из содержания актовых материалов[3]. Принимая ее за основу, необходимо, однако, уточнить вопросы соотношения содержания отдельных разновидностей жалованных грамот с терминами, принятыми в настоящее время для их обозначения.

В первую очередь нужно выяснить, как широко можем мы пользоваться терминами «тарханная», «обельная», «несудимая» грамоты.

Восточное происхождение слова «тархан» не вызывает сомнений[4]. Появление на Руси термина «тарханная грамота» в литературе связывают обычно с золотоордынскими татарами, т. е. датируют XIII в. Однако до сих пор никто не обратил внимания на то обстоятельство, что термин «тарханная грамота» совершенно не встречается в русских источниках XIII—XV вв. и только в XVI—XVII вв. получает большую известность на Руси, т. е. именно с падением татарского ига незнакомый русским восточный, золотоордынский термин начинает широко использоваться в актах и делопроизводственной переписке. Очевидно, следует отрешиться от ошибочной точки зрения насчет распространения в Русском государстве термина «тарханная грамота» в результате татарского завоевания. Этот термин появился на Руси гораздо позже и в условиях, как раз противоположных тем, в которых оказалась наша страна в XIII в. Первые упоминания о «тарханных грамотах» относятся к 20-м годам — началу 40-х годов XVI в. В правой грамоте 1542 г. по судебному делу Белопесоцкого монастыря с посадскими людьми Каширы грамота, выданная монастырю Василием III в 1522 г., названа «тарханной»[5]. Кашира была областью, время от времени отдававшейся в управление зависимым от русского правительства казанским царям и царевичам. Неудивительно, что выражение «тарханная грамота» здесь знали лучше, чем в других районах страны.

Термин «тарханные грамоты» встречается также в копийной книге митрополичьего дома 20-х годов XVI в., но на этот раз он относится к грамотам Московского уезда[6]. Значит, распространение этого термина не ограничивалось одним Каширским уездом. Впрочем, в митрополичьей копийной книге обращает на себя особое внимание и другой, весьма оригинальный тер-

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. II М.-Л., 1951. стр. 98—101.

[2] В первых публикациях жалованных грамот обычно вообще не делалось указаний на конкретную разновидность грамоты. См. Амвросий. История Российской иерархии, ч. III, М., 1811; ч. IV, М., 1812; ч. VI, М., 1815. Ср. Досифей. Описание Соловецкого монастыря, т. III, М., 1836. В ААЭ, опубликованных в 1836 г., заголовки описывают содержание жалованных грамот вместо определения их разновидности. Последующие издания (АИ, ДАИ, РИБ, особенно описания монастырей, различные провинциальные сборники, губернские и епархиальные ведомости) содержат неполные и очень часто совершенно неверные заголовки печатавшихся в них жалованных грамот. Много неточностей в заголовках допущено и С. А. Шумаковым в его известном «Обзоре грамот Коллегии Экономии» и поуездных публикациях актов. К числу наиболее грубых ошибок С. А. Шумакова относится, например, его определение двух несудимых и заповедных жалованных грамот 1507 г. Симонову монастырю (ЦГАДА, ГКЭ, №№ 752, 8770) как «тарханных» (Обз. ГКЭ, вып. II, стр. 48, Сим. м-рю № 3; Обз. ГКЭ, вып. IV, № 1353). Эти ошибки повторены и в указателе актов Переславль-Залесского уезда, появившемся уже в советское время (Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Переславль-Залесский, 1924, стр. 15, № 95). Аналогичные промахи допущены, к сожалению, и в некоторых последних изданиях (см., например, АФЗиХ, т. 1, № 70; В. Н. Шумилов. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв., М., 1954, стр. 112, № 752 по Белоозеру. В обзоре В. Н. Шумилова многие жалованные грамоты определяются недостаточно точно и развернуто).

[3] Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 112—113.

[4] Подробнее об употреблении термина «тархан» в странах Востока см. С. М. Шапшал. К вопросу о тарханных ярлыках. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», сборник статей, М., 1953, стр. 302—316.

[5] Акты, относящиеся до гражданской расправы (далее — АГР), т. I. Изд. А. Федотова-Чеховского, Киев, 1860, стр. 102.

[6] АФЗиХ, ч. 1, стр. 47.

мин: «безданная грамота»[1]. Так, повидимому, назывались грамоты, освобождающие от дани. Употребление этого термина нельзя считать случайным. Его возникновение относится, вероятнее всего, к тому периоду, когда дань была главным налогом, а неуплата населением иммунитетных вотчин других поземельных податей в пользу государства являлась общим правилом. Древнее происхождение (XIV—XV вв.) термина «безданная грамота» доказывается самим характером жалованных грамот XV в. Общая целенаправленность последних состояла в том, чтобы ликвидировать сеньориальное право сбора дани. Все льготные грамоты XV в. предоставляли временное освобождение лишь от дани, так как это был единственный налог, на который могли с полным основанием претендовать представители публичной власти в период расцвета феодальной раздробленности. Включение в жалованные грамоты статей, фиксировавших свободу от других налогов, знаменовало собой подготовку к дальнейшему ограничению привилегий иммунистов и ни в коей мере не являлось наделением феодалов какими-то новыми правами. Таким образом, термин «безданная грамота» возник тогда, когда публичная власть уже сумела добиться признания в числе своих прерогатив права на получение дани, между тем как вновь возникавшие налоги не были распространены на иммунитетные вотчины. Термин «безданная» подчеркивает, что реальное значение имело освобождение только от дани. Он прилагался, по всей вероятности, к грамотам, содержавшим статью о бессрочной неуплате дани. Высказанная здесь точка зрения подтверждается историей терминов «тарханная» и «безданная» грамоты. Выражение «безданная грамота» исчезает из документов XVI в. Термин «тарханная грамота», напротив, все более широко используется в источниках XVI—XVII вв. Вытеснение одного термина другим представляется нам вполне закономерным процессом, который может быть объяснен при учете реальных изменений в положении феодального иммунитета в конце XV — начале XVI в.

Существенным моментом борьбы правительств Ивана III и, особенно, Василия III против иммунитетных привилегий феодалов являлось принуждение населения их вотчин не только к уплате дани, но и к исполнению ряда повинностей, введенных позднее дани — яма, городового дела, посошной службы и др. Кроме того, удельный вес последних в системе государственных финансов сильно возрос в период реформ 80—90-х годов XV в. Термин «безданная грамота» теперь уже явно не годился для обозначения грамот, освобождавших от основных поземельных налогов. Его следовало заменить другим. Вот почему был заимствован, очевидно у казанских татар, более широкий по своему содержанию термин «тарханная грамота». В 1487 г. Иван III поставил Казань в вассальную зависимость от русского правительства. Близкое знакомство с феодальными порядками, царившими в Казани, и с татарской актовой терминологией[2] послужило только внешним толчком к введению нового термина для замены им старого обозначения иммунитетных грамот, содержавших важнейшие податные привилегии. Следовательно, можно предположить, что постепенное утверждение на Руси выражения «грамота тарханная» начинается не ранее 90-х годов XV в.

Выяснение времени распространения на Руси термина «тарханная грамота» составляет лишь одну сторону вопроса. Следует еще установить, какая конкретная разновидность актов подразумевалась в XVI в. под «тарханными грамотами». Один из новейших исследователей тарханных грамот Б. А. Романов, разбирая статью 43 Судебника 1550 г., писал: «...под «тарханными» статья 43 разумеет грамоты, заключающие в себе те или иные освобождения от платежа бессрочно»[3]. Б. А. Романов исходит из утвердившегося в литературе определения тарханной грамоты как документа, «непременной принадлежностью» которого являлось «освобождение от того или иного вида платежей и повинностей»[4]. Однако «непременной принадлежностью» тарханных грамот было бессрочное освобождение не от любых платежей и повинностей, а только от главных. Из них на первом месте стоят ямские деньги, примет, возникший в 1513 г., и посошная служба[5].

Введенные в качестве повсеместного на-

[1] АФЗиХ, ч. 1, стр. 236, № 264; см. также ГБЛ, Тр. кн. 518, л. 5 об.

[2] В Казанском ханстве была особая группа населения, носившая название «тарханов» (Д и ДГ, стр. 439).

[3] Судебники XV—XVI веков, под общей ред. акад. Б. Д. Грекова. М.-Л., 1952, стр. 219.

[4] Там же, стр. 219. См. также Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 112.

[5] Грамоты, где имеется разрешение не исполнять посошную службу или не платить ямские деньги и примет, в документах XVI—XVII вв., называются «тарханными». Первые примеры, подтверждающие это наблюдение, относятся к началу 40-х годов XVI в. (см. АГР, т. I, стр. 102—103; В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря. Сергиев Посад, 1908, приложение № 8). Число их увеличивается с 60-х годов XVI в. (см., например, ЦГАДА, кн. копий Волоколамского монастыря, № 115, ср. там же № 75; С. Шумаков. Тверские акты. Тверь, 1896, стр. 17—21, № II; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950, ч. III, док. № 19. «Исторический архив», 1940, т. III, М.-Л., стр. 280—289, №№ 72, 73, ср. Ленинградский архив Института истории (далее АИИ). Собр. актов до 1613 г.,

лога с 1550—1551 гг. пищальные и полоняничные деньги в жалованных грамотах упоминаются редко. Поэтому нельзя вполне уверенно сказать, что освобождение только от этих налогов было достаточным основанием для закрепления за грамотой названия «тарханной». Однако предположить данный вариант можно, так как главный смысл «тарханной» грамоты состоял в освобождении от «государевых податей» [1], т. е. главных прямых налогов. Часто в жалованных грамотах прямые налоги — дань, ямские деньги, примет — противопоставляются именно как «подати» всевозможным «пошлинам» и «розметам» [2], в число которых попадали даже ведущие повинности, вроде городового и засечного дел [3]. И не случайно поэтому освобождение от городового дела считалось иногда недостаточным условием для того, чтобы грамота получила название «тарханной» [4]. Полоняничные же и пищальные деньги являлись, по определению самих источников, типичными «податями» [5]. «Податью» был и наместничий корм, который с отменой наместничества в большинстве уездов Русского государства стал одним из основных казенных налогов [6]. Освобождение от него в уездах, где отсутствовал аппарат наместничьего управления, рассматривалось поэтому как податной «тархан», а не как льгота, связанная с судебным иммунитетом [7].

Хотя главный косвенный налог — тамга — являлся «пошлиной», а не податью, тем не менее, ввиду большого фискального значения этого побора в XVI в., грамоты, содержавшие освобождение от него, считались «тарханными» [8].

Таков круг льгот, каждая из которых могла стать центральным ядром иммунитетной грамоты и «сделать» последнюю «тарханной» [9]. Присоединение к грамоте, фиксирующей указанные привилегии, несудимого и заповедного разделов, а также статей о неуплате более мелких поборов и об «отставке» от мирских повинностей не изменяло названия грамоты: она оставалась «тарханной».

Акты, лишенные формул, касающихся привилегий в отношении основных казенных сборов, в источниках никогда не вводятся в рубрику «тарханных грамот». Освобождение от мелких пошлин, а также от неосновных «дел» и вообще от всяких земских «проторов» и «разметов» включалось, как правило, в «несудимые» грамоты. Центральным стержнем «несудимой» грамоты были чисто судебные привилегии, однако утверждение, что «несудимые» грамоты предоставляли только судебный иммунитет, неточно. «Несудимая» грамота, полученная в 1551 г. Иосифо-Волоколамским монастырем на селе Ангелово и др., содержала, наряду с судебными привилегиями, освобождение от закосного, косьбы сена для царского коня, от выводной куницы, роздвинского, поворотного, городчиковых пошлин, предоставляла монастырю право взимать пошлину с продажи и купли лошадей монастырскими крестьянами («пятно») [10]. Этот пример не является единичным [11].

№ 1/371; Сборник князя Хилкова, СПБ, 1879, № 4; 1879, ЦГАДА, ГКЭ, №№ 2465, 11663, ГБЛ, Троицк. кн. 519, л. 64; ГБЛ, Акты Беляева, № 1/130; АИИ, Акты Новгородской каз. палаты, № 13—1, ср. там же, № 10—1, и др.

[1] Нарушение тарханных привилегий мыслилось именно как взимание «податей» с лиц, пользовавшихся этими привилегиями. В одной грамоте 1583 г., например, сказано: «А коли... велю взяти со всех тарханов свои подати, и тогды... подати... платити» (ЦГАДА, ГКЭ, № 861).

[2] АИИ, ф. Ант.-Сийского м-ря, №№ 464 б/ф, 465 б/ф.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 7168; ГБЛ, Троицк. кн. 528, № 331.

[4] См. ниже о грамоте 1549 г. Велико-Устюжскому Успенскому собору.

[5] ГИМ, Сим. кн. 58, л. 473 об.

[6] Например, в грамоте 1575 г. на двор Соловецкого монастыря в Каргополе деньги «за наместнич и их пошлинных людей присуд» названы в числе главных «податей» — ямских денег и примета (ЦГАДА, ГКЭ, № 5914; АИИ, Солов. кн. 136, лл. 413—414 об.).

[7] В 1558 г. выборному владимирскому старосте предписывалось отдать назад Покровскому Суздальскому монастырю наместничий корм, взятый у монастыря вопреки царской «тарханной» грамоте (АИ, т. 1, № 166).

[8] Весьма категорическое заявление находим в черновике одной монастырской грамоты середины XVII в.: «По тарханной грамоте велено им... возить на продажу (а при продаже должна была взиматься именно тамга.— *С. К.)* по десяти тысяч пуд соли беспошлинно» (ЦГАДА, ПДСЛ, 1645 г., № 2, л. 52, Ср. ЦГАДА, ф. Каляз. м-ря, кн. 4, № 178); Чтения ОИДР, 1907, кн. 3, смесь, стр. 19).

[9] Феодалы, обладавшие тарханными привилегиями, в XVI в. назывались «тарханами» (Судебники XV—XVI веков, стр. 220; ЦГАДА, ГКЭ, № 861), а в XVII в.—«тарханниками». Эта чисто русская модификация татарского термина произошла бы, несомненно, уже в XVI в. или раньше, если бы слово «тархан» широко употреблялось на Руси с XIII в. Только с XVI в. термин «тархан» и его производные стали закрепляться за некоторыми русскими населенными пунктами. У кн. А. И. Стародубского в середине XVI в. была в Московском уезде деревня «Торьханово» (ГИМ, ОПИ, Ув. карт. 41/16, по Суздалю № 29).

[10] ЦГАДА, ф. Волок. монастыря, №№ 346—347/XIII, 366/XIII, 369/XIII.

[11] Аналогичную грамоту, названную в источнике «несудимой», приобрел в 1566 г. Веневский Никольский монастырь.

Таким образом, анализ актов XVI— начала XVII вв. дает возможность придти к следующим выводам.

1. В XVI в. «тарханными» назывались только те иммунитетные грамоты, в которых содержалось в качестве «необходимой принадлежности» освобождение по крайней мере от одной из главных казенных податей (ямских денег, примета, посошной службы, денег за наместничий корм, полоняничных, пищальных денег) или от основной таможенной пошлины — «тамги». Статья о дани не играла при этом никакой роли (ее отсутствие — при наличии указанных выше освобождений — не выводило грамоту из рубрики «тарханных»). Последнее обстоятельство, с одной стороны, подтверждает, что между правом не платить дань и термином «тарханная грамота» не было исторической связи [1] и, с другой стороны, характеризует падение удельного веса дани в государственном бюджете по мере возникновения новых налогов.

2. Включение мелких финансовых привилегий в чисто «несудимые» грамоты не придавало последним характера «тарханных». Отрицание в «несудимой» грамоте прав наместника и его слуг на сбор пятна, свадебных пошлин и некоторых второстепенных платежей, связанных с содержанием аппарата местной власти, вполне понятно: эти права наместника (в отношении черносошного населения) вытекали из его судебно-управленческих функций. Важно другое. В числе мелких привилегий мы видим освобождение от земских (всякие «проторы» и «разметы») и дворцовых («коня не кормят», «сен не косят») повинностей. Но если подобное освобождение не рассматривалось как податной тархан, значит, оно являлось не привилегией, а «обычным правом» иммунитетных вотчин, и тем более нет никаких оснований предполагать, что грамоты с таким кругом «привилегий» назывались «тарханными» в XIV—XV вв., когда «обычное право» феодальных сеньоров могло подвергаться лишь незначительным стеснениям со стороны публичной власти.

3. «Тарханные» грамоты не были единственной формой утверждения податного иммунитета, последний в менее широком объеме фиксировался и в «несудимых» грамотах.

Классифицируя жалованные грамоты, мы стремимся наиболее точно отразить содержание каждой группы грамот, учитывая актовую терминологию. В связи с первой задачей встает вопрос, можно ли, слепо следуя за языком актов, называть грамоты, содержащие, наряду с несудимым разделом, мелкие финансовые привилегии, только «несудимыми». Думается, что для отражения финансовой части этой разновидности грамот есть смысл использовать термин «обельная грамота». Фиксация мелких финансовых привилегий, разрешение не тянуть в проторы и разметы — все это было признанием обособленности, обеленности иммунитетного владения. При всей искусственности выражения «обельно-несудимая грамота» оно полнее и точнее, чем одно слово «несудимая», передает содержание актов интересующей нас разновидности.

Нужно уточнить применение термина «оброчная грамота», которым в публикациях и литературе обозначают грамоты, освобождающие от налогов за уплату иммунистом оброка в казну сюзерена [2]. Такое употребление не всегда соответствует актовой терминологии. На оброк, как правило, переводились основные поземельные налоги, поэтому грамоты с подобным кругом льгот просто причислялись к категории «тарханных» [3]. Но и термин «оброчная» к грамотам данного типа также прилагался [4]. Однако при научной классификации

(ЦГАДА, ГКЭ, № 12308). В грамоте царя Бориса Годунова Велико-Устюжскому Успенскому собору «несудимой» названа грамота, полученная этой же корпорацией в 1549 г. (Н. Румовский. Описание Велико-Устюжского Успенского собора. Вологда, 1862, стр. 71), Бо́льшая часть грамоты 1549 г. посвящалась фиксации судебных и заповедных привилегий, но в ее состав вошли и финансовые статьи: за крестьянами соборной деревни Отдуевой закреплялось право не тянуть ни в какие проторы и разметы и не исполнять «государеву» повинность — городовое дело (Н. Румовский. Ук. соч., стр. 67—70; Вологодские губ. вед., 1851 г., часть неофициальная, № 31, стр. 352—354).

[1] Это ярко прослеживается также в митрополичьих грамотах. Грамота 1631 г. новгородского митрополита Киприяна, освобождающая от всех пошлин, но требующая уплаты церковной дани, сама себя называет «тарханной» (АЮБ, т. I, № 31/XXV).

[2] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., М.—Л., 1947, т. I, стр. 26; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 112—113.

[3] В 20-х — 30-х гг. XVI в. (до 1537 г.) князь Андрей Иванович Старицкий выдал жалованную грамоту Ф. Б. Захарьину-Бороздину на село Кузьмодемьянское, в которой, помимо несудимого раздела, имелось указание давать «за дань и за пошлинный корм в мою казну оброком на дворец с сохи по рублю» (ГИМ, Патр., № 1583). В грамоте тому же лицу на то же село, пожалованной в 1548 г. князем Владимиром Андреевичем, грамота Андрея Ивановича названа «несудимой, тарханной» (ГИМ, Патр., № 1582).

[4] В грамоте 1526 г. дмитровского князя Юрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю сказано: «У них мои жаловалные грамоты оброчные за дань, и за ям, и за примет, и за посошной корм — за все пошлины» (АИИ, Коллекция Головина, № 52). Ср. употребление этого термина в

актов жалованные грамоты, переводящие подати на оброк, не могут быть отнесены ни к «тарханным», ни к «оброчным». Первые фиксируют безоброчное освобождение от податей, вторые не являются иммунитетными актами, в них регистрируется отдача в оброчное пользование земель, вод, разного рода угодий и промыслов [1]. Полагаем, что вводимый нами термин «тарханно-оброчная грамота» наиболее точно передает суть иммунитетных грамот указанного вида.

Грамоты, освобождавшие феодалов и их обоз или торговые экспедиции только от проездных пошлин, называются в источниках проезжими [2]. Жалованные грамоты, содержащие наряду с проездными привилегиями торговые льготы (право не платить тамгу и т. п.), целесообразнее называть «тарханно-проезжими», а не просто «тарханными», как это делается в источниках, чтобы не путать их с тарханными грамотами на земельные владения [3].

Итак, мы считаем возможным дать классификационную схему, разделив иммунитетные акты на четыре основные группы:

1. Грамоты, закрепляющие за феодальным владением податной иммунитет. Среди них нужно различать: а) безданные грамоты, бессрочно освобождающие только от дани (это главным образом акты XIV—начала XV вв.); б) тарханные грамоты, обязательной принадлежностью которых являлось бессрочное освобождение от главных государственных налогов; в) льготные грамоты, освобождавшие от налогов на определенный срок; тарханно-оброчные, предоставляющие освобождение от главных налогов при условии уплаты иммунистом оброка в казну сюзерена, выдавшего грамоту; д) обельные грамоты, содержащие освобождение от второстепенных налогов.

2. Грамоты, закрепляющие за феодальным владением судебный иммунитет (несудимые, срочные, на данного пристава, о вызове в суд только через приказчика).

3. Грамоты, фиксирующие заповедный иммунитет (заповедные или бережельные) [4].

4. Грамоты, предоставляющие феодалам право на производство промыслов и торговли, сбор таможенных пошлин и беспошлинный проезд [5]. В настоящей группе можно выделить проезжие грамоты (освобождающие от проездных пошлин) и тарханно-проезжие, в которых освобождение от проездных пошлин сочеталось с освобождением от торговых пошлин-тамги и др.

XVII в.: «оброчной» названа грамота, в которой требуется уплата оброка в казну за право беспошлинно покупать товары и не давать ямские деньги (ЦГАДА, ПДСЛ, 1645 г., № 2, л .190).

[1] Причем грамоты сами себя называют «оброчными». См. П. А. Садиков. Очерки..., ч. III, Документы, стр. 420—421, 424. 431, 439—440.

[2] АФЗиХ, т. 1, № 144; АСЭИ, т. 1, № 292.

[3] В наших публикациях, в том числе и в последних, не используется термин «проезжая грамота» и, тем более «тарханно-проезжая». Вместо указания на конкретную разновидность акта чаще прибегают к описанию его содержания.

[4] Вторая и третья группы грамот совпадают с классификацией Л. В. Черепнина (см. Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 112—113).

[5] Ср. Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 113.

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Я. ФРАНКО (1856—1956)

Великий украинский поэт-демократ И. Я. Франко был также выдающимся ученым. Публикуемые ниже документы характеризуют его научную деятельность и отношение русских ученых к его научным достижениям.

I

Первый документ содержит дополнительные данные об утверждении И. Я. Франко доктором русской словесности Харьковского университета. Это характеристика научных заслуг И. Я. Франко, представленная в Совет Харьковского университета профессором Н. Ф. Сумцовым, очевидно, в начале сентября 1906 г. Ниже приводим его текст:

«В историко-филологический факультет Харьковского университета
Иван Яковлевич Франко

В текущем году исполняется пятидесятилетие одного из выдающихся ученых, талантливого поэта и публициста Ивана Яковлевича Франко. Галичанин родом, Франко всю жизнь провел в родном крае в борьбе за народное слово и народные права. Сын крестьянина-кузнеца, Франко родился в 1856 г., был в селе пастухом, прошел школу низшую, среднюю, с большим перерывом в 15 лет, прошел два университета — Львовский и Венский и настолько выдвинулся по своим научным трудам, что совет Львовского университета, состоящий в большинстве из враждебных к украинцам поляков, выбрал его в 1895 г. в профессоры, пост — давно уже заслуженный им, но галицкий наместник граф Бадени не допустил его к исполнению обязанностей. Польский магнат не мог забыть, что Франко, как народник по убеждениям, был всегда на стороне обездоленного крестьянства и смело высказывался против его угнетателей. Франко свою вражду к национальному и экономическому гнету выразил в целом ряде превосходных рассказов, вышедших в сборнике «В поти чола» и «На дни» [1]. Чувство горечи по поводу неутверждения профессуры Франко излил в сборнике стихотворений «Мій Измарагд», 1898 г.

Злая судьба преследует этого удивительного, разносторонне талантливого человека; тяжелый литературный заработок, при болезни глаз, так мал, что Франко приходилось чуть не голодать с семьей, и лишь в последние годы он нашел некоторую материальную поддержку в зарубежной украинской академии наук, так называемом Науковым товаристве имени Шевченко, которое он и отблагодарил за поддержку целым рядом превосходных научных работ.

[1] Здесь и далее названия произведений в транскрипции Н. Ф. Сумцова.

По количеству и качеству изданных материалов, по обилию и достоинству научных исследований Франко занимает ныне одно из самых видных и почетных мест в славянском мире.

Литературная, публицистическая и ученая деятельность Франко очень разнообразна.

Литературная деятельность распадается на прозаическую и поэтическую. Многие повести Франка переведены на русский, немецкий и польский языки. Как писатель-реалист, глубоко правдивый и искренний, Франко в галицкой литературе не имеет себе равного: его симпатичные, задушевные рассказы верно отражают — одни — его собственную горемычную и тревожную жизнь, другие — горемычную жизнь галицко-русского народа. Горькая правда его повестей создала ему [из] сильных мира многих врагов, а принципиальная стойкость убеждений устранила все мосты примирения. Польские издания, даже прогрессивные, закрыли ему двери, что лишило Франка средств, но не лишило его бодрости и настойчивости в защите прав родного ему украинского народа. Как человек широких взглядов, Франко высоко ценил русскую литературу и многое из нее перевел на малорусский язык, чем даже вызвал со стороны крайних народников подозрение в москалефильстве, от которого в действительности Франко очень далек. Одинаково чуждый русофильства и русофобства, Франко в своих литературных и публицистических статьях твердо стоит на почве украинского демократизма, в роли главного руководителя галицко-русской демократической партии.

Современный историк малороссийской литературы Мих. Мочульский в «Ukrainische Rundschau», 1906 г., № 6, называет Франко «гордостью украинской литературы» и считает его «величайшим в настоящее время украинским писателем». Относительно литературной плодовитости Мочульский сравнивает Франко с Ганс Саксом и Лопе де Вегой. В сборниках повестей, рассказов и стихов «З вершин и низин» (1887 г.), «В поти чола» (1891 г.), «На лони природы» (1905) и др. Франко мастерски обрисована жизнь крестьян в Галиции. В романах «Основы суспильности» (1895), «Для домашнего огныща» (1897), «Перехресни стежки» (1900) обрисована галицкая интеллигенция. Жизнь рабочих, столкновение труда и капитала нашли яркое выражение в больших повестях и романах «Грыц и панычь» (1898), «Odi profanum vulgus» (1899), «Boa constrictor», «Полюйка».

С 1894 г. Франко стал писать драмы, и в короткое время выпустил целую серию драматических произведений: «Украдено щастя», «Учитель», «Сон князя Святослава», «Камяна душа».

Как поэт, Франко хорошо владеет стихом, обнаруживает большое разнообразие в мотивах, мягкость и нежность чувств. Его сборники лирических произведений «Зивьялы листы», «Из днив журбы», «Мій Измарагд», «Поэмы» заключают в себе много изящного; в них вложено много любви к униженным и оскорбленным; в них надежда на лучшее светлое будущее.

В галицко-русских и варшавских русско-украинских и польских изданиях разбросано много статей Франка по украинской этнографии; в этой области Франко издавна считается одним из наиболее сведущих ученых. Не касаясь мелких статей, нельзя не остановиться на одном капитальном труде Франка, на составленном им сборнике галицко-русских пословиц. Отличный знаток славянского фольклора профессор Пражского университета Поливка в «Národopisný Véstnik československy», 1906 г., называет сборник Франка превосходнейшим приобретением славянской науки.

Франко начал собирать пословицы еще будучи гимназистом и вел это дело всю жизнь. В 1905 г. вышел первый том его сборника под заглавием «Галицко-руськи народни приповидки» (от А до слова Діти) в 600 стр. Франко, как он оговорил в самом заглавии, «зибрав, упорядкував и поясныв», и тут нет ни малейшего преувеличения: г. Франко принадлежит заслуга собирателя и

исследователя, притом в области такого чрезвычайно пестрого и утомительного мелкого материала. Как велик в количественном отношении сборник Франка, видно из того, что лучший ныне сборник великорусских пословиц Даля содержит 30 000 пословиц, а сборник Франка в одном лишь первом томе на первые 5 букв алфавита и в пределах одной Галиции дает 10 500 номеров. При издании галицко-русских пословиц г. Франко принял во внимание все другие сборники малорусских пословиц, начиная со сборничка при малорусском словаре Левицкого, 1834, в общем 11 печатных и 39 рукописных.

В трудном деле распределения пословиц Франко придерживался наиболее рационального метода распределения по гнездам в алфавитном порядке основных по смыслу слов, какой порядок в новое время принят и в немецкой науке, как видно из «Deutsches Sprichwörterlexikon» Вандера. Метод этот весьма плодотворный для пользования, но весьма трудный для составителя, так как требует с его стороны вдумчивого и критического отношения к каждой пословице. Бывают, однако, пословицы с 2—3 характерными словами, и такие пословицы необходимо повторять в 2—3 разных отделах, ввиду невозможности дать предпочтение лишь одному слову (например, «решетом воду не наносишь»). Ввиду трудности отделить от пословиц поговорки, пожелания, краткие формы проклятий, Франко вводит их в сборник без различия.

Весьма ценный отдел сборника представляют комментарии автора, отличающиеся большею частью большим научным достоинством, например указание при пословице «пид дерном руська присяга» на древний обычай класть на голову во время присяги землю и вообще клясться землею, особенно в спорах о межах, или «бодай з гробу руку выставыв» — отзвук поверья, что дети, ударившие отца или мать, по смерти своей выставляют руку из могилы.

Научная деятельность Франка началась 12 лет тому назад, с 1893 г., и за протекшее сравнительно небольшое время выразилась в целом ряде весьма ценных исследований. В трудах Франка обнаруживается, с одной стороны, хорошая научная подготовка, с другой — личная даровитость автора. Было бы долго перечислять научные исследования автора, да и нет в этом надобности, так как они перечислены были в 1899 г., по поводу празднования 25-летия его литературной деятельности. Достаточно отметить главные его труды, к числу которых принадлежит монография «Роман о Варлааме и Иосафе», 1894 г.; ценное исследование об Иоанне Вишенском, 1894 г., позднее вышел трехтомный сборник старинных южно-русских памятников, дающий новые материалы, извлеченные из галицко-русских книгохранилищ. В 1-й вошли ветхозаветные апокрифы, во 2-й — новозаветные, в 3-й — жития святых и др. с научными примечаниями и предметными указателями, вообще в вполне научной обстановке».

ЦГИАЛ, ф. 733 Департамент народного просвещения, оп. 153, д. 188, лл. 10—11.— Заверенная копия.

16 сентября 1906 г. факультет единогласно постановил ходатайствовать о возведении Франко в степень доктора русской словесности без испытания и представления диссертации в связи с 50-летием со дня его рождения. Решение факультета и отзыв проф. Н. Ф. Сумцова были одобрены советом университета.

Хотя общеизвестно, каким гонениям подвергался Франко со стороны австрийского и царского правительства, Министерство народного просвещения в обстановке революционных событий 1905—1906 гг. было вынуждено утвердить его в степени доктора русской словесности.

В 20-м томе Сочинений И. Я. Франко, подготовленном к печати Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, публикуется письмо И. Я. Франко Н. Ф. Сумцову от 10 августа 1906 г., связанное с вопросом, затронутым в этом документе.

А. И. Панфилова

II

Второй документ характеризует последний научный труд И. Я. Франко. 22 ноября 1913 г. И. Я. Франко представил свои «Студії над українськими народними піснями» в Академию наук на соискание премии имени А. А. Котляревского. Эта работа была направлена на рецензирование академику В. Н. Перетцу. В. Н. Перетц написал отзыв, который мы ниже приводим:

«Отзыв о сочинении Д-ра Івана Франка «Студії над українськими народними піснями». Том перший, Львів. 1913. 8.VIII, 532 стр.», составленный академиком В. Н. Перетцом

Книга покойного украинского ученого І. Франка (†29 мая 1916) заключает в себе 34 этюда, посвященных исследованию и комментированию старейших украинских песен и исторических вирш (стр. 1—450). Метод автора такой: он тщательно собирает доступные ему исторические свидетельства и литературные параллели к песням и думам, значительно обогащая этот аппарат, по сравнению со старым изданием исторических песен и дум Антоновича и Драгоманова. Иногда из собранного материала д-р Франко предлагает свои выводы; иногда — только ограничивается сопоставлением песен и исторических известий. Любопытны страницы, посвященные разысканию о некоторых quasi-исторических известиях из эпохи Хмельниччины.

Главная масса исследований и статей, собранных в книге д-ра Франка, относится к историческому анализу песен без определенной даты, но, несомненно, древних. Это песни о борьбе с татарами и турками, объединяемые в одну группу не только общностью исторического фона, но и чисто объективным признаком — своим размером (8 + 8). На основании анализа этого последнего автор предлагает в XXII главе свой опыт систематики украинских песен XVII в. (151—157), исходя из идеи, что в XVI и XVII вв. народное песенное творчество главным образом развивалось в трех ритмических формах: 12-сложной, типа песни о Стефане воеводе; 10-сложной — колядки; и 8-сложной — большая часть песен о турецко-татарских отношениях [1]. Бесспорно, и эта обобщающая часть труда д-ра Ф[ранко] потребует некоторых поправок в зависимости от дальнейших исследований в области истории ритмики и метрики украинских песен; но в пределах доступного автору материала — его классификация имеет значение вспомогательной гипотезы, которая, если и не оправдается, все же как прием сыграет свою полезную роль. Важное значение имеют и соображения д-ра Франка о старейшей записи украинской песни (1570 г.) — о Штефане воеводе, которая издана и facsimile и в реконструкции. Исследуя варианты старинных украинских песен, автор предлагает свои реконструкции их текстов, порою удачные, порою трудно приемлемые; но приведение под строкою вариантов из списков дает возможность читателю, не разделяющему мнение д-ра Ф[ранко], исправить самостоятельно сомнительное место.

К числу неизбежных — во всяком деле рук человеческих — недостатков рассматриваемого труда следует отнести то обстоятельство, что автор его в погоне за обстоятельностью слишком перегружает изложение не всегда необходимыми, весьма пространными притом, цитатами. Не всегда ясно, какую цель преследует это нагромождение. Затем, не всегда ясны выводы из исследования отдельных сюжетов. Иные выводы кажутся сомнительными ввиду явной тенденции автора возводить ряд песен (8-сложн. размера) к сербским архетипам. При датировании украинских песен старшего типа — автор то идет объектив-

[1] О древности этого размера в эпической поэзии украинской косвенно свидетельствует то обстоятельство, что и в польской лит. обломки песен XV—XVI вв. имеют тот же размер, напр. «Idzie Witold po ulicy/Za nim niosą dwie szablicy» (Конечно,— при условии, что здесь мы имеем подлинную песню, а не позднейшую подделку).— *Примечание подлинника.*

ным путем, исследуя размер, то — ссылаясь на исторические свидетельства, наконец, просто на голое, не обоснованное фактами предположение (напр., 77, 176), не выдерживая своего принципа — быть строго документальным.

Не всегда автор располагает соответствующими сравнительными данными для анализа отдельных песен: напр., в гл. II, анализируя украинскую песню об Иване и Марьяне (жена бежит с любовником, в борьбе с ним мужа — помогает любовнику), упущена из виду известная серб[ская] песня о Страхинье Бане и Филиппе Мадьярине (см. о сем ст. А. М. Лободы), предания о ц. Батые (см. ст. С. П. Розанова), слово о чуде с воином (наши крит[ико]-библ[иографические] обзоры новых трудов по источниковедению др[евне]-р[усской] литер[атуры], 1 серия, гл. XXVI). Курьезны истолкования «гетмана» «Феликорнис'а», упоминаемого в одной исторической песне (гл. XXI, стр. 149 и сл.) — что проще объяснить из «Филиппа Орлика», под пером малограмотного писца. Трудно согласиться, что юмористическая песня о смерти комара — «малюнок долі бурлаки, над яким хоч при смерти милосердиться чутлива жіноча душа» (201).

Но, оставляя в стороне эти и подобные им ошибки, недосмотры и недостатки в композиции и изложении широко задуманного, но, увы, не свершенного труда, прерванного смертью автора, следует признать, что в последнем крупном труде д-ра Фр[анко] наука приобрела полезный вклад, достойный академической награды.

На основании вышеизложенного полагаю, что было бы справедливым признать «Студіі над українськими нар[одними] піснями», I, заслуживающими одной из наград имени А. А. Котляревского.

В. Перетц»

Отделение русского языка и словесности Академии наук присудило посмертно И. Я. Франко премию имени А. А. Котляревского.

М. И. Дьяченко

РАССКАЗ А. Н. МАЙКОВА О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ И ПЕТРАШЕВЦАХ

Среди набросков статей и стихотворений в черновой тетради А. А. Голенищева-Кутузова, известного в свое время поэта, недавно обнаружена запись рассказа А. Н. Майкова о Ф. М. Достоевском и петрашевцах. Она сделана карандашом. В конце записи — дата 27 января 1887 года, СПб.— единственная в тетради. По началу записи можно предположить, что сделана она вскоре после посещения Голенищевым-Кутузовым Майкова, с которым он был очень близко знаком. Голенищев-Кутузов считал Майкова своим учителем в поэзии и в течение многих лет поддерживал с ним дружеские отношения, хотя был значительно моложе его.

В рассказе А. Н. Майкова есть интересные сведения о тайной типографии, о «заговоре» среди петрашевцев и его участниках, среди которых был Ф. М. Достоевский.

Первые, более полные сведения об этом известны из письма А. Н. Майкова к П. А. Висковатову, профессору русского языка и словесности Дерптского университета, написанного, очевидно, вскоре после 1885 г. с целью исправить некоторые неточности историков и литературоведов в освещении дела петрашевцев. Это письмо было опубликовано в 1922 г.[1], а до этого упоминалось в работе Е. Покровской «Достоевский и петрашевцы».

---

[1] «Библиография, письма и заметки из записной книжки. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского». О. В. Миллер, 1883, стр. 90.

Известно собственное признание Достоевского по поводу изданной в Лейпциге в 1875 г. книги «Общество пропаганды 1849 г.», сообщенное О. В. Миллером еще в 1883 г. Достоевский говорил, что эта книга «верна, но не полна ... Я не вижу в ней моей роли... многие обстоятельства совершенно ускользнули ... Целый заговор пропал»[1].

Запись рассказа Майкова во многом дополняет и уточняет его письмо. Более того, здесь уже точно названы имена всех участников тайной организации. Кроме Достоевского, в нее входили Спешнев, Момбелли, Филиппов, Григорьев, Мордвинов и Владимир Милютин. Названо имя того лица, которое в письме к Висковатову скрыто под буквами «М-в»,— это Николай Мордвинов. Ранее исследователи предполагали, что Майков ошибся, ставя эти буквы, и считали, что типографский станок хранился у Спешнева.

И, наконец, впервые, со слов самого Достоевского, названа цель этой тайной организации: «произвести переворот в России».

Запись рассказа публикуется по подлиннику, хранящемуся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, в фонде А. А. Голенищева-Кутузова.

«Был у Майкова (Ап. Ник.) и слышал от него рассказ об его участии в деле Петрашевского. (1849).

Вот этот рассказ.

«Лежу я утром в постели. Является жандармский офицер и штатский какой-то. Спрашивает: Вы А. Н. Майков?

— Я.

— Извольте одеться. Мы сделаем сперва обыск, а затем попросим Вас ехать с нами.

— Avez vous des livres défendus?

— Probablement.

— Oú sont-ils?

— Mais voilá toute ma bibliothéque, cherchez и пр.[2].

— Напились чаю; перебрали книги, забрали тетради и бумаги и отправили[сь] в карете в III Отделение. Там отвели комнату, очень любезно обращались, подали обед. Затем я преспокойно заснул. А в десять часов вечера меня разбудили и повезли в крепость под охран[ой]. Вез какой-то офицер из бурбонов и все время молчал. Привезли в крепость, повели по темным коридорам, наконец ввели в просторную освещенную комнату со столом, покрытым красным или зеленым сукном (не помню), за которым сидели генералы. Дубельт[1] очень любезно предложил сесть и предложил вопросные пункты:

— Были ли знакомы с Петрашевским?

— Был. Он кончал курс в университете вместе со мной, и я его знал, как и всех прочих студентов-товарищей.

— Так и пишите — да покороче, напр[имер], знаком по университету.

— Продолжали ли знакомство потом?

— Сначала нет, ибо [уехал] из Петерб[урга], был заграницей; а по возвращении мы встретились, и он меня пригласил на свои пятницы. Я не имел никакого повода уклоняться. У Петрашевского собиралось разнородное общество; было довольно приятно и даже подчас забавно, ибо Петрашевский vive forceur придавал своим пятницам вид каких-то заседаний.

---

[1] «Достоевский. Статьи и материалы», II., 1922, стр. 266—271.

[2] — Имеются ли у Вас запрещенные книги?

— Вероятно.

— Где они?

— Вот вся моя библиотека, ищите.

— И даже председательствовал с колокольчиком?

— Да. Мы с братом [2)] там бывали и часто смеялись над ними, но продолжали ходить из любопытства и чтобы не обидеть старого товарища.

— Так и напишите коротко. Продолжали знакомство из вежливости.

— Знаете ли Вы учение Фурье и одобряете ли его?

— Конечно, знаю; но больше по наслышке. А одобряю ли? — Конечно, нет. Фаланстеры [3)] представляются мне чем-то весьма скучным, некрасивым и неудобным. Во-первых, жаль было уничтожать города, а затем жить в казарме, в коридоре, в номере. Нет, покорно благодарю; не иметь своего дома — да это все равно, что жить на улице! Молодому человеку весьма неприятно, чтобы все знали, кто у него бывает!

— Общий смех, и, очевидно, все симпатизируют мне.

Но затем мне предложен был самый трудный, тяжелый и щекотливый для меня вопрос.

— Знакомы ли были с Достоевским? (Фед. Мих.) и какие имели с ним сношения?

Вопрос был тяжел потому, что я решительно не знал, до какой степени он компроментирован, что он показал, а между тем с Достоевским был у меня один очень важный разговор.

Приходит ко мне однажды вечером Достоевский, на мою квартиру в дом Аничков,— приходит в возбужденном состоянии и говорит, что им ет ко мне важное поручение.

— Вы, конечно, понимаете,— говорит он,— что Петрашевский болтун, несерьезный человек и что из его затей никакого толка выйти не может. А потому из его кружка несколько серьезных людей решились выделиться (но тайно и ничего другим не сообщая) и образовывать особое, тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журнала, если это будет возможно. В вас мы сомневались, ибо вы слишком самолюбивы... (это Федор-то Михайлович меня упрекал в самолюбии!).

— Как так?

— А вы не признаете авторитетов. Вы, например, не соглашаетесь со Спешневым [4)] (проповедовавшим фурьеризм).

— Полит[икой], эконом[икой] [1] особенно не интересуюсь. Но, действительно, мне кажется, что Спешнев говорит вздор; но что же из этого?

Надо для общего дела уметь себя сдерживать. Вот нас семь человек: Спешнев, Мордвинов [5)], Момбелли [6)], Павел Филиппов [7)], Григорьев [8)], Владимир Милютин [9)] и я — мы осьмым выбрали вас; хотите ли вступить в общество?

— Но с какой целью?

— Конечно с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок; его заказывали по частям, в разных местах, по рисункам Мордвинова [10)]; все готово.

— Я не только не желаю вступать в Общество, но и вам советую от него отстать. Какие мы политические деятели? Мы поэты, художники, не практики, и без гроша. Разве мы годимся в революционеры?

Достоевский стал горячо и долго проповедовать, размахивая руками в своей красной рубашке с расстегнутым воротом.

Мы спорили долго, наконец устали и легли спать.

Поутру Достоевский спрашивал.

— Ну, что же?

— Да то же самое, что и вчера. Я раньше вас проснулся и думал. Сам не вступлю и, повторяю,— если есть еще возможность,— бросьте их и уходите.

— Ну, это уж мое дело. А вы знайте. Обо всем вчера [сказанном] знают только семь человек.— Вы восьмой,— девятого не должно быть!

---

[1] Можно предположить также: «политической экономией».

— Что до этого касается, то вот Вам моя рука! Буду молчать.

Вот какой был у нас разговор, и вот почему мне трудно было отвечать.

Я сказал, что знаю Достоевского и очень его люблю; что он человек и товарищ хороший, но страшно самолюбив и неуживчив, что он перессорился со всеми [после] успеха своих «Бедных людей» и что единственно со мною не было положительно ссоры, но что в последние годы (я нарочно распространил несколько время, ибо, действительно, после этого разговора мы почти не виделись) Достоевский ко мне охладел и мы почти не виделись.

После этого мне предложили еще несколько незначительных вопросов и объявили, что я свободен и могу идти домой. Я вышел в темный коридор и, заблудившись, наткнулся на кого-то, который вдруг громко спросил: «Кто тут»? Отворилась какая-то дверь и появился генерал Набоков [11] (добрый, но суровый старик).

— Вы зачем здесь?

Я объяснил, и меня вывели на улицу. Там я встретил провожавшего меня бурбона, который, узнав, что меня освободили, оказался очень разговорчивым и добродушным человеком, искренне радующимся моему освобождению. Я вернулся на квартиру, и вскоре мне вернули мои бумаги и книги.

Знала ли следственная комиссия об этой фракции Общества Петрашевского,— не знаю. В приговоре Достоевского было сказано, между прочим, «за намерение открыть тайную типографию». При обыске у Мордвинова, у которого стоял станок, на него не обратили внимания, ибо он стоял в физическом его кабинете, где были разные машины, реторты и проч. Комнату просто запечатали, и родные сумели, не лом[ая] печати, снять дверь и вынести злополучный станок.

Эпилог. В 1855 году, после вступления на престол Александра II-го, в один прекрасный день являет[ся] ко мне какая-то странная и довольно неблаговидная личность и с чем-то меня поздравляет.

— Кто Вы и с чем поздравляете?

— Я агент тайной полиции и поздравляю Вас со снятием с Вас полицейского надзора.

— Разве я был под надзором?

— Конечно-с; мы об Вас все писали.

— Да что же Вы писали?

— Да все-с; изо дня в день, нам все было известно.

— И Вы были довольны мною?

— Помилуйте-с, уже чего же довольнее?

Я дал ему рубль; он скрылся, и тем окончилось все дело о прикосновенности моей к заговору Петрашевского [12]».

27/I 1887, СПб.

ЦГАЛИ, ф. 143, оп. 1, ед. хр. 158, лл. 17—23.— Подлинник

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Дубельт Л. В. (1792—1862) — начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением. Член следственной комиссии по делу петрашевцев.

2) Майков В. Н. (1823—1847) — брат А. Н. Майкова, критик «Отечественных записок». Сотрудничал вместе с Петрашевским в редакции «Карманного словаря иностранных слов» Кириллова. В следственном деле А. Н. Майкова есть ответ Достоевского на опросные пункты, где он отрицает какую-либо близость В. Н. Майкова к Петрашевскому.

3) Фаланстеры — здания-дворцы, в которых, по мнению Фурье, должны совместно жить члены производственно-потребительской ассоциации (фаланги).

4) Спешнев Н. А. (1821—1882) — один из наиболее радикально настроенных петрашевцев. Сторонник крестьянского восстания и насильственного переворота. Должен был возглавить тайный кружок, о котором говорил Ф. М. Достоевский.

5) Мордвинов Н. А. (р. 1827 г.—?) — сын сенатора и статс-секретаря. В сентябре 1849 г. арестован, но признан «маловиновным». Был подвергнут секретному надзору.

6) Момбелли Н. А. (1823—1902) — поручик лейб-гвардии Московского полка. По определению следственной комиссии, «один из важнейших».

7) Филиппов П. Н. (1825—1855) — «один из важнейших» сторонников крестьянского восстания, автор «Толкования 10 заповедей для крестьян». Был близок с Достоевским, который писал о нем в опросных пунктах: «Но в нем много очень хороших качеств, за которые я его полюбил». В 70-х годах у Достоевского был план написать роман из жизни петрашевцев, героем которого должен был быть Филиппов.

8) Григорьев Н. П. (1832—1886) — автор «Солдатской беседы», написанной для пропаганды в войсках. Во время следствия заболел психическим расстройством.

9) Милютин В. А. (1826—1855) — брат Д. А. и Н. А. Милютиных. Впоследствии профессор государственного права.

10) В письме к Висковатову Майков сообщает, что станок был заказан по рисунку Филиппова, а «снесен и собран в квартире одного из участников М-ва» (Мордвинова). Трудно решить, в каком случае Майков оговорился.

11) Набоков И. А. (1787—1852) — комендант Петропавловской крепости, председатель следственной комиссии по «делу петращевцев».

12) Освобождение А. Н. Майкова от надзора состоялось не в 1855, а в 1856 г., по манифесту, данному в день коронации Александра II, 26 августа 1856 г., о чем имеется справка в деле Майкова в Архиве III отделения.

Н. П. Овсянникова

КРИТИКА
БИБЛИОГРАФИЯ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ РАБОЧИХ В 1905 г.

Сборник документов и материалов. Составили В. М. Соколов и В. А. Бабичев. Отв. редактор Ф. Г. Паначин. Ивановское книжное издательство, 1955, стр. 261

Выпущенный Ивановским книжным издательством сборник представляет безусловный интерес не только для специалистов-историков, но и для широких кругов советских читателей.

Внутри каждого из пяти разделов сборника документы расположены в хронологическом порядке, за исключением тех случаев, когда общность вопросов заставляла несколько нарушить этот порядок. При подборе документов были использованы материалы Центрального государственного исторического архива СССР в Москве, государственных архивов Ивановской и Владимирской областей, Ивановского областного музея, а также воспоминания старых большевиков, участников стачки.

Первый раздел сборника (стр. 35—51) освещает вопрос о состоянии промышленности и положении рабочего класса в Иваново-Вознесенске накануне революции 1905 г. Статистические сведения, корреспонденции в газету «Искра» и другие материалы говорят о жестокой эксплуатации, которой подвергались текстильщики. Число документов этого раздела можно было бы даже еще увеличить, используя, например, воспоминания активных участников революционных событий в Иваново-Вознесенске.

Второй раздел (стр. 53—72) посвящен деятельности Иваново-Вознесенской организации большевиков накануне революции 1905 г. и составлен из воспоминаний руководителей и рядовых участников Иваново-Вознесенской организации большевиков О. А. Варенцовой, Ф. Н. Самойлова и других. Как известно, наиболее сильной партийной организацией из всех групп Северного комитета РСДРП (преобразованного согласно решению II съезда партии из «Северного рабочего союза») была Иваново-Вознесенская. Эта организация, как указывает Варенцова, «шла впереди по количеству организованных рабочих, по своему пролетарскому составу, по тесной связи с широкими рабочими массами и по силе влияния на них» (стр. 60)

В этом разделе необходимо было, наряду с воспоминаниями участников, добавить документы, характеризующие деятельность местной партийной организации и ее связь с Московским комитетом партии.

Третий раздел (стр. 73—90) посвящен откликам в Иваново-Вознесенске на события 9 января 1905 г. в Петербурге. Ряд документов на эту тему опубликован в настоящее время также в сборнике документов и материалов по истории революции 1905 — 1907 гг. в России[1].

Центральный раздел сборника — четвертый (стр. 91—218) посвящен всеобщей стачке рабочих в Иваново-Вознесенске — одному из важнейших и ярких революционных событий лета 1905 г.

Стачка длилась с середины мая до начала августа 1905 г., руководил стачкой Северный комитет партии. Накануне стачки в Иваново-Вознесенск приехал командированный Московским комитетом партии профессиональный революционер М. В. Фрунзе. Он сразу вошел в состав Иваново-Вознесенской группы Северного комитета партии и вместе с Ф. А. Афанасьевым стал во главе руководства городской партийной организации.

9—11 мая состоялась партийная кон-

[1] Начало первой русской революции. Январь—март 1905 г. Изд. АН СССР, 1955.

ференция. На конференции были рассмотрены требования рабочих. В эти требования входили: восьмичасовой рабочий день, свобода союзов и стачек, создание постоянной выборной комиссии из представителей от рабочих и администрации для разрешения возникающих конфликтов и недоразумений, уничтожение фабричной комиссии и тюрем при фабриках («кутузок») и другие.

Иваново-вознесенские рабочие выступили на защиту своих требований. 12 мая началась всеобщая забастовка. К текстильщикам присоединились железнодорожники, печатники, ремесленники. На городском собрании большевиков вечером 12 мая было принято решение собраться на другой день на Центральной площади, у здания Городской думы. 13 мая состоялся грандиозный митинг, на котором выступали ораторы, разъясняя рабочим выдвинутые на партийной конференции требования. Владельцы предприятий, чтобы разбить рабочую солидарность и сломить оружием сопротивление рабочих, соглашались вести переговоры с рабочими на каждой фабрике отдельно. Однако рабочие решили избрать от каждого предприятия своих представителей в единый коллективный орган для защиты своих классовых интересов.

В первые же дни стачки иваново-вознесенские рабочие создали Совет уполномоченных, который был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов России. Советы рабочих депутатов были в 1905 г. массовой политической организацией рабочего класса и явились прообразом Советской власти, созданной в 1917 г.

В четвертом разделе сборника помещены: прокламации Иваново-Вознесенской группы Северного и Московского комитетов партии, корреспонденции в газетах «Вперед» и «Пролетарий», резолюции и требования, принятые на рабочих собраниях, протоколы рабочих собраний депутатов Совета уполномоченных, воспоминания М. В. Фрунзе и Ф. Н. Самойлова, донесения и объявления полицеймейстера и губернатора, различная переписка и другие документы.

В своих воспоминаниях М. В. Фрунзе пишет, что с первых же шагов стачечное движение в Иваново-Вознесенске «приняло удивительно стройный и организованный вид. После первого грандиозного митинга перед думой, приведшего в неописуемый страх как местную буржуазию, так и всю полицию, происходит общее собрание бастующих за городом, у речки Талки, где рабочие, по предложению социал-демократов, разбились на фабрики и создали Совет рабочих депутатов» (стр. 216).

Как свидетельствуют помещенные в сборнике документы и воспоминания участников стачки, Иваново-Вознесенский Совет действовал не только как руководитель стачки, но и как орган революционной власти, быстро завоевавший авторитет среди рабочих. Совет действовал как настоящий хозяин, сумевший на практике осуществить свободу собраний, слова, печати. Была создана рабочия милиция,— Совет запретил торговлю водкой, по мере своих сил оказывал материальную помощь семьям бастующих рабочих и т. д.

В. И. Ленин писал в октябре 1905 г. о том, что «Иваново-Вознесенская стачка показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки» [1].

Упорство и стойкость, рост политической сознательности характеризуют всеобщую стачку иваново-вознесенских рабочих, и это хорошо показано в сборнике.

Заключительный, пятый раздел (стр. 219—250) посвящен рабочему движению в Иваново-Вознесенске после всеобщей стачки. В отрывке из воспоминаний Ф. Н. Самойлова, помещенном в этом разделе, говорится, что «настроение рабочих после стачки, несмотря на перенесенные ими тяжелые лишения, было боевым. Стачка закалила их. Прежняя приниженность и забитость рядового рабочего исчезли» (стр. 223).

Помимо различных документов, характеризующих рабочее движение этого периода, в разделе помещено несколько прокламаций Иваново-Вознесенского комитета РСДРП большевиков (датированных октябрем 1905 г.), призывавших рабочих к дальнейшей борьбе против самодержавия.

В конце книги дана хроника событий и указатель дореволюционных и современных названий фабрик, упоминаемых в сборнике.

Все документы и материалы сборника читаются с большим интересом и дают сравнительно полное представление о революционной борьбе иваново-вознесенских рабочих в 1905 г. Умело и вдумчиво подобранные документы дают представление о связи революционных событий в Иваново-Вознесенске с революционными событиями во всей стране. В то же время они позволяют судить о деятельности не только партийных и общественных организаций, но и отдельных руководителей и рядовых участников стачки.

В сборнике даны краткие биографические справки и приведены фотографии руководителей Иваново-Вознесенской партийной организации и всеобщей стачки: М. В. Фрунзе, Ф. А. Афанасьева, О. А. Варенцовой, Ф. Н. Самойлова и других.

Большинство документов публикуется впервые. Составителями соблюдена про-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 308—309.

порция в подборе и расположении документов различного типа: большевистские прокламации, корреспонденции в партийные газеты, статистические сведения, письма, воспоминания и другие. Следовало, как уже было сказано выше, увеличить число партийных документов, в частности включить некоторые листовки, выпущенные в мае-июне 1905 г. Иваново-Вознесенской группой РСДРП, чтобы еще ярче оказать руководящую роль большевистской партии в революции.

Сборник составлен и документы обработаны в соответствии с основными правилами публикации документов. Это же относится и к составлению заголовков к документам, датировке документов, составлению подстрочных и реальных примечаний. Отметим только, что не соблюдено единство датировки док. №№ 8, 9, 10. В док. № 90 (стр. 193—194) не пояснено, почему письмо рабочего К. А. в постскриптуме подписано инициалами Ю. Ю.

В целом же сборник составлен удовлетворительно с учетом требований советской археографии.

Н. С. Трусова

ДЕКАБРИСТЫ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Редакция М. К. Азадовского. М., 1955, 375 стр.

В новом томе трудов Рукописного отдела библиотеки им. В. И. Ленина помещены материалы о декабристах. Впервые издаются автобиографические записки А. Н. Муравьева, письма Н. А. Бестужева и И. Д. Якушкина, воспоминания декабриста В. С. Толстого. Заканчивается том сообщением И. С. Кацнельсона о неизвестной книге декабриста Г. С. Батенькова.

Рецензируемое издание будет способствовать дальнейшему изучению истории движения декабристов, над которой так много и плодотворно трудятся советские историки. Но, переходя к рассмотрению опубликованных материалов, нельзя воздержаться от серьезных упреков составителям.

Давно назрела необходимость в тематических сборниках, которые являются наиболее удобными для исследования различных проблем из истории общественной мысли XIX в. Отбор источников для публикации, думается, должен определяться не узко ведомственными интересами — сделать достоянием науки новые в составе фондов рукописного отдела библиотеки им. В. И. Ленина источники,— а более широкими задачами исторической науки — ввести в научный оборот те источники, которые дают возможность разрешить ряд новых проблем истории декабристского движения, независимо от того, в каком хранилище эти источники находятся.

Отвечает ли этим требованиям рецензируемый сборник? К сожалению, нет.

Рассмотрим публикации в порядке их расположения.

Сборник открывается воспоминаниями В. С. Толстого, написанными в связи с чтением «Записок декабриста» А. Е. Розена и представляющими единое целое с замечаниями В. С. Толстого на последние. Воспоминания касаются самых разнообразных вопросов по истории декабристского движения. Они несколько расширяют сведения о деятельности созданной П. Пестелем в кавалергардском полку управы Южного общества и одном из его главных деятелей Ф. Ф. Вадковском; вносят некоторые детали в историю создания и распространения агитационных стихотворений декабристов (кстати сказать, эти вопросы полно отражены в следственных материалах). Что же касается хода и результатов восстания 14 декабря, расправы царизма с декабристами, их дальнейшей деятельности в условиях каторги и ссылки, то здесь В. С. Толстой мало оригинален, хотя оценивает события часто с более непримиримых, чем у других декабристов, позиций противника самодержавия и крепостного права, а в оценке крестьянской реформы 1861 г. В. С. Толстого можно поставить рядом с революционными демократами.

Публикуемые вслед за воспоминаниями В. С. Толстого отрывки автобиографических записок А. Н. Муравьева являются ценным источником для изучения истоков идеологии декабристов, вводят читателя в круг интересов молодых офицеров накануне войны 1812 г., расширяют сведения о друзьях А. Н. Муравьева — будущих декабристах, дают интересные описания событий Отечественной войны (до Тарутинского сражения включительно). А. Н. Муравьев с любовью рассказывает о мужестве русского народа и беспримерной храбрости солдат, сообщает ряд подробностей о событиях в армии. Записки в целом отражают ту эволюцию, которую пережил автор со дня происходивших событий до времени написания воспоминаний. Многое забылось, многое оценивалось с иных позиций. Так, явно под влиянием дворянской историография и личных симпатий к Барклаю де Толи искажена роль Кутузова в Бородинском сражении (стр. 195—196).

Те и другие воспоминания значительно выиграли бы в составе тематических сборников. Записки А. Н. Муравьева — ценнейший источник мемуарной литературы об Отечественной войне 1812 г., зазвучали бы в полный голос в составе сборника «Декабристы и Отечественная война». Воспоминания В. С. Толстого затрагивают вопрос о пребывании декабристов на Кавказе, позволяют выяснить его отношение к проблемам международной политики и военного искусства и могли бы войти в состав сборника «Декабристы на Кавказе». Ценны были бы те и другие воспоминания в специальных сборниках, посвященных отдельным декабристам.

Значительный интерес представляют напечатанные в сборнике письма Н. Бестужева и И. Д. Якушкина. Они касаются незаслуженно оставленной исследователями проблемы каторги и ссылки. Ведь на каторге и в ссылке многие декабристы сохранили свои взгляды, хотя в изменившихся условиях политические и социальные вопросы ставились и решались ими поновому. Об этом прежде всего свидетельствует богатое эпистолярное наследство декабристов. Мало изученные личные фонды декабристов, разбросанные по различным хранилищам страны, нуждаются в публикации и исследовании. Если бы даже весь сборник был посвящен материалам сибирского периода и построен в хронологическо-тематическом плане, думается, такая публикация дала бы исследователям богатый материал для разработки многих проблем периода каторги и ссылки. В самом рукописном отделе еще не опубликованы многочисленные письма декабристов к И. И. Пущину, до сих пор не введены в научный оборот многие ценнейшие письма из частного собрания Якушкиных в Центральном государственном историческом архиве в Москве. Публикация их остро необходима [1].

Три письма Н. Бестужева к Т. С. Батенькову подтверждают характеристику Н. Бестужева, хорошо известную из других источников. Н. Бестужев выступает как выдающийся деятель декабристского движения, горячо интересующийся экономической и политической жизнью страны, глубоко переживающий неудачи России в Крымской войне и т. д.

Письма И. Д. Якушкина к М. А. Фонвизину, И. И. Пущину, Г. С. Батенькову, Н. Д. Шаховской, Н. Д. Фонвизиной, как справедливо указано в предисловии, дополняют публикацию записок, писем и статей декабриста И. Д. Якушкина [2], но далеко не исчерпывают всего эпистолярного наследия последнего. Один из первых организаторов тайного общества И. Д. Якушкин до конца своих дней живо отзывался на политические события времени. Отклики на подготавливаемую Киселевым реформу 1842 г., буржуазные революции 1848 г. на Западе, присоединение Приамурья и Средней Азии к России, на Крымскую войну и т. д. могли бы служить темой для специального сборника, в состав которого могла бы попасть и часть материалов, опубликованных в настоящем сборнике.

Тема богато представлена перепиской Якушкина с М. А. Фонвизиным, М. М. Муравьевым-Апостолом, С. П. Трубецким и др. [3].

Публикуемые письма касаются главным образом педагогической деятельности И. Д. Якушкина, дополняют и уточняют отдельные эпизоды жизни декабристов в Сибири, воссоздают образ передового человека своего времени, горячего патриота, до конца жизни сохранившего верность тем идеалам, во имя которых Якушкин вступил в ряды борцов против крепостничества и самодержавия. Отдельные письма ретроспективно освещают участие в движении, дают возможность судить о своеобразии взглядов И. Д. Якушкина (стр. 291—292), дополняют его ценнейшие воспоминания. Дополнением к воспоминаниям служат и многие другие неопубликованные письма из частных собраний Центрального государственного исторического архива в Москве (Якушкиных, С. П. Трубецкого, Свербеева и др). Непонятно, почему отдельные из них используются в примечаниях, упоминаются во вводных статьях, но не публикуются составителями сборника?

Тематическая или хронологическая публикация эпистолярного наследия И. Д. Якушкина острее поставила бы вопрос об отборе. Из публикуемых в настоящем сборнике писем Якушкина легко могли быть устранены №№ 1, 4, 35. Раздел мог быть пополнен письмами, раскрывающими проблему связи декабристов с последующими поколениями политических ссыльных,— А. И. Герценом и другими. Эти письма, незаслуженно оставленные без внимания исследователями, дают более полную характеристику всех сторон деятельности Якушкина в сибирский период.

Касаясь вступительных статей к публикациям, хотелось отметить необходимость более четкого определения задач настоящего сборника в статье «От редакции»: на широкий ли круг читателей рассчитан сборник, или на специалистов? В зависимости от этого и должны были строиться вводные статьи.

Если сборник готовился для исследователей, то вводные статьи должны были затронуть вопросы источниковедческого анализа публикуемых воспоминаний и писем. Между тем, в них основное внима-

[1] См. Т. Г. Снытко. Неопубликованные материалы по истории декабристского движения («Вопросы истории», 1950, № 12).

[2] И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. Под ред. С. Я. Штрайха. М., 1951.

[3] ЦГИА, ф. 279, дд. 49, 82, 97, 100, 101, 242.

ние уделено биографическим данным и содержанию публикуемых источников, а политические взгляды отдельных декабристов и их особенности, отразившиеся в той или иной степени в источнике, остаются читателю неясными. Правда, во вводной статье С. В. Житомирской есть упоминание о противоречивости взглядов В. С. Толстого, но эта противоречивость не расценивается как элемент дворянской ограниченности. Источниковедческий анализ воспоминаний В. С. Толстого особенно необходим, так как известно, что в публикуемых статьях «он тщательно обходил вопросы своего декабристского прошлого» (стр. 7). Значит, нужно было детально исследовать материалы фондов Следственной комиссии и Верховного уголовного суда (следственные дела декабристов, протоколы допросов, делопроизводственные источники) и другие материалы для того, чтобы установить, был ли таким последовательным декабристом В. С. Толстой, каким он представлен в воспоминаниях. Следовало бы обратить внимание и на датировку. Воспоминания и замечания на «Записки декабриста» А. С. Розена, думается, писались в разное время. Об этом свидетельствует даже почерк (см. стр. 22, 67).

Составленная так же, как и статья С. В. Житомирской, на основе многочисленных источников, статья Ю. И. Герасимовой в некоторой степени повторяет недостатки предыдущей статьи. Значение и роль А. Н. Муравьева в декабристском движении до конца пока еще не установлены. По характеру же автобиографических записок, составленных, как установлено Ю. И. Герасимовой, в 1863 г., и по отзывам современников (стр. 153 и др.) А. Н. Муравьев оставался верен декабристским идеям.

Из самого характера вступительной статьи об А. Н. Муравьеве не следует вывода, сделанного автором. Не переходом от радикальных взглядов к умеренному либерализму следует объяснять многое в поведении А. Н. Муравьева, а ограниченностью его взглядов как дворянского революционера.

Коротенькие сообщения о П. Н. Бестужеве и И. Д. Якушкине написаны в плане характеристики их нравственных качеств, без упоминания особенностей их мировоззрения. Дана характеристика содержания, но не определено место публикуемых писем среди других писем того же периода, не указано их значение среди других источников (научных трудов, воспоминаний).

В заключение хочется коснуться археографических вопросов. Прежде всего, вызывает возражение расположение публикуемых материалов. Трудно понять, по какому принципу расположены источники и что дает такое расположение. Воспоминания следуют без определенной последовательности. Более ценный и ранний источник — переписка декабристов — дается после мемуаров. Целесообразнее было бы выдержать хотя бы хронологический принцип или обосновать принятый в издании порядок.

Тексты публикуются согласно «Основным правилам публикации документов государственного архивного фонда СССР», изданным Главным архивным управлением. Составители удачно провели работу по подготовке к печати текста документов. Можно упрекнуть составителей лишь за излишне подробные примечания. Обо всех упоминаемых в источнике лицах (в том числе и известных) даются подробнейшие сведения, но часто опускается характеристика их политических взглядов. Повторяются сведения об Аракчееве и аракчеевщине (стр. 104, 105), о Блудове и Шервуде (100, 104). Иногда цитируется рукопись при наличии изданного текста, например, следственное дело Митькова (стр. 9).

В целом, хочется отметить большую работу по подготовке к печати вошедших в состав сборника источников, подчеркнуть необходимость составления тематических или видовых публикаций, помогающих разработке исторических и источниковедческих проблем.

Сборник заканчивается сообщением И. С. Кацнельсона «Неизвестная книга декабриста Г. С. Батенькова». Тщательное исследование эпистолярного наследства фонда Елагиных, фонда «Сына отечества» за 1824 г., где печаталась частями книга, и графической надписи на изданном экземпляре 1824 г. позволили И. С. Кацнельсону убедительнейшим образом доказать, что автором книги «О египетских письменах» являлся Г. С. Батеньков. Исследование И. С. Кацнельсона, несомненно, проложит путь для установления других произведений декабристов.

И. А. Миронова

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ УССР

Начиная с 1947 г., Архивное управление Украинской ССР издает «Научно-информационный бюллетень», в задачу которого входит обобщение и распространение положительного опыта работы архивных органов, государственных и ведомственных архивов УССР. В первые годы своего существования он выходил один-два раза в год. Начиная с 1951 г., бюллетень выходит регулярно, три раза в год.

На страницах последних, рассматриваемых здесь номеров (за 1953—1955 гг.) нашли отражение все вопросы архивного строительства Республики.

В передовых статьях освещаются очередные задачи архивных органов и государственных архивов УССР. Итоги совещания научных сотрудников архивных органов Украинской ССР, прошедшего в марте 1955 г., подведены в передовой статье бюлл. № 20. В ней кратко излагается содержание доклада С. Д. Пилькевича «Задачи архивных отделов по руководству государственными и ведомственными архивами» и выступлений участников совещания.

Бюлл. № 17 посвящен 300-летию воссоединения Украины с Россией. В нем помещены обзоры: «Документальные материалы Филиала Центрального государственного исторического архива УССР в г. Львове об освободительной борьбе украинского народа против шляхетской Польши в первой половине XVII века» (Т. Рапопорта), «Развитие исторических связей русского и украинского народа после воссоединения Украины с Россией» (А. Фирсова), «Документы ЦГИА УССР по истории освободительной войны украинского народа и о воссоединении Украины с Россией» (И. Олейника, Л. Проценко, М. Рапецкой), «Документы и материалы ЦГАОР УССР по истории братского содружества русского и украинского народов» (И. Шермана) и др.

В статьях Г. Пшеничного «Улучшить контроль за архивами учреждений» (бюлл. № 14), Г. Ганночко и В. Коноваловой «К вопросу об экспертизе ценности документальных материалов в ведомственных архивах» (бюлл. № 15), В. Торова «Из опыта работы по руководству районными архивами» (бюлл. № 19), Г. Ганночко «К вопросу о работе технических архивов учреждений», П. Замкового «Некоторые вопросы руководства городскими и районными архивами» (бюлл. № 20) и Б. Полиовктова «Из опыта работы по руководству и контролю за состоянием и работой фотоархивов учреждений, предприятий и организаций» (бюлл. № 21) показаны организационная и методическая стороны деятельности архивных органов по руководству ведомственными, городскими и районными архивами. Необходимо отметить, что отдельные положения ряда статей не могут быть приняты безоговорочно. Так, например, автор статьи «Некоторые вопросы руководства городскими и районными архивами» (бюлл. № 20) П. Замковой считает возможным привлекать для инспектирования районных архивов неспециалистов архивного дела. Такая ориентация не совсем правильна, так как оказать квалифицированную помощь райархиву и архиву учреждения могут только опытные архивисты.

В. Торов в названной выше статье делится опытом проведения кустовых семинаров с заведующими районными архивами в Харьковской области. Систематическое проведение таких кустовых семинаров следует расценивать как положительное явление.

В большой, обстоятельной статье Г. Неклеса «Обеспечение сохранности документальных материалов» (бюлл. № 20) рассматривается весь комплекс мероприятий, направленных на удлинение срока жизни документальных источников, показаны положительный опыт работы ряда архивов по обеспечению сохранности материалов, а также имеющиеся недостатки.

В бюлл. № 21 помещена статья В. Ралко «Мероприятия по обеспечению сохранности документальных материалов в Государственном архиве Хмельницкой области», которая рассказывает об интересном опыте устройства простейшей дезинфекционной камеры, доступной для каждого областного государственного архива.

Работе непосредственных исполнителей значительной части мероприятий по обеспечению сохранности документальных материалов в условиях облгосархива посвящена статья И. Кириченко «О работе ответственных хранителей фондов Каменец-Подольского облгосархива» (бюлл. № 14). Здесь ответственные хранители фондов назначены «из числа опытных научных сотрудников, а их заместители — из числа опытных архивно-технических сотрудников».

Вопросы обеспечения сохранности документальных материалов косвенно затрагиваются и в других статьях бюллетеня.

Вопрос о научно-технической обработке документальных материалов фондов является не менее кардинальным в работе государственных архивов; поэтому показ положительного опыта работы по упорядочению материалов особенно необходим. Но, к сожалению, этому уделено мало внимания. Статья Г. Мышака «Об упорядочении документальных материалов избирательных комиссий по выборам в местные Советы депутатов трудящихся» (бюлл. № 14), касающаяся узкой группы материалов, и статья И. Бутыча «Об усовершен-

[1] Обзор бюллетеней №№ 14—21.

ствовании научно-технической обработки документальных материалов в госархивах УССР» (бюлл. № 16), с беглым обзором состояния этой работы, не могут восполнить имеющийся пробел.

Непосредственный опыт обработки документальных материалов архивных фондов в Львовском облгосархиве показан в статье Г. Вайнбаум «Обмен опытом работы» (бюлл. № 16). Автор знакомит читателей с рядом рационализаторских приемов, направленных на ускорение обработки материалов фонда Магистрата г. Львова, Львовского городского управления и других фондов.

Попытка введения новой формы обмена опытом научно-технической обработки — создание в бюллетене «Отдела консультаций» — весьма удачна. В бюлл. № 14 помещено сообщение С. Розина о групповой консультации в ЦГАОР УССР на тему «Составление описей документальных материалов», в котором кратко изложен ход обсуждения некоторых вопросов, возникающих при систематизации документальных материалов и датировке отдельных групп документов, и сообщены конкретные решения по этим вопросам. Однако редакционная коллегия почему-то не нашла возможным практиковать эту гибкую форму широкой консультации по всевозможным практическим вопросам, хотя известно, что методические решения, принятые по конкретным случаям, построенные на фактическом материале, более доходчивы, чем содержание некоторых параграфов наших инструкций по научно-технической обработке документальных материалов фондов.

Непременным условием высококачественного проведения научно-технической обработки и учета документальных материалов является знание истории фондообразователей. Назрела необходимость разработки истории учреждений и составления специальных справочников. Архивисты Украины приступили к выполнению этой задачи. В статье Е. Кармановой «Изучение документальных материалов по истории советских государственных учреждений Украины в ЦГАОР УССР» (бюлл. № 14) сообщается об опыте работы по выявлению документов по истории учреждений и подготовке специального сборника. А. Бондаревский в своей статье «О подготовке справочника по истории государственных учреждений» (бюлл. № 19) в общих чертах обрисовывает организацию и методику этой работы.

В статье В. Стрельского «Документальные и литературные источники для составления справок по истории учреждений» (бюлл. № 21) дан обстоятельный обзор важнейших печатных источников, а также групп архивных материалов, которыми можно пользоваться при составлении исторических справок.

Целям обеспечения сохранности документальных материалов и их использования подчинен учет документальных материалов архивных фондов. О состоянии учета материалов в государственных архивах Украинской ССР и имеющихся в этой работе недостатках говорят статьи В. Коноваловой «К вопросу об учете документальных материалов и усовершенствовании учетно-справочного аппарата в госархивах УССР» и Н. Штуль и Х. Новофастовского «Учет — важнейшее звено архивной работы» — об опыте работы по учету в Государственном архиве Винницкой обл. (бюлл. № 20). В последней статье, наряду с другими сведениями, сообщается о взаимопомощи и непосредственном обмене опытом между несколькими областными государственными архивами.

Выполнение задачи широкого и всестороннего использования документальных материалов Государственного архивного фонда нашло наиболее полное отражение на страницах «Научно-информационного бюллетеня». Почти каждый из выходящих номеров содержит статьи по вопросам использования документальных материалов.

Статьи С. Винниковецкого и В. Хитрина (Винницкий облгосархив) «Выявляем ценные документы для развития советской науки» (бюлл. № 14), А. Мищенко «Организация и методика работы по выявлению документов для сборников. (Из опыта работы научно-издательского отдела ЦГАОР УССР)» (бюлл. № 15) и Б. Бриккер «Организация работы по выявлению документальных материалов для республиканских сборников в Государственном архиве Днепропетровской области» (бюлл. № 19) на конкретных примерах показывают пути правильной организации работы по выявлению и отбору необходимых документов для сборников.

П. Гудзенко в статье «Усилить публикацию документальных материалов по истории социалистического общества» (бюлл. № 15) говорит о необходимости усиления публикации документальных источников по советскому периоду, по истории рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции.

О выявленных в Винницком облгосархиве документах об основоположнике военно-полевой хирургии Н. И. Пирогове говорится в статье В. Хитрина «Документы о Н. И. Пирогове» (бюлл. № 16). Обзор документов о великом польском писателе Адаме Мицкевиче сделала В. Скорина (бюлл. № 19).

Если вопросам выявления и отбора документов в бюллетене отведено достаточно места, то этого нельзя сказать относительно освещения на его страницах методики подготовки материалов к публикации. Опыт археографической обработки документов, их комментирования и подготовки указателей почти совсем не затронут.

Статьи М. Новиченко «Работа читального зала ЦГИА УССР» (бюлл. № 14) и В. Морозовой (Ворошиловоградский облгосархив) «Всемерно улучшить условия работы ис-

следователей» (бюлл. № 15) знакомят читателей с работой читальных залов двух крупных архивов. Однако авторы статей очень мало касаются вопросов организации обслуживания исследователей. Такие вопросы, как проведение консультаций, создание подсобных справочных картотек, использование имеющегося научно-справочного аппарата в этих статьях почти совсем обойдены.

Постановке справочной работы в государственных архивах посвящены две статьи. В статье Т. Сатовой «Повседневное внимание обслуживанию трудящихся» (бюлл. № 15) обозревается состояние справочной работы в государственных архивах Украинской ССР, но очень мало дается указаний, как нужно правильно организовать эту важную работу, какими путями можно изжить имеющиеся недостатки. Вполне правильно автор высказывается за необходимость обмена опытом справочной работы через бюллетень. Своеобразным откликом на это пожелание явилась статья В. Васицкой и Я. Тифлинского «Работа по наведению справок биографического характера» (бюлл. № 16) об опыте справочной работы в Житомирском облгосархиве. В последующих номерах бюллетеня специальных статей о справочной работе нет, между тем актуальность вопроса осталась прежней.

Работа по использованию документальных материалов в агитационно-пропагандистских и научных целях (устройство выставок, популяризация документальных материалов через печать и радио) не нашла обстоятельного отражения на страницах «Научно-информационного бюллетеня». Краткие сообщения в разделе «Хроника» говорят о том, что опыт в этой области у архивов Украинской ССР имеется и он требует более детального освещения.

А. Гринберг в статье «Пути разыскания утраченной документации» (бюлл. № 21) на конкретных примерах показывает, где могут быть найдены недостающие в фондах документы. Возмещение недостающих документальных материалов в фондах государственных архивов областей, подвергавшихся оккупации, имеет огромное значение, и постановка этого вопроса более чем своевременна. Статья, безусловно, должна встретить отклики со стороны работников архивов, сталкивающихся с этим вопросом в своей практической деятельности и имеющих опыт в розыске и пополнении фондов недостающими материалами.

Имеющийся в ряде номеров бюллетеня раздел «Критика и библиография» содержит обзоры выявленных документов по отдельным темам, рецензии на вышедшие сборники документов и методические пособия.

Каждый номер бюллетеня имеет раздел «Хроника», в котором помещаются краткие сообщения о событиях текущей жизни архивных органов и государственных архивов.

Совершенно не отражена в «Научно-информационном бюллетене» работа научных советов архивных органов. Этот вопрос поднимался на его страницах только один раз: в бюлл. № 7 была напечатана статья В. Шелудченко «Оживить работу научных советов». Так и остались в неведении читатели: оживилась ли эта работа?

Мало уделено внимания показу опыта работы архивов действующих учреждений. Вполне правомерное предложение т. Яновского (Харьков), высказанное им на совещании научных сотрудников архивных органов, проходившем 15—17 марта 1955 г. в Киеве, о создании в «Научно-информационном бюллетене» специального раздела обмена опытом работы ведомственных технических и общих архивов (бюлл. № 20, стр. 11) не претворено в жизнь.

Было бы желательным более детальное освещение некоторых наиболее оправдавших себя приемов работы. Беглый, иногда слишком поверхностный обзор некоторых мероприятий, способов и приемов мало чем может помочь архивистам.

Бюллетень не сумел своевременно организовать обсуждение отдельных методических вопросов. Так, например, поместив в порядке обсуждения статью т. Ярошенко «Об организации и проведении совещаний в архивных органах и государственных архивах УССР» (бюлл. № 13), редколлегия не организовала этого обсуждения в последующих номерах.

Поскольку не все положения в некоторых статьях могут быть признаны правильными, одобрены и рекомендованы для применения, редколлегии следовало бы в этих случаях давать разъяснения, как это сделано к статье С. Розина (бюлл. № 14, стр. 42).

Необходимо также добиться единообразия в применении архивной терминологии на страницах такого авторитетного органа. Хотелось бы видеть тематический указатель всех помещенных статей.

Отмеченные недостатки отнюдь не снижают ценности бюллетеня. Он, несомненно, является необходимым методическим пособием, суммирующим богатый опыт украинских архивистов, способствует его более широкому распространению.

К сожалению, «Научно-информационный бюллетень» издается крайне небольшим тиражом для служебного пользования, и богатый опыт украинских архивистов не может стать достоянием более широких кругов архивистов братских республик.

В заключение следует сказать, что опыт украинских архивистов по изданию бюллетеня должен быть учтен архивными органами других республик. Там же, где нет изданий такого типа, необходимо их создать, в первую очередь, в Главном архивном управлении СССР.

М. А. Карева

Р. П. ДМИТРИЕВА. «СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ» М.— Л., 1955, стр. 214

«Сказание о князьях владимирских» — один из наиболее ярких памятников русской публицистической литературы XVI в. В нем особенно наглядно отразились официальные политические идеи Русского централизованного государства.

В «Сказании» рассказывается о происхождении русских князей от римского императора Августа и о том, как Владимир Мономах, якобы получил великокняжеские регалии, в том числе «шапку Мономаха», из Византии. Тем самым памятник служил целям идеологического обоснования самодержавной власти московских государей и поднятия международного престижа России.

До настоящего времени отсутствовало научное издание этого памятника на основе привлечения всех его рукописных текстов. Публикация И. Н. Жданова в приложении к исследованию, в котором разбирается ряд вопросов, связанных с историей памятника, устарела, ибо автор использовал рукописные тексты лишь выборочно [1].

Рецензируемая работа Р. П. Дмитриевой, посвященная «Сказанию о князьях владимирских», представляет собой критическое издание этого публицистического произведения, сопровожденное серьезным источниковедческим исследованием его текста. Прежде всего, Р. П. Дмитриева, благодаря тщательному обследованию многочисленных архивохранилищ Москвы и Ленинграда, собрала значительное количество списков «Сказания» (более 30), что дало ей возможность придти к вполне обоснованному выводу о существовании ряда редакций этого памятника. Возникновение этих редакций Р. П. Дмитриева связала с важными событиями в истории укрепления Русского централизованного государства. Ею установлено существование особой («первой») редакции, оканчивавшейся родословием князей литовских; другая («вторая») редакция, как доказал автор, кончалась чином венчания на царский престол. Незадолго до венчания на царский престол Ивана IV (1547 г.) появилось так называемое «Поставление великих князей русских», в котором рассказ начинается не как обычно со сведений о разделении вселенной между потомками Ноя, а непосредственно с получения Владимиром Мономахом «царского венца» (стр. 49). Аналогичный рассказ («Написание») вырезан на дверцах знаменитого царского места (1551 г.), находящегося в Кремле, в Успенском соборе.

Наконец, пристальному анализу Р. П. Дмитриева подвергает послание видного русского публициста Спиридона-Саввы, устанавливая, что оно было написано около 1511—1521 гг. (стр. 109). По мнению Р. П. Дмитриевой, именно это «Послание» было положено в основу текста «Сказания о великих князьях владимирских», первая редакция которого возникла также еще до смерти Василия III (стр. 109).

Особый интерес представляет изучение Р. П. Дмитриевой широкого применения «Сказания» в политической практике Русского государства второй половины XVI в. Идеи «Сказания»,— пишет автор,— «используются почти во всех идеологических мероприятиях, которые были связаны с поднятием престижа власти великого князя» (стр. 155). Так, в частности, в дипломатической практике XVI в. идеи «Сказания» помогали обосновать право московских государей на воссоединение русских, украинских и белорусских земель, ранее входивших в состав Древнерусского государства (стр. 137).

Серьезное источниковедческое исследование «Сказания» позволило Р. П. Дмитриевой издать это произведение по древнейшим и наиболее исправным спискам с привлечением важнейших вариантов из всех основных рукописных текстов.

В рецензируемой работе изданы Послание Спиридона-Саввы по списку XVI в. (ГИМ, Синодальное собрание, № 791), «Сказание о князьях владимирских» первой редакции и «Родословие литовских князей» по списку XVI в. (ГБЛ, Волоколамское собрание № 572) [2], «Сказание» второй редакции по списку второй половины XVI в. (ГИМ, Синодальное собрание, № 792), «Повесть», начинающаяся с разделения вселенной Августом, с родословием литовских князей по списку 40-х годов XVI в. (ГИМ, Чудовское собрание, № 264) и ряд других производных от «Сказания» сочинений. Публикация выполнена чрезвычайно тщательно и дает полное представление об этом весьма интересном памятнике.

Погрешности, которые можно обнаружить при сличении издания с рукописями, незначительны. Например, на стр. 180 (последняя строка) написано: «два» — надо «Давыда», на стр. 196 (16 строка сверху) «и рода» — надо «Ирода»; на стр. 209 (строки 7 и 9 снизу) «тысища» и «тысищ-

[1] И. Н. Жданов. «Повести о Вавилоне» и «Сказание о князьях Владимирских». СПб., 1891.

[2] Сохранился и более древний список этого произведения 60-х годов XVI в. (ГБЛ, Музейное собрание, № 1257, лл. 154—168), сделанный Вассианом, бывшим игуменом Возмицкого монастыря. Но так как этот текст, как и список Волок, № 572, близки друг другу (оба они были сделаны в Волоколамском монастыре), то отсутствие упоминаний об этом списке у Р. П. Дмитриевой не влияет на общее представление о тексте «Сказания» первой редакции.

ники» — надо «тысуща» и «тысущники»; на стр. 204 (23 строка сверху) «Польскым» — надо «Напольскым»; на стр. 211 опечатка в номере рукописи (надо № 576).

Не может считаться доказанным ряд источниковедческих выводов автора, касающихся происхождения памятника. Прежде всего, вызывает сомнение уже то обстоятельство, что Р. П. Дмитриева считает творцом основных идей «Сказания» опального киевского митрополита Спиридона-Савву, а сложение памятника относит ко времени княжения Василия III. «Сказание» идеологически обосновывает венчание великого князя «мономаховым венцом», а, как известно, сам Василий III никогда коронован не был, зато в 1498 г. был венчан его политический противник — внук Ивана III — Дмитрий. В такой обстановке вряд ли «Сказание» могло возникнуть в окружении Василия III. Обращение к рукописной традиции усиливает наши сомнения. Древнейшей сохранившейся рукописью, содержащей «Сказание», является Чудовский список (начала 40-х годов XVI в.) [1], который дает текст, начинающийся с разделения вселенной Августом кесарем (ниже этот рассказ будем именовать Чудовской повестью). Не приводя никаких текстологических соображений, Р. П. Дмитриева считает Чудовскую повесть соединением Послания Спиридона-Саввы и «Сказания» (стр. 69—70). Однако в тексте Повести нет ни малейших следов сшивки этих двух произведений; наоборот, ее можно считать более первоначальной редакцией «Сказания», из которой возникли как Послание Спиридона, так и все остальные редакции этого политического трактата. Прежде всего, в Повести отсутствуют все те погрешности, на основании которых Р. П. Дмитриева считала «Сказание» переработкой Послания Спиридона-Саввы («Свеслав» вместо «Всеслава», отсутствие текста «и Киринея Сирии властодержца положи» и др.). Вместе с тем Повесть имеет, по сравнению с Посланием, ряд чтений более лучших [2]. Но и этого мало. Отсутствие в Чудовской повести первой части «Сказания», носящей церковно-исторический характер, также показывает первичный характер произведения. Дело в том, что в «Сказании» дважды говорится о египетской царице Клеопатре, причем вторично она появляется (во второй части произведения) уже после того, как сказано о ее смерти. Перед нами, следовательно, следы соединения двух рассказов. К тому же, первая часть «Сказания» вообще неудачно связана со второй; из ее текста оказывается, что царская порфира не римско-византийского, а египетского происхождения. Это противоречит всему идейному замыслу сочинения.

Таким образом, Чудовская повесть дает первоначальный текст «Сказания» [3]. Время и обстоятельства его проявления могут быть выяснены путем анализа содержания памятника и состава Чудовского сборника. Повесть связана с венчанием «шапкой Мономаха», а торжественное поставление на великокняжеский престол состоялось единственный раз — в 1498 г. Возможно, с этой коронацией Дмитрия-внука и связано возникновение Чудовской повести, содержащей основную часть «Сказания». Показательно, что в Чудовском сборнике отсутствуют какие-либо сочинения, возникшие после конца XV в., а вслед за «Повестью» идут непосредственно «Чин венчания Дмитрия внука» [4] и «Родословие князей литовских» [5].

«Родословие» кончается упоминанием о сыновьях И. Ю. Патрикеева — Василия Косого и Ивана Мунынды (стр. 205), в то время как у Спиридона-Саввы упоминается и монашеское имя В. И. Патрикеева — Вассиан (стр. 170). Итак, протограф «Ро-

[1] Государственный исторический музей (ГИМ), Чудовское собрание, № 264. Водяной знак — 1541 г. (Лихачев № 2959), последние записки датируются 1539—1540 гг. (лл. 747). Повести о родословии по этому списку были изданы еще в 80-х гг. XIX в. (см. «Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым (XV—XIX)», М., 1889, стр. 69—83). Весьма примечательны и другие тексты, сходные с Чудовским. Это — Государственная библиотека им. В. И. Ленина (ГБЛ), Волоколамское собрание, № 627 (Сборник принадлежал кн. Дм. Немому и составлен не позднее начала 60-х гг. XVI в.), а также ГБЛ, Румянцевское собрание, № 253. Рукопись XVIII в., однако она представляет собою летопись, доходящую до 1471 г., со вставками 1537 г.

[2] Например, «дары и почести» вместо «дары и почтения». «Асколотячина» вместо «от Аманит»; мужи новгородские посылают «мудрых мужей» в Прусы (как то и говорил Гостомысл — «слете» в Прусскую землю), а не идут туда сами и неожиданно появляются там «с посланми всех новгородцев» (как у Спиридона-Саввы), или оказываются сами «посланцами» (как в «Сказании»). Рассказ о папе Фермосе, разбивающий текст «Послания», помещен в Чудовской повести в самом конце, что придает ей хронологическую стройность.

[3] Вопрос о том, когда была присоединена к нему часть, содержащая легендарный рассказ о разделении вселенной Ноем, нуждается в доследовании. Не исключена возможность, что он связан с литературным творчеством Спиридона-Саввы.

[4] Этот же чин встречается в рукописи 1577—1578 гг. (ГИМ, Музейное собрание, № 3726), содержащей рассказ о Мономаховом венце, сходный с тем, который помещен на царском место (см. Р. П. Дмитриева. Ук. соч., стр. 55).

[5] С. Герберштейн, побывавший на Руси в 1517 г. и 1526 г., в своих записках также помещает, наряду со «Сказанием», «Чин венчания Дмитрия-внука» и «Родословие литовских князей».

дословия литовских князей» и Чудовская повесть, очевидно, были написаны еще до опалы и пострижения В. И. Патрикеева, т. е. до 1599 г.[1] Составителя этих памятников следует искать в окружении Дмитрия-внука. Близок к Дмитрию-внуку был и В. И. Патрикеев, а к последнему — будущий митрополит Варлаам, приписной которого кончается чин венчания[2].

В Чудовском сборнике находится соборное определение о еретиках (1490 г.), написанное от имени митрополита Зосимы[3]. Позднее Иосиф Волоцкий и его самого считал «еретиком», покровителем Федора Курицына и его сподвижников, группировавшихся около Дмитрия-внука.

Итак, первоначальный текст «Сказания о князьях владимирских» (Чудовская повесть) сложился в связи с венчанием Дмитрия на престол. Коронации 1498 г. придавалось важное политическое значение, ибо она должна была способствовать укреплению самодержавной власти (Л. В. Черепнин даже связывает с этой коронацией публичное оглашение текста судебника 1447 г.)[4]. «Сказание о князьях владимирских» и связанные с ним памятники («Чин венчания», «Родословие литовских князей») также утверждали суверенный характер власти великих князей и активно содействовали укреплению феодального базиса. Р. П. Дмитриева справедливо отмечает, что попытка связать происхождение русских государей с римским императором Августом отражала гуманистический интерес к римской истории, характерный для эпохи Возрождения (стр. 90).

«Сказание» в первоначальной редакции с его чисто светским содержанием и идеологическим обоснованием великокняжеской власти противостояло Повести о белом клобуке, возникшей в начале 90-х годов XV в. в окружении новгородского архиепископа Геннадия[5]. В этом произведении, как и в «Сказании», отражалась идея о Руси, как о наследнице Византии. Однако авторы «Повести» постарались придать идее реакционно-клерикальный характер: власть новгородского архиепископа ставилась над властью московского государя. Его знаки достоинства (белый клобук) автор расценивал как более высокие по сравнению с царским венцом. «Белый же сей клобук честнее» оказывается царского венца, «понеже архангельского чина есть царскии венец и духовного суть»[6].

Если Повесть о белом клобуке отстаивала претензии на светскую власть воинствующих церковников, то «Сказание о князьях владимирских», сложившееся в кругу политических противников Геннадия и кружка Софьи Палеолог, укрепляло идеологические основы великокняжеской власти.

Возникнув в конце XV в., «Сказание» уже вскоре сделалось известным в нескольких редакциях. Так называемая «вторая редакция» не происходит от первой, как то полагает Р. П. Дмитриева (стр. 36—37), не делая их текстологических сопоставлений, а обе они восходят к тексту Чудовской повести[7]. Чин венчания Дмитрия-внука, после заключения его в темницу в 1502 г., был изъят в обоих редакциях «Сказания», причем в некоторых списках «второй редакции» он был заменен позднее чином венчания Ивана Грозного, или даже Федора Ивановича.

«Сказание о князьях владимирских» имеет очень сложную литературную историю. Многие вопросы этой истории остаются неясными и будут еще предметом специальных разысканий[8].

---

[1] Упоминание в Чудовском родословии короля Сигизмунда (вступил на престол в 1508 г.) носит характер вставки и в аналогичном списке отсутствует (Список ГБЛ, Волоколамское собрание, № 627, л. 87, кончается словами «грады многи зарубил же»).

[2] «Помилуй мя грешнаго Варлама», ГИМ, Чудовское собрание, № 264, л. 740 об.

[3] ГИМ. Чудовское собрание, № 264, л. 754 об. и далее.

[4] См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XVI вв., ч. 2. М., 1951, стр. 303 и далее.

[5] Время сложения Повести устанавливается на том основании, что в ней главою православной церкви изображен новгородский архиепископ Геннадий, который, по существу, возглавлял воинствующих церковников в годы пребывания на митрополичьем престоле Зосимы (1490—1494 гг.).

[6] Памятники старинной грусской литературы, ч. I, стр. 296.

[7] Во второй редакции, например, названо имя Эфесского митрополита («Неофита или Асия»), которое отсутствует как в первой редакции, так и в «Поставлении», зато есть в Чудовской повести и у Спиридона-Саввы. Вместе с тем, в ряде случаев «Сказание» во второй редакции дает худшие (по сравнению с первой редакцией) чтения. Не могла вторая редакция возникнуть в связи с коронацией Ивана IV (ср. Р. П. Дмитриева, стр. 25—26), ибо два списка этого «Сказания» вместе с Родословиями литовских князей по Ростовской летописи (ГПБ; F. IV, № 238, и ЦГАДА, ф. 181, № 20/25) восходят еще к летописному своду 1539 г. (см. А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 170—171).

[8] В частности, весьма важно выяснить, когда попало в летописный рассказ о венчании Дмитрия-внука упоминание о «шапке Мономаха», читающееся в своде 1518 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 241; т. VIII, стр. 234). Не вполне ясно соотношение второй редакции «Сказания» с «Поставлением» (вторая подгруппа). Вывод Р. П. Дмитриевой о том, что «Поставление» было использовано при создании этой редакции (стр. 50—51),

В целом же новая публикация «Сказание о князьях владимирских» и исследование Р. П. Дмитриевой, несмотря на наличие в этом исследовании ряда спорных вопросов, позволяет представить то большое значение, которое имело «Сказание» в политической идеологии Русского государства XVI в. Публикация Дмитриевой основных текстов этого произведения облегчает возможность его дальнейшего изучения.

А. А. Зимин

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В США [1]

Комиссия по изданию исторических документов является частью существующей с 1934 г. национальной архивной службы США. Принятый в 1950 г. конгрессом Соединенных Штатов закон о федеральных архивах обязывает комиссию планировать издание наиболее важных архивных материалов за счет правительства и кооперироваться с общегосударственными и местными учреждениями, общественными организациями и отдельными лицами, в сборе, сохранении и публикации документов, представляющих историческую ценность [2].

Закон предусматривает следующий состав комиссии: председатель — Главный архивист США, его заместитель — глава библиотеки конгресса, по одному члену назначают палата представителей, сенат, верховный суд, государственный департамент и военное министерство, два члена назначаются американской исторической ассоциацией и два — президентом США.

Таким образом, комиссия в значительной мере формируется из членов, назначаемых конгрессом, госдепартаментом и Пентагоном. Обуславливая такой состав комиссии, авторы закона, очевидно, заботились не столько о научной ценности предстоящих публикаций, сколько о политической «благонадежности» этих изданий и об использовании их в сугубо политических целях. Рецензируемая книга представляет доклад комиссии президенту США. В составлении доклада, кроме председателя комиссии — Главного архивиста США Уэйна Гроувера [3], историков Бинкли, Бойда и Шлезингера, приняли также участие начальник отдела историко-политических исследований госдепартамента Бернард Нобль и Рудольф Уинэйкер — представитель военного министерства США.

Первоначальный вариант доклада несколько лет назад был разослан комиссией самым различным историческим обществам, архивным и библиотечным учреждениям, отдельным ученым: историкам, социологам, экономистам. Сообщение о программе публикации документов было заслушано на годичном собрании Американской исторической ассоциации в 1950 г. [4] Во второй половине 1954 г. комиссия закончила подготовку доклада и представила его на утверждение президента США, который ответил комиссии одобрением ее планов [5]. Журнал Общества американских архивистов «The American Archivist» и орган Американской исторической ассоциации «The American Historical Review» положительно оценили этот доклад [6]. Следовательно, перед нами документ, отражающий мнение многих представителей официальной исторической и архивной науки в США и получивший одобрение правительственных кругов.

Доклад состоит из 3-х основных разделов: 1) краткий очерк прошлой деятельности федерального правительства США по изданию архивных документов; 2) программа дальнейших публикаций и 3) определение роли самой комиссии в этой работе. Основному тексту доклада сопутствуют 4 приложения, существенно дополняющие его: А) перечень лиц, архивные документы которых, по мнению комиссии, представляют особую ценность и должны под-

---

основан лишь на предположении, что ошибочная дата «6496 г.» в «Поставлении» не могла появиться из «Сказания» второй редакции; но на самом деле эта дата имеется в «Сказании». Составитель «Поставления» мог ее сохранить, опустив другую дату (6622 г.), показавшуюся ему ошибочной.

[1] A National Program for the Publication of Historical Documents. A Report to the President by the National Historical Publications commission, Washington, 1954, 106 p.

[2] «United States Code 1952 edition», Washington, U. S. government printing office 1953, v. IV, p. 6465.

[3] Уэйн Клейтон Гровуер (р. 1906) в 1935—41 гг. служил в национальных архивах США, с 1941 по 1947 гг.— в разведке и военном министерстве. С июня 1948 г.— Главный архивист Соединенных Штатов.

[4] «The American Archivist» v. XIV, № 2, 1951, p. 178.

[5] «The American Archivist», v. XVIII, № 1, 1955, p. 87.

[6] «The American Archivist», v. XVIII, № 2, 1955, «The American Historical Review», v. LX, № 3, 1955, p. 769.

готавливаться к опубликованию в первую очередь; В и С) планы двух многотомных тематических изданий архивных материалов по истории США конца XVIII в.; D) библиография основных документальных публикаций, изданных федеральным правительством.

Первый раздел (историческую справку о прежних публикациях) авторы доклада вынуждены начать с признания того факта, что в области публикации архивных материалов в США «было сделано гораздо меньше, чем во многих других странах» (стр. 4).

Действительно, приведенный в докладе перечень основных документальных изданий, выпущенных американским правительством, свидетельствует о крайней узости их тематики. Правительство США стремилось главным образом к публикации материалов, апологетически освещающих историю внешней политики правящих кругов Соединенных Штатов, поэтому дипломатические документы занимают непропорционально большое место среди официальных изданий. Первые правительственные публикации архивных документов имели место в начале 30-х гг. XIX в. Тогда были изданы материалы по внешней политике США со времени начала американской революции в 1776 г. до 1789 г. В 1832—1861 гг. были выпущены 38 томов серии «Государственных документов США» («American State Papers»), в которых главное место заняли дипломатические документы 1789—1832 гг. С 1862 г. по настоящее время государственный департамент США издает небезызвестные сборники «Внешняя политика Соединенных Штатов» («Foreign Relations of the United States»), основной целью которых является апологетическое освещение американской внешней политики и, в особенности в последнее время, клевета на миролюбивую политику Советского Союза. Помимо этого публиковались сборники договоров, конвенций, соглашений, заключенных правительством США, например, незавершенное до сих пор издание «Договоры и другие международные акты Соединенных Штатов», 8 томов которого вышли в 1931—1948 гг.

Наряду с многочисленными изданиями дипломатических документов правительство США выпустило несколько многотомных собраний архивных материалов по военной истории. Военным операциям в период гражданской войны 1861—1864 гг. посвящено вышедшее в 1880—1901 гг. 130-томное издание «Война против мятежа: сборник официальных документов армий Севера и Юга» и опубликованные в 1894—1922 гг. 30 томов документов по истории военно-морского флота в этой войне. В 1948 г. были изданы 17 томов сборников «Армия Соединенных Штатов в мировой войне, 1917—1919».

В приложении «D» (библиографическая справка) перечислено свыше 50 многотомных публикаций архивных документов, изданных американским правительством с 1817 по 1950 г. Помимо сборников дипломатических документов и материалов по военной истории, занимающих главное место в этом перечне, мы находим в нем несколько изданий по истории деятельности различных правительственных органов, например, протоколы заседаний конгресса начала XIX в., сборники посланий президентов, отчеты о деятельности правительства и его отдельных департаментов, документы по истории конституции США, а также собрания сочинений некоторых наиболее видных политических деятелей США конца XVIII — начала XIX в.

Оценивая итоги проделанной в США работы по опубликованию архивных материалов, авторы доклада приходят к неутешительным выводам. Они отмечают, что своей высшей точки эта работа достигла в XIX в., а в начале XX в. стала приходить в упадок. Для частных издательств основной причиной отказа от таких изданий является то, что хозяева фирм не считают выгодным для себя связываться с дорогостоящими и неходкими публикациями архивных документов. Так, в 1917 г. было прервано и осталось незавершенным издание работ Джона Квинси Адамс[1], ибо оно не находило сбыта и не оправдывало издержек (стр. 9). Что касается правительственных изданий, то на них отрицательно сказывались отсутствие единого плана и произвол в отборе документов. В истории США имеется много периодов, никак не освещенных в публикациях материалов из правительственных архивов. Это относится не только к таким сторонам жизни американского народа, как его экономическая и социальная история, совершенно не затронутая в официальных изданиях, но и к истории дипломатии США и военной истории. Например, отсутствуют систематические публикации по истории внешней политики США в период с 1828 по 1861 г., не издавались многочисленные материалы по военной истории второй войны с Англией (1812—1814), нет систематических публикаций документов о войнах с Мексикой и Испанией. Авторы доклада считают неудовлетворительным качество многих публикаций архивных документов. О системе отбора материалов для публикации они пишут: «то, что казалось оскорбительным и не соответствовало предвзятому мнению публики или редактора об описываемом событии или о личности, то часто опускалось» (стр. 10). Добавим, что нарушение элементарных норм подготовки документов для опубликования, произвол в отборе документов обесценили многие американские издания

---

[1] Дипломат и политический деятель первой трети XIX в. В 1812—1814 гг. посол США в России, в 1825—1829 гг. президент США.

и создали им весьма незавидную славу среди историков[1].

Предлагаемая комиссией программа дальнейшей публикации архивных материалов делится на две части: «Публикация бумаг выдающихся американских деятелей» и «Издание тематических сборников» («Publishing Selected Papers in Subject Fields»). Авторы доклада признают, что вся программа представлена ими лишь как «слегка очерченная» (стр. 30). Действительно, только в небольшой части она представляет собой конкретный план правительственного издания некоторых архивных документов. В основном же весь первый раздел программы («Публикация бумаг выдающихся американских деятелей») — это перечень тех исторических лиц, чью деятельность комиссия считает выдающейся и документы которых она рекомендует правительственным учреждениям, общественным организациям и частным издательствам собирать, обрабатывать и издавать в первую очередь. Список этих лиц, насчитывающий 360 человек, сложился в результате рекомендаций, полученных комиссией во время обсуждения проекта программы. Из списка комиссия выделила 112 человек, представляющих, по ее мнению, особый интерес. В приложении «А» приводятся краткие биографические данные о каждом из этой группы с указанием местонахождения их архивов.

Авторы доклада делают напрасную оговорку, что включение в этот список не означает одобрения или осуждения комиссией деятельности того или иного исторического лица. Перечень, быть может невольно, отражает симпатии американских буржуазных историков, которые в последнее время с особым старанием занимаются апологетикой крупного бизнеса. В свою очередь монополии предпринимают фальсификаторские «исторические исследования» с целью реакционной пропаганды и саморекламы[2]. Этот союз монополий и буржуазных историков-архивистов нашел свое прямое отражение и в том, что среди списка тех, чье архивное наследство комиссия рекомендует усиленно разрабатывать, имеется значительная группа миллиардеров, о которых еще недавно американские буржуазно-либеральные историки если и писали, то лишь в обличительных и негодующих тонах. Карнеги, Рокфеллер, Морган, Форд, Файерстон — вот чьи архивы рекомендуются комиссией к разработке в первую очередь. Хотя список начинается не с них, а с имен известных политических деятелей США конца XVIII — начала XIX веков, но фактом остается то, что группа представителей большого бизнеса является одной из самых многочисленных в списке. Не последнее место отведено и служителям церкви, в особенности католикам. Интересно отметить также, что из многих известных американских писателей комиссия рекомендует в первую очередь разработку архивных материалов, касающихся лишь Марка Твэна, Уота Уитмэна и Ральфа Уолдо Эмерсона. В дополнительном списке мы находим имена Фенимора Купера, Брет Гарта и нескольких мало известных писателей, не оставивших заметного следа в американской литературе (вроде Луизы Олькотт). Такие выдающиеся писатели, как Вашингтон Ирвинг, Эдгар По, Джек Лондон, О. Генри, Теодор Драйзер, Шервуд Андерсон, Синклер Льюис остаются вне интересов ученой комиссии. Под рубрикой «Рабочее движение» в основной список фальсификаторски включены имена предателей интересов американского рабочего класса — Гомперса и Паудерли.

Справки о местонахождении бумаг каждого из перечисленных в списке лиц свидетельствуют о чрезвычайной распыленности архивных материалов. Бумаги Бенжамена Франклина разбросаны по архивам Американского философского общества, библиотеки конгресса США, исторического общества штата Пенсильвания, Нью-Йоркской публичной библиотеки и трех других библиотек. Архив Марка Твэна находится в 10 различных хранилищах и библиотеках. Столь же распылены архивные материалы о Линкольне, Вашингтоне и многих других выдающихся деятелях Соединенных Штатов.

Так же, как и коммерческий подход частных фирм к изданию архивных документов, разобщенность архивных материалов является серьезным препятствием для их публикации. Авторы доклада отмечают, что основной трудностью является отсутствие сведений о том, что и где находится (стр. 31). Краткая фраза: «систематической публикации бумаг нет» сопутствует большинству из 112 имен, в том числе и таким, как Марк Твэн и Томас Альва Эдисон. Несмотря на неоднократные издания работ и документов Джорджа Вашингтона и Авраама Линкольна, до сих пор не опубликованы многие архивные материалы о их деятельности.

Раздел тематических публикаций является более конкретной частью программы и содержит план работы комиссии по подготовке трех многотомных изданий. Первое из них — собрание материалов континентального конгресса (1774—

---

[1] См., напр., В. Ефимов. «Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны», М., Учпедгиз, 1955, стр. 5.

[2] О связях буржуазной историографии с крупным капиталом подробно говорится в книге известного американского прогрессивного историка Герберта Аптекера «Лауреаты империализма. Монополистический капитал переписывает историю Америки», М., ИЛ, 1955, 98 стр.

1781 гг.), бумаги которого недавно были получены Национальным архивом и микрофильмированы.

Вторым изданием, которое подготавливает комиссия, должна быть документальная история ратификации конституции США и первых 10 поправок к ней (так называемый «билль о правах»). По замыслу комиссии это издание должно включать не только официальные документы, но и материалы из периодики того времени, памфлеты, переписку политических деятелей — все то, что отражало борьбу, шедшую в США по этому вопросу в конце XVIII в. Следует отметить, что впервые это издание планировалось еще в середине 30-х годов[1]. В феврале 1936 г. комиссия рекомендовала конгрессу США финансировать это издание. Соответствующие законопроекты были внесены в сенат и палату представителей конгресса, но не были приняты. Как во время войны, так и в последующие годы ничего не было сделано для того, чтобы эта публикация увидела свет.

Последним комиссия планирует опубликование материалов первого конгресса США (1789—1792). Подготовка этой публикации не вышла за пределы начальной стадии собрания материала.

Кроме того, комиссия рекомендует правительству выпустить сборники архивных документов, которые восполнили бы ранее изданные материалы по внешней политике Соединенных Штатов и военной истории. Комиссия считает нужным издание архивных документов о внешней политике США в период 1826—1861 гг., об американо — мексиканской и американо — испанской войнах, документов по истории военного флота США. Наконец, комиссия предлагает пополнить серию «American State Papers» с тем, чтобы опубликовать материалы о различных сторонах деятельности федерального правительства США в период после 1861 г., когда прекратилось это издание.

Несмотря на одобрение программы официальными кругами и многочисленными историческими обществами, авторы доклада, повидимому, не особенно рассчитывают на финансовое и материальное обеспечение этих планов правительством и конгрессом. Поэтому они обращаются ко всем заинтересованным в деле публикации архивных материалов «учреждениям, организациям, группам и частным лицам» с призывом о финансовой поддержке в любой форме (стр. 28—29) и предупреждают, что в издании документов «в настоящее время комиссия не в состоянии оказывать финансовую помощь» (стр. 34).

В последней части доклада комиссия определяет свою роль в выполнении намеченной программы. Своей основной задачей члены комиссии считают (наряду с разработкой общего плана и координацией работы различных учреждений) информацию о местонахождении архивных документов. Поэтому с 1951 г. комиссия занялась подготовкой справочного издания. За это время составлен однотомный путеводитель с указанием адресов архивов и краткими описаниями их фондов. Кроме того, в библиотеке конгресса подготавливается создание национального регистра архивных и рукописных материалов.

Таково, в основных чертах, содержание доклада комиссии по изданию исторических документов и предлагаемой ею программы дальнейших публикаций.

Свой доклад комиссия заканчивает весьма интересным призывом к созданию объективных, правдивых исторических публикаций: «Не должно быть цензуры какого-либо документа, мысли или слова лишь потому, что редактор издания не одобряет их. Работа должна быть свободна от предвзятости и производиться без расовых, религиозных и иных предрассудков» (стр. 33).

Соглашаясь с высказанным комиссией пожеланием, следует, однако, отметить, что ни ее доклад, ни последние архивные публикации, вышедшие в США, не отвечают этим требованиям.

Нельзя считать объективным представленный комиссией обзор ранее вышедших и проектируемых публикаций архивных материалов, если авторы доклада ни словом не обмолвились о положении архивного дела в целом, хотя существует тесная и очевидная связь между этими вопросами. Эпизодичность и малочисленность публикаций, неудовлетворительное качество их объясняются во многом тем пренебрежением к организации государственных архивов, распыленностью архивных фондов, отсутствием объединяющего центра, которые имели место в США в течение длительного времени и в значительной степени сохраняются сейчас. Лишь в середине 30-х гг. в Соединенных Штатах началась некоторая централизация архивного дела. Здание национального архива было создано только в 1938 г., после 150 лет агитации за его постройку[2]. Плохая организация хранения государственных архивных фондов приводила к их гибели в большом количестве[3].

Между тем комиссия в своем докладе умалчивает не только о прошлом, но и о том, что в настоящее время в США также гибнет огромное количество архивных материалов, в особенности по истории экономики. Мы имеем в виду документальные

[1] См. «Second Annual Report of the Archivist of the United States for the Fiscal Year Ending june 30 1936», Washington, 1936, p. 85.

[2] См. доклад Гроувера на годичном собрании Общества архивистов в 1950 г. «The American Archivist», v. XIV, 1951, p. 4.

[3] «Bulletins of the National Archives», № 1, 1936, pp. 2, 3, 4.

фонды частных фирм, корпораций, акционерных обществ, которые не подлежат сдаче в государственные архивные хранилища и являются собственностью предпринимателей. Повышенный интерес монополий к истории США проявляется лишь в стремлении фальсифицировать историю страны в своих интересах, но не в том, чтобы способствовать сохранению национальных архивов. Не желая тратить на это дело даже минимальных средств, частные фирмы и корпорации десятками тонн уничтожают архивы[1]. Умалчивая об этом, комиссия проявила свое нежелание дать действительную картину нынешней организации хранения и публикации архивных материалов в США.

Тенденциозна и предлагаемая комиссией программа дальнейшей работы. В ней с очевидностью проявилось стремление вычеркнуть из памяти американского народа традиции борьбы за свою свободу и лучшую жизнь и подменить эти демократические традиции воспеванием политики реакции. Вот почему в списке лиц, чье архивное наследство комиссия рекомендует разрабатывать, мы не находим имен Томаса Пэйна, Фредерика Дугласа, И. Вейдемейера, Джона Рида и многих сотен других прославленных борцов за демократические права и социальный прогресс американского народа. Вместо них список густо испещрен именами реакционных политических деятелей рабовладельческого юга первой половины XIX в., генералов армии южан в период гражданской войны 1861—1864 гг., шовинистов и проповедников агрессии, миллиардеров и католических епископов. Симпатии авторов доклада в этом отношении не представляют собой чего-то исключительного и отражают общее направление американской буржуазной исторической науки и интересы ее представителей[2].

Следует также остановиться на проводимой в докладе мысли о том, что микрофильмирование архивных материалов равноценно их публикации. В американских архивах широко применяется микрофильмирование, и эта практика заслуживает внимательного изучения. Но нельзя согласиться с тем, что микрофильмирование может заменить печатную публикацию. Микрофильмирование сохраняет архивный материал и облегчает использование его для небольшого числа исследователей, однако только печатная публикация делает архивные фонды общедоступными. Попытки заменить книгу микрофильмом можно расценить лишь, как стремление искусственно ограничить и без того узкий круг людей, имеющих доступ к архивному материалу[3].

Поскольку рамки доклада ограничены разбором одних лишь правительственных публикаций, в нем не упоминается о многих других изданиях архивных документов. Ничего не говорится в рецензируемой книге и о той разработке архивного наследства демократических деятелей прошлого, которая ведется американскими прогрессивными историками. Несмотря на все трудности, эти ученые подготовили ряд ценных публикаций. Из таких работ, выпущенных за последнее время прогрессивным издательством «International Publishers», назовем фундаментальный сборник Г. Аптекера «Документальная история негритянского народа» и 4-томную публикацию работ Фредерика Дугласа (крупного негритянского политического деятеля XIX века), подготовленную Ф. Фонером, использовавшим большой архивный материал.

Со времени появления рецензируемого издания в США были выпущены сборники документов весьма сомнительного свойства, о предстоящем выходе которых национальная историческая комиссия предпочла умолчать, хотя эти сборники подго-

---

[1] По этому вопросу интересны признания, содержащиеся в опубликованной журналом «The American Archivist» статье Рейнольда Вика об архивах корпораций. Эта статья имеет подзаголовок «Исчезающие архивы». В ней автор пишет: «Так как большинство компаний не нанимает архивных работников..., то безответственное отношение со стороны людей, безразличных к истории, к хранению деловой документации является причиной постоянного уничтожения этих материалов». Автор статьи приводит многочисленные примеры варварского уничтожения фирмами многих тонн архивного фонда. «The American archivist», v. XIV, № 3, 1951, p. 198.

[2] См. Е. Б. Черняк. Американская историческая ассоциация («Вопросы истории», 1955, № 6).

[3] Следует отметить, что в американских государственных архивах действуют правила пользования, предусматривающие большое число различного рода ограничений. Помимо многочисленных ограничений, введенных для секретных и «конфиденциальных» бумаг, помимо обязательных для каждого посетителя архива рекомендательных писем, для отдельных фондов существуют особые ограничения, происхождение и смысл которых подчас ничем не объяснимы. Например, в архиве администрации железных дорог требуется специальное разрешение для использования документов 1918 г. по вопросам заработной платы на железных дорогах, специальные разрешения требуются для ознакомления с персональными делами служащих почтового ведомства за 1907—1913 гг., с материалами переписи населения в 1880 г. и со многими другими несекретными фондами, использование которых разрешается только с ведома различных правительственных учреждений. (См. приложения к изданию «Guide to the Records in the National Archives», Washington, 1948).

тавливались в то же самое время, что и ее доклад, и тем же самым историческим отделом госдепартамента, начальник которого является одним из соавторов доклада. Мы имеем в виду выпущенные госдепартаментом в марте и декабре 1955 г. сборники так называемых документов Крымской конференции 1945 г. глав правительств СССР, США и Англии. Первый том получил должную оценку на страницах советской печати [1]. Следует лишь подчеркнуть сугубо антинаучный характер этого издания, преследовавшего клеветнические цели, и фальсификаторские методы, при помощи которых были изготовлены оба сборника. Если авторы доклада, как это уже отмечалось выше, в тоне осуждения говорят о произвольном обращении с историческими документами, то составители сборников о Крымской конференции все это издание построили именно на фальсифицированных материалах. Большинство вошедших в сборники документов — это частные заметки и записи, историческая достоверность которых ничем не подтверждается. Достаточно сказать, что во «Введении» к первому сборнику американские редакторы сами вынуждены охарактеризовать ряд документов как «приблизительные сокращенные записи» [2]. Включенные госдепартаментом материалы произвольно редактировались и переписывались. Свой произвол в обращении с документами составители сборника прикрывают ссылками на «обычную практику» «ограниченного количества опущений» документов при издании остальных томов серии «Внешняя политика Соединенных Штатов» [3]. Преследуя определенные цели во внутрипартийной грызне между республиканской и демократической партиями и стремясь к выпуску очередной сенсационной антисоветской стряпни, исторический отдел госдепартамента так торопился с выпуском первого тома, что издание вышло без корректуры, как сообщают об этом специальные примечания на каждой странице сборника.

Мировая пресса, в том числе и американская буржуазная печать, холодно встретила появление этой публикации, заслуженно оценив ее как очередную попытку фальсифицировать историю в целях разжигания «холодной войны». Даже в известном своим антисоветским направлением американском внешнеполитическом журнале «Форин Афферз» была дана весьма скептическая оценка всего издания [4].

Судя по имеющимся данным, второй том этой публикации не отличается от первого. Главное место во втором томе отведено столь же сомнительным «документам», цель которых фальсифицировать политику Советского Союза в отношении стран Восточной и Юго-Восточной Европы, а также Германии. Появление этого сборника в канун Нового года наталкивает на мысль о связи между его опубликованием и небезызвестными «рождественскими посланиями» руководителей американской внешней политики.

Так действительность подтверждает, что зачастую не научные интересы определяют выход в свет официальных американских публикаций, а конъюнктурные соображения и стремление оправдать терпящую провал политику «с позиций силы».

В этом и кроется причина того, что в области публикации исторических документов, говоря словами авторов доклада, «для великой и богатой страны, какой являются Соединенные Штаты..., было сделано меньше, чем можно было бы ожидать».

Б. П. Каневский

[1] См. И. Николаев. Еще одна попытка фальсификации истории. К опубликованию госдепартаментом США «документов» «Крымской конференции. «Международная жизнь», 1955, № 5.

[2] Ук. сборн., стр. 10.

[3] Там же, стр. 16.

[4] «Foreign Affairs», v. 33, 1955, № 4, p. 615.

ХРОНИКА

СОВЕЩАНИЕ УЧАСТНИКОВ ОКТЯБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В ПЕТРОГРАДЕ в 1917 г.

В связи с подготовкой к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции Музей Революции СССР в марте — апреле провел совещание, на котором выступали со своими воспоминаниями участники Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. На совещании присутствовало более 100 чел., среди них много участников революции 1905—1907 гг., недавно удостоенных высоких правительственных наград.

На совещании выступил бывший член штаба по руководству революционными силами Кронштадта накануне Октябрьского восстания и представитель Кронштадта в Петроградском Военно-революционном комитете *И. П. Флеровский*, отметивший, что у нас мало работ по истории Октябрьской революции; многие из них стали библиографической редкостью, многие забыты. Он рассказал, что недавно ему пришлось быть в Кронштадте. Там есть морской клуб, но никто, начиная с директора клуба и кончая комендантом крепости, не знает, что в этом помещении в 1917 г. находился Кронштадтский Совет.

Надо тщательно собирать воспоминания участников Октябрьских событий и вместе с тем относиться к ним критически,— сказал И. П. Флеровский,— учитывая, что память наша очень ненадежна. Вместе с тем он предостерегал от чрезмерной литературной обработки, после которой зачастую от подлинных воспоминаний почти ничего не остается. В воспоминаниях следует избегать эгоцентризма, чем страдают некоторые авторы воспоминаний. После этих предварительных замечаний И. П. Флеровский привел несколько ярких эпизодов, рисующих участие кронштадтских моряков в вооруженном восстании в Петрограде [1].

[1] См. воспоминания И. П. Флеровского в журн. «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 130—150.

Б. И. Иванов, бывший в 1917 г. председателем Петроградского профсоюза пищевиков, рассказал, как еще в период подготовки Октябрьской социалистической революции рабочие-пищевики боролись за обеспечение продовольствием революционного Петрограда. Это была очень важная, подчас незаметная, но большая организационная работа, которую проводили передовые рабочие в то время, когда власть находилась еще в руках Временного правительства. Наиболее революционной частью пищевиков были пекари, которые уже в мае 1917 г. на своих собраниях выносили резолюции о передаче всей власти Советам, создавали красногвардейские отряды.

В Петрограде при Временном правительстве существовали районные продовольственные управы, ведавшие продовольственным вопросом; большевики вели борьбу за то, чтобы $^2/_3$ состава этих управ были из рабочих, требовали проведения рабочего контроля на предприятиях пищевой промышленности, установления твердых цен, твердой рецептуры производимых продуктов. Все это вызывало недовольство фабрикантов, спекулировавших запасами сырья и не желавших выполнять требований трудящихся о твердых ценах.

Б. И. Иванов рассказал о ряде мер, проведенных рабочими в пищевой промышленности в целях борьбы с расхищением продовольствия. Так, например, на шоколадной фабрике Жоржа Бормана администрация скрыла от рабочих большое количество сахара, муки, масла. Рабочие привели милицию, потребовали открыть склады и описать все запасы. Рабочие отряды выявляли много сырья на складах. Отвечая на вопросы присутствующих, Б. И. Иванов подчеркнул, что сообщаемые им факты относятся к периоду до взятия власти большевиками.

Об участии рабочих Путиловского завода в Октябрьском восстании рассказал *М. И. Лондарской,* бывший в 1917 г. коман-

диром одной из сотен боевой дружины путиловских рабочих.

На Путиловском заводе, где работало 28—30 тыс. рабочих, большевистская организация к октябрю 1917 г. насчитывала около 150 чел. С меньшевиками и эсерами, которых вначале было на заводе больше, чем большевиков, велась острая борьба; меньшевики хотели свести роль дружины лишь к охране порядка. Во главе дружины стоял М. Войцеховский.

М. И. Лондарской рассказывает, как путиловцы, узнав о приезде В. И. Ленина, организовали для его встречи колонну, численностью свыше двух тыс. чел.; во главе колонны была поставлена боевая дружина. 12 мая Ильич приехал на завод и выступил с докладом о текущем моменте. Его приезд помог усилению влияния большевиков и росту большевистской организации: стало увеличиваться также число дружинников. Временное правительство требовало разоружения боевой дружины и угрожало послать на завод карательный отряд, но не решалось выполнить свою угрозу. Дружина Путиловского завода представляла большую силу. Недаром делегаты VI съезда партии перешли с Выборгской стороны за Нарвскую заставу под охрану путиловцев.

Командиры сотен Барановский и Лемешев предложили такой план организации дружины: 960 чел.— основной состав, который делится на сотни и десятки; по тревоге десятки развертывались во взводы, сотни — в роты. На завод приезжали работники «Военки» [1] — Н. И. Подвойский и В. И. Невский. Рабочие были связаны с воинскими частями; 1 октября путиловцы обменивались знаменами с солдатами Павловского полка.

С 23 на 24 октября путиловская дружина находилась на казарменном положении. Каждая сотня получила ближнюю и дальнюю задачу. М. И. Лондарской рассказывает, как 4-я сотня, которой он командовал, взяла Балтийский вокзал и оказала помощь другой сотне в занятии почты и телеграфа. 27 октября Ильич вызвал путиловцев и дал им задание отправить под Гатчину бронепоезд. Ночью 28 октября Ленин с Подвойским приехали на завод, чтобы ускорить выпуск бронепоезда, который задерживался из-за того, что рабочие не знали, как его делать, а инженеры не помогали рабочим. В. И. Ленин своими указаниями и советами помог путиловцам, и к утру 29-го бронепоезд был отправлен под Гатчину.

О работе Кронштадтского Совета в 1917 г. сообщила *П. Ф. Островская*, являвшаяся в то время членом Совета трех созывов. Она рассказала об острой борьбе, которая велась внутри Кронштадтского Совета за влияние. Большевики, составлявшие вначале всего около одной трети членов Совета [2], добивались почти всегда принятия большевистских резолюций. В тех случаях, когда меньшевики и эсеры голосовали против большевистских предложений, большевики выдвигали требование поименного голосования и затем доводили до сведения избирателей о том, как голосуют избранные ими представители. После этого избиратели требовали отзыва своих представителей и выбирали вместо них большевиков.

П. Ф. Островская говорила об образцовом порядке и дисциплине в Кронштадте, о многотысячных митингах на Якорной площади, этом Кронштадтском вече, как тогда говорили. Организованность была изумительная, митинги созывались за 40—60 минут. На этих митингах выступали многие политические деятели, в том числе приезжали такие, как Корнилов, Брешко-Брешковская и им подобные, которые не имели никакого успеха в Кронштадте.

В выступлении П. Ф. Островской было рассказано об одной мало известной, но важной стороне деятельности Кронштадтского Совета — о его связях с деревней. Кронштадтский Совет посылал в деревню агитаторов, использовал отпускников, едущих к родным в деревню. Среди кронштадтцев создавались землячества — украинское, польское, литовское и др.,— через которые поддерживалась связь с деревней. Формы связи были: чтение писем, полученных из деревни; обсуждение ответов на эти письма; посылка в деревню, а также в окопы на фронт ленинских статей из газет и т. п. Работа Кронштадтского Совета далеко выходила за пределы Кронштадта.

Большой интерес вызвали воспоминания *М. В. Фофановой,* на квартире у которой скрывался в предоктябрьские дни В. И. Ленин. М. И. Фофанова уточняет дату приезда В. И. Ленина из Финляндии в Петроград. Она приводит данные, подтверждающие, что В. И. Ленин возвратился в Петроград не 7 октября, как принято в нашей исторической литературе, а в конце сентября.

М. В. Фофанова сообщает некоторые факты, связанные с подготовкой Лениным декрета о земле. Так, прочитав, как эсеровская газета «Дело народа» восхваляет земельный проект Маслова, Ленин с возмущением говорил: «Что же, они хотят остаться без крестьян!». Он попросил достать ему номер «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», в котором был напечатан наказ, составленный на основании 242-х наказов крестьянских обществ. Ленин с нетерпением ожидал получения этого номера и, просмотрев его, заявил, что наказ — это прекрасная вещь, что на его основе можно придти к соглашению с левыми эсерами. Ленин был весь поглощен подготовкой декрета о земле и только об этом и говорил.

[1] Военная комиссия Центрального Комитета большевистской партии.

[2] 93 из 300.

В своем выступлении М. В. Фофанова (агроном по специальности) приводит сохранившиеся в ее памяти высказывания В. И. Ленина в связи с просмотром им некоторых книг из ее библиотеки, например, книги В. Н. Сукачева о болотах, статистического сборника об урожае хлебов в России в 1916 г. и других. Ленин с одобрением отозвался об американской книге «Сказание о новой земле», которую он прочел в дни своего последнего подполья. Через несколько месяцев, уже после установления Советской власти и переезда правительства в Москву, В. И. Ленин звонил М. В. Фофановой, просил ее достать ему эту книгу и сказал, что собирается послать ее К. А. Тимирязеву и просить его несколько сократить ее с тем, чтобы переиздать для советских читателей.

В. И. Ленин просматривал также «Фауста» в переводе Холодковского и восхищался замечательным переводом. Особенно заинтересовало его то, что Холодковский — крупный ученый, энтомолог и в то же время прекрасный переводчик. Ленин говорил, что очень любит «Фауста» Гёте; он любил также оперу «Фауст» и частенько напевал отдельные арии из этой оперы.

Отвечая на вопросы и реплики товарищей, М. В. Фофанова дополняет сказанное еще некоторыми интересными деталями, ярко рисующими глубоко человечный образ великого вождя.

С воспоминаниями выступили также *П. А. Арский*, являвшийся в 1917 г. заместителем председателя солдатского комитета лейб-гвардии Павловского полка; *С. Г. Лебедев* — бывший член военной секции Петроградского Совета, участник выступления I пулеметного полка; *М. Г. Рошаль* — бывший секретарь Гельсингфорсского комитета большевистской партии; *Е. М. Соловей* — работник Рождественского райкома партии в 1917 г.; *И. А. Наумов* — член завкома Путиловского завода, выделенный в Октябрьские дни для связи с В. И. Лениным, и другие [1].

В дальнейшем Музей Революции намечает проведение совещаний участников Октябрьской революции также в Ленинграде и других городах.

А. М. Володарская

[1] Воспоминания М. В. Фофановой, М. Г. Рошаля, Б. И. Иванова и др. готовятся к опубликованию в ближайших номерах «Исторического архива».

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ ПРИБАЛТИКИ

В декабре 1955 г. в г. Риге состоялось кустовое совещание работников архивных органов и государственных архивов Латвийской, Литовской и Эстонской советских социалистических республик совместно с представителями филиалов ИМЛ при ЦК КПСС, Академий наук союзных республик и других научно-исследовательских учреждений. В совещании приняли участие также работники архивных органов Белорусской ССР, Ленинградской, Псковской, Великолукской и Новгородской областей, представители Института истории Академии наук СССР и редакции журнала «Исторический архив».

На совещании были заслушаны доклады зам. директора Института истории Академии наук Латвийской ССР А. А. Дризулиса «Источниковедение и его значение в развитии советской исторической науки», начальника Архивного отдела Эстонской ССР М. И. Музыкантовой «Работа архивных органов и государственных архивов Эстонской ССР по использованию документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях», начальника Архивного отдела Латвийской ССР А. Я. Кадикиса «Работа архивных органов и государственных архивов Латвийской ССР по обеспечению сохранности, приведению в порядок и учету документальных материалов» и доклад начальника Главного архивного управления Н. В. Матковского «Задачи архивных органов и государственных архивов по обеспечению сохранности и использованию документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях».

А. А. Дризулис в своем докладе указал, что восстановление Советской власти в Прибалтике в 1940 г. открыло широкие перспективы для развития исторической науки в Латвии, Эстонии и Литве. В сравнительно короткие сроки была выполнена работа, непосильная для историков буржуазных государств Прибалтики. Советские историки Прибалтики создали коллективные труды обобщающего характера: «История Латвийской ССР», тт. I, II, «История Эстонской ССР», тт. I, II и сокращенные курсы, издали ряд монографий, сборников статей и отдельные публикации документов.

Советская историческая наука развивается на основе обобщения фактического материала, непрерывного расширения источниковедческой базы. Издание исторических источников в СССР приобрело значительный размах [1].

Проделана также определенная работа и по изданию исторических источников по

[1] Подробнее об этом см. «Исторический архив», 1956, №2, стр. 192—204.— *Ред.*

истории народов Прибалтики и, в частности Латвии. Начало публикации источников по истории революционного движения латвийского народа было положено в СССР исторической комиссией Коммунистической партии Латвии (КПЛ). В 1924 г. эта комиссия к 20-летнему юбилею существования КПЛ выпустила сборник материалов о начальном периоде рабочего движения в Латвии и основании Латвийской СДРП («Пролетарская революция в Латвии», т. 1. Начало партии рабочего класса. М., 1924. На латышском языке). Выпущены также сборник «9 и 13 января. Январские дни 1905 г. и их отзвуки в Латвии» (М., 1925); два тома «Памяти павших борцов революции 1905 года» (М., 1933; М., 1936), авторами которых являются Р. Эноруис и А. Фелдманис. В сборник «25 лет КПЛ. Сборник статей и материалов» (М., 1930) включены важнейшие резолюции и постановления конгрессов, конференций и пленумов ЦК КПЛ, начиная с 1904 г.

По истории Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии опубликован Комиссариатом по латышским национальным делам сборник документов «Диктатура пролетариата в Латвии» (М., 1919). Комиссия по истории латышских стрелков издала сборник документов и воспоминаний стрелков за 1917—1919 гг. в двух частях (М., 1928, 1-я часть; М., 1934, 2-я часть). Кроме того, в 1934—1935 гг. комиссия выпустила двухтомное издание «Латышский революционный стрелок».

Борьба Коммунистической партии Латвии в условиях жесточайшего террора буржуазии нашла свое отражение в документах сборника «Памяти жертвам 10 июня 1921 г. Я. Шилда, А. Берце и других», опубликованных издательством КПЛ «Спартак» в 1926 г.

Все эти публикации материалов, сказал А. А. Дризулис, имеют большое значение для исследования революционной борьбы латышского народа за свое освобождение от гнета эксплуататоров, для разработки вопросов истории КПЛ и борьбы трудящихся масс за Советскую власть в Латвии.

После образования Латвийской ССР источниковедческую работу и издание источников по истории Латвии стали вести Институт истории партии при ЦК КПЛ (филиал ИМЛ при ЦК КПСС) и Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР.

Институт истории партии при ЦК КПЛ подготовил к изданию на латышском языке Сочинения В. И. Ленина в 35 томах, которые изданы в 1948—1951 гг. Издан также ряд сборников статей, писем и других материалов В. И. Ленина о революционном движении в Латвии, сборники воспоминаний участников революции 1905—1907 гг. и листовок социал-демократических организаций Латвии в период первой русской революции.

Институт истории и материальной культуры АН Латвийской ССР, созданный в 1946 г., завершает подготовку трехтомной истории Латвийской ССР. Сотрудники института в последнее время опубликовали ряд монографий, сборников статей и брошюр по истории Латвии, в том числе монографии члена-корреспондента АН СССР Я. Я. Зутиса и действительного члена АН Латвийской ССР Я. П. Крастыня [1].

Институт в 1949 г. издал первый том материалов по истории Латвии — «Ревизия Манасеина». Коллектив научных сотрудников готовит к изданию первый том материалов Бротус, относящихся к истории Риги конца XVIII — начала XIX в.; подготавливаются к печати материалы ревизии гаков в Видземе конца XVIII в. Кроме того, Институтом совместо с Архивным отделом подготовлен сборник документов по истории революции 1905—1907 гг. в Латвии [2]. Этот первый опыт совместной работы Института и Архивного отдела дал положительные результаты, поэтому, отметил А. А. Дризулис, в дальнейшем следует еще больше крепить творческое содружество научно-исследовательских учреждений с государственными архивами и шире развернуть работу по изданию исторических источников.

Далее докладчик указал на отставание разработки проблем источниковедения в Латвии. Это объясняется, с одной стороны, общим уровнем разработки проблем источниковедения истории СССР, особенно истории советского общества, а с другой стороны, отсутствием в Институте истории и материальной культуры АН Латвийской ССР достаточного числа подготовленных научных сотрудников. В Институте проблемами источниковедения занимаются только два научных сотрудника — Б. Брежго, подготовивший очерк источниковедения по истории Латвийской ССР и ряд статей по вспомогательным историческим дисциплинам, и Т. Зейд, разработавший курс источниковедения истории Латвии. Ликвидация сектора вспомогательных исторических дисциплин также отрицательно сказалась на разработке вопросов источниковедения, археографии и других дисциплин. Между тем задачи развития советской исторической науки требуют самого широкого развертывания источниковедческой работы и публикаторской деятельности научных учреждений. Необходимо добиться коренного перелома в этой области. Нужно, чтобы Президиум Академии наук Латвийской ССР восстановил в Институте сектор вспомогательных исторических дисциплин.

Источниковедческую работу историки Советской Латвии должны строить, исходя из тех задач, которые ставятся совет-

[1] Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946; Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 годов в Латвии. М., 1952.

[2] Сборник документов выпущен в свет в 1956 г.

ским народом перед исторической наукой. Без изучения исторических источников невозможна глубокая разработка проблем истории Латвии. Первоочередной задачей источниковедения по истории Латвии является подготовка и издание сборников документов о революционном прошлом латышского народа, о борьбе трудящихся масс за Советскую власть, о социалистических преобразованиях в Советской Латвии и т. д. Уже сейчас необходимо развернуть работу в широких масштабах по истории Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии, по истории рабочего движения в буржуазной Латвии, восстановления Советской власти в 1940 г. и т. д.

На решение этих задач должно быть направлено основное внимание историков Латвии, научных работников архивных органов Академии наук, Института истории партии при ЦК КПЛ, университета и других научно-исследовательских и учебных учреждений Латвийской ССР.

М. И. Музыкантова в начале своего доклада коротко остановилась на состоянии архивного дела в буржуазной Эстонии. Только восстановление Советской власти в Эстонии в 1940 г. открыло широкие возможности использования документальных материалов в интересах трудящегося народа. На основании постановления СНК ЭССР от 4 сентября 1940 г. все документальные материалы на территории Эстонии были объявлены государственным достоянием.

Годы фашистской оккупации тяжело отразились на состоянии архивов Эстонии. Многие архивы предприятий и учреждений погибли; почти полностью погибли документы Нарвского городского архива, сгорела часть материалов Таллинского городского архива. Немецко-фашистские оккупационные власти, отступая под натиском Советской Армии, старались вывезти наиболее ценные документальные материалы в Германию. Так, в 1944 г. из Таллинского городского архива было вывезено свыше 7000 ед. хр., относящихся к XIII—XIX вв., в том числе 1587 грамот. Среди увезенных грамот — художественно оформленные грамоты о привилегиях г. Таллина, акт капитуляции города (1710 г.), письма Петра и Меньшикова и др. Из Центрального государственного исторического архива ЭССР были вывезены материалы периода немецкой интервенции и гражданской войны в Эстонии и ряд других материалов.

После изгнания немецко-фашистских оккупантов из Эстонской ССР перед архивистами республики стали неотложные задачи по восстановлению государственных архивов, так как почти 80% документальных материалов было неупорядочено. За сравнительно короткий срок эстонские архивисты обработали около 3 млн. ед. хр. и много россыпи. Это создало условия для более широкого использования документальных материалов в научно-исследовательских и народнохозяйственных целях.

В настоящее время, заявила М. И. Музыкантова, архивный отдел и центральные госархивы ЭССР работают над подготовкой следующих сборников документов: «Революция 1905—1907 гг. в Эстонии»[1], «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии», «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Эстонии». Работа по составлению этих сборников ведется совместно с Институтом истории партии при ЦК КП Эстонии и Институтом истории Академии наук ЭССР. Кроме того, Центральный госархив ЭССР готовит сборники документов по истории крестьянского движения в Эстонии в XVIII—XIX вв.

Государственные архивы участвуют в выявлении документов для сборников по истории крестьянского движения в России в XIX в., подготовляемых к изданию ЦГИАЛ, а также по истории вооруженного восстания 1 декабря 1924 г., который готовится Институтом истории партии при ЦК КП Эстонии.

Наряду с публикаторской работой, государственные архивы проводят и другую работу по использованию документальных материалов. В архивах Эстонии выявлены интересные материалы о жизни и деятельности русских ученых Пирогова, Бурденко, Лунина, о поэтах Жуковском, Хачатуре Абовяне и Гадиеве, о путешественниках-исследователях Крузенштерне и Врангеле, о выдающемся эстонском революционере Викторе Кингисеппе. Работники госархивов Эстонии организовали по запросу Германской Демократической Республики выявление документов о композиторе Габлере и т. д.

Центральные госархивы ЭССР в послевоенные годы приняли участие в организации 20 выставок, крупнейшая из которых была посвящена 50-летию первой русской революции. За этот же период с участием научных сотрудников архивистов было опубликовано 80 статей в периодической печати.

В читальных залах центральных госархивов Эстонии в течение 1946—1955 гг. занималось свыше 1300 исследователей. На основе материалов госархивов написан и защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций.

Для восстановления важнейших объектов народного хозяйства, разрушенных в результате временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Эстонии, говорит далее М. И. Музыкантова, архивные органы и госархивы выявили документы и составили по ним 30 тематических обзоров о строительстве морских и речных портов, железных и шоссейных дорог и мостов, об электрификации Эсто-

[1] Сборник вышел в свет в 1956 г.

нии и т. д. Особенно широко использовались планы, проекты и чертежи промышленных предприятий Эстонии при восстановлении сланцевых рудников в Кохтла-Ярве, завода Вольта, фабрики текстильного комбината «Кренгольмская мануфактура» в Нарве. Только в одном 1949 г. использование документальных материалов госархивов ЭССР дало экономию более полутора миллионов рублей.

Усиленно использовались документы фондов Главного управления мелиорации, Государственной технической инспекции и Министерства лесного хозяйства. Техническая инспекция в результате использования материалов госархивов при изготовлении технической документации сэкономила 325 тыс. руб. Министерство лесного хозяйства установило и заинвентаризировало сеть осушительных каналов по осушению лесов на площади 24 тыс. га.

В 1955 г. Центральный государственный архив Октябрьской революции совместно с Институтом экономики АН ЭССР выявил документы по истории развития сланце-химической промышленности в Эстонии. Центральный государственный исторический архив ЭССР совместно с Тартуским и Выруским территориальными управлениями провел большую работу по выявлению технической документации на старые дренажные осушительные системы. На основании документальных материалов госархивов семь колхозов Антеласского района восстановили старые дренажные системы на площади более 300 га. Такая же работа проводится и в ряде других районов республики. По сообщению Выруского территориального управления, использование планов и карт дает экономию средств 1200—1300 руб. на каждый гектар.

Придавая большое значение использованию документальных материалов в народнохозяйственных целях, архивы выделили сотрудников, ответственных за работу по выявлению.

В заключение докладчик остановился на недостатках в работе архивного отдела и госархивов по использованию документальных материалов. Госархивы еще слабо связаны с заинтересованными учреждениями, например, с Институтом экономики АН ЭССР, Сельскохозяйственной академией ЭССР, Министерством сельского хозяйства ЭССР и др. Пока еще слабо проводится информация о материалах архивов. Отрицательно сказывается на работе по использованию документальных материалов недостаточное знание сотрудниками фондов архивов, особенно это относится к Центральному государственному архиву Октябрьской революции. Перед научными работниками-архивистами стоит задача — преодолеть недостатки в своей работе и поставить документальные материалы на службу советскому народу.

О работе государственных архивов Латвии выступил с докладом *А. Я. Кадикис.* Он отметил, что в архивах Латвии хранится огромное количество документальных материалов, охватывающих период с XIII в. до настоящего времени и представляющих огромную политическую, научную и практическую ценность.

В результате хозяйничания немецко-фашистских захватчиков на территории Латвии в годы Великой Отечественной войны архивам был нанесен большой урон; свыше 7 млн. ед. хр. находились в совершенно неупорядоченном состоянии. Особенно тяжелым было положение в республиканском Центральном госархиве, который имел свыше 5,5 млн. ед. хр., не приведенных в порядок.

Неудовлетворительное состояние госархивов Латвийской ССР объяснялось рядом причин, в том числе:

а) ненаучным подходом к организации и хранению документальных материалов в буржуазной Латвии, поэтому после восстановления Советской власти в 1940 г. документы в ЦГА поступили в необработанном виде;

б) хозяйничанием в архивах немецко-фашистских захватчиков в период временной оккупации территории Латвии.

Главное архивное управление вместо того, чтобы ориентировать архивистов Прибалтики, и в частности Латвии, на приведение в порядок документальных материалов, обязывало архивные органы заниматься составлением путеводителя по необработаным фондам, а также проводить другие виды работы, хотя тогда не было для этого необходимых условий.

Благодаря большой работе, проделанной научными сотрудниками Архивного отдела и госархивов, к декабрю 1953 г. материалы в основном были приведены в порядок. Большую помощь архивистам Латвии в этом деле оказали ЦК КП Латвии и Совет Министров Латвийской ССР. На приведение в порядок документальных материалов были выделены дополнительные средства и люди.

За три года (1951—1953 гг.) в ЦГА было обработано свыше 4 млн. ед. хр. и около 9 тыс. кг россыпи. Кроме того, районные и городские архивы обработали около 700 тыс. ед. хр., завершив, таким образом, приведение в порядок своих документальных материалов.

Совершенно ясно, что такое огромное количество документальных материалов могло быть упорядочено благодаря применению сокращенного метода обработки, что позволило в сравнительно короткий срок в известной степени упорядочить документальные материалы, учесть их и сделать доступными для использования. Разумеется, что такая быстрая обработка материалов отразилась на качестве. Поэтому с 1954 г. ЦГА приступил к усовершенствованию научно-технической обработки своих материалов. За истекшие два года усовершенствованию было подвергнуто более

1500 фондов, насчитывающих свыше 1300 тыс. ед. хр.

Выбор фондов определялся характером и состоянием описей и документальных материалов, их значением и степенью возможности их использования.

О характере проделанной работы говорят следующие примеры. Фонд «Прибалтийский комитет обеспечения латышских беженцев» имел сдаточную опись на 85 ед. хр., причем на одну ед. хр. в описи значилось до 10 и более связок. В результате полной переработки этих материалов составлена инвентарная опись почти на 2 тыс. ед. хр. и, кроме того, большая часть материалов выделена как не подлежащая дальнейшему хранению.

В архивах Латвии имеются документы на 16 языках, что создает дополнительные трудности, особенно, если учесть недостаток кадров со знанием иностранных языков. Главному архивному управлению и Московскому государственному историко-архивному институту следует продумать этот вопрос с тем, чтобы подготовку и распределение историков-архивистов производить с учетом специфики государственных архивов.

В Центральном госархиве Латвийской ССР возникла еще одна трудность при упорядочении документальных материалов. Дело в том, что в архиве хранится большое количество фондов мировых судей, съездов мировых судей и т. п., которые были описаны алфавитами и реестрами. Фонды эти содержат до 80% материалов, не подлежащих хранению, а большое количество алфавитов и реестров на один фонд затрудняет пользование материалами. Поэтому архивисты Латвии пошли по такому пути: провели экспертизу ценности документальных материалов, суммарно описали их, шифруя, однако, каждую единицу хранения в отдельности. Составленные суммарные описи на 112,5 тыс. ед. хр. позволяют пользоваться материалами архива. Разумеется, этим не может ограничиться упорядочение документальных материалов, и архивисты Латвии будут заниматься усовершенствованием научно-технической обработки фондов.

Значительное место в работе госархивов Латвийской ССР занимает проверка наличия документальных материалов, к которой они приступили в 1954 г. Эта проверка позволила обнаружить ценнейшие исторические источники, охватывающие период XIV—XX вв. Обнаружены, например, материалы Курляндского провинциального музея, Общества истории и древности прибалтийских губерний, Института истории буржуазной Латвии, Архива Лифляндского дворянства, материалы крестьянских комиссий, начиная с 1804 г., Архив ландмаршала Мейендорфа, документы Общества латышской литературы и др. Среди этих материалов имеются собственноручные письма Гарлиба Меркеля, письма профессора и ректора Юрьевского университета Паррота Александру I о крестьянской реформе и т. д.

В процессе научно-технической обработки, ее усовершенствования и проверки наличия уточнялись учетные данные и пересоставлялись учетные документы. Учет фондов ЦГА завершен в 1955 г.

Созданы необходимые условия и для хранения документальных материалов не только в ЦГА, но и в городских и районных архивах, хотя вопрос о строительстве архивохранилищ не снимается.

В настоящее время стоит также вопрос о создании в республиках Центрального государственного исторического архива на базе документальных материалов ЦГА, городских и районных архивов. Исторический архив должен был бы включить документальные материалы с XIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Создание такого архива диктуется не только особенностями материалов за этот период, но также их огромным объемом и распыленностью по многим архивам, что затрудняет их использование. Несмотря на то, что получено принципиальное согласие на создание такого архива, дело не двигается с места, так как Архивный отдел не может добиться включения строительства здания для архива в государственный план Латвийской ССР.

Требует своего разрешения и вопрос о районных архивах: нужно определенно решить, в чьем ведении они должны находиться.

Следует обсудить на совместном совещании историков и историков-архивистов вопросы периодизации истории народов Прибалтики, чтобы правильно организовать документальные материалы в архивах, поставив их на службу советского народа.

Работники архивных органов и государственных архивов, сказал в своем докладе *Н. В. Матковский*, призваны добиться серьезного улучшения работы по обеспечению сохранности и активного использования документальных материалов в интересах строительства коммунизма в нашей стране, ибо наша работа является одним из важных участков идеологической работы Коммунистической партии.

Главное архивное управление в последнее время провело некоторые мероприятия, направленные на обеспечение более благоприятных условий для использования документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях: пересмотрены некоторые устаревшие инструкции, регламентирующие работу госархивов; улучшена работа читальных залов и организация научной информации; пересмотрены перспективные планы издания документальных сборников; начата работа (после длительного перерыва) по подготовке справочников и путеводителей по госархивам и т. д. Конечно, Главному архивному управлению и архивным органам на местах предстоит еще много сделать,

чтобы превратить наши архивы в подлинно научные учреждения, отвечающие тем задачам, которые ставятся перед ними практикой коммунистического строительства в СССР.

Одной из основных задач архивных органов является обеспечение сохранности документальных материалов. Советы Министров ряда союзных республик (Узбекской, Грузинской, Украинской) приняли постановления о мерах по улучшению архивного дела. Начато строительство архивохранилищ в Москве, Сталинграде, Ашхабаде, Великих Луках, Калинине. Завершаются работы по реконструкции зданий кино-фото-фоноархива Белорусской ССР и госархива Владимирской области. Начаты подготовительные работы к строительству новых зданий для госархивов Армянской, Грузинской, Казахской, Карело-Финской, Молдавской, Украинской и Узбекской ССР, Краснодарского, Ставропольского, Хабаровского краев, Московской, Ленинградской, Новосибирской и других областей.

Этот опыт работы следовало бы перенять и архивистам Прибалтики. Нужно больше проявлять инициативы и настойчивости в решении вопросов совершенствования имеющихся архивохранилищ и строительства новых. Так, например, Центральному государственному архиву Латвийской ССР предоставлено неплохое помещение, но к надлежащему оборудованию его до сих пор еще не приступили. Нуждаются в срочном капитальном ремонте два здания Центрального государственного архива и одно здание его филиала в Литовской ССР. Лучше обстоит дело в Эстонской ССР, но и здесь имеются недостатки. До сих пор нет изолированного помещения для хранения кино-фото-фонодокументов, которые сконцентрированы в настоящее время в башне одного из зданий ЦГАОР ЭССР.

Следует признать, что и Главное архивное управление в этом вопросе мало еще помогает республикам Прибалтики.

Необходимо уделить больше внимания вопросам организации работы архивов по обеспечению сохранности документальных материалов. Нужно в более широких масштабах проводить картонирование наиболее ценных фондов. Отрадно отметить, что ЦГАОР ЭССР уже приступил к этой работе.

Одним из путей обеспечения более длительной сохранности документальных материалов является микрофотокопирование — это в значительной мере предотвращает изнашивание документов. Такая работа уже начала проводиться, но качество микрофотокопирования низкое,— мы пока еще сильно отстаем в этой области.

Далее Н. В. Матковский остановился на вопросах использования документальных материалов и в особенности на публикации исторических источников. Отметив серьезное отставание архивных органов Прибалтийских республик, докладчик привел некоторые данные о публикаторской работе: за период 1940—1955 гг. было издано только три сборника документов: «Лифляндская земельная ревизия 1638 г.» (Тарту, 1941), «Документы штаба М. И. Кутузова 1805—1806 гг.» (Вильнюс, 1951) и «Кренгольмская стачка 1872 г.» (Таллин, 1952). В настоящее время подготовлены и сданы в производство еще три сборника, посвященные революции 1905—1907 гг.: «Революция 1905—1907 гг. в Эстонии», «Революционное движение 1905—1907 гг. в Литве», «Революция 1905—1907 гг. в Латвии». Очень медленно готовятся сборники «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Латвии» и «Восстановление Советской власти в Литве в 1940 г.», хотя они очень нужны для разоблачения предательской, антинародной политики буржуазных правительств Прибалтики.

Архивные отделы Прибалтики мало уделяют внимания вопросам методики подготовки сборников документов; в процессе подготовки сборники не обсуждаются, научные советы редко собираются. Архивные органы и госархивы слабо связаны с научно-исследовательскими учреждениями своих республик. Несколько оживилась эта связь с институтами истории партии при Центральных Комитетах Компартий республик и институтами истории академий наук в связи с подготовкой сборников по истории революции 1905—1907 гг. Эти связи в дальнейшем нужно всемерно расширять и укреплять.

Перед архивными органами прибалтийских республик стоят большие задачи в области публикации документов по истории развития культурных и экономических связей прибалтийских народов с русским народом. Это тем более важно, что буржуазные историки грубо фальсифицируют историческую правду. В архивах Прибалтики хранятся богатейшие документальные материалы, характеризующие экономическое закабаление Литвы, Эстонии и Латвии иностранными капиталистами, документы о революционной борьбе народов Прибалтики под руководством коммунистов. До сих пор не изданы «Сборник подпольных листовок Коммунистической партии и Комсомола Латвии (1918—1940 гг.)» и сборник документов «Борьба трудящихся за восстановление Советской власти в Эстонии (1920—1940 гг.)».

Советский народ ждет от нас публикаций документов по истории социалистического строительства в республиках Прибалтики, об особенностях социалистических преобразований после восстановления Советской власти в 1940 г. Кстати, этот вопрос до сих пор не разработан и нашими историками.

Архивисты Прибалтики не используют имеющиеся у них возможности для публикации источников, открывшиеся в свя-

зи с изданием журнала «Исторический архив».

Докладчик приводит интересные материалы, которые хранятся в наших архивах (в том числе и в Москве) о помощи русского рабочего класса трудящимся Прибалтики в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. В качестве примера Н. В. Матковский приводит документ 1918 г. следующего содержания:

«Мы, стрелки 1 Латышского стрелкового полка, искренне благодарим московских рабочих и рабочих всей РСФСР за присланные нам подарки: всего 899 пакетиков. Мы знаем, что рабочие гор. Москвы терпят страшный голод и нужду, но, несмотря на все трудности теперешней гражданской войны, вы, рабочие Москвы, поделились с нами последней осьмушкой махорки, последней рубашкой. Ваш подарок от чистого сердца даст нам новую силу и несокрушимость выйти победителями над всемирными белогвардейскими бандами, окружающими Советскую Россию» [1].

Не получило своего отражения в документальных публикациях восстание в Таллине 1 декабря 1924 г., хотя оно представляет большой интерес. Одним словом, для историков-архивистов Прибалтики работы в области публикации исторических источников — непочатый край.

Необходимо шире развернуть и значительно улучшить работу госархивов по использованию документальных материалов и в народнохозяйственных целях. Правда, за последнее время проведены некоторые мероприятия по улучшению организации использования документальных материалов, но вместе с тем много еще имеется недостатков, которые нужно решительно преодолевать. Архивисты мало инициативны в вопросах выявления и организации использования документальных материалов; архивы слабо связаны с научно-исследовательскими планирующими и хозяйственными организациями; архивные органы не ведут полного учета эффективности использования архивных материалов.

Все эти и ряд других вопросов стоят перед архивистами и требуют своего скорейшего разрешения.

В обсуждении докладов приняли участие научные сотрудники государственных архивов, институтов академий наук, институтов истории партии и других учреждений — всего 19 чел.

Сотрудник Института истории АН ЭССР т. *Кахк* в своем выступлении затронул вопрос о необходимости более тесного творческого сотрудничества между государственными архивами и научно-исследовательскими учреждениями Академии наук. Архивный отдел и госархив Эстонии должны больше уделять внимание публикации источников по истории социалистического строительства. Необходимо также наладить дело с микрофотокопированием, так как это значительно облегчило бы использование документальных материалов госархивов. Вместе с тем микрофотокопирование документов позволило бы сэкономить громадные государственные средства.

Так, например, получение копий документов путем микрофильмирования в 16—17 раз экономит время исследователя и обходится в 12 раз дешевле, чем при существующем ныне способе копирования. Поэтому Главное архивное управление и Академия наук СССР должны принять энергичные меры по внедрению микрофотокопирования в работу государственных архивов и научно-исследовательских учреждений.

Выступивший затем начальник Архивного отдела Литовской ССР *Д. Т. Субботин* коротко рассказал о работе госархивов Литвы в области использования документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях. За последние два года число исследователей, пользующихся читальным залом Центрального госархива, возросло более чем вдвое. В целях улучшения условий для исследователей работа читального зала значительно продлена. Госархивы Литовской ССР выявляют документальные материалы для заинтересованных учреждений — для управления Клайпедского порта, управлений шоссейных дорог и лесного хозяйства (планы гидротехнических и мелиоративных работ и т. п.). Некоторое улучшение работы в области использования материалов не может скрыть имеющихся недостатков: бывают случаи недостаточной оперативности и слабой информации о выявленных материалах, недооценка некоторыми хозяйственными организациями архивных материалов и т. д.

Начата работа по подготовке трех документальных сборников, в том числе сборника «Революция 1905—1907 гг. в Литве», который скоро будет сдан в производство. В вопросе публикации источников, так же как и в вопросах методики работы, госархивам Прибалтики нужна более действенная помощь, чем она оказывалась до сих пор Главным архивным управлением.

Зав. партархивом Института истории партии при ЦК КП Литвы *А. И. Иошитис* сказал, что до сих пор не все сохранившиеся материалы о Коммунистической партии Литвы сосредоточены в партийном архиве, поэтому для их концентрации требуется серьезная помощь госархивов. Необходимо также обратить внимание на улучшение состояния ведомственных архивов, где сосредоточены в основном документы по истории советского периода, так как от них во многом зависит успех разработки истории советского общества.

Заместитель начальника Архивного отдела Латвийской ССР *А. К. Киршбаум* дополнила доклад А. Я. Кадикиса в части

---

[1] ЦГАКА, ф. 2526, оп. 1, д. 166, л. 111.

использования документальных материалов ЦГА в научных и народнохозяйственных целях. Архивные материалы использовались при перестройке Рижской электростанции, Рижского порта и др., в результате чего было сэкономлено 9 млн. руб. В связи с коллективизацией сельского хозяйства в республике были использованы проекты мелиоративных работ, планы земельных участков и др.; были выявлены также материалы о способах обработки торфа, о технических изысканиях рек, о выращивании кукурузы и т. п.

ЦГА участвовал в организации выставок, опубликовал ряд статей о документах архива, подготовил сборник документов о революции 1905—1907 гг. в Латвии[1].

А. К. Кирпбаум высказала ряд претензий к Главному архивному управлению: следует чаще собирать архивистов Прибалтики для обмена опытом, необходимо организовать семинар для работников ведомственных архивов, а также курсы публикаторов, привлекая для преподавательской работы высококвалифицированных специалистов.

Представитель Института истории АН СССР *Л. Н. Пушкарев* рассказал о плане публикаторской работы Института на 1956—1960 гг. По истории СССР периода феодализма будет издано около 700 п. л. (летописи, письма и бумаги Петра I и др.), по истории капитализма более 800 п. л. (крестьянское движение в XIX в., революция 1905—1907 гг. и др.). В текущем пятилетии будет начато издание документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и другим проблемам истории советского общества. Вся эта огромная публикаторская работа будет проводиться совместно с Главным архивным управлением и госархивами СССР. Чтобы справиться с этим, необходимо систематически повышать научную квалификацию историков-архивистов. Следует практиковать краткосрочные курсы публикаторов, привлекая для этой работы Московский историко-архивный институт и Сектор публикации источников Института истории АН СССР.

Член-корреспондент АН СССР *Я. Я. Зутис* рассказал о большой помощи, которую ему оказали историки-архивисты в работе над документальными материалами. «Без помощи архивов, без содействия архивных работников,— заявил оратор,— я не написал бы и десятой части того, что успел написать». Вместе с тем Я. Я. Зутис высказал пожелание организовать в архивах для исследователей переписку документов (создать для этого машбюро или выделить машинисток), так как в ближайшее время вряд ли удастся повсеместно наладить микрофотокопирование. Архивные органы должны обратить внимание на изучение иностранных языков сотрудниками архивов — это особенно важно для Прибалтики, в архивах которой много материалов на иностранных языках.

Зам. редактора журнала «Исторический архив» *Н. А. Ивницкий* обратился к историкам и историкам-архивистам Прибалтики с призывом принять активное участие в работе журнала. До сих пор редакция не получила ни одной публикации от госархивов Прибалтийских республик — даже по истории революционного движения в 1905—1907 гг. в Прибалтике журнал должен был опубликовать материалы архивов Москвы. Очень слабо пока еще участвуют архивисты в разработке теоретических проблем советского архивоведения, не поднимаются вопросы специфики организации и комплектования архивов республик Прибалтики.

Редакция надеется, сказал Н. А. Ивницкий, что историки и историки-архивисты Прибалтики развернут активную публикаторскую работу и подготовят для «Исторического архива» материалы по истории революционного движения, о деятельности подпольных партийных и комсомольских организаций в буржуазный период, по истории восстановления Советской власти в Прибалтике, о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны, о социалистических преобразованиях в республиках Прибалтики, о связях прибалтийских народов с русским народом и многим другим вопросам.

Доцент Тартуского университета т. *Кенкмаа* в своем выступлении затронул вопрос о возвращении документальных материалов, вывезенных во время Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками.

Начальник публикаторского отдела ЦГА Латвийской ССР *Г. А. Енш* считает, что нужно разрешить вопрос о передаче Эстонией материалов, относящихся к истории Латвии. Необходимо также передать подобные документы из Горьковского облгосархива. Далее Г. А. Енш высказал критические замечания в адрес журнала «Исторический архив», который, по мнению оратора, много уделяет внимания публикации документов, но мало теории и практике архивного дела.

Зам. директора Института истории партии при ЦК КП Эстонии *А. К. Пясс* говорил об усилении связи госархивов Прибалтики с центральными госархивами Москвы и Ленинграда и с партийными архивами. Следует наладить более тесное сотрудничество всех научных учреждений в издании документов, особенно по истории Октябрьской революции, истории революционного движения в буржуазной Эстонии и социалистического строительства в Советской Эстонии.

В выступлении начальника архивного отдела Ленинградской области *П. В. Виноградова* была подвергнута критике работа Главного архивного управления в части использования документальных материа-

[1] В настоящее время сборник вышел в свет.

лов. Он указал, что многие фонды были необоснованно засекречены, что, несомненно, лишало возможности широко использовать документальные материалы в научных и народнохозяйственных целях. Слабо популяризировалась работа архивов, мало уделялось внимания строительству архивохранилищ. В последнее время ГАУ приняло ряд мер по улучшению работы архивных органов и госархивов, и это начинание следует приветствовать.

Представитель Архивного управления РСФСР *И. Д. Анашкин* в своем выступлении поднял серьезный вопрос — о необходимости творческого применения инструкций. Это особенно важно для работы Архивного управления РСФСР, имеющего громадную периферию со спецификой различных районов. Никакая инструкция не может предусмотреть всего многообразия особенностей документальных материалов того или другого архива, поэтому архивисты должны творчески применять инструкции по методике архивного дела.

Надо оживить деятельность научных советов, которые призваны помогать в разрешении не только теоретических, но и практических вопросов работы советских архивов.

Об опыте работы Центрального государственного исторического архива ЭССР по использованию документальных материалов рассказал на совещании начальник ЦГИА ЭССР *И. И. Вейзенен*. Вместе с тем оратор отметил и ряд недостатков в использовании материалов, что во многом объясняется отсутствием научно-публикаторского отдела в архиве и незавершенностью учета документальных материалов. Плохо помогает ГАУ в организации реставрации документов: в архиве отсутствует оборудование и материалы для реставрации. Главному архивному управлению следует подумать о централизованном снабжении архивов этими материалами. Следует также, чтобы работники ГАУ оказывали больше практической помощи во время обследований и командировок.

Представитель Архивного управления БССР *В. С. Давыдова* и начальник архивного отдела Псковской области *Б. К. Кожевников* рассказали собравшимся о работе по обеспечению сохранности и использованию документальных материалов государственных архивов. В. С. Давыдова поделилась опытом усовершенствования научно-справочного аппарата в госархивах республики и поставила перед ГАУ и журналом «Исторический архив» ряд вопросов по распространению положительного опыта среди всех архивов СССР.

Б. К. Кожевников в своем выступлении поддержал предложения предыдущих ораторов о внедрении передовой техники микрофотокопирования документов, ибо от этого зависит и размах использования материалов не только в научных, но и народнохозяйственных целях. Узким местом работы архивов в области публикации исторических источников является издательская база: два года тому назад был подготовлен сборник документов о крестьянском движении в XIX в., который получил положительную оценку рецензентов, но издать его до сих пор не удалось ни на месте, ни в центре. Вопрос издательской базы заслуживает скорейшего разрешения.

Зам. начальника ЦГА Латвийской ССР *Р. А. Добрина* подняла перед Главным архивным управленим вопрос об оказании более оперативной помощи архивным сотрудникам на местах. Р. А. Добрина высказала также пожелание, чтобы при подготовке и распределении молодых специалистов в Московском государственном историко-архивном институте учитывалась специфика Прибалтики и других районов нашей страны (знание языков, истории Прибалтики и т. п.).

Наряду с приведением в порядок документальных материалов, ЦГА в последнее время занимался и вопросами их использования. Так, при постановке фильмов «К новому берегу», «Весенние заморозки» и др. были использованы материалы архива. В дальнейшем работа по использованию документальных материалов будет значительно расширена.

Научный сотрудник Главного архивного управления *Л. С. Беляева* в своем выступлении уделила большое внимание вопросам учета и комплектования госархивов. К сожалению, архивисты Прибалтики не высказали своего отношения к разработанному ГАУ проекту правил комплектования. Правильно поднимался выступающими вопрос о разграничении фондов между архивами Прибалтики и учете материалов по истории Прибалтики в госархивах центральных областей СССР. Этим вопросом ГАУ еще не занималось, но его нужно решать продуманно и осторожно, чтобы не нанести ущерба сложившимся комплексам документальных материалов.

Интересным было выступление начальника ЦГАОР ЭССР *В. А. Новикова*, который предложил, ввиду отсутствия путеводителей по архивам, предоставлять исследователям перечень фондов с краткой аннотацией. Важным вопросом нашей работы, сказал В. А. Новиков, является комплектование архивов, однако существующий ныне типовой перечень не способствует правильному комплектованию документальных материалов советского периода. Согласно перечню, в ведомственных архивах на хранении остаются планы, отчеты, обобщающие сводки и тому подобные сухие материалы, что же касается переписки, докладных записок и других документов, в которых отражается непосредственная жизнь учреждения, предприятия и организации, деятельность живых людей,— то они подлежат выделению в макулатуру. Этот порядок необходимо

пересмотреть и как можно скорее. Следует также обратить внимание на положение районных архивов, создав им нормальные условия для работы, ибо от их работы зависит правильное комплектование государственных архивов.

В заключительном слове начальник Главного архивного управления Н. В. Матковский подчеркнул большое значение кустового совещания архивистов Прибалтики. Такие совещания ГАУ будет проводить и впредь (в Средней Азии и др.). Несмотря на имевшие место организационные неполадки, совещание сыграет положительную роль в улучшении работы не только архивных органов и государственных архивов Прибалтики, но и Главного архивного управления. Мероприятия, которые ГАУ начало проводить, являются началом большой работы по коренному улучшению работы госархивов.

Критические замечания, высказанные в адрес Главного архивного управления, будут, несомненно, учтены. Вместе с тем историки-архивисты Прибалтики должны и сами проявлять больше инициативы и настойчивости в своей работе, нужно повышать свою деловую квалификацию, больше заниматься научной работой, чтобы оказывать своевременную помощь хозяйственным организациям и исследователям.

* * *

Совещание историков-архивистов республик Прибалтики будет способствовать коренному улучшению работы государственных архивов Прибалтики. Совещание показало также, что вопросы использования документальных материалов должны быть поставлены в центре внимания архивных органов и государственных архивов СССР. Наряду с достижениями в организации государственного архивного фонда СССР в работе государственных архивов имеются и серьезные недостатки, особенно в вопросах методики архивного дела. Главное архивное управление и Московский государственный историко-архивный институт должны серьезно заняться разработкой проблем советского архивоведения и археографии.

Большую помощь в этом деле должны оказать Институт истории АН СССР и институты истории академий наук союзных республик. Настало время во всю ширь развернуть использование документальных материалов архивов как в интересах развития советской науки, так и в интересах дальнейшего могучего подъема социалистического народного хозяйства, в интересах строительства коммунизма.

Н. А.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. Б-8-81-42

Т-05060 Подписано к печати 31. V. 1956 г. Тираж 4900 Зак. 251.
Печ. л. 21,92 Бум. л. 8 Уч.-изд. л. 23,7 Формат бум. $70\times108^{1}/_{16}$

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10